

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

ЕПИФАНОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ В
УСЛОВИЯХ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА**

Специальность 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика

диссертация на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Научный консультант:
доктор экономических наук, доцент
Полозков Михаил Геннадьевич

Москва 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1 ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИМОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗМЕЩЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ.....	36
1.1 Лимологические аспекты формирования экономического пространства.	36
1.2 Определение и содержание понятия «приграничный регион»: типы границ и типы приграничных регионов	61
1.3 Типология приграничных регионов на основе принципа комлимитизма	76
Выводы по главе 1.....	91
ГЛАВА 2 ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА ПРИГРАНИЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНА В ОЦЕНКЕ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ.....	94
2.1 Методические подходы к оценке факторов экономического развития приграничных регионов	94
2.2 Ранжирование регионов Российской Федерации на основе их приграничного положения	103
2.3 Обоснование применения индекса интегрального положения приграничных регионов в эконометрических оценках факторов регионального экономического развития на основе анализа панельных данных	113
Выводы по главе 2.....	136
ГЛАВА 3 ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ФРАГМЕНТАЦИИ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА.....	138
3.1. Разрыв в социально-экономическом развитии между внутренними и приграничными регионами	138
3.2. Оценка межрегиональной дифференциации регионов России: сравнение приграничных и внутренних регионов	150

3.3. Возможности диверсификации отраслевой структуры торговых потоков приграничных регионов России на основе оценки выявленных сравнительных преимуществ	163
Выводы по главе 3.....	182
ГЛАВА 4 ВЛИЯНИЕ КОМПЛЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РЕГИОНАМИ СОПРЕДЕЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОТДЕЛЬНЫХ РОССИЙСКИХ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ	
.....	184
4.1 Экономическое развитие приграничных регионов в зоне российско-украинского приграничья.....	184
4.2 Российские приграничные регионы в пространстве евразийской интеграции	201
4.3 Особенности межрегионального взаимодействия приграничных регионов России и Китая.....	221
4.4 Институциональная модель экономического пространства в регионах российско-монгольского приграничья.....	237
Выводы по главе 4.....	246
ГЛАВА 5 РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ	249
5.1 Международный опыт реализации региональной политики в отношении приграничных регионов	249
5.2 Оценка места приграничных регионов в региональной политике Российской Федерации	270
5.3 Необходимость трансформации роли приграничных регионов в региональной политике современной России	287
Выводы по главе 5.....	299
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	301
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	321
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	371

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется изменением и возрастанием роли приграничных регионов в экономическом развитии, их значимостью в формировании масштабных проблем регионального развития в России, нарастанием процессов межрегиональной дифференциации, значительным ослаблением связности между европейской и азиатской частями Российской Федерации, а также изменением геоэкономического пространства вокруг страны, наблюдающимся в связи с военно-политическим кризисом. Приграничные регионы представляют собой особые экономические системы, в которых государственная граница выступает одновременно фактором ограничений и ресурсом развития. Приграничные регионы концентрируют межрегиональные диспропорции, формируют уникальные трансграничные экономические пространства и влияют на сбалансированность экономического развития и стратегическую безопасность государства. Изучение особенностей их экономического развития позволяет выявить факторы межрегионального неравенства, характер взаимодействия с соседними регионами и обосновать инструменты дифференцированной государственной политики.

Тенденции и текущее состояние экономических, социальных и технологических характеристик регионального развития в приграничных регионах не соответствует критериям, заданным Стратегией пространственного развития Российской Федерации, опережающего развития социально-экономического развития и прироста постоянного населения. На практике наблюдается противоречивая ситуация: по уровню социально-экономического развития российские приграничные регионы не сильно отстают от внутренних регионов, но при этом их экономики характеризуются специализацией на товарах с низкой степенью переработки, технологической отсталостью продукции, производимой на экспорт, а также низким уровнем инновационного потенциала.

Другое противоречие заключается в том, что основные документы стратегического планирования в Российской Федерации, прямо или косвенно затрагивающие пространственное развитие России, декларируют в качестве цели устойчивое и сбалансированное пространственное развитие Российской Федерации. Однако, приграничные регионы по площади занимают 80% территории страны, но на этой территории проживает лишь 52% населения страны и производится лишь 42% суммарного валового регионального продукта (ВРП).

Специфика регионального развития под влиянием государственной границы, в частности, пропорции и структура региональной экономики, уровень технологического развития, состояние инфраструктуры, вовлеченность региона в международные экономические взаимодействия страны, возможности для улучшения условий труда и качества жизни населения, позволяет рассматривать влияние государственной границы на экономическое развитие региона как значимый фактор экономических преобразований в регионе и долгосрочного экономического роста. При этом за весь период существования постсоветской России из-за доминирования неолиберального подхода в реализации региональной политики федерального центра сформировалось огромное межрегиональное неравенство, снижение которого декларировалось как один из приоритетов региональной политики федерального центра. Однако на практике решение этой проблемы подменила свойственная неолиберальному подходу механистическая задача выравнивания уровня бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации. Такой подход еще больше углубил межрегиональное неравенство и привел к структурно-технологическому отставанию экономик приграничных регионов.

Расцвет глобализации в конце XX-начале XXI веков способствовал существенному снижению значимости государственных границ для человечества в целом, достигнув своего апогея в идее «мира без границ», сформулированной в работе японского ученого-стрategа Кеничи Омае

[Ohmae K., 1990], который считал, что постепенно с неизбежным углублением глобализационных процессов национальные экономики перестанут быть акторами мировой экономики, а человечество постепенно перейдет на новую ступень своего развития, в которой будет единая глобальная мировая экономическая система, внутри которой не будет границ. На этом этапе «исчезновения» государственных границ приграничные регионы должны были стать особыми территориальными образованиями, которые характеризуются наиболее интенсивными социально-экономическими связями и сосредотачивают торговые и миграционные потоки, центры обмена новыми технологиями. В результате для приграничных регионов возникли угрозы их экономическому развитию, связанные с усилением проницаемости государственных границ, включением в единое геоэкономическое пространство и внедрением единых стандартов на все процессы регулирования.

Однако, в 2020 году глобализационные процессы приостановились из-за пандемии новой коронавирусной инфекции, а в результате военно-политического кризиса глобализация и вовсе прекратилась, приведя к значительной фрагментации мирового геоэкономического пространства. В результате приграничные регионы столкнулись с новыми вызовами, связанными с разрушением уже сформированных институтов приграничного сотрудничества (например, на границе России и Финляндии), превращением ряда приграничных регионов в прифронтовую зону, подвергающуюся постоянным обстрелам (на границе с Украиной), всплесками миграционных и торговых потоков (на границе с Казахстаном и Китаем). Таким образом, независимо от тенденций, происходящих в мировом пространстве и внутри национальной экономики, приграничные регионы первыми сталкиваются с угрозами экономического развития, становясь своеобразным буфером для макроэкономики в целом: индикаторы экономического развития их региональных экономик первыми демонстрируют влияние этих негативных факторов.

В современной региональной экономике приграничные регионы рассматриваются как периферийные территории, однако, испытывающие на себе существенное влияние государственной границы, и являющиеся частью (чаще всего центром) отдельного экономического пространства, которое объединяет приграничные регионы двух соседних государств. Поэтому влияние государственной границы является не только фактором формирования рисков и угроз для экономического развития этих регионов, но также и своего рода потенциалом для их более глубокого и интенсивного развития. То, что большинство российских приграничных регионов являются недостаточно развитыми, свидетельствует о неиспользовании этого потенциала.

Российская Федерация – это не только самая большая по территории страна мира, но также и страна-лидер по протяженности государственной границы, по количеству субъектов федерации, по количеству приграничных регионов и количеству соседей-государств, с которыми она имеет общую государственную границу, а также по степени выраженности различий в уровне и условиях социально-экономического развития. Указанные особенности и затрудняют поиск факторов, механизмов, закономерностей, возможностей и основных направлений экономического развития приграничных регионов в таком дифференциированном геоэкономическом пространстве, как вокруг России, так и внутри самой России, а также в условиях серьёзных диспаритетов пространственного развития.

Степень изученности проблемы. Исследования такой территориальной сущности как «приграничный регион» тесно связаны с междисциплинарными исследованиями понятия «граница» и ее влиянием на примыкающую к ней территорию. Впервые такие исследования появились во второй половине XIX века в странах Западной Европы в период государственного и национального строительства. К числу таких исследователей следует отнести С.У. Боггса, Х. Донана, Г. Зиммеля, Л. Кристофа, Х. Маккинdera, О. Моля, К. Омэй, Ф. Ратцеля, Дж. Прескотта,

Э. Семпл, Н.Дж. Спикмэна, Дж.Ф. Тернера, Р. Хартсхорна, К. Хаусхофера, Р. Челлена и др. В работах указанных авторов значительное внимание уделяется выявлению различных функций государственной границы и влиянию этих функций на политическое и социально-экономическое развитие прилегающих к границе территорий, а также значимости этих территорий в международных отношениях.

Теории размещения экономической активности, ставшие методологической основой современной региональной экономики как раздела экономической науки, изучали закономерности размещения производительных сил в обществе, определяя факторы размещения производств в центре экономического пространства и на его периферии. Так как иногда границы периферии совпадают с государственной границей страны, то эти теории также затрагивали (иногда в явном виде, иногда в неявном) вопросы размещения производительных сил в приграничных территориях. К числу авторов таких теорий относятся У. Айзард, Дж. Бортс, И. Валлерстайн, А. Вебер, В.Ф. Лаунхардт, Х.О. Норс, В. Кристаллер, В. Лёш, Н.Н. Баранский, Т. Паландер, А. Предель, И.Г. фон Тюнен, Г. Хотеллинг и другие.

Непосредственно как объект исследования «приграничный регион» выходит на первый план в европейских исследованиях 70-90-х годов XX века, сформировав в США и Западной Европе целую отдельную научную дисциплину «Border studies» (или «приграничные исследования»). Предметом изучения в них стали различного рода трансформационные процессы границ, к числу которых причисляли не только административно-государственные, но и территориальные, политические, социальные, культурные и исторические границы. Отдельным направлением в этой области стало изучение возможных (не-) совпадений разного рода границ с административно-государственными границами стран и обоснование через это несовпадение процессов интеграции и трансграничного сотрудничества, а также исследование контрастности сопредельных регионов (природные условия, плотность населения,

этнические особенности). К числу авторов указанной концепции относятся Й. Блаттер, Э. Брюне-Джайли, О. Вальтер, Б.Г. Гарсия, П. Гербер, А. Дековилль, Г. Древон, Ф. Дюран, И.Д. Духачек, К. Норрис, Д. Каллиора, М. Класс, О. Кляйн, М. Ламонт, Дж. Минхи, В. Мольнар, П. Манетос, Д. Ньюман, Г. Петракос, М.Дж. Пизани, Дж.К. Рейес, С. Сон, Л. Топалоглу, Х. Ван Хаутум, Х. Херманн, Х. Экселинен, К. Энокс и другие.

Важную роль в формировании методологии исследования экономического развития приграничных регионов сыграла и относительно современная теория французской пространственной экономики, основными концептами которой стали теория близости и типологизация локализованных экономических систем. К числу самых ярких представителей этого направления относятся М. Белле, Ф. Бродель, Ж. Будвиль, П. Клаваль, Г. Коллетис, К. Курле, Б. Лекок, Ю. Лунг, Б. Пеккёр, Ф. Перру, А. Ралле, А. Торре и другие.

В этот же период появляются первые работы, изучающие закономерности и факторы экономического развития приграничных регионов. Самой яркой из них является статья Н.М. Хансена, которая называлась «Экономическое развитие приграничных регионов» и вышла в 1976 г. Второй такой работой стало исследование Дж. Скотта в формате его статьи «Трансграничное сотрудничество, региональные инициативы и конфликты за суверенитет в Западной Европе: случай долины Верхнего Рейна» (1978 г.). Именно эти две статьи послужили основой для формирования дискурса в отношении приграничных регионов и приграничного сотрудничества с позиций изучения опыта государственного регулирования экономического развития европейских приграничных регионов и применения этого опыта в других странах, например, в США. К числу наиболее видных авторов данного направления следует отнести таких авторов, как М. Андерсон, Э. Балибар, Ф. Бедельтже, А. Бьюкенен, Л. О'Дауд, П.-М. Дюпей, М. Мур, Дж. Корриган, Дж. Роджерс, Х. Ван Хаутум, Ч. Энгель и других.

В этой связи, исследовательский интерес представляют кейсы, в рамках которых апробированы методы и инструменты управления региональным развитием приграничных регионов на примере формирования единого экономического пространства по типу так называемых «еврорегионов» («Адриатика»: Албания, Босния и Герцеговина, Хорватия, Италия, Черногория, Словения, «Алентежу-Алгарве-Андалусия»: Испания, Португалия, 2010; 2006 г., «Баварский лес – Богемский лес/Шумава»: Германия, Австрия, Чехия, 1994 г., «Белазица»: Болгария, Греция, Македония, 2003; «Добра»: Чехия, Польша, 2001; «Западная Паннония»: Австрия, Венгрия, 1998; «Маас-Рейн»: Бельгия, Германия, Нидерланды, 1976; «Померания»: Дания, Германия, Польша, Швеция, 1995; «Силезия»: Чехия, Польша, 1998; «Татры»: Польша, Словакия, 1994, «ТриРена»: Германия, Франция, Швейцария, 1995, «СаарЛорЛюкс»: Люксембург, Бельгия, Франция, Германия, 1980; «Эльба-Лаба»: Чехия, Германия, 1992). К числу авторов, исследующих экономическое развитие приграничных регионов на основе еврорегионов, относятся М. Берци, М. Буфон, Г. Бём, А. Вайшар, Л.К. Врублевски, Т. Гонсалес-Гомес, Э. Гуалда, М. Гуз-Веттер, В. Губачикова, П. Дворжак, С. Долзлаш, А. Дура, Я. Заплеталова, Ф. Капеллано, Ф. Камонита, Р. Кисель, В.А. Колосов, Е.К. Корчелли-Олейничак, Р. Кошик-Белобжеска, И. Куровска-Пыш, М. Лейбенат, М. Мадры Цезары, К. Мирвальд, Ф. Мората, Л. Нордлунд, А. Ноферини, В. Опиола, А. Пааси, Е.К. Проккола, А. Рачик, А. Риццо, С. Свенссон, Т. Стрыякевич, Х. Хованец, Г.Я. Хосперс, С. Чок, Э. Эврард и другие многочисленные исследователи.

В Российской Федерации проблема экономического развития приграничных регионов особенно остро проявилась в связи с распадом СССР, но упоминания этой проблемы в научных исследованиях появились лишь к концу 90-х годов XX века. «Пионером» в исследовании экономического развития приграничных регионов в России стал академик А.Г. Гранберг, который первый в русскоязычной литературе сформулировал определение

приграничного региона и сформулировал универсальные специфические характеристики его развития.

В развитие различных подходов к исследованию приграничных взаимодействий, в рамках которых граница рассматривается не как статическая линия раздела, а как динамическое пространство взаимодействий, влияющее на экономические, социальные, культурные и политические процессы, особый вклад внесли такие российские ученые как П.Я. Бакланов, В.А. Колосов, А.И. Трейвиш, В.А. Шлямин и другие. При этом вклад таких ученых как В.А. Колосов носит междисциплинарный и системообразующий характер, охватывая различные предметные области, и заключается в формировании фундаментального понимания приграничья как социально-экономического феномена, а также о государственной границе как о факторе и ресурсе развития.

Затем появились и по сей день активно развиваются исследования, посвященные региональному развитию отдельных российских приграничных регионов. К числу авторов, работающих в этом направлении, относятся Ж.Т. Аденова, К.Т. Айтмырзаева, В.Б. Акулов, А.О. Аюшеева, Х.Б. Бадарчи, М.В. Бильчак, Л.Л. Божко, О.В. Борисова, Е.А. Винокурцева, Т.И. Герасименко, Е.Г. Гладких, С.Н. Грибова, А.И. Григорьева, Д.В. Дабиев, Н.П. Дамбаева, И.А. Забелина, В.В. Каргинова-Губинова, Е.А. Клевакина, Л.А. Котова, С.В. Кондратьева (С.В. Степанова), А.И. Костенников, В.В. Котилко, Н.Д. Кремлев, С.В. Куприянов, А.Е. Курило, М.В. Купникова, А.К.Ч. Кылгыдай, В.В. Лазарева, И.В. Митрофанова, Е.В. Михайлова, К.А. Морачевская, М.В. Морошкина, Э. Недельку, Е.Г. Немкович, К.Е. Никульченкова, Ю.В. Ордынская, О.П. Осадчая, Л.Г. Осмоловская, Е.А. Прокопьев, Е.Г. Прошкина, А.Г. Пылина, А.А. Раджабов, Д.В. Ремизов, Ю.В. Рожкова, Н.А. Рослякова, Ю.В. Савельев, В.К. Севек, Ш.Ч. Соян, Б.И. Тота, Н.В. Федюкова, Г.А. Хмелеву, В.А. Шлямин, Т.П. Шмуйло, В.Е. Шувалов и многие другие. Примечательно, что подавляющее большинство этих авторов аффилированы в своих публикациях с ведущими

научными и образовательными организациями приграничных регионов, которые и являются объектами их исследований.

Существенный вклад в исследование формирования и апробации различных механизмов и инструментов экономического развития приграничного сотрудничества внесли и китайские ученые. В их числе можно отметить Ань Шувэй, Му Айин, Цзэн Бин, Чен Юнлинь, Се Бингэн, Ян Сяньфан, Чжан Чао, Гонг Чжэнци, Дин Цзяньцзюнь, Лэн Чжимин, Ян Цзунцзинь, Чжан Сюэбо, Ян Чэнфэн, Сун Цзиньпин, Ю Фэнмин, Чжан Яншэн, Чжоу Духуэй, Гао Хун, Ван Шицзюнь, Тан Лян, Ху Юна, Мэй Линь, Вэй Цзяньго и др.

В российских исследованиях приграничные регионы рассматриваются чаще всего как территории с «особыми условиями хозяйствования» или проблемные территории, в отношении которых требуется применение особых инструментов содействия региональному развитию. В числе авторов, которые именно в таком контексте исследуют приграничные регионы, можно назвать С.С. Артоболевского, В.С. Антонюк, Х.Б. Бадарчи, Ю.Н. Баженова, П.Я. Бакланова, Л.Ю. Бережную, В.В. Боброва, Л.Б. Вардомского, С.С. Ганзея, С.Н. Грибову, А.П. Катровского, И.В. Ковалева, В.А. Колосова, В.С. Корнеевца, Е.Л. Корниенко, В.В. Котилко, А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой, Н.М. Межевича, К.А. Морачевская, Г.И. Немирову, Г.З. Озема, В.О. Ооржак, Ф.С. Пашенных, И.И. Пирожника, Г.В. Ридевского, О.М. Роя, О.В. Толстогузова, Р.Ф. Туровского, А.Н. Шавеля, А.В. Шадракова, А.Б. Швец, В.Е. Шувалова и многих других.

Исследованию межрегиональных неравенств и формированию совокупностей проблемных регионов, а также различным подходам к систематизации и группировкам регионов в целях реализации государственной политики регионального развития посвящены работы таких ученых, как С.А. Айвазян, Е.Г. Анимица, С.В. Баранов, А.В. Белоусова, В.Н. Бобков, А.С. Булатов, О.В. Буторина, А.Н. Буфетова, Е.М. Бухвальд, Н.Ю. Власова, В.В. Глинский, К.П. Глущенко, А.Г. Гранберг, И.В. Гришина,

М.Н. Дудин, Ю.С. Ершов, Н.В. Зубаревич, Н.М. Ибрагимов, А.Я. Кирута, В.И. Клистирин, Л.Б. Ковальчук, Е.А. Коломак, В.А. Крюков, Б.Л. Лавровский, В.Н. Лексин, Л.Э. Лимонов, Г.П. Литвинцева, М.Ю. Малкина, В.Ю. Малов, А.С. Маршалова, Б.В. Мелентьев, Р.М. Мельников, Л.В. Мельникова, П.А. Минакир, Н.Н. Михеева, А.В. Мишура, М.В. Морошкина, М.В. Несена, Т.Г. Нефедова, А.С. Новоселов, А.О. Полынев, С.Г. Сафонов, В.Е. Селиверстов, С.А. Суспицын, В.И. Суслов, В.М. Разумовский, Т.Г. Ратьковская, О.В. Тарасова, А.И. Трейвиш, Д.И. Усманов, Т.В. Чернова, А.Н. Швецов, Е.А. Шильцин, С.В. Шкодинский, А.В. Шкуропат, Р.И. Шнипер и другие.

В методологию исследования межрегиональной дифференциации внесли существенный вклад и зарубежные ученые. В их числе стоит упомянуть таких, как О.М. Амос, А.Б. Аткинсон, Р.Дж. Барро, М. Боскер, А. Венейблс, П. Венери, Л. Винник, С. Ким, П. Кругман, Х.Р. Куадрадо-Роура, Ф. Моден, Г. Мюрдаль, Ф. Перру, Р. Рамос, А. Родригес-Позе, В. Роузлла, Х. Сала-и-Мартин, А. Сен, М. Фуджита, Дж.Г. Уильямсон, Т. Уотсон и другие.

В последнее десятилетие разрабатывается такое направление, которое исследует различные формы организации экономического пространства, объединяющее в себе различные субъекты регионального развития. Существенный вклад в формирование этого направления внесли М. Абрё, Л. Анселин, Дж. Бортс, Ж.Р. Будвиль, Е.М. Бухвальд, А.Г. Гранберг, А.Л.Ф. Де Грот, Н.В. Дорофеева, Х. Зиберт, Р. Капелло, В.М. Кульков, Р.Э. Куэнн, Г. Мюрдаль, Ф. Перру, Н.А. Рослякова, Р.ДЖ.Г.М. Флора, Дж. Фридман, Т. Хаггерстранд, В.Е. Шувалов и другие авторы.

Оценке влияния глубины торгово-экономических связей, интеграционных процессов, различных индикаторов социально-экономической динамики на экономическое развитие приграничных регионов посвящены исследования П.Я. Бакланова, В.С. Бильчака, М.В. Бильчак, М. Брюльхарта, Вельде Ван Дер Б.М.Р., К.Ю. Волошенко, Л.Б. Вордомского, Д.М. Давидова, Т.Е. Дрока, С.С. Ганзея, С.Н. Грибовой, Л.Г. Гуменюка,

Ю.И. Здоровец, О. Кадота, А.Б. Карбекова, А.П. Катровского, Ю.П. Ковалева, В.А. Колосова, В.С. Корнеевца, О.С. Корнеенко, А.С. Кузавко, С.В. Кузнецова, А.Е. Курило, Л.Ю. Мажар, Н.М. Межевича, Е.В. Михайловой, К.А. Морачевской, Е.В. Нежельченко, Г.З. Озема, Д.А. Петросова, Е.А. Прокопьева, Г.В. Ридевского, П.Б. Ритвeld, М.Т. Романова, Н.А. Росляковой, Ж. Садыралиева, С.А. Сергутиной, В.П. Сидоренко, С.А. Ткачева, Б.Ф. Туровского, А.А. Федюниной, А. Химберта, Т.Н. Чекалиной, А.А. Чурзиной, А.Н. Шавель, М.В. Шеломенцевой, С.Н. Ясенок и других ученых.

Накопившиеся проблемы социально-экономического и политического развития приграничных регионов Российской Федерации, по мнению большинства исследователей, сводятся к следующим: 1) периферийность российских приграничных регионов; 2) неэффективность в отношении них реализуемой федеральным центром региональной политики; 3) формирование целого ряда новых угроз экономической безопасности развития приграничных регионов в новых геоэкономических условиях; 4) слабо диверсифицированные структуры региональных экономик, технологическая отсталость экономик приграничных регионов; 5) изоморфность подходов, применяемых для стимулирования регионального развития в российских приграничных регионах. Неоднозначность, дискуссионность, а также недостаточная проработанность концептуальных и методологических подходов к исследованию экономического развития приграничных регионов в специфических условиях масштабного межрегионального неравенства, а также существенной дифференциации экономического пространства, усилившейся в период с 2016 по 2024 гг., высокая практическая значимость учета подобных факторов для разработки основных положений государственной политики регионального развития в России, а также необходимость усиления экономической интеграции России с рядом соседних государств, привели к выбору темы данного диссертационного исследования, его предмета и объекта, определили постановку его целей и задач.

В качестве основной **научной гипотезы исследования** выдвинуто предположение о том, что экономическое развитие приграничных регионов определяется специфическим влиянием государственной границы и особенностями экономического развития регионов соседних стран. Учет комлиmitичности, структурных характеристик региональных экономик и потенциала трансграничного взаимодействия позволяет выявить ключевые факторы, формирующие сбалансированного и динамику их экономического развития.

Объектом исследования является пространственная организация экономической активности и экономическое развитие приграничных регионов Российской Федерации с учетом того обстоятельства, что каждый из этих регионов является составной частью экономического пространства, сформированного приграничными регионами Российской Федерации и регионами сопредельной страны, на различных участках государственной границы, с присущими этому пространству специфическими структурными и общеэкономическими характеристиками.

Предметом исследования являются взаимосвязи и взаимозависимости, возникающие между различными региональными экономиками в процессе формирования и функционирования экономических пространств, на которые оказывают влияние масштабные межрегиональные диспаритеты и различные факторы дифференциации геоэкономического пространства.

Объект наблюдения – экономическое развитие приграничных регионов Российской Федерации и регионов сопредельных государств. Эмпирические исследования с помощью временных рядов охватывают период с 2010 по 2021 гг.

Область исследования. Данное диссертационное исследование проведено в соответствии с областью научного направления, изложенного в Паспорте специальностей научных работников ВАК: Специальность 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика в части подпунктов:

- 1.1. Теории пространственной и региональной экономики.

1.2. Пространственная организация национальной экономики.
Пространственное распределение экономических ресурсов.

1.3. Региональное экономическое развитие и его факторы. Проблемы сбалансированности регионального развития. Сбалансированность региональных социально-экономических комплексов.

1.9. Проблемы региональной социально-экономической дифференциации. Инструменты сглаживания региональных диспропорций в национальной экономике.

1.11. Региональная экономическая политика: цели, инструменты, оценка результатов.

Целью данного диссертационного исследования является развитие методических и прикладных подходов к оценке и регулированию экономического развития приграничных регионов в условиях межрегионального неравенства и дифференциации экономического пространства и разработка методологического подхода к оценке перспектив и направлений экономического развития приграничных регионов.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

- 1) разработать теоретический подход к исследованию экономического развития приграничных регионов как самостоятельной экономической системы с учетом диверсифицированно-реляционных взаимодействий экономических субъектов и влияния государственной границы;
- 2) обосновать экономико-лимологический подход к исследованию приграничных регионов и разработать типологию регионов на основе принципа коммитизма;
- 3) разработать методологический подход к количественной оценке влияния государственной границы на экономическое развитие приграничных регионов на основе методики ранжирования регионов по степени выраженности этого влияния;

4) выявить специфику экономического развития приграничных регионов России в сравнении с внутренними регионами и оценить взаимосвязь экономического развития приграничных регионов с межрегиональным неравенством;

5) разработать и апробировать методику оценки комлимитивного взаимодействия приграничных регионов России с регионами соседних государств и определить его влияние на процессы экономической конвергенции;

6) обосновать зависимость потенциала экономического развития приграничных регионов от экономического развития регионов сопредельной страны, выявить барьеры интеграции и дать рекомендации по повышению эффективности межрегиональных взаимодействий;

7) разработать концепцию государственной политики регионального развития приграничных регионов, включающую дифференцированные инструменты регулирования и учет специфических структурных и общеэкономических характеристик экономического развития приграничных регионов; сформулировать рекомендации, направленные на содержательную трансформацию региональной политики федерального центра в отношении российских приграничных регионов.

Теоретическую основу исследования образуют теоретико-концептуальные разработки отечественных и зарубежных авторов в части выявления закономерностей размещения экономической активности в пространстве, закономерностей развития региональных экономических систем, а также выявления факторов, способствующих экономическому развитию региона и повышающих качество управление этим развитием. К числу теорий, содержащих такие разработки, относятся такие теории, как теории и концепции регионального развития, которые обосновывают пространственные принципы организации социально-экономических систем (классические и неоклассические теории размещения производств, теории центров и полюсов роста, теории, направленные на выявление оптимальных

размеров и структуры региональной экономики, комплексные теории, связывающие локационные и региональные проблемы, теории межрегиональной диффузии инноваций, инфраструктурные теории регионального развития, агломерационные подходы, теории несбалансированного регионального роста, теории регионального роста, основанного на спросе).

Методологическую основу исследования формируют способы анализа современной экономики, находящиеся на стыке региональной экономики, макроэкономики и международной экономики, сочетающие макро- и микроэкономический подход, а также некоторые методы анализа, используемые в экономической географии, геоэкономике и экономике развития. В исследовании используются также методы эконометрического моделирования и оценивания, методы математической статистики, сравнительного и ретроспективного анализа, системный анализ.

Информационную базу исследования составили информационные и аналитические материалы Министерства экономического развития Российской Федерации, Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат), Территориальных органов Федеральной службы государственной статистики субъектов Российской Федерации, Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), Федеральной таможенной службы (ФТС России), Министерства транспорта Российской Федерации (Минтранс России), Национального статистического комитета Республики Беларусь, Национального статистического управления Монголии, Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, Министерства внешней торговли и экономического сотрудничества Китайской Народной Республики, Государственного совета по вопросам, связанным с приграничной торговлей, Китайской Народной Республики, Государственной налоговой администрации Китайской Народной Республики, Главного таможенного управления Китайской Народной Республики, база нормативно-правовых

актов Пекинского университета, Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития, Международного валютного фонда, материалы авторских исследований, материалы, опубликованные в научных изданиях, международные и российские нормативные правовые акты и стандарты, аналитические записки органов власти, оперативная информация сети Интернет.

Научная новизна выполненного исследования заключается в разработке и обосновании методологического подхода к исследованию приграничных регионов в условиях межрегионального неравенства, вызванного, прежде всего, неравенством среди самих приграничных регионов, а также в условиях разнонаправленного влияния факторов дифференциации геоэкономического пространства.

В рамках диссертационной работы получены следующие наиболее важные результаты, определяющие научную новизну исследования:

1. Разработана концептуальная основа экономического развития приграничных регионов в условиях межрегионального неравенства. В отличие от традиционных подходов, трактующих регион как аддитивную компоненту национальной экономики, регион рассматривается как экономическая система и единица диверсифицированно-реляционного пространства, в которой функционируют отдельные экономические субъекты, чье поведение изучается с точки зрения выбора размещения производственного и инновационного потенциала, конкурентоспособности и взаимодействий с местной системой и остальным миром (1.1, 1.2, 1.3).

Предложен экономико-лимологический концептуальный подход, который предполагает возможность оценки дифференциированного влияния государственных границ на экономическое развитие приграничных регионов, позволяющий более дифференцированно скорректировать приграничные взаимодействия с территориями сопредельного государства с учетом региональных детерминант развития. Приводится характеристика

предпосылок концептуального подхода, предлагаемого в данном диссертационном исследовании. Проводится сравнительный анализ существующих подходов к формированию типологий приграничных регионов, обосновываются лимнологические особенности формирования экономических пространств, разрабатывается и обосновывается принцип комлимитизма, предложена типология приграничных регионов на основе принципа комлимитизма.

2. Разработан методологический подход к исследованию экономического развития приграничных регионов в условиях межрегионального неравенства. Методологический подход принципиально отличается от тех подходов, которые представлены в уже имеющихся исследованиях, тем, что преодолевает ограничения уже имеющихся подходов, основанных на трактовке экономического пространства как однородно-абстрактного, что позволило предположить и обосновать взаимную обусловленность экономического развития приграничного региона общей государственной границей и возможностями приграничного взаимодействия исходя из особенностей экономического развития приграничного региона сопредельного государства, а также предположить, разработать и обосновать возможность количественной оценки влияния государственной границы на экономическое развитие и осуществить ранжирование приграничных регионов по степени выраженности этого влияния на региональное экономическое развитие (1.3, 2.1, 2.2).

Приводится характеристика методологических особенностей учета приграничного положения региона в оценке факторов социально-экономического развития приграничных регионов. Предложено расширение методологии региональной экономики в части исследования экономического развития приграничных регионов за счет разработки подхода, основанного на сочетании экономико-лимнологического, факторного, энтропийного и неоклассического подходов к исследованию регионального экономического

развития с акцентом на степень выраженности приграничного положения региона под влиянием государственной границы, измеренную количественно, и особенности экономического развития административно-территориальных единиц субнационального уровня сопредельного государства. Структурированы методические подходы к выявлению факторов экономического развития приграничных регионов, что позволило разработать и апробировать новый подход, который учитывает наряду с наиболее часто выявляемыми в экономических исследованиях факторами экономического развития приграничных регионов, степень влияния государственной границы. Для этого была разработана методика ранжирования приграничных регионов на основе интегрального индекса приграничного положения, позволяющая повысить результативность эконометрических оценок при исследовании различных взаимосвязей и факторов в моделировании экономического развития приграничных регионов. На основе методов экономико-математического моделирования апробирован и обоснован подход к исследованию приграничных регионов, который их рассматривает не просто по факту примыкания к государственной границе, что широко распространено в ранее проводившихся исследованиях, где доминирует применение метода фиктивных переменных по факту приграничного положения региона, а с позиций взаимной обусловленности приграничного положения региона данной страны, общей государственной границы и возможностями приграничного взаимодействия исходя из особенностей экономического развития приграничного региона сопредельного государства.

3. Разработаны, обоснованы и апробированы методические подходы к оценке факторов экономического развития приграничных регионов в условиях межрегионального неравенства. Существенным отличием от уже имеющихся исследования экономического развития приграничных регионов и межрегионального неравенства, отправной точкой в данном исследовании явился эмпирически доказанный в исследовании результат, утверждающий, что межрегиональное

неравенство в России сконцентрировано преимущественно в группе приграничных регионов, что позволяет выявить необходимость изменения подходов государства к пониманию объектов и инструментов государственной политики регионального развития (2.3, 3.1, 3.2).

Сконструированы и оценены модели экономического развития приграничных регионов на основе различных вариантов оценки временных рядов методом панельных данных, методом взвешенных наименьших квадратов, методов SUR (внешне не связанная регрессия), системно-логарифмическим методом моментов. Сравнительный анализ результатов оценивания показал, что для оценки экономического развития приграничных регионов важен учет индивидуальных эффектов экономического развития, а также то, что факторы экономического развития для всей группы регионов страны могут отличаться от факторов, учитываемых отдельно для приграничных регионов. На основе этого результата обоснован подход, согласно которому при разработке инструментов государственного регулирования регионального развития в отношении приграничных регионов необходимо применение дифференцированного подхода. Апробация методики оценки интегрального индекса приграничного положения региона показала, что во всех вариантах построенных моделей подтверждается более высокая эффективность учета дифференцированного влияния государственной границы на экономическое развитие приграничного региона. На основе сравнения особенностей экономического развития приграничных регионов и с внутренними выявлена такая существенная характеристика межрегионального неравенства в Российской Федерации, как отсутствие серьезных различий в уровне социально-экономического развития приграничных регионов от внутренних, но при этом выявлена и обоснована большая устойчивость к внешним шокам в экономическом развитии приграничных регионов и концентрация межрегионального неравенства именно в группе приграничных регионов.

4. Установлены специфические региональные характеристики и факторы экономического развития приграничных регионов Российской Федерации, что позволило обосновать в качестве ключевых характеристик экономического развития приграничных регионов в сравнении с внутренними такие как низкий уровень диверсификации региональных экономик, специализация на производстве продукции с низкой добавленной стоимостью, технологическая отсталость экспорта, более низкий уровень жизни населения с большей долей бедного населения (3.1, 3.2, 3.3).

Установлено отсутствие разрыва в показателях социально-экономического развития приграничных регионов в сравнении с внутренними, обосновано и доказано наличие структурного разрыва в социально-экономическом развитии приграничных и внутренних регионов, показана специфика этого развития для России на основе международных сопоставлений. Выявлено, что относительная устойчивость приграничных регионов в период воздействия внешних шоков является одной из особенностей их экономического развития. По сравнению с уже имеющимися исследованиями динамики межрегионального неравенства в России, доказывающими, что степень этого неравенства выше в периоды наиболее благоприятные для экономического развития страны в целом, это неравенство выше в такие периоды именно в приграничных регионах. Обоснована и аргументирована позитивная роль долгосрочной способности институциональных и экономических структур в приграничных регионах к адаптации вследствие воздействия внешних шоков.

5. Предложена методика оценки влияния комплиментивного взаимодействия с регионами сопредельного государства на экономическое развитие отдельных российских приграничных регионов, отобранных с точки зрения потенциала формирования экономического пространства в рамках группы приграничных регионов Российской Федерации и регионов соседнего государства. К числу таких пространств

отнесены российско-белорусское, российско-казахстанское, российско-монгольское и российско-китайское приграничные пространства (4.1, 4.2, 4.3).

Получены подтверждения связи между потенциалом формирования экономического пространства и усиления степени комплиментичности в зависимости от наличия или отсутствия конвергенции/дивергенции в экономическом развитии регионов двух стран, образующих это пространство. Показано, что сохранение и углубление межрегиональных различий в группе приграничных регионов снижает интенсивность и глубину интеграционных процессов России с соседними странами. Обоснован важный для цивилизационного вектора России вывод о том, что фрагментация геоэкономического пространства вокруг России в сочетании с высоким внутренним межрегиональным неравенством негативно сказывается на экономическом развитии приграничных регионов.

6. Проведена оценка возможностей экономического развития приграничных регионов Российской Федерации в зависимости от того, с какой страной они граничат, выделены несколько потенциальных экономических пространств, отличающихся друг от друга системными характеристиками (4.1, 4.2, 4.3).

Обосновано и доказано, что в регионах российско-белорусского и российско-казахстанского приграничья экономический потенциал не задействован для повышения эффективности процессов регионально интеграции, а также то, что других исследованиях отмечается как комплементарность экономик, в данном исследовании является негативным фактором, замедляющим процессы конвергенции или приводя вообще к их отсутствию, за счет, прежде всего, структурного отставания экономик приграничных регионов, отсутствия согласованности в региональных политиках стран, разной степени устойчивости региональных экономик по разные стороны границы к внешним шокам, снижению внешнеторгового потенциала экономик приграничных регионов. Для российско-монгольского

приграничного экономического пространства доказана и обоснована значимость институциональной среды, а также относительно более равномерного экономического развития и схожих структур экономик, в процессах конвергенции социально-экономического развития. Для российско-китайского приграничного пространства обосновано снижение качественных характеристик приграничных экономических взаимодействий, снижающих возможности экономического развития и закрепляющих межрегиональное неравенство в России.

7. Разработана, обоснована и аргументирована концепция государственной политики регионального развития в отношении приграничных регионов с учетом их специфических структурных и общеэкономических характеристик экономического развития (5.1, 5.2, 5.3).

Предложена концепция государственного регулирования регионального развития для приграничных регионов на основе дифференцированных инструментов экономического развития приграничных регионов, учитывающих, в том числе, характер влияния государственной границы на экономику каждого региона и специфику взаимодействия с регионами сопредельного государства. Обосновано применение механизма зон экономического приграничного взаимодействия. Предложены четыре таких зоны, две из которых должны быть основаны на симилятивном взаимодействии, а другие две должны быть нацелены на формирование транснациональных макрорегионов.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии концептуальных и методологических основ изучения экономического развития приграничных регионов в условиях межрегионального неравенства. В работе уточнено содержание понятия «приграничный регион» как самостоятельной экономической системы, функционирующей в реляционном пространстве внутренних и внешних факторов развития, обоснован экономико-лимологический подход и принцип комлимитизма, позволяющие

учитывать дифференцированное влияние государственной границы на экономические процессы. Разработанный методологический подход расширяет теорию региональной экономики за счёт включения пространственно-институциональных аспектов межрегионального неравенства и формирует научную основу для совершенствования концепции государственной политики экономического развития приграничных регионов.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при разработке и реализации государственной политики регионального развития, направленной на снижение межрегионального неравенства и повышение сбалансированности экономического развития приграничных территорий. Предложенные в работе методики количественной оценки влияния государственной границы, интегральный индекс приграничного положения и типология приграничных регионов могут применяться при формировании программ социально-экономического развития, совершенствовании механизмов приграничного взаимодействия и определении приоритетов государственной поддержки. Разработанные рекомендации обеспечивают основу для дифференцированного подхода к управлению приграничными территориями и повышению эффективности использования их экономического потенциала.

Апробация результатов исследования. Материалы диссертации докладывались и обсуждались на международных, всероссийских, межрегиональных и региональных научных 19 симпозиумах, конференциях, семинарах, совещаниях и круглых столах по проблемам региональной экономики и международных отношений, в том числе: конференц-сессия Института государственной службы и управления Президентской академии «Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего» (2024), II Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы экономической безопасности государства и бизнеса: условия новой реальности» (Новосибирск, НГУЭУ, 2023), VI Международная научно-практическая конференция

«Пространственное развитие территорий» (Белгород, Белгородский государственный университет, 2023), VIII Международная научная конференция «Институциональная трансформация экономики: правила эффективной политики» (Новосибирск, НГУЭУ, 2023), Всероссийская научно-практическая конференция "Экономические основы российской государственности" (Государственный университет управления, г. Москва, 2023), II Международная конференция «Евразийские трансграничные экономические и научно-технические взаимодействия» (Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск, 2022 г.), IX Всероссийской научно-практической (национальной) конференции «Актуальные направления научной мысли: проблемы и перспективы» (Новосибирск, НГУЭУ, 2022), IX Международная научно-практическая конференция «Интеграция науки и общества на современном этапе» (г. Новосибирск, НГУЭУ, 2022), Международная научно-практическая конференция «Государство и бизнес. Современные проблемы и тенденции развития региональной экономики» (Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, 2022), II Гранберговская конференция – Всероссийской конференции с международным участием, посвященная памяти академика А.Г. Гранберга «Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность» (Сибирское отделение Российской академии наук Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск 2022), Международная конференц-сессия «Государственное управление и развитие России: проектирование будущего» (Институт государственной службы и управления РАНХиГС, г. Москва, 2021, 2023), VI Международный симпозиум по региональной экономике (REC-2021) «Межтерриториальное неравенство: проблема или драйвер развития» (Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, 2021), Международная научная конференция «Государство и рынок: механизмы и институты евразийской интеграции в условиях усиления глобальной нестабильности» (СпбГЭУ, г. Санкт-Петербург, 2021), II

Международная научно-практическая конференция «Современные тренды экономического развития: Россия и мир после пандемии» (Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Новосибирск, 2021), Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания в контексте обеспечения национальной безопасности» (Военная академия Республики Беларусь, г. Минск, 2015, 2016, 2017), Международная научно-практическая конференция «Россия и евразийский мир: прошлое, настоящее, будущее» (Экспертный клуб «Сибирь — Евразия», г. Новосибирск, 2015), Международная научно-практическая конференция "XV Чаяновские чтения: Экономическая безопасность России в современных условиях" (РГГУ, г. Москва, 2015), Круглый стол "Перспективы развития торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества регионов "Большого Алтая" в контексте евразийской интеграции" (Правительство Республики Горный Алтай, с. Кош-Агач, 2015).

Материалы и результаты, полученные в рамках диссертационного исследования, были также использованы при разработке авторского учебного курса для магистрантов направления 38.04.04 Государственное и муниципальное управление (профиль «Государственное и муниципальное управление в субъекте РФ») «Приграничное сотрудничество российских регионов», который автор вела и методически обеспечивала в Сибирском институте управления – филиале РАНХиГС с 2014 г. по 2020 гг. Кроме того, материалы диссертации используются в учебном процессе при преподавании таких дисциплин, как «Управление региональным развитием», «Региональная экономика», «Государственное регулирование экономики» для студентов различных направлений и уровней обучения в Новосибирском государственном университете экономики и управления, а также в авторском курсе «Международная экономика и бизнес» для студентов бакалавриата «Менеджмент» Новосибирского государственного национального исследовательского университета.

Ряд материалов и результатов, полученных в рамках диссертационного исследования, обсуждался на мероприятиях Центра экономических исследований и последипломного образования (CERGE-IE, г. Прага), а также использовался при проведении практических занятий для студентов китайско-российского института Хэйлунцзянского университета (Китай, г. Харбин), магистрантов, обучающихся по программам CERGE-IE, а также магистрантов экономического факультета НГУ, обучающихся по программе «Financial Management» в рамках таких дисциплин как «International Trade» и «Development Economics». Также развитие идей автора диссертационного исследования находит в магистерских диссертациях студентов из Китая, выполненных под научным руководством автора, обучающихся по программе «Международная экономика и финансы» в Московской школе экономики МГУ им. М.В. Ломоносова.

По теме диссертационного исследования опубликовано 33 научных работы, в которых отражено основное содержание диссертационного исследования, в том числе 20 ед. – в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации, из этого последнего числа 5 ед. – в журналах, рекомендованных ученым советом РАНХиГС для публикации статей по экономическим наукам, и также 2 статьи в журналах БД Scopus.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

**Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК при
Министерстве образования и науки Российской Федерации для
публикации результатов диссертационных исследований**

1. Епифанова, Н.С. Особенности взаимодействия регионов российско-монгольского приграничья /Н.С. Епифанова // Региональная экономика: теория и практика. – 2025. – Т. 23, № 5. – С. 4-18.

2. Епифанова, Н.С. Отстают ли приграничные регионы России в экономическом развитии от внутренних регионов /Н.С. Епифанова // Региональная экономика: теория и практика. – 2025. – Т. 23, № 4. – С. 4-15.
3. Епифанова, Н.С. Трансформация роли приграничных регионов в региональной политике современной России /Н.С. Епифанова // Региональная экономика: теория и практика. – 2025. – Т. 23, № 6. – С. 17-31.
4. Епифанова, Н.С. Политика регионального развития приграничных территорий в Бразилии /Н.С. Епифанова // Региональная экономика: теория и практика. – 2025. – Т. 23, № 7. – С. 20-28.
5. Епифанова, Н.С. Возможности применения интегрального индекса приграничного положения регионов в эконометрических оценках факторов регионального развития /Н.С. Епифанова // Экономический анализ: теория и практика. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 189-208.
6. Епифанова, Н.С. Опыт территориального развития в Китае /Н.С. Епифанова, М.Г. Полозков // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 6, № 8(149). – С. 114-121.
7. Епифанова, Н.С. Особенности использования инвестиционно-финансовых и торговых инструментов во Вьетнаме и России для снижения региональных дисбалансов /Н.С. Епифанова, М.Г. Полозков // Экономика и управления: проблемы, решения. — 2023. — № 9. — Т. 1. — С. 136–143.
8. Епифанова, Н.С. Оценка дифференциации экономического пространства приграничных регионов России, Беларуси и Казахстана в контексте евразийской интеграции /Н.С. Епифанова // Региональная экономика: теория и практика. – 2023. – Т. 21, № 7(514). – С. 1204-1231.
9. Епифанова, Н.С. Пространственная организация экономики России в XVI в /Н.С. Епифанова // Историко-экономические исследования. – 2023. – Т. 24, № 2. – С. 181-206.
10. Епифанова, Н.С. Возможности диверсификации отраслевой структуры торговых потоков приграничных регионов России на основе оценки

выявленных сравнительных преимуществ /Н.С. Епифанова // Региональная экономика: теория и практика. – 2023. – Т. 21, № 2(509). – С. 204-229.

11. Епифанова, Н.С. Влияние приграничного положения регионов на их экономическое развитие (на примере регионов России и Украины) /Н.С. Епифанова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2023. – Т. 19, № 1(418). – С. 22-43.

12. Епифанова, Н.С. Участие приграничных регионов во внешней торговле Российской Федерации /Н.С. Епифанова // Региональная экономика: теория и практика. – 2022. – Т. 20, № 8(503). – С. 1408-1429.

13. Епифанова, Н.С. Влияние экспорта и импорта на экономическое развитие приграничных регионов в России /Н.С. Епифанова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2021. – Т. 1, № 4(112). – С. 156-165.

14. Епифанова, Н.С. Перспективы развития кооперационных и технологических отношений Алтайского края и Республики Казахстан в сельском хозяйстве и промышленности: институциональные и экономические эффекты кооперации /Н.С. Епифанова, М.Г. Полозков, Н.Г. Филатова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2016. – Т. 1, № 6. – С. 4-7.

15. Епифанова, Н.С. Развитие экспортноориентированных и импортозамещающих отраслей как фактор экономической безопасности Алтайского края /Н.С. Епифанова, Н.Г. Филатова // Развитие территорий. – 2016. – № 1(4). – С. 57-67.

Статьи, опубликованные в изданиях, индексируемых в международных базах Scopus и Web of Science

1. Епифанова, Н.С. Приграничная торговля регионов России и провинций Китая /Н.С. Епифанова, В.Н. Акулинин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 10. – С. 103-116.

2. Epifanova, N.S. Value-added interregional inequality assessment of border regions in Russia /N.S. Epifanova // E3s web of conferences : VI

International Scientific Conference “Territorial Inequality: a Problem or Development Driver” (REC-2021), Ekaterinburg, 23–25 июля 2021 года. Vol. 301. – Ekaterinburg: EDP Sciences - Web of Conferences, 2021. – P. 04007.

**Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных Ученым советом
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации» для
публикации результатов диссертационных исследований**

1. Епифанова, Н.С. Типология приграничных регионов на основе принципа комлимитизма /Н.С. Епифанова // Государственная служба. – 2024. – № 4. – С. 67-75.
2. Епифанова, Н.С. Приграничные регионы в контексте теорий размещения /Н.С. Епифанова // Государственная служба. – 2023. – № 3. – С. 31–37.
3. Епифанова, Н. С. Ранжирование приграничных регионов Российской Федерации /Н.С. Епифанова // Государственная служба. – 2022. – Т. 24, № 3(137). – С. 41-47.
4. Епифанова, Н.С. Внутриотраслевая торговля и внешнеторговая безопасность приграничных регионов /Н.С. Епифанова // Государственная служба. – 2016. – № 2(100). – С. 46-49.
5. Епифанова, Н.С. Современные угрозы экономической безопасности приграничных территорий /М.Г. Полозков, Н.С. Епифанова // Государственная служба. – 2015. – № 1(93). – С. 88-92.

Иные научные статьи

1. Епифанова, Н.С. Влияние лимитрофного соседства на экономику приграничных регионов // Пространственное развитие территорий: сборник трудов VI Международной науч.-практ. конф. (г. Белгород, 24 ноября 2023 г.) / отв. ред. Е.А. Стрябкова, А.М. Кулик. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2023. - С. 164-167.

2. Епифанова, Н.С. Оценка институциональной среды приграничного взаимодействия в регионах российско-монгольского приграничья /Н.С.Епифанова // Институциональная трансформация экономики: правила эффективной политики (Восточная конференция ITE-2023): Материалы VIII Международной научной конференции, Новосибирск, 25–30 сентября 2023 года/ Ответственный за выпуск В.В. Мельников. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ", 2023. – С. 96-98.

3. Epifanova, N. Economic security of Eurasian integration: do economic convergence of border regions matter? // Актуальные проблемы экономической безопасности государства и бизнеса: условия новой реальности : материалы II Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 27–28 апреля 2023 года / Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ». – Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ", 2023. – Р. 520-523.

4. Епифанова, Н.С. Особенности использования термина «граница» для исследования приграничных регионов // Интеграция науки и общества на современном этапе: сб. материалов IX Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 14–16 декабря 2022 г.); Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. – Новосибирск: НГУЭУ, 2023. – С. 82 – 85.

5. Епифанова, Н.С. Санкции как форма нетрадиционных международных отношений// Актуальные направления научной мысли: проблемы и перспективы: Сборник материалов IX Всероссийской научно-практической (национальной) конференции, Новосибирск, 22 декабря 2022 года. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ", 2023. – С. 28-33.

6. Епифанова Н.С. Генезис и эволюция исследований приграничных территорий в региональной (пространственной) экономике// Развитие парадигмальных идей в отечественной региональной экономике / Уральский

государственный экономический университет. – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2022. – С. 198-204.

7. Епифанова Н.С., Тимофеева Г.В. Возможности и угрозы внешнеторгового взаимодействия России и Вьетнама// Государственное управление и развитие России: проектирование будущего: Сборник статей международной конференц-сессии, Москва, 17–21 мая 2021 года. Том 3. – Москва: Издательский дом "Научная библиотека", 2022. – С. 816-819

8. Епифанова Н.С., Тимофеева Г.В. Приграничное сотрудничество Китая и Вьетнама: опыт для России// Государственное управление и развитие России: проектирование будущего: Сборник статей международной конференц-сессии, Москва, 17–21 мая 2021 года. Том 3. – Москва: Издательский дом "Научная библиотека", 2022. – С. 820-824.

9. Епифанова, Н.С. Участие приграничных регионов в экспорте образовательных услуг Российской Федерации /Н.С. Епифанова // Сибирский учитель. – 2021. – № 2(135). – С. 18-21.

10. Епифанова, Н.С. Возможности взаимодействия приграничных регионов в рамках ЕАЭС в условиях глобальной нестабильности// Государство и рынок: механизмы и институты евразийской интеграции в условиях усиления глобальной нестабильности. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. – С. 287-295.

11. Епифанова, Н.С. Оценка различий уровня экономического развития приграничных регионов России и Китая// Труды II Гранберговской конференции: Сборник докладов Всероссийской конференции с международным участием, посвященной памяти академика А.Г. Гранберга «Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность», Новосибирск, 11–15 октября 2021 года/ Сибирское отделение Российской академии наук Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. – Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2021. – С. 478-485.

12. Епифанова, Н.С. Реализация экономического потенциала интеграции на Евразийском пространстве в условиях геополитических рисков // Россия и евразийский мир: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 15 мая 2015 года. – Новосибирск: Сибирский институт управления - филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", 2015. – С. 190-195.

13. Епифанова, Н.С. Влияние членства России в ВТО на экономическую безопасность приграничных районов // Труды XV Чаяновских чтений. Москва, 17 марта 2015 г.: изд-во РГГУ, 2015. С. 47 – 56.

ГЛАВА 1 ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИМОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗМЕЩЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

1.1 Лимологические аспекты формирования экономического пространства

Термин «экономическое пространство» довольно часто используется в экономической литературе (так, например, поиск в системе e-library выдает почти 30 тысяч результатов). При этом не существует устоявшегося определения этого термина, хотя пространственные аспекты организации хозяйственной жизни общества пытались исследовать еще А. Смит в своей основной работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» [Смит А., 2020]. Первые значимые пространственные теории появились в первой половине XIX-го века, одной из которых является немецкая географическая школа экономического пространства (теория штандорта). Для ее основных представителей – И. фон Тюнена, В.Лаунхардта и А. Вебера – экономическое пространство – это в общем виде локационный треугольник, вершины которого соответствуют трем точкам: две из трех – это точки размещения промышленных предприятий (одно – источник сырья, второе – источник материалов), третья точка – это рынок сбыта готовой продукции. Рациональное размещение предприятия в таком пространстве основывается на решении задачи минимизации транспортных издержек по отношению к вершинам локационного треугольника.

Интерпретация понятия «экономического пространства» ограничена преимущественно рассмотрением факторов производства и издержек, но, тем не менее, уже штандортные теории акцентируют внимание на неравномерном

распределении экономической активности в пространстве. Поэтому следующим шагом в пространственных теориях стало изучение экономического пространства с позиции формирования неких центров экономической активности, которые притягивают к себе факторы производства и, в том числе, трудовые ресурсы (население). Наиболее авторитетной стала теория «центральных мест» В. Кристаллера, предложенная автором в 1933 году [Christaller W., 1966].

С учетом значимости государственной границы и межгосударственных взаимодействий для развития приграничных регионов, можно предположить, что современные теории международной торговли, основывающиеся преимущественно на неоклассической методологии, могли бы дать инструментарий для определения понятия «экономическое пространство». Но на самом деле, эти подходы, нацеленные на поиск равновесия и определение выгод от свободной торговли, ограничены с той точки зрения, что они не приспособлены для изучения ситуаций неоднородных рынков, которые находятся под сильным влиянием конкретных местных географических, политических и экономических условий, в ситуации значительного экономического неравенства. Именно эти условия обычно и влияют на формирование экономического пространства и его структуру. Поэтому неоклассическая методология не дает возможностей процесса социально-экономического развития приграничных регионов.

Учесть этот недостаток неоклассической методологии попыталась теория «новой экономической географии», включив в анализ экономию от масштаба, пространственный фактор, неоднородность рынков, пространственные последствия экономического развития [Захарова Е.А., Давыдов Д.В., Земцова Е.М., 2023]. Однако и ее возможности для анализа приграничных регионов ограничены предпосылкой об однородности пространства, а также слабой эмпирической верифицируемостью, учетом «старых» факторов при «новом» моделировании. Последние два недостатка,

например, рассмотрены подробно в исследовании Д.А. Изотова [Д.А. Изотов, 2013].

С учетом отсутствия «прорывных» методологических подходов к исследованию формирования экономического пространства для приграничных регионов остановимся на адаптации ставших традиционными теорий размещения к исследованию приграничных регионов. Они также не лишены недостатков, однако, позволяют рассмотреть специфику формирования экономического пространства в приграничных регионах в результате экономической интеграции с регионами сопредельного государства. Нужно также отметить, что широко представленные интерпретации теорий размещения, например, таких авторов как Тюнен, Кристаллер, Лёш, формировались в специальной литературе по региональной и пространственной экономике в тот период, когда еще не уделялось внимание приграничным регионам как отдельным объектам исследования в региональной экономике. Эти интерпретации, перешедшие и в современные источники по теоретическим аспектам размещения экономической активности, до сих пор не содержат трактовку их выводов применительно к приграничным регионам. Поэтому попытаемся в данном параграфе провести реконструкцию этих концептуальных подходов, но уже с учетом проблематики приграничных регионов.

Первой теорией размещения, объясняющей эффективное использование территорий на основе принципа максимизации ренты, была теория И.Г. фон Тюнена (1826). Несмотря на оригинальность его подхода, объяснить пространственную структуру экономики ему так и не удалось. Тем не менее, он вдохновил В. Кристаллера на создание теории центральных мест спустя столетие (1933). Под центральным местом в этой теории понимается любой экономический центр (например, агломерация), который обслуживает сам себя с точки зрения соотношения структуры производства и спроса, а также формирует и обслуживает вокруг себя сеть населенных пунктов, которые являются взаимозависимыми по отношению к центральному месту [Шупер

В.А., 2022]. Центральные места образовывают разные уровни иерархии, при этом, чем выше уровень иерархии, тем больше дополнительных районов они образуют вокруг себя [Christaller W., 1966].

В. Кристаллер начал изучать экономические связи между городами и районами вокруг этих городов (на примере южных городов и территорий Германии) и пришел к выводу, что люди аккумулируются в городах, чтобы поделиться товарами и идеями, и что подобные сообщества – или центральные места – существуют по чисто экономическим причинам. В основе понятия экономического пространства у В. Кристаллера лежит понятие центрального места, которое формируется как распределительный центр, то есть, прежде всего, для предложения товаров и услуг населению, проживающему на его территории. Таким образом, в теории центральных мест экономическое пространство – это территория, вмещающая в себя экономическую активность, которая распределяется в этом пространстве под влиянием взаимодействия между спросом и предложением: потребители всегда будут покупать товары в ближайшем месте, где они есть в наличии. Когда спрос на определенный товар высок, он будет предлагаться в непосредственной близости от населения. Когда падает спрос, падает и доступность товара.

Важным новшеством в теории В.Кристаллера стала идея о товарах низшего и высшего порядка, которая возникла из анализа условий возникновения центральных мест. Для того, чтобы центральные места возникали и оставались устойчивыми, нужен некий минимальный порог или минимальное количество людей, необходимое для того, чтобы центральный бизнес или деятельность оставались активными и процветающими. Тогда в небольших поселениях центральные места – это производства товаров низшего порядка (товаров повседневного потребления). Более крупные города вмещают в себя производства товаров высшего порядка, которые требуют большого порога, и люди не покупают их регулярно, многие предприятия, продающие эти предметы, не могут выжить в районах с небольшим населением. Поэтому эти предприятия часто располагаются в больших

городах, которые могут обслуживать большую часть населения в прилегающих районах.

На основе анализа условий формирования центральных мест В. Кристаллер определяет геометрию и порядок размещения экономической активности в экономическом пространстве. Центральное место находится в вершинах (точках) равносторонних треугольников. Центральные места обслуживают равномерно распределенных потребителей, которые находятся ближе всего к центральному месту. Когда вершины соединяются, они образуют серию шестиугольников – традиционную форму многих моделей центрального места. Шестиугольник идеален, потому что он позволяет соединяться треугольникам, образованным вершинами центрального места, и предполагает, что потребители будут посещать ближайшее место, предлагая товары, которые им нужны.

Кроме того, теория центральных мест имеет три порядка или принципа. Первый – это маркетинговый принцип, он отображается как $K = 3$ (где K – постоянная величина). В этой системе рыночные площади на определенном уровне иерархии центральных мест в три раза больше, чем на следующем нижнем уровне. Затем различные уровни следуют последовательности троек, что означает, что по мере того, как происходит перемещение по порядку мест, номер следующего уровня увеличивается втрой. Например, когда есть два города, будет шесть поселков, 18 деревень и 54 деревни.

Второй – принцип транспортировки ($K = 4$), когда площади в иерархии центрального места в четыре раза больше, чем площади в следующем низшем порядке. Наконец, административный принцип ($K = 7$) – это последняя система, в которой разница между низшим и высшим порядком увеличивается в семь раз. Здесь торговая область самого высокого порядка полностью покрывает зону самого низкого порядка, что означает, что рынок обслуживает большую площадь.

Если задача состоит в наиболее полноценном обеспечении центральных мест товарами и услугами, поставляемыми из других центральных мест, то

определяющим фактором в их пространственной организации становится рыночный принцип (рисунок 1). На рисунке 1 показаны только три порядка центральных мест, но в экономическом пространстве может быть намного больше иерархий.

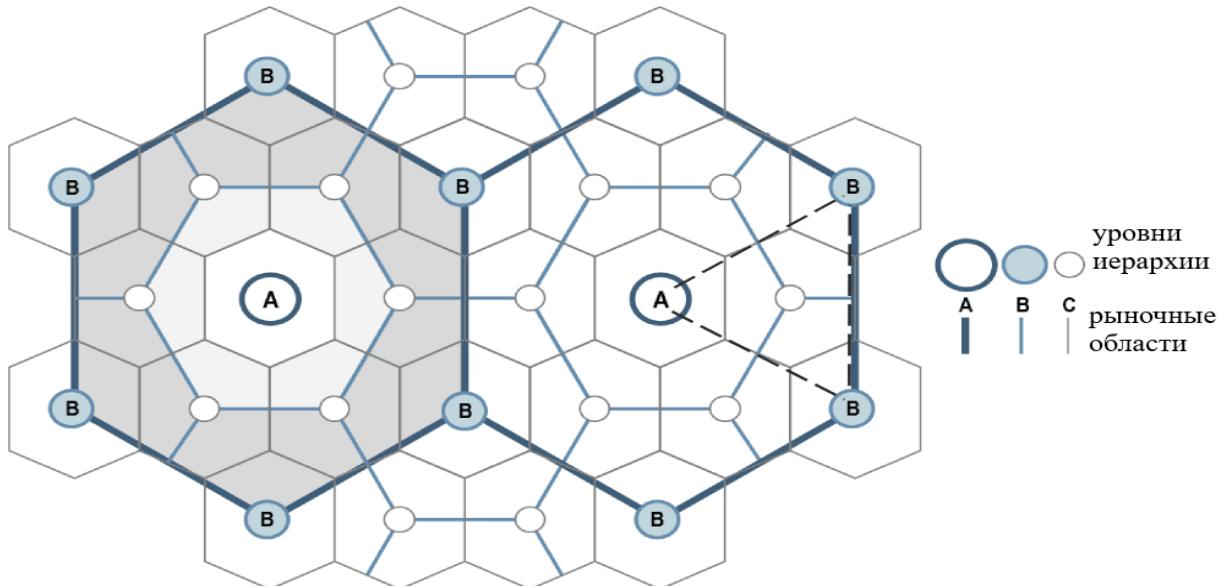

Рисунок 1 – Гексагональная решетка В. Кристаллера при использовании рыночного принципа¹

Ключевыми понятиями теории центрального места являются «диапазон благ» и «пороговое население». Диапазон благ как ассортимент товара обозначает зону вокруг центрального места, из которой люди едут в центр, чтобы купить товар или услугу, предлагаемую в этом месте. Теоретически верхней границей этого диапазона является максимально возможный радиус продаж. За его пределами цена товара слишком высока, потому что расстояние приводит к росту транспортных затрат или из-за более близкого расположения потребителей к альтернативным центрам продаж. Нижняя граница диапазона — это радиус, охватывающий минимальное количество потребителей, необходимое для обеспечения объема продаж, достаточного для выгодной поставки товара из центрального места. Этот нижний предел является пороговым значением. Низший уровень центра выполняет определенные функции или предоставляет определенные товары, которые ограничены по

---

¹ Составлено автором.

количеству и виду населением в пределах обычного ареала центра. Центр следующего высшего порядка выполняет все функции нижестоящего центра плюс группу дополнительных функций. Центр следующего порядка будет предлагать все товары, предлагаемые первыми двумя уровнями, но будет отличаться от центра более низкого порядка, расположенного непосредственно под ним, группой товаров с большим диапазоном, чем те, которыми обладает любой из товаров следующего наименьшего центра. Таким образом определяется иерархия центров (центральных мест).

На рисунке 1 самое большое центральное место А поставляет товары высшего порядка для всей области, ограниченной периметром А, и все центры В являются углами шести равносторонних треугольников с центром в А (один из треугольников показан на рисунке пунктиром). Точно так же каждый центр В имеет дополнительную область, ограниченную периметром С. Однако центры В поставляют меньше товаров, чем центр А. С-центры поставляют товары еще более низкого порядка. Самые маленькие центры, которые образуют периметры центров С, имеют лишь относительно небольшие рыночные площади. Таким образом, центральные места рассредоточены в иерархическом порядке, чтобы максимизировать распределение различных типов товаров.

На рисунке 2 представлена пространственная организация в соответствии с транспортным принципом, который в системе размещения Кристаллера направлен на максимальное перемещение товаров при минимальных затратах. Маршруты будут идти из центра А к шести центральным точкам В по углам дополнительной области А. Принципиальное отличие рыночного принципа от транспортного заключается в расположении центров С.

Размещение на основе территориального принципа основывается на критерии минимальных транспортных затрат. На рисунках 1 и 2 маршруты транспортировки товаров и услуг проходят от пункта А к шести точкам, расположенным в первом случае (рис. 1) по углам гексагона, а во втором

случае (рис. 2) – в середине каждой его стороны. Принципиальное отличие в размещении в соответствии с рыночным и транспортным принципами содержится в размещении центров С (рис. 1) или центров n-1 (рис. 2). Если мы рассматриваем размещение на основе транспортного принципа, то в этом случае расстояние от центра n-го порядка А до центра порядка n-1 будет минимальным из всех возможных, то есть центр n-1 порядка будет находиться в точке пересечения высоты и основания, на которое опущена высота, в равностороннем треугольнике, являющемся 1/6-й частью гексагона с центром в А. Другими словами, происходит минимизация расстояния от каждого центра n-го порядка до центра порядка n-1.

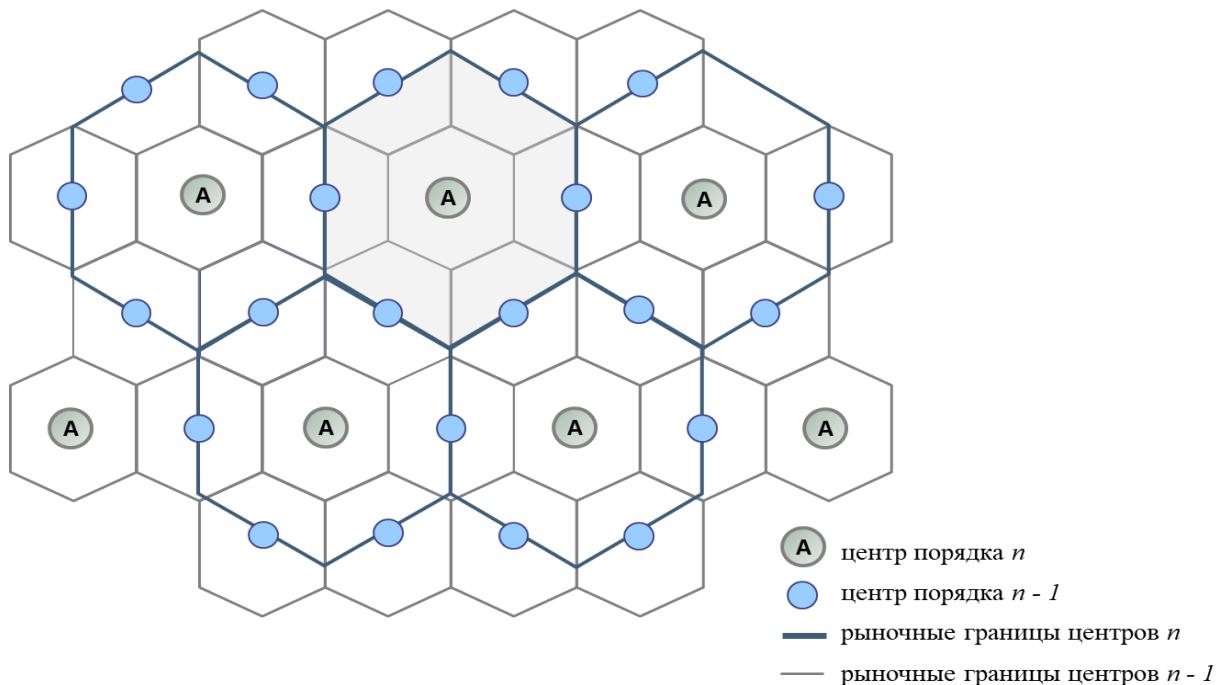

Рисунок 2 – Гексагональная решетка В. Кристаллера при использовании транспортного принципа²

С экономической точки зрения оба варианта пространственной организации рациональны. Однако, если вспомогательные центры размещаются для административно-государственных целей², без использования экономического обоснования, то они могут нарушить рациональность размещения. Отсюда можно заключить, что если уже

---

² Составлено автором.

сформировалось экономическое пространство, в масштабах которого наблюдается размещение экономических центров на основе гексагональной решетки Кристаллера, независимо от принципа размещения (рыночного или транспортного), то появление государственной границы на территории этого пространства как бы искусственно рассчитет его на пространственно дополняющие друг друга регионы. Может даже возникнуть ситуация, когда государственная граница проходит непосредственно через центр самого высокого порядка в гексагоне В. Кристаллера, то есть, например, через город. Яркой иллюстрацией такого феномена являются так называемые города-близнецы [Анищенко А.Г., Сергунин А.А., 2012]. В результате пересмотра советско-финской границы по результатам Второй мировой войны государственная граница прошла через финский город Энсо, в результате чего образовались финский город Иматра и советский город Светогорск.

В современных исследованиях, посвященных таким экономическим пространствам, для них даже предлагается специальный термин «трансграничное территориальное образование» (например, для взаимодействия российского Благовещенска и китайского Хэйхе) [Михайлова Е.В., 2013]. Вывод, который можно сделать применительно к таким экономическим пространствам, таков, что если пространственная организация осуществляется с помощью политico-административного принципа, то потребуется гораздо больше центральных мест для достижения той же степени эффективности, которая была бы достигнута, если бы следовали рыночному принципу.

У самого же В. Кристаллера в его основной работе «Центральные места в Южной Германии» (1933) рассматриваются ситуации для центральных мест, которые находятся 1) вблизи стабильных границ и 2) вблизи вновь возникающих или исчезающих границ. Первые получают наибольшие возможности для развития, поскольку приграничное движение стимулирует экономическую активность, в то время как вторые будут ограничены в своем развитии. Также он отмечает, что для некоторых благ, например, культурных,

наличие границы вообще не играет роли. Так если центральное место производит культурные блага, например, проводит культурные мероприятия, тогда обслуживающим регионом для этого центрального места может стать центр $n-1$ порядка, который расположен в соседней стране. В сочетании с развитием приграничной торговли центральное место n -го порядка, расположенное в данной стране, экономически усиливает его, даже если на территории данной страны у него нет других дополнительных обслуживающих пунктов [Christaller W., 1966, p. 46].

Также в своей теории В. Кристаллер уделяет внимание инвестиционному фактору развития центральных мест, указывая на то, что инвестиции могут способствовать их экономическому развитию, но если центральное место располагается вблизи нестабильной границы, то это приведет к удорожанию инвестиций за счет надбавки за риск и сделает производство капиталоемких товаров в приграничных регионах относительно более дорогим. В критической ситуации это может принести к переносу центрального места, что также станет сдерживающим фактором развития для приграничного региона.

В 1954 году немецкий экономист А. Лёш модифицировал теорию центрального места Кристаллера, считая ее слишком жесткой. Он исходил из того, что подход Кристаллера привел к моделям, в которых распределение товаров и накопление прибыли полностью основывались на местоположении. Вместо этого он сосредоточился на максимальном благосостоянии потребителей и создании идеального потребительского ландшафта, в котором необходимость преодолевать расстояния с целью приобретения любых товаров была сведена к минимуму, а прибыли предприятий оставались относительно равными, независимо от места продажи товаров.

А. Лёш развивает теорию В. Кристаллера и рассматривает формирование пространственной структуры через движение от простой к более крупной и сложной структуре. Вся пространственная структура должна включать в себя простые рыночные зоны, региональные сети и региональные

системы. Но рыночные конфигурации – это не просто иерархическая последовательность центральных мест, а территориальная совокупность различных взаимосвязанных рынков, главными факторами функционирования которых являются прерывность расселения, масштабы производства и конкуренция. К числу решающих факторов он относит и государственные границы. При этом А. Лёш считает, что формирование экономического пространства и государства диаметрально различаются. Если порядок ценностей для государства по убыванию приоритета: долгосрочность, власть, культура, благосостояние, то для формирования экономического пространства порядок приоритетов ровно противоположный.

В концепции Лёша для национальных границ свойственно рассекать рыночные области, создавать разрывы в рыночной сети там, где их не было, и препятствовать тому, чтобы отрасли, которые имеют рынок сбыта только в одном направлении, размещались бы вблизи границы. Это обстоятельство объясняет, почему после появления новых государственных границ новые приграничные районы часто становятся депрессивными регионами. Также появление границы за счет появившихся рыночных разрывов может привести к росту концентрации рынка и увеличению монопольной власти, что негативно скажется на благосостоянии потребителей. Интересно и то, что Лёш в своих работах указывает на то, что подобные факторы могут приводить к формированию военно-политических угроз для национальной безопасности государства именно в приграничных регионах [Лёш А., 2007, с. 221].

И хотя ни В. Кристаллер, ни А. Лёш не рассматривали влияние факторной мобильности на размещение экономической активности, тем не менее, у А. Лёша присутствует рассмотрение мотивов, которые побудили швейцарских предпринимателей перенести свои производства в приграничные регионы Германии, чтобы сэкономить на таможенных пошлинах, а также снизить затраты на рабочую силу, которая в Германии была дешевле. Но поскольку налоги в Швейцарии были в рассматриваемой ситуации ниже, головной офис компании размещался в Швейцарии.

Таким образом, теории размещения описывают относительно полно закономерности размещения экономических центров в приграничных регионах. Но, несмотря на то, что и В. Кристаллер и А. Лёш относительно полно объясняют особенности приграничных регионов, а также многие другие ограничения, связанные с рациональной пространственной организацией, их подходы трудно применить к политическим вопросам, связанным с экономической интеграцией приграничных регионов. Это связано с тем, что теории размещения не учитывают сам процесс развития. Такие проблемы, характерные для приграничных регионов, как различия в темпах роста, миграция трудовых ресурсов между двумя сопредельными государствами, отсутствие согласованности в социальной и экономической инфраструктуре и т.п., не могут быть объяснены на базе теорий размещения, так как они не дают политического инструментария решения этих проблем.

Одним из подходов, усиливающим теорию центральных мест Кристаллера и Лёша, стала концепция территориального размещения Ф. Перру и Ж. Будвиля, трактовавших понятие экономического пространства как некую структурированную и организованную территорию (регион), на которой имеются так называемые региональные «полюса роста» (совокупность активно развивающихся и растущих отраслей), притягивающие к себе факторы производства, и являющиеся потенциальным источником экономического развития на всей территории своего влияния. В своей статье «Экономическое пространство: теория и применение» Ф. Перру определяет экономическое пространство как категорию, отличающуюся от «банального» пространства (где просто физически локализована экономическая активность), в основе которой лежат экономические взаимосвязи между экономическими элементами. С точки зрения Ф. Перру экономическое пространство поэтому нужно рассматривать как: 1) экономическое пространство, определенное планом; 2) экономическое пространство как поле сил; и 3) экономическое пространство как однородную совокупность элементов [Perroux F., 1950].

Таким образом, подходы к определению экономического пространства до середины XX-го века трактуют его как однородно-абстрактное, больше не физическое и непрерывное, а абстрактное и дискретное – полностью отличное от физико-метрического пространства в теории размещения. Географическое пространство было разделено на «регионы», области ограниченного физико-географического размера (в значительной степени совпадающие с административными единицами), которые считались внутренне однородными и, следовательно, синтезируемыми в вектор совокупных характеристик социально-экономического-демографического характера: экономические пространства рассматривались как аналог «малых стран» в терминологии международной торговли, но, в отличие от стран, обладают явной внешней открытостью для движения факторов производства. Также в рамках трактовок экономического пространства, которые были распространены до 50-70-х годов прошлого века, были популярными такие определения экономического пространства, в которых акцент делался на роль физического барьера для территориального ограничения в размещении экономической деятельности, принимающего форму физического расстояния между рынками ресурсов и выпуска (соответственно, размещение происходило исходя из минимизации общих транспортных расходов).

Во второй половине 20-х годов появились такие интерпретации понятия экономического пространства, которые уже приближены к современным. К таковым относятся, например, трактовки экономического пространства в рамках теорий экономического роста [Borts G.H., 1960; Heckscher E.F., 1950; Ohlin B., 1933]. Особенностью этих подходов в трактовке экономического пространства является то, что они определяют его на основе использования макроэкономических моделей для интерпретации феноменов роста на отдельных территориях национальных экономик. Существенным ограничением таких подходов является исключение любого механизма межрегиональной агломерации, отказ от теории размещения, игнорирования преимуществ локальной близости и вместо этого предположения о неравной

обеспеченности факторами производства, неравные условия спроса и межрегиональные различия в производственных структурах как детерминанты местного развития. Другими словами, экономическое пространство в этих теориях является не более чем физическим вместилищем развития и выполняет чисто пассивную роль в экономическом росте, в то время как некоторые макроэкономические теории сводят региональное развитие к простому региональному распределению совокупного национального развития.

Наиболее активно понятие экономического пространства стало использоваться в XX веке как базовая категория в рамках целого ряда исследований, создавших основу для такого направления исследований как пространственная экономика [Fujita M., Krugman P., Venables A., 1999; Henderson J., 1974; Krugman P., 1991, Starrett D., 1974]. Отличительной особенностью таких концепций является определение экономического пространства как диверсифицированной реляционной системы, что позволяет рассматривать экономическую деятельность и факторы производства, спрос и отраслевую структуру как пространственно неоднородные в пределах региона, так что территориальные отношения предстают в новом концепте, позволяющем идентифицировать разные контрасты на территории. Деятельность, ресурсы, экономические и рыночные отношения строятся вокруг этих контрастов, чтобы вызвать кумулятивный процесс территориальной агломерации и цикл развития, основанный на экономическом росте. Такой подход к определению экономического пространства восстанавливает один из основных принципов теорий размещения – принцип агломерационного центрирования, действие которого является источником регионального развития.

Таким образом, в подходах второй половины XX века разрывается любая связь с географическим пространством (абстрактная или административная). На смену приходит более сложная концепция пространства, основанная на экономических и социальных отношениях,

возникающих на территории, а самое пространство перестает быть однородным и становится диверсифицированно-относительным (рисунок 3). Принципиально важным в этой трансформации подходов является концептуальный скачок, который приводит к интерпретации экономического пространства как системы локализованных технологических экстерналий, то есть совокупность материальных и нематериальных факторов, которые из-за близости размещения и снижения транзакционных издержек влияют на производительность и инновационность фирм.

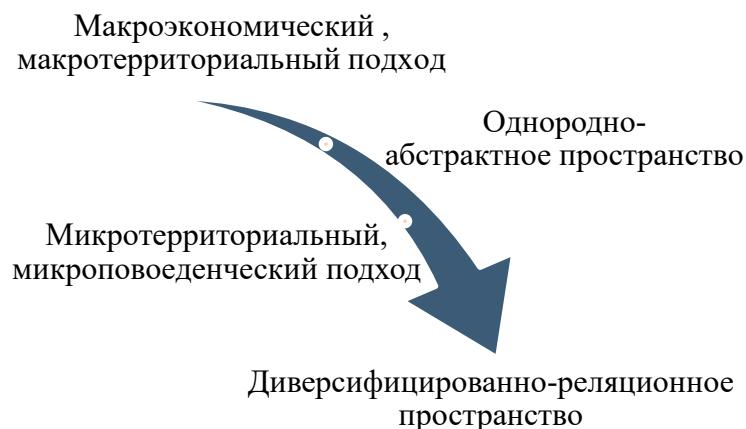

Рисунок 3 – Траектория эволюции подходов к определению экономического пространства³

Трактовка экономического пространства как диверсифицированно-реляционного позволяет отойти от определения региона как аддитивной компоненты национальной экономики. Теперь регион – это система, в которой функционируют отдельные экономические субъекты (крупные или мелкие, государственные или частные, многонациональные или местные), чье поведение изучается с точки зрения выбора размещения, производственного и инновационного потенциала, конкурентоспособности и взаимодействий с местной системой и остальным миром [Capello R., 2009]. Данная трактовка также позволяет рассматривать экономическое пространство в долгосрочной перспективе.

---

³ Составлено автором.

Фактически отрыв от абстрактного или административного пространства в трактовке экономического пространства приводит к его интерпретации как некоей территории, представляющей собой систему экономических и социальных отношений, в основе которых относительный или социальный капитал определенного географического пространства. Другими словами, впервые в истории экономической мысли роль эндогенных условий и факторов стала решающей в социально-экономическом развитии на местном уровне. И тогда стремлением этих концепций становится стремление объяснить конкурентоспособность территориальных систем, локальные детерминанты развития и потенциал региона достигать и поддерживать свою роль в международном разделении труда. Таким образом, они стремятся определить наиболее значимые условия, которые позволяют локальной экономической системе достигать и поддерживать высокие темпы социально-экономического развития.

Большой вклад в развитие концепции экономического пространства внесли и представители советской школы пространственной экономики (впоследствии и российской). Прежде всего, к достижениями советской пространственной науки следует отнести труды П.Н. Баранского и Н.Н. Колсовского, для которых понятие экономического пространства ассоциируется с территориально локализованными промышленными комплексами, имеющими сходство с «центральными местами» Кристаллера: и в той, и в другой концепции обосновывается воздействие размещения на экономическое пространство и изучаются пространственные и инновационные особенности промышленных районов («центральных мест») [Колосовский Н.Н., 2006; Кульков В.М., 2014].

Очень яркую концепцию экономического пространства второй половины XX века представляют труды американского экономиста и географа У. Айзарда, которого считают основателем регионалистики. Айзард активно критикует классическую экономическую теорию за игнорирование пространственного аспекта анализа поведения экономических субъектов,

считая, что она ограничивается исследованием «страны чудес, лишенной каких бы то ни было пространственных характеристик» [Isard W., 1960]. Также как и А. Лёш, У. Айзард определил экономическое пространство как некую территориальную проекцию социально-экономического развития общества. По мнению академика А.Г. Гранберга, заслугой У. Айзарда является то, что он придал пространственной теории общую экономическую форму, выразив более строго, чем Лёш, понятие экономического пространства через взаимодействие спроса и предложения, и определив основное правило максимизации прибыли фирмой через равенство предельных норм замещения транспортных затрат на доставку товаров из двух разных территорий (экономических пространств) величине, обратной отношению транспортных тарифов [Гранберг А.Г., 2001]. Таким образом, с помощью этого равенства можно было представить и все частные теории размещения (Тюнена, Лаунхардта, Вебера и т.д.).

А.Г. Гранберг дефиницию экономического пространства привязывает к понятию региона и рассматривает как понятие, которое развивает и дополняет представление о территории. По определению А.Г. Гранберга, экономическое пространство – это «насыщенная территория», которая заполнена множеством различных объектов и связей между ними. К таким объектам А.Г. Гранберг относит различные поселения, промышленные предприятия, транспортные сети, рекреационные участки и т.п. Привязка к понятию региона заключается в том, что, по мнению А.Г. Гранберга, для каждого региона мы можем выделить его внутреннее экономическое пространство и связи с внешним экономическим пространством [Гранберг А.Г., 2001].

Выявление содержание понятия экономического пространства было бы неполным, если бы мы не рассмотрели вопрос границ этого пространства, так как идентификация любого экономического пространства (региона в частности) происходит посредством его границ. Именно границы экономического пространства позволяют определить его форму и размер, ведь трактовка экономического пространства в качестве объекта исследования

приводит к необходимости рассмотрения границ этого пространства (так как экономическое пространство представляет собой некую «насыщенную территорию», то для нее обязательны границы).

Границы сами по себе (между странами, между территориями и т.п.) давно стали объектом исследований и в различных междисциплинарных исследованиях, и в отдельно оформленвшемся научном направлении – лимнологии (науке о границах и всех тех процессах в обществе, которые подвержены их влиянию). Особенностью экономического подхода к исследованию границы стала привязка объекта исследования к экономическому пространству и тем институтам, которые обладают необходимой для управления этим пространством властью.

Одной из главных допандемических тенденций мировой экономики было изменение роли административных и географических границ в экономических процессах. Об этом, в частности, в своей работе «Управление в мире без границ» пишет ведущий исследователь процессов глобализации Кеничи Омае, подчеркивая длительный процесс эволюции этой роли, особенно под влиянием окончания «холодной войны» и глобализационных процессов начала 90-х годов. В другой своей работе – «Конец национальных государств: подъем региональных экономик» – он доказывает, что глобализация настолько повлияла на функцию административных границ национальных государств⁴, что, по сути, государства перестали обладать национальным суверенитетом, а государственные границы стали настолько размытым понятием для всего мирового сообщества, что для некоторых стран государственные границы имеются лишь формально, в реальности не выполняя своих основных функций [Omae K., 1995].

---

⁴ История государственных формирований развивалась таким образом, что в середине 17-го века с заключением Вестфальского договора произошла смена парадигмы формирования отдельных стран: от государств, образованных в результате побед (в том числе в ходе военных столкновений) различных кланов, княжеств и т.п., к так называемым «национальным государствам» (nation-states), что принципиально изменила систему межгосударственных взаимодействий и привело к формированию государств с централизованным управлением.

Одновременно с влиянием глобализации на функции административных границ произошла существенная трансформация понятия экономической границы. Непосредственно понятие экономической границы было введение А. Лёшем. В основном и им самим, и в последствии другими учеными, которые использовали это понятие, под экономической границей понимался тот рубеж, который разделяет два экономических пространства. Хотя первые исследования экономических границ появились еще в XIX веке. В 1839 году Чарльз Эллет рассмотрел проблему демаркации границ между областями, предлагающими одинаковый продукт и конкурирующими за два рынка сбыта этого продукта [Theocharis D.R., 1993]. Двумя годами позже немецкий экономист Карл Генрих Рау в своем письме бельгийскому математику А. Кетле представил попытку математической формализации аналогичной проблемы и пришел к заключению, что кривая между двумя соседними рыночными территориями, которые также как и в предыдущем исследовании конкурируют за два рынка сбыта одного товара, имеет форму гиперболы, вогнутой по отношению к рыночной территории с меньшими ценами [Theocharis D.R., 1993].

В 1924 году вышла работа американского экономиста Франка Феттера, в которой он систематизировал и развил идею К.Г. Рау. В своей статье Феттер ставит задачу определить, как формируются границы и форма сопредельных с ними территорий в зависимости от уровня цен и транспортных издержек (при предположении об однородности предлагаемых производителями товаров) [Fetter F.A., 1924]. Он обосновывает свой анализ достаточно простой идеей о том, что если есть два территориально рассредоточенных рыночных пространства, предлагающих товар, то покупатель выберет при прочих равных условиях тот рынок, на котором товар ему обойдется дешевле (если сравнивать сумму цен и транспортных затрат для двух этих рынков). Также он отмечает, что наверняка найдется некая точка безразличия, где будет установлено равенство между ценами и транспортных затратами для данного покупателя при выборе товара на этих двух рынках. Феттер предположил, что

последовательность таких точек безразличия образует гиперболическую кривую и, таким образом, «экономический закон рыночных пространств» автор формулирует так: «граница между территориями, входящими в состав двух географически конкурирующих рынков схожих товаров, представляет собой гиперболическую кривую». Причем в каждой точке этой линии разница между общими затратами на доставку этого товара двух рынков просто равна разнице между рыночными ценами, тогда как по обе стороны от этой линии разница в транспортных затратах и разница в ценах не равны. Тогда расположение пограничной линии будет определяться отношением цен на двух рынках, и чем ниже цена одного из двух рынков, тем больше прилегающая территория.

Идеи К. Рая и Ф. Феттера впоследствии были развиты Г. Хотеллингом, который к условию Феттера добавил такой фактор формирования границы как пространственная конкуренция (прежде всего, несовершенная), а также норвежскими исследователями К. Хайсон и У. Хайсон, уточнившими выводы Феттера, назвав даже свою статью точно также [Hyson C. D., Hyson W.P., 1950]. Позже шотландский исследователь Дж. Парр дополнил закон «рыночных пространств» законом «притяжения розничной торговли» и указал на роль каждого из этих законов в формировании экономической границы между пространствами, подчеркнув, что первый закон действует сильнее [Parr J.B., 1997]. Большинство всех подобных исследований показывают, что закон рыночных пространств приводит к формированию их в форме выпуклых фигур, и если образуются какие-то вогнутые участки, то они оказывают отрицательное влияние на экономическое и политическое развитие экономики данного пространства.

Более современные подходы изучают процессы формирования экономических границ экономических пространств под влиянием различных условий несовершенной конкуренции [Miron J., 2010]. Так, например, П. Кругман считает причиной неравномерного пространственного развития сочетание несовершенной конкуренции и положительной отдачи от масштаба

[Krugman P., 1991], и выделяет три основных эффекта (местный рынок, стоимость жизни в разных регионах и пространственная конкуренция), определяющих устойчивость и равномерность миграции населения и размещения производства в пространстве: по аналогии с физическими явлениями (преобладанием центробежных сил) размещение производства зависит от сочетания экономии на масштабе производства, эластичности спроса и размера транспортных издержек.

Обобщая различные подходы, выделяющие факторы, оказывающие воздействие на форму экономической границы, можно выделить в их числе такие приоритетные факторы как:

- эластичность спроса на продукцию, производимую на территории данного экономического пространства;
- уровень издержек производства данной продукции;
- конечная цена для потребителя с учетом транспортных расходов;
- уровень несовершенной конкуренции и отдача от масштаба;
- административные барьеры.

В самом простом современном понимании экономическая граница – разграничение между двумя рыночными пространствами, определяемыми конкретной экономической политикой. С этой точки зрения, экономическому пространству, очерченному границей, будут присущи такие отношения, которые устанавливаются между экономическими субъектами друг с другом и государственными институтами и учреждениями, обеспечивающими соблюдение правовых и экономических норм в обществе. Ключевую роль при изменении экономических границ экономического пространства играют условия несовершенной конкуренции между производителями, расположенными на разных территориях.

Подавляющее большинство исследований, затрагивающих лимнологические аспекты формирования какого-бы то ни было пространства (административное, культурное, историческое и т.п.), имплицитно подразумевают, что эти пространства предшествуют во времени тем

границам, которые впоследствии складываются вокруг них, определяя их очертания. Однако в одном из недавних крупных исследований профессора философии Денверского университета (США) Томаса Наиля «Теория границ» представлена и обосновывается противоположная идея: общества и пространства формируются через границы и именно границы создают общества и пространства [Nail T., 2016]. Свой метод Т. Наиль называет «Критической лимологией», которая лежит в основе теории реальных условий для формирования границ, доказывая в итоге, что границы не имеют исторической или универсальной социальной необходимости и, таким образом, открыты для дальнейшего изменения или разрушения. Автору данного диссертационного исследования подобная дилемма «что важнее – пространство или границы» представляется не вполне корректной. На самом деле границы и пространства формируют друг друга на взаимной основе, а изменчивость и подвижность границ возникает не потому, что границы определяют формирование пространства, а по причине тех изменений, которые происходят в этом пространстве, иногда оказывая воздействие и на его границы, в то время, как и сами границы могут воздействовать на пространство.

Примечательно, что в англоязычной литературе, посвященной исследованию приграничных регионов, большинство исследователей склоняется к тому, что необходимо различать границы как borders и границы как boundaries (таблица 1). Традиционно в лимологических исследованиях для термина «граница» сопряженными являются такие термины как «периферия», «приграничье», «пограничный регион», «приграничный регион», а также англоязычные термины boundary, frontiers, border, borderlands, margin.

Границы как borders – это формально проведенные линии, определяющие пространственные пределы того или иного государства, термин же boundaries используется для того, чтобы обозначить культурные и социальные групповые различия, которые могут или не могут быть отмечены на местности линиями разделения (таблица 1). Некоторые исследователи

используют данные термины как синонимы [см., например: Nevins J., 2002]. В исследовании С. Гадала, Р. Жансулина предлагается различать термины «границный» (“bound”) и «пограничный» (“frontier”): первый указывает на пространственные ограничения какого-либо объекта, а второй описывает границу между двумя объектами [Gadal S., Jeansoulin R., 1998].

Таблица 1 - Терминологические концепты границы в английском языке⁵

Термин	Этимология	Первоначальное значение	Концепт
Boundaries	Старофранцузский – <i>bonde</i> – предел, граница, межевой камень, среднелат. – <i>bodina</i>	Внешние линии, ограничивающие объект, отметка края	Отметка территориального «пространства безопасности»
Borders	Старогерманский <i>frenchbort</i> , = борт корабля	Внешний край пространства, принадлежащий этому пространству	Линия перехода на сопредельную территорию
Margins	Латинский <i>margo</i> – отметка, край	Часть территории, которая разделяет территорию на две части (буферная линия)	Периферийная окраинная линия
Frontiers	Латинский <i>frons</i> – лоб, передняя часть	Часть (например, страны), которая сталкивается лицом с другой (страной)	Линия соприкосновения с соседями
Borderland	От <i>border</i> и <i>land</i>	Территория рядом с краем пространства, неопределенное промежуточное состояние	Территория со спецификой, сформированной под влиянием сопредельной территории

Существенно большее число авторов утверждают, что такой подход является ошибочным [Appadurai A., 1986; Gupta A., Ferguson J., 1992; Kastoryano R., 2002]. Русскоязычные авторы только начинают осознавать эти различия и предлагают для разграничения этих двух понятий в русском языке переводить borders как границы, а boundaries как пределы или рубежи [Цветкова О.В., 2015; Ульрих П., Троицкий С., 2019]⁶. Разграничение этих понятий позволяет исследовать их соотношение: совпадение границ (borders)

⁵ Составлено автором.

⁶ Проблема неустойчивости указанных терминов настолько вызывает интерес исследователей, что, на основе игры слов Border – граница, Order – порядок, в Германии даже создан исследовательский центр «B/Orders in Motion» в Европейском университете Виадрина (г. Франкфурт-на-Одере).

и рубежей (boundaries) позволяет говорить об устойчивости, высокой прочности и низкой проницаемости границы, а отклонение границ и рубежей друг от друга приводит к размытию государственных границ, иногда даже к тому, что они приобретают фантомный характер. В исследовании П. Ульриха и С. Троицкого предлагается даже разделять три понятия в английском языке, которые все переводятся на русский язык как «границы» – border, boundary и frontier. Последний термин – frontier – в большей степени имеет историческое значение, который позволяет в современное понятие границы привнести аспект подвижности [Ульрих П., Троицкий С., 2019].

В большинстве исследований, независимо от их отраслевой принадлежности, термин «граница» выражает, чаще всего, линию разделения географических объектов, то есть линию между двумя состояниями географического пространства. Эти состояния представляют собой особые виды структур, составляющие пространство, и придающие определенную форму территории. В этом смысле граница – это объект, который определяет и идентифицирует пространственную структуру и форму географического объекта. Он диалектически противопоставляется понятию содержания. Граница является объектом измерения и определения отношений между географическими системами.

Большинство рассмотренных подходов представлено преимущественно в рамках антропологических и географических концепций. В мировой науке даже сложилось такое междисциплинарное направление исследований как Boundaries studies. Экономические аспекты данных понятий мало изучены. Тем не менее, можно предположить, что экономические факторы как раз в этих исследованиях должны носить доминирующий по степени важности характер. Например, если мы рассматриваем такую проблему как разделение этнической общности государственной границей на две части, то на таких территориях могут сформироваться специфические формы миграции, приграничной торговли и особые экономические возможности, так как наличие таких границ создает спрос на трудовые ресурсы и иностранные

товары и услуги не только внутри данного этнического сообщества, но и между приграничными регионами двух сопредельных государств. При этом, чем более этнически обособленными будут эти сообщества в отношении центров своих стран, тем более глубокими будут экономические и торговые связи между ними. Таким образом, при рассмотрении границ очень важны также и институциональные характеристики их формирования и поддержания. Так как современные границы социально сконструированы, многогранны, подвижны и переходны, то в современных исследованиях появились трактовки границ в качестве социальных институтов [Fauser M., Friedrichs A., Harders L., 2019]. Другими словами, институциональные и экономические аспекты границ и приграничных территорий выходят на первых план в исследовании границ.

Существенная трансформация понятия экономической границы в последние десятилетия заключается в том, что с одной стороны, мы понимаем, что экономические границы под влиянием глобализации и процессов региональной экономической интеграции все чаще и чаще исчезают в процессе формирования единых экономических пространств (глобального, межконтинентального, межрегионального и т.п.), но с другой стороны, все актуальнее и актуальнее становятся вопросы межстранового взаимодействия в сфере международной торговли, которые часто сопровождаются введением санкций и торговыми войнами, свидетельствуя о снижении интеграционных процессов и о важности экономических границ (что особенно ярко проявляется во взаимоотношениях развитых и развивающихся стран, особенно в условиях цифрового разрыва). Таким образом, понятие экономической границы становится довольно динамичным.

Следует также различать экономическую границу конкретной территории и экономическую границу рыночного пространства. Экономическая граница территории, как правило, определена либо административными границами, либо какими-либо международными (межрегиональными) соглашениями, поэтому чаще всего она фиксирована и

четко определена, относительно устойчива во времени. Экономическая граница рыночного пространства формируется под влиянием спроса и предложения, чаще всего не закреплена в нормативных документах, по большей части предположительна и условна, а также четко не определена, может изменяться в течение времени в большей степени, чем экономическая граница территории.

Думается, что влияние границы на экономическое развитие прилегающих территорий должно быть предметом более пристального внимания в рамках именно экономических исследований. Представляется перспективным обособленное развитие концепции экономической лимологии и возможностей применения ее теоретических концептов для изучения региональных экономик субъектов Российской Федерации.

1.2 Определение и содержание понятия «приграничный регион»: типы границ и типы приграничных регионов

Внимание исследователей к такому объекту исследования как приграничные регионы в последнее время неуклонно растет. В последней четверти XX века понятие приграничного региона встречалось лишь эпизодически в работах разных авторов. Основная направленность таких работ была географической и экономической. При этом в мировом измерении большая часть исследований в тот период в качестве объекта исследований определяла приграничные регионы Северной Америки и Европейского Союза.

Для того чтобы точно определить понятие приграничного региона, в первую очередь следует определить понятие региона. Но общепринятого определения региона, так же, как и приграничного региона, не существует. В зависимости от задач исследования и дисциплинарной области могут

рассматриваться политические, экономические, административные, социальные, демографические регионы. В общем виде регион можно рассматривать как единое пространство и некую однородную территорию, определенную на основе ряда специфических критериев [Межевич Н.М., 2006; Шнипер Р.И., 1996; Маршалова А. С., Новоселов А. С., 1998; Некрасов Н.Н, 1975]. А.Г. Гранберг определяет регион как «определенную территорию, отличающуюся от других территорий по ряду признаков и обладающую некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих ее элементов» [Гранберг А.Г., 2001]. Он же указывает, что подобная дефиниция региона, которая основана на совокупности признаков, отличающих регионы друг от друга, делает регион исключительно типологическим понятием, так как конкретизация содержания этого понятия возможна только при выделении конкретных типов регионов.

Исходя из рассмотренного общего подхода к определению региона, регион можно рассматривать, прежде всего, как единицу административно-территориального деления. Таким образом, приграничный регион может также рассматриваться как административно-территориальная единица субнационального уровня в данной стране, часть административной границы которого совпадает с национальной границей.

Учет феномена приграничности при разработке основных принципов и направлений региональной политики становится все более необходимым во всех странах, в которых присутствует проблема межрегиональных социально-экономических диспаритетов. Особенно яркими примерами в мировой практике являются Китай, Бразилия, Мексика. В этой практике становится все более традиционным включать приграничные регионы в обособленные объекты региональной политики. Чаще всего в тех странах, где наблюдается высокий уровень межрегиональной дифференциации, также наблюдается и высокий уровень дифференциации внутри группы приграничных регионов. В значительной степени это связано с конкретной спецификой приграничного участка, который входит в тот или иной регион.

По данным библиометрического исследования Т. Макконена и А.М. Уильямса, в зарубежных исследованиях, проиндексированных в ведущих библиографических базах Scopus и Web of Science, основной прирост публикаций, посвященных приграничным регионам, пришелся на 2006-2013 годы [Makkonen T., Williams A.M., 2016], большая часть которых приходилась на три основных журнала – «European Planning Studies», «Journal of Borderland Studies» и «Geopolitics».

Российские исследователи в последние два десятилетия также нарастили интерес к изучению приграничных регионов. Подсчет по всем видам публикаций, которые учтены в Российской научной электронной библиотеке, интегрированной с Российским индексом научного цитирования, содержащих в названии, аннотации или списке ключевых слов термин «приграничный регион» за период с 2000 по 2022 годы дает возможность отследить изменение количества таких публикаций в динамике и понять, что во втором десятилетии XXI века количество таких публикаций значительно выросло (рисунок 4). Все они принадлежали различным отраслям наук (преимущественно, экономические, юридические, географические науки, а также государственное управление). Как видно из динамики, представленной на рисунке 4, в первые три года XXI века публикации по проблемам приграничных регионов носили единичный характер, и только к концу первого десятилетия стали исчисляться десятками.

В зарубежных исследованиях, если судить об их количестве по данным научной платформы Science Direct, интегрированной с единой библиографической и реферативной базой данных рецензируемой научной литературы Scopus, к началу XXI века число исследований, посвященных проблематике приграничных регионов, составляло чуть более 4,5 тысяч и на протяжении рассматриваемого периода неуклонно росло, увеличившись в 2022 году по сравнению с 2000 годом более, чем в 4,5 раза (рисунок 5).

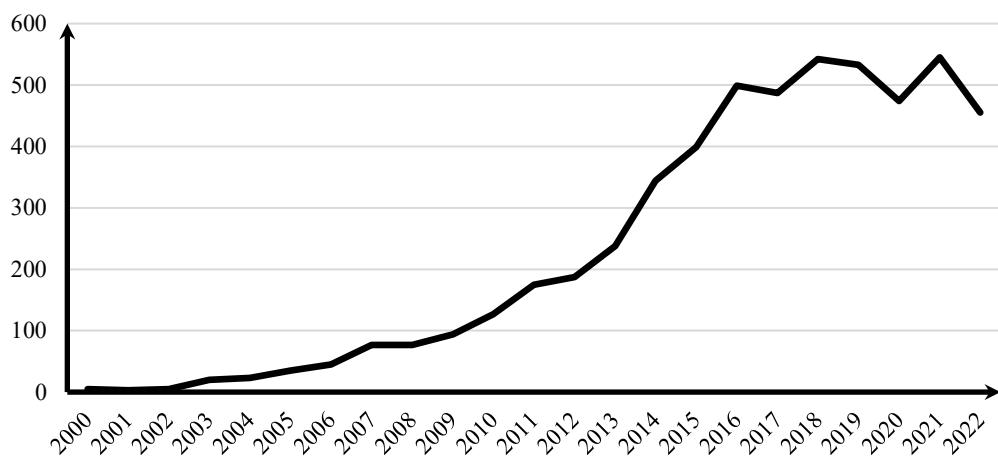

Рисунок 4 – Динамика количества публикаций в системе e-library, посвященных приграничным регионам (2000-2022 гг.)⁷

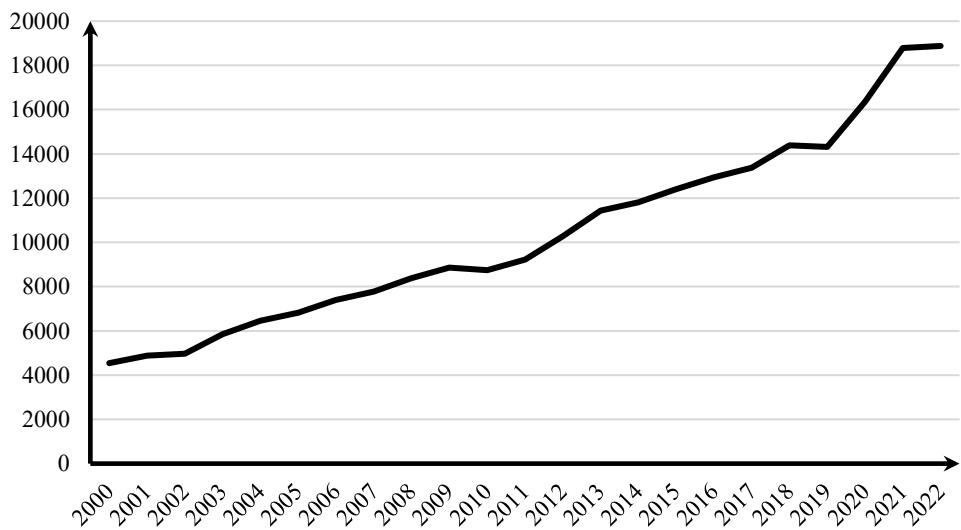

Рисунок 5 – Динамика количества публикаций в системе ScienceDirect, посвященных приграничным регионам (2000-2022 гг.)⁸

Несмотря на указанный рост интереса к приграничным регионам в научных исследованиях, многие исследователи отмечают недооценку места приграничных регионов в региональной политике и недопонимание уровня значимости приграничных регионов для социально-экономического развития страны в целом [Артоболевский С.С., Вардомский Л.Б., 2010; Кузнецов А.В., Кузнецова О.В., 2019]. Между тем, специфика приграничных регионов диктует необходимость того, что они должны быть объектом пристального

⁷ Рассчитано автором на основе данных e-library.

⁸ Рассчитано автором на основе данных ScienceDirect.

внимания со стороны федерального центра не только в рамках региональной, но и в рамках внешнеэкономической политики.

Таким образом, можно выделить четыре основных этапа в развитии научных исследований, посвящённых приграничным регионам:

1 этап (1996-2005 гг.): зарождение интереса к приграничной проблематике в различных отраслях научного знания;

2 этап (2006-2009 гг.): изучение приграничных регионов становится важным направлением современных региональных исследований;

3 этап (2010-2015 гг.): формирование отдельного научного направления, использующего свой категориально-понятийный аппарат (появление разветвленной терминологии, различных подходов и направлений в исследовании приграничных регионов)⁹;

4 этап (2016 г. – настоящее время): попытки систематизации научного знания о приграничных регионах и различных аспектах их функционирования и развития.

На данный момент исследований, посвященных приграничным регионам довольно много, но единого подхода к определению приграничного региона так и не сформировалось. Наиболее популярным определением является определение А.Г. Гранберга, который относит все приграничные регионы к проблемным и определяет их как территории, которые испытывают «существенное влияние государственной границы, основными функциями которой являются барьерная, фильтрующая, контактная» (Гранберг А.Г., 2001, с. 332].

П.Я. Бакланов и С.П. Ганзей придерживаются примерно такого же мнения, определяя приграничные регионы как территории, которые примыкают к государственной границе, испытывая при этом на себе ее существенное влияние, как и влияние соседней страны [Бакланов

---

⁹ Именно в этот период активно развивается такое направление междисциплинарных исследований в англоязычной литературе как Border Studies, объединяющее труды политологов, философов, социологов, этнологов, психологов, антропологов, лингвистов, экономистов, географов и даже специалистов в более технических науках.

П.Я., Ганзей С.С., 2008]. Такой подход к определению приграничных регионов, по мнению его авторов, позволяет предположить наличие дополнительного и особого потенциала для международной кооперации и межстранового сотрудничества. Они даже вводят такое понятие как «специфический потенциал приграничья».

Межевич Н.М. отмечает очень интересный аспект в определении приграничного региона, указывая на необходимость рассмотрения приграничных регионов не самих по себе, а в совокупности с теми регионами, с которыми они имеют общую границу. Такая совокупность представляет собой единое экономическое пространство [Межевич Н.М., 2011]. Примечательно, что обычно приграничные регионы рассматривают как периферийные, однако подход Межевича исходит из двоякого статуса приграничных регионов: они занимают периферийное положение по отношению к внутреннему национальному центру, но при этом являются центром единого экономического пространства, в которое также входят приграничные регионы сопредельных государств. Аналогичный подход к определению содержания понятия «приграничные регионы» содержится в Хартии приграничных и трансграничных регионов, принятой в 1981 году Ассоциацией Европейских приграничных регионов: роль государственных границ в этом документе метафорично ассоциируется со «шрамами истории», которые разделили единые экономические, культурные и политические, исторически сформировавшиеся пространства¹⁰.

В целом периферийное положение приграничных регионов рассматривается многими авторами как их специфическая характеристика [Арсентьева И.И., 2012; Артоболевский С.С., Вардомский Л.Б., 2010; Гранберг А.Г., 2010 и др.]. Неудивительно, что в исследованиях по региональной экономике значительное внимание уделено изучению того, как приграничные регионы могут преодолеть недостатки местоположения,

---

¹⁰ Протокол № 2 Европейской рамочной конвенции по трансграничному сотрудничеству между территориальными сообществами и властями 5.05.1998. Страсбург.

возникающие из-за барьеров, образованных национальными границами, и превратить это обстоятельство в конкурентное преимущество посредством трансграничных отношений и сотрудничества с сопредельными государствами.

В ряде зарубежных исследований под приграничным регионом понимают что-то вроде «совместного региона» (единого экономического пространства), то есть территорию, которую разделяют представители двух наций (народностей), и на которой проживают сообщества с общими социальными характеристиками, несмотря на то, что их разделяет административная (государственная) граница [Phaneuf V.M., 2013; McKinsey L., Konrad V., 1989]. Но в таком определении необходимо все-таки подчеркнуть, что эти общие социальные характеристики являются не просто слиянием двух регионов в конкретное пространство, а представляют собой результат идентификации людей друг с другом на нескольких уровнях общих истории, географии, размытых культур. Поэтому ряд исследователей в такой трактовке понятия «приграничный регион» отмечают так называемый эффект лиминальности, то есть приграничные регионы – это некие пороговые территории не только в политическом и административном смысле, но и в экономическом, социальном, культурном. В этой связи существуют даже точки зрения, согласно которым приграничные территории – это категория в международных экономических отношениях, которая представляет собой «третье пространство» во взаимоотношениях двух стран, где осуществляется транснациональный обмен культур, который сопровождается гибридностью и лиминальностью [Dear M., 2013].

Многие авторы, трактуя одинаково понятие приграничного региона как территорию, которая вследствие прилегающего положения к сопредельному государству, обладает рядом специфических особенностей, но большинство из этих авторов по-разному определяют эти особенности. Так, С.Н. Грибова рассматривает приграничные регионы как субъекты Федерации, экономическое развитие которых в значительной степени определяется

характером конкретной границы и той ролью, которую они играют в международных экономических отношениях [Грибова С.Н., 2006]. Исходя из такого подхода, С.Н. Грибова особое внимание в ряду специфических особенностей развития приграничного региона уделяет отношениями данного региона с регионами сопредельного государства. Л.Л. Божко выделяет такие специфические особенности приграничных регионов, которые формируются под влиянием общих экономических, социальных, культурных и экологических особенностей развития сопредельного государства [Божко Л.Л., 2010].

Поскольку объектом данного диссертационного исследования является экономика приграничных регионов, то целесообразно рассмотреть определение приграничного региона, представленное в Федеральном законе 179-ФЗ от 26.07.2017 г. «Об основах приграничного сотрудничества», в соответствии с которым приграничные регионы – это «субъекты Российской Федерации, территории которых прилегают к Государственной границе Российской Федерации»¹¹. Но мы понимаем, что границы бывают разными, и влияние сухопутной и морской границ на региональную экономику при прочих равных условиях может быть разным. Поэтому, например, некоторые исследователи предлагают проводить эмпирические оценки различных факторов социально-экономического развития приграничных экономик отдельно для приграничных регионов с сухопутной границей с сопредельными государствами и для приморских регионов [см., например: Корнеевец В.С., 2010; Кузнецов А. В., Кузнецова О. В., 2019].

Российские регионы традиционно развивались и продолжают развиваться в условиях высокой межрегиональной дифференциации, приведшей к делению регионов на «центр» и «периферию». Еще со времен СССР наиболее экономически развитыми становились регионы, которые

---

¹¹ «Об основах приграничного сотрудничества»: федеральный закон от 26.07.2017 г. № 179-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220884/ (дата обращения: 01.03.2024).

занимали центральное положение, располагались в непосредственной близости к ведущим транспортным магистралям и обладали богатыми природными ресурсами. В 1990-е годы такие регионы быстрее адаптировались к кризисной экономической ситуации и новым политико-экономическим реалиям. Однако в силу причин объективного характера (прежде всего, экономико-географического положения), приграничных регионов среди них явное меньшинство.

Для ряда приграничных регионов, которые принято относить к так называемому «старому приграничью», ситуация осложняется еще и тем, что в условиях замкнутого характера советской экономики их удаленность от центра и слабая транспортная инфраструктура не позволили им накопить какой-либо существенный экономический потенциал. Таким образом, это отбросило их на уровень депрессивных или экономически отсталых регионов Российской Федерации. В связи с такой спецификой академик Гранберг считает, что эффективная региональная политика невозможна без выделения различных типов приграничных регионов как разновидности «проблемных» регионов [Гранберг А.Г., 2001]. Мы бы уточнили этот вывод А.Г. Гранберга, определив абсолютную необходимость систематизации приграничных регионов, а не просто типологизации.

На наш взгляд, в исследованиях по типологизации и классификации приграничных регионов сложилось два основных направления:

- 1) теоретическое, универсальное направление, в рамках которого выделяются основные типы регионов без учета специфики конкретной страны;
- 2) выделение классов регионов применительно к конкретной национальной экономике (в русскоязычных источниках такой подход наиболее популярен).

Таким образом, в исследовании приграничных регионов и в попытках упорядочить их множество в разных странах с целью выявления специфики

социально-экономического развития разных регионов, следует отличать типологию приграничных регионов от классификации.

Независимо от того, как сами авторы разных исследований называют свои результаты – типология или классификация – в данном диссертационном исследовании будем исходить из того, что под типологией приграничных регионов мы будем понимать некое разделение их множества на такие упорядоченные модификации, вершиной которых будет некий эталонный тип приграничного региона; в свою очередь под классификацией мы будем понимать группировки приграничных регионов исходя из каких-либо их физических и количественных параметров (например, исходя из экономико-географического положения или индикаторов их социально-экономического развития). Мы также будем исходить из того, что главной отличительной чертой типологизации приграничных регионов от их классификации является тот факт, что когда мы выделяем типы или классы приграничных регионов, то может так случиться, что для данной конкретной страны в рамках предложенной типологии не окажется ни одного региона, относящегося к определенному типу приграничных регионов, в отличие от классификации (своебразной сортировки в рамках имеющегося набора явлений), которая распределит все имеющиеся в данной стране приграничные регионы по выделенным классам регионов.

Итак, в первом направлении основополагающей типологизацией приграничных регионов является типологизация Оскара Мартинеса, который, исследуя мексиканские приграничные штаты, выделил их типы в зависимости от глубины приграничного взаимодействия, отношений между соответствующими странами и взаимосвязями внутри социальных сообществ [Martinez J., 1994]¹². Он выделил 4 основных типа регионов: отчужденные

---

¹² Классификация О. Мартинеса является основополагающей практически во всех исследованиях по типологии приграничных регионов (как в отечественных, так и в зарубежных). Однако, в русскоязычных научных источниках случилась следующая казуистика: ошибочно авторство данной типологии приписывают неким «Б. Ван дер Вельду и Р. Мартину», которые в своей статье «Так много регионов, так много границ» якобы представили данную классификацию. Подобных отсылок в русскоязычных источниках

приграничные регионы, сосуществующие, взаимозависимые и интеграционные (таблица 1).

К отчужденным приграничным регионам относятся те, которые не имеют приграничных связей, например, вследствие открытого межгосударственного противостояния между странами, различных разногласий, проявления национализма, идеологической и религиозной враждебности, а также культурных и этнических различий. Эти факторы приводят к тому, что границы обладают высоким уровнем барьерности и непроницаемости. Экономическое развитие таких регионов и плотность населения являются очень низкими. На наш взгляд, подобные приграничные регионы могут возникать и внезапно, например, в ситуации появления соседствующих стран-лимитрофов, что должно требовать немедленной корректировки региональной политики той страны, в которой приграничный регион оказался прилегающим к стране-лимитрофу.

Сосуществующие приграничные регионы характеризуются тем, что период формальных межгосударственных противоречий пройден. Однако, имеются культурное и этническое недопонимание, предубеждения между сообществами приграничных регионов двух стран.

Главным шагом к переходу от этого типа приграничных регионов к следующему – взаимозависимым – становится заключение соглашений на двусторонней или многосторонней основе и совместное развитие культуры, экономики и политики на основе этих соглашений [Martinez O.J., 1994]. В

бесчисленное множество [См., например: Арсентьева И.И., 2012; Бредихин А.В., 2016; Гуменюк Л.Г., 2017; Лазарева В.В., 2019; Осмоловская Л.Г., 2016; Суржиков В.И., 2012; Ткаченко М.Ф., Журова А.В., 2017 и т.д.]. Панышин И.В., Яресь О.Б., Земскова М.С. даже взяли за основу своего исследования данную типологию, также приписав авторство «Б. Ван дер Вельду и Р. Мартину» и применили для анализа российских приграничных регионов [Панышин И.В., Яресь О.Б., Земскова М.С., 2014]. Однако на самом деле доктор Мартин Ван дер Вельде (B. Martin R. Van der Velde) – это один человек, профессор географии университета Неймегена (Голландия). Он является всемирно известным исследователем вопросов миграции, поведения потребителей и функционирования рынков труда именно в приграничных регионах. Типологию же О. Мартинеса он привел в своем докладе «Так много регионов, так много границ», считая ее наиболее подходящей для своего исследования [Velde Van Der B.M.R., 1997].

дальнейшем поддержание таких взаимоотношений и взаимодействий между приграничными регионами соседних стран может перейти на более высокий уровень взаимозависимости – к развитию приграничного сотрудничества и более интенсивному перетоку факторов производства (труда и капитала) из одной страны в другую. Дальнейшее углубление этого процесса приведет к интеграционным процессам и переходу к следующему типу регионов – интеграционному. Однако, такой переход возможен только в случае сопоставимого уровня социально-экономического развития приграничных регионов сопредельных государств и не всегда возможен в ситуации существенной межрегиональной дифференциации между ними, которая может еще сильнее отбросить менее развитый регион на более низкий уровень экономического развития (рисунок 6).

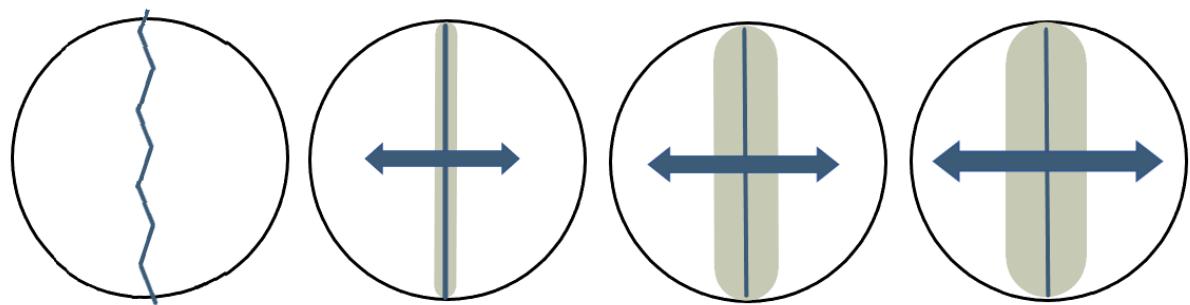

Рисунок 6 – Типы регионов, предложенные в типологии О. Мартинеса¹³

Интеграционные приграничные регионы – последний тип приграничных регионов, выделенный Мартинесом. Отличительной чертой таких регионов является стирание торговых, экономических и социальных барьеров между приграничными регионами сопредельных стран, свободное перемещение между ними труда и капитала, активное участие именно этих регионов в общих процессах международного сотрудничества между двумя странами в целом, а также совместное инициирование процессов региональной экономической интеграции с третьими странами.

---

¹³ Составлено автором.

Данная типология взята за основу многими как отечественными, так и зарубежными учеными при исследовании различных типов регионов. По мнению, например, Л.Г. Осмоловской, будучи базовой типологией, типология О. Мартинеса, тем не менее, нуждается в актуализации [Осмоловская Л.Г., 2016], поэтому указанный автор ее модифицирует и выделяет пять типов приграничных регионов на основе критерия различного соотношения барьерной и контактной функций границы (таблица 2).

Поскольку соотношение указанных функций полностью зависит от решений государства в этом вопросе для каждого конкретного участка границы, то в значительной степени траектория развития конкретного приграничного региона будет зависеть от приоритетов государственной политики в отношении данных границ, а также от направлений и намерений данного государства в построении международных отношений с сопредельными странами. Таким образом, потенциал, интенсивность и направления приграничного сотрудничества с точки зрения Л.Г. Осмоловской будут определяться преимущественно соотношением между барьерной и контактной функциями границы, хотя автор и допускает влияния других факторов развития приграничных экономик.

Другой, наиболее яркой в методологическом плане попыткой вывести универсальную типологию приграничных регионов, является предложенная типология регионов Дж. Фридмана, который считается одним из основателей такого направления в пространственной экономике как теория поляризованного развития («центр-периферия»), рассматривающая в качестве основной причины межрегиональной дифференциации по уровню экономического роста, прежде всего, диспропорции в развитии центра и периферии [Friedmann J., 279]. Данная типология не предназначалась именно для приграничных регионов, но, на наш взгляд, поскольку приграничные регионы часто рассматриваются как периферийные по отношению к внутреннему центру (или нескольким центрам), то она весьма актуальна именно для приграничных регионов.

Таблица 2 - Подходы к типологизации приграничных регионов¹⁴

Критерий разделения на типы	Выделяемые типы	Автор концепции	Особенности
Характер государственной границы, степень интенсивности приграничных связей	– отчужденные приграничные регионы (ПР); – существующие ПР; – взаимозависимые ПР; – интеграционные ПР.	О. Мартинес	Одна из первых базовых типологий
Соотношение барьерной и контактной функций границы	– изолированные ПР; – локально взаимодействующие ПР; – активно взаимодействующие ПР; – взаимозависимые ПР; – открытые ПР	Л.Г. Осмоловская	Актуализированная типология О. Мартинеса
Возможности региональной экономики реализовать свой потенциал и достичь определенного экономического роста	– ключевые регионы (регионы роста, регионы-ядра); – растущие переходные регионы; – отстающие регионы; – регионы-сырьевые границы; – регионы, требующие особого внимания со стороны государства	Дж. Фридман	Предложена в рамках теории регионального поляризованного развития
Возможности и показатели экономического развития	– регионы-ядра; – переходные регионы; – периферийные ресурсные; – коридоры развития; – регионы развитого приграничного сотрудничества.	В.С. Корнеевец	Актуализированная типология Дж. Фридмана

В пространственном отношении экономический рост наблюдается в городских регионах, которые представляет собой что-то вроде строительных блоков, вокруг которых строится экономическое пространство. Центры размещения сосредотачиваются в экономическом пространстве на уровне городов и городских поселений, таким образом, превращаются в точки роста. Возникает иерархическая система городов, то есть происходит углубление

---

¹⁴ Составлено автором.

пространственной интеграции центра и периферии, которое стимулирует экономический рост. Фридман описывает города (центры) и иерархию в экономическом пространстве примерно в таком же ключе, что и В. Кристаллер центральные места [Christaller W., 1966]: экономический рост пропорционален размеру агломерации и представляет собой функцию от расстояния до центра. Также Фридман определяет наборы регионов, которые называет «однородными» и «взаимозависимыми», подразумевая, что потоки товаров и информации преимущественно направлены от периферии к центру или ядру. В этой системе для описания различных типов регионального развития Дж. Фридман предлагает пять основных типов регионов: ключевые регионы (регионы роста, регионы-ядра); растущие переходные регионы; отстающие переходные регионы; регионы-сырьевые границы; регионы, требующие особого внимания со стороны государства. Регионы роста имеют такие же характеристики, как и центр, просто другого уровня. Растущие переходные регионы - богатые трудовыми ресурсами регионы, имеющие хороший экономический потенциал и положительное миграционное сальдо. Их проблема – это эффективность использования имеющихся ресурсов. Отстающие переходные регионы – это, как правило, устаревшие промышленные или сельскохозяйственные экономики с оттоком трудовых ресурсов. Ресурсные границы представляют собой обычно сельскохозяйственные и ресурсные экономики с потенциалом ресурсного характера и притоком трудовых ресурсов в некрупные (по сравнению с центром) новые городские поселения. Последний тип – регионы с особыми проблемами – требуют пристального внимания со стороны государства и особых подходов региональной политики.

Рассмотренная типология регионального развития Дж. Фридмана является одной из самых известных, ее также берут за основу для рассмотрения различных типов регионов. Так, например, исследователь В.С. Корнеевец применяет ее для типологии приморских приграничных регионов, но для целей своего анализа несколько актуализирует (таблица 1),

добавляя к типам Фридмана еще два типа регионов – коридоры развития, играющих значительную роль во внешнеэкономических связях страны, и регионы, которые могут обладать смешанными признаками двух или трех типов [Корнеевец В.С., 2010].

Таким образом, большинство предлагаемых подходов к типологии приграничных регионов исходят из деления приграничных регионов на типы исходя из характера, степени и глубины взаимодействия приграничных регионов с регионами сопредельного государства. Логично предположить, что указанные факторы будут оказывать влияние на тип регионального развития, поэтому, на наш взгляд, типология приграничных регионов должна учитывать и особенности социально-экономического развития, и интенсивность приграничных связей с регионами сопредельного государства, а также специфику экономического развития приграничного региона соседней страны. Поэтому в рамках данного диссертационного исследования предлагается авторская типология приграничных регионов, в основу которой положен принцип *комлимитизма*.

1.3 Типология приграничных регионов на основе принципа комлимитизма

Экономическое развитие региона не просто зависит от его приграничного положения, а находится под воздействием государственной границы, разделяющей субъекты субнационального уровня разных стран, имеющих общую границу, которая влияет на возможности приграничного взаимодействия этих регионов и особенности регионального экономического развития. Степень такого воздействия может носить дифференцированный

характер. Этую дифференциацию и позволяет отразить такой термин как «комлимитизм»¹⁵.

Под *комлимитизмом* (от лат. *com* – «с», «вместе» и *limitem* – «предел», «граница»; буквально «у границы», «вместе у одной границы») автор данного диссертационного исследования будет понимать вариант совместного существования двух приграничных регионов сопредельных государств, при котором экономическое развитие приграничного региона данной страны взаимно обусловлено общей государственной границей и возможностями приграничного взаимодействия исходя из особенностей экономического развития приграничного региона сопредельного государства. С точки зрения автора диссертации, в общем виде таких вариантов и, соответственно, типов регионов, можно выделить пять.

Первый тип можно назвать приближенной к автаркии¹⁶ периферией, то есть сюда относятся приграничные регионы, имеющие слабые связи с регионами сопредельного государства, и, как правило, имеющие относительно низкий исторически сформировавшийся экономический потенциал. Для этого типа приграничных регионов граница с сопредельными государствами такова, что существуют барьеры для приграничного взаимодействия. Это могут быть барьеры этнического, геополитического или институционального характера, либо физические барьеры, связанные с наличием тех или иных особенностей природно-территориальных комплексов, на которые расположены данные регионы (например, границы Российской Федерации в Чеченской Республике простираются вдоль гребней горных хребтов) (рисунок 7).

---

¹⁵ Важно отличать комлимитизм от соседства и трансграничности. Соседство – это близость местонахождения, а трансграничность – это характеристика территориальной системы, содержащая участки территории двух стран, которые осуществляют взаимодействия «через границу» (транс- - через) это специфическая характеристика территориального образования высокой степени комлимитичности. Таким образом, эти три термина не могут рассматриваться как синонимы по отношению друг к другу.

¹⁶ Термин «автаркия» мы используем здесь только в комлимитистском контексте, то есть подразумеваем отсутствие экономических связей с регионом сопредельного государства, что, конечно, не исключает связи с другими регионами страны данного приграничного региона.

Для этого типа регионов барьеры могут носить как преодолимый в течение длительного периода времени, так и объективно непреодолимый характер. Тип экономического развития в таких регионах в значительной степени обусловлен политикой внутреннего центра и, как правило, такие регионы преимущественно взаимодействуют с внутренними регионами данной страны. Чаще всего приграничный регион сопредельного государства также имеет похожий тип экономического развития с ограниченным рыночным потенциалом, так как барьеры взаимодействия имеют двусторонний характер.

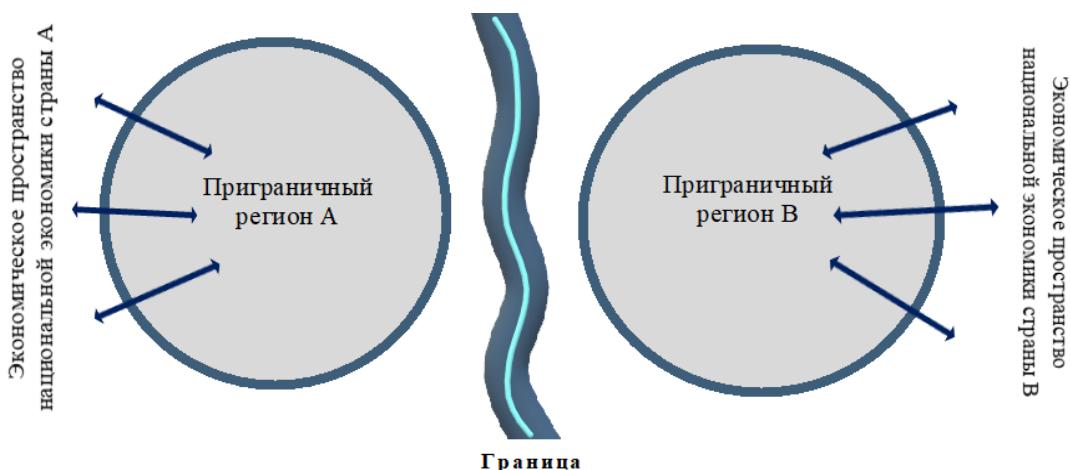

Рисунок 7 – Приграничные регионы типа «приближенной к автаркии периферии»¹⁷

Второй тип условно назовем «регион – сосед лимитрофа¹⁸». Он охватывает приграничные регионы, имеющие достаточно слабые связи с регионами сопредельного государства при наличии барьеров для

¹⁷ Составлено автором.

¹⁸ Понятие лимитрофа в современной науке используется ситуативно, при этом отсутствуют общепринятые подходы к его определению. Но определение понятия «лимитроф» очень важно с позиций экономической лимнологии. Этимология понятия «лимитроф» берет свое начало в Древнем Риме, где под лимитрофом понимали место дислокации пограничных войск. Затем в первой половине XX века лимитрофами стали называть те государства, которые до 1917 года входили в состав Российской империи (в основном так называемые «западные губернии»), а после 1917 г. стали относительно самостоятельными государствами. В настоящее время термин «лимитроф» используется преимущественно в geopolитических исследованиях и подразумевает такое государство, экономика, культура, идеология, потоки информации которого находятся под политическим контролем какого-либо влиятельного государственного актора. Например, страны бывшего социалистического лагеря являлись лимитрофами СССР.

приграничного взаимодействия, которые носят односторонний характер. Чаще всего такие барьеры являются временными, и, например, могут появляться вследствие военно-политической нестабильности на территории сопредельного государства. Для такого типа приграничного региона тип экономического развития однозначно определить нельзя, так как он будет зависеть от сформированного накануне появления таких барьераов экономического потенциала данного региона. Однозначно можно лишь утверждать, что появление таких барьераов должно привлечь особое внимание государства, которому приоритеты региональной политики необходимо выстроить и скорректировать, в том числе, с учетом экономических интересов такого приграничного региона (рисунок 8).

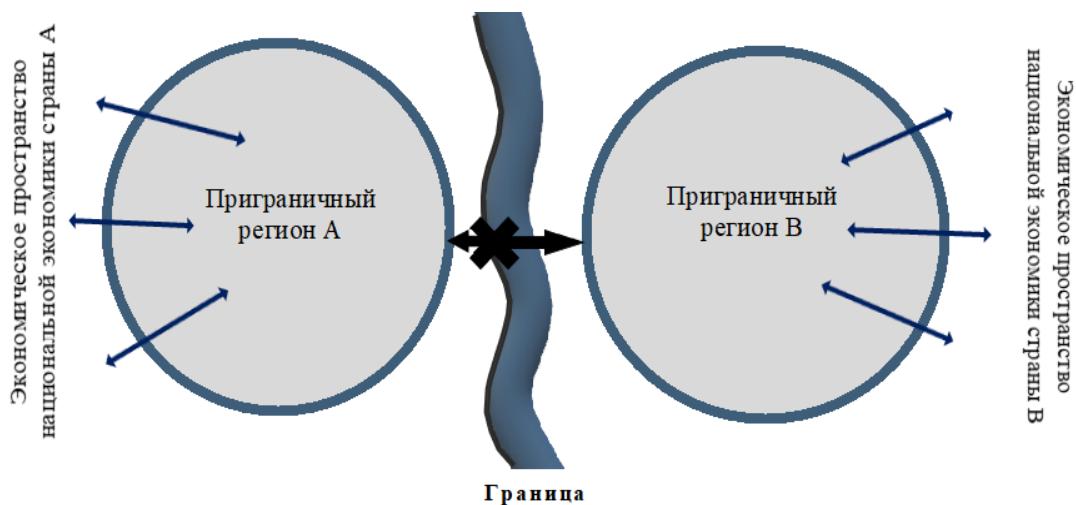

Рисунок 8 – Приграничные регионы типа «сосед лимитрофа»¹⁹

Третий тип включает приграничные регионы поляризованного развития, для них характерно чаще всего выгодное экономико-географическое положение (в том числе, это может быть близость к морю или приморские регионы), но относительно низкие показатели социально-экономического развития. Как правило, взаимодействие с приграничными регионами сопредельного государства носит умеренный характер.

Принцип комлимитизма, положенный в основу типологии приграничных регионов в данном диссертационном исследовании,

¹⁹ Составлено автором.

подразумевает, что в такой типологии важны не только эндогенные характеристики экономик приграничных регионов, но и те, которые формируют особые типы регионов в зависимости от влияния, оказываемого взаимодействием с сопредельным государством (действующие на экономику приграничных регионов извне). Если рассматривать интеграционные процессы между территориями сопредельных государств, особенно в сфере внешнеэкономических связей, то логично предположить, что интеграционные процессы и соответствующим им последствия для региональных экономик, будут аналогичны тем, которые присущи межстранным взаимодействиям.

В исследованиях, посвященным процессам региональной интеграции, одним из приоритетных в оценке последствий этих процессов, является вопрос о распределении выгод и потерь между странами-участниками интеграционных процессов. Эти исследования доказывают, что поскольку уклонение от торговли возникает в большей степени для тех стран, которые обладают «крайними» сравнительными преимуществами, то соглашения о региональной интеграции между территориями, имеющими низкий уровень диверсификации экономики и относительно низкий уровень дохода на душу населения, будут приводить к уклонению от торговли. Поэтому интеграционные процессы между странами, значительно отличающимися по уровню диверсификации экономики, по соотношению квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы, по величине дохода на душу населения, скорее всего, приведут к перераспределению выгод интеграции от менее развитых стран к более развитым [Fischer R.D., Serra P., 1996; Thompson H., 1995]. Аналогичные эффекты распространяются и на субнациональный уровень власти, что было, например, доказано для бразильских штатов [Filho J., Horridge J., 2006]²⁰.

---

²⁰ Общая тональность исследований в этой области такова, что обычно перераспределение выгод в рамках сотрудничества между странами в сфере экономической и торговой интеграции осуществляется таким образом: наибольшие выгоды получают те страны, у которых более инновационные экономики и более высокий уровень развития обрабатывающего сектора промышленности и сферы услуг. Одно из исследований даже доказывает, что наибольший перераспределительный эффект от менее развитых стран в

Таким образом, для третьего типа приграничных регионов определяющим фактором их экономического развития является соседство и взаимодействие с приграничным регионом сопредельного государства, который имеет более качественный уровень экономического развития (рисунок 9). В этой ситуации логично предположить, что даже выгодное экономико-географическое положение приграничного региона данной страны и относительно более высокий уровень экономического развития в сравнении со среднерегиональными показателями данной страны приведет при прочих равных условиях к перераспределению выгод приграничного региона сопредельного государства.

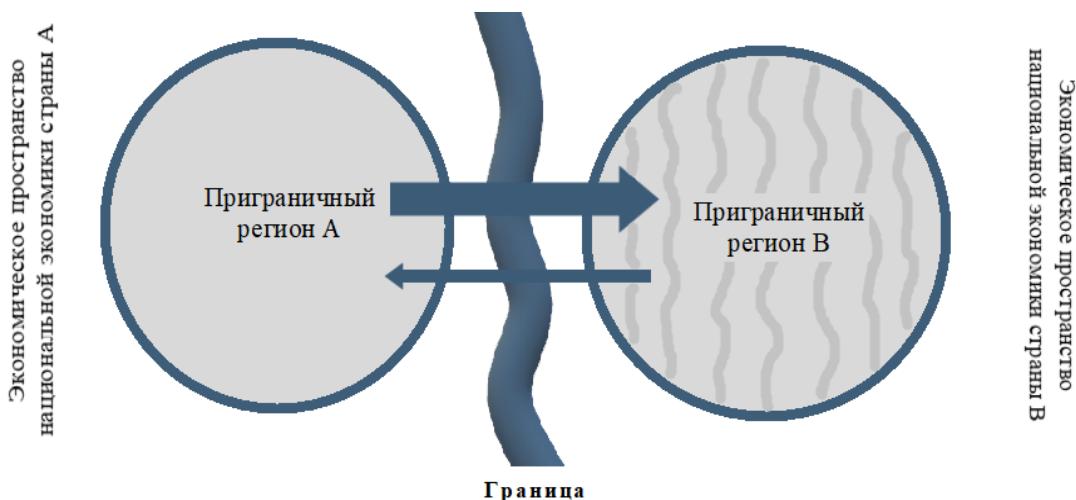

Рисунок 9— Приграничные регионы поляризованного развития²¹

Ярким примером такого типа регионов являются приграничные регионы Российской Федерации, имеющие общую границу с Китаем. Правительство Китая в рамках своей региональной политики проводит весьма активную политику приграничного взаимодействия, в основе которой лежит предоставление приграничным провинциям налоговых и таможенных льгот, а также дополнительных правовых возможностей местному уровню власти в вопросах приграничного сотрудничества. Чего нельзя сказать о региональной политике российского правительства. В результате приграничное

пользу более развитых стран происходит в международной торговле услугами (в сравнении с торговлей товарами) [Leea J., Kimb J., 2016].

²¹ Составлено автором.

взаимодействие между регионами России и Китая выстраивается преимущественно на торговле и экспорте трудовых ресурсов из Китая в Россию, а также на получении Китаем дополнительных каналов реализации уверенно растущих рынков сбыта товаров потребительского назначения и источников сырья и первичной продукции. Поскольку для российских регионов на границе с Китаем сотрудничество с территориями сопредельного государства важно именно с точки зрения их экономико-географического положения в территориальной структуре РФ, а именно как компенсационный механизм минимизации транспортных расходов в условиях непрерывного роста транспортных тарифов внутри России и, вследствие этого, ослабления экономических связей с внутренними российскими регионами, то отсутствие адекватной региональной политики российского федерального центра²², при активной поддерживающей свои приграничные регионы региональной политике Китая, приводит к консервации сырьевой ориентации приграничных регионов РФ²².

К четвертому типу отнесем те приграничные регионы, которые сопоставимы по экономическому развитию и потенциалу с приграничными регионами сопредельного государства и принимают активное участие в приграничном взаимодействии. Назовем четвертый тип регионов приграничными регионами симилитивного взаимодействия. Термин симилитивный (от лат. *similis* – подобный) предполагает, что данный вариант взаимодействия между приграничными регионами основан на примерно равном уровне социально-экономического развития приграничных регионов сопредельных государств и сопоставимых качественных характеристиках их региональных экономик, таких как степень диверсификации региональной экономики, доля отраслей обрабатывающей промышленности в общем объеме

---

²² Для российских приграничных регионов на границе с Китаем недосаточное присутствие государства в регулировании процессов и порядка приграничных взаимодействий не просто консервирует сырьевую ориентацию этих регионов, но также и препятствует развитию и усилению обрабатывающей промышленности в структуре их региональных экономик, так как приграничное взаимодействие для российских регионов «фиксирует» те этапы создания добавленной стоимости, которые наблюдаются на самых первых стадиях.

промышленного производства, уровень развития инновационной сферы региональной экономики, отклонение от средних по данной стране индикаторов экономического развития.

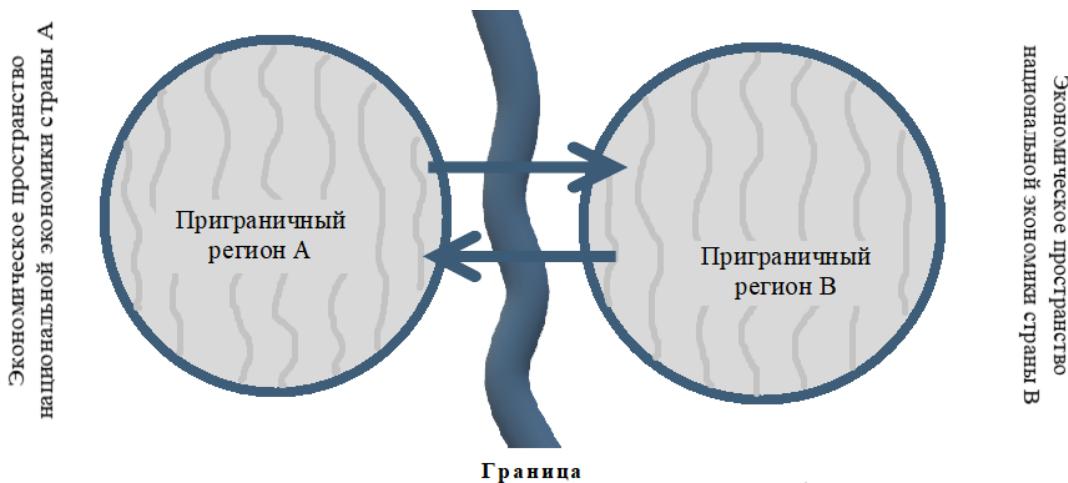

Рисунок 10 – Приграничные регионы симилитивного взаимодействия²³

Для такого типа приграничных регионов характерно участие региональных властей (субнационального уровня) в формировании институтов приграничного взаимодействия с сопредельным государством, а также установление двусторонних контактов на субнациональном и местном уровне между сопредельными территориями двух стран. Как правило, между такими регионами, кроме развития социально-экономических отношений, в какой-то степени осуществляется совместная работа по развитию транспортной и технологической сети, может присутствовать культурное, политическое, научное и образовательное взаимодействие. Очень важны для такого типа приграничных регионов участие во взаимодействии в транспортной, инвестиционной и инновационной сферах.

Пятый тип – это регионы, входящие в транснациональные макрорегионы, в пределах которых приграничное взаимодействие достигло наиболее высокого уровня. Чаще всего такие регионы становятся участниками различных долгосрочных программ трансграничного сотрудничества, их территории испытывают на себе их влияние в форме изменения пространственной и институциональной структуры приграничных

²³ Составлено автором.

отношений. Наблюдается усиление правительственной координации развития и реализации взаимовыгодных партнерских отношений, создание совместных органов управления программами (например, трансграничных региональных комиссий).

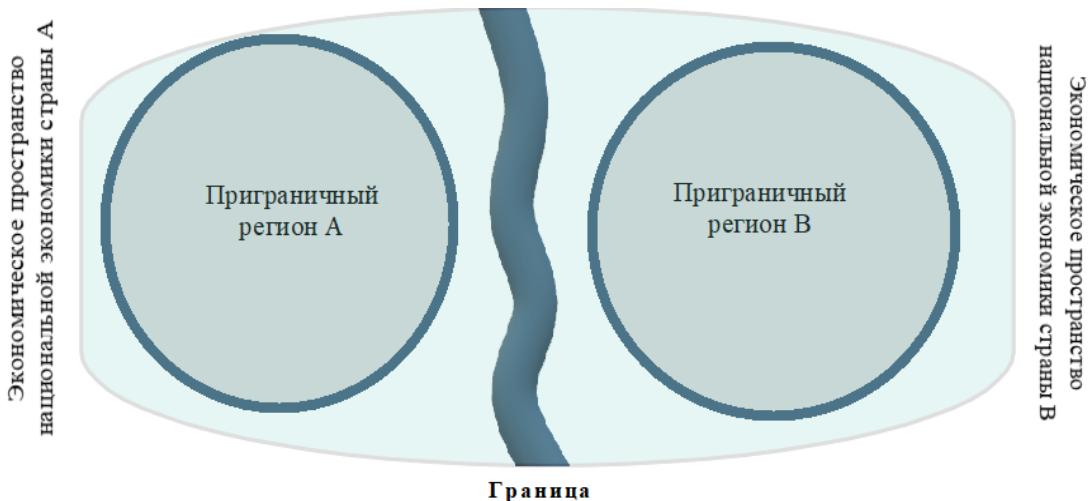

Рисунок 11 – Приграничные регионы, образующие транснациональные макрорегионы²⁴

Разделение на типы для российских приграничных регионов в рамках предлагаемой типологии представлено в Приложении В к данному диссертационному исследованию.

Классификация приграничных регионов является также весьма важным методом описания приграничных регионов как объекта исследования и выявления закономерностей их функционирования и развития. Так как метод классификации – это элементарный групповой анализ, в рамках которого происходит систематизация и упорядочивание реально существующих объектов с описанием отдельных видов такими, какими они существуют в реальности, то применительно к классификации именно приграничных регионов должна быть достаточная для разделения на виды (классы) выборка таких регионов. В мировой практике для выявления приграничного регионального развития в отдельно взятой стране существует не так уж много, как возможностей, так и потребностей: Российская Федерация на фоне других

²⁴ Составлено автором.

крупнейших в мире стран по площади обладает беспрецедентным количеством приграничных регионов и огромным межрегиональным неравенством, которое составляет одну из ключевых проблем региональной политики в нашей стране.

Как видно из данных таблицы 3, Россия в сравнении и с развитыми, и с развивающимися странами характеризуется значительной межрегиональной дифференциацией по уровню ВРП на душу населения²⁵. Многочисленные исследования межрегионального неравенства в России доказывают, что и по другим показателям (среднемесячная номинальная начисленная зарплата, среднедушевые доходы населения, объемы регионального промышленного производства, объемы розничной торговли и т.п.) можно сделать аналогичный вывод [например, Бахтизин А.Р., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В., 2016; Буфетова А.Н., 2014; Вардомский Л.Б., 2008; Морошкина М.В., 2013, 2016 и др.]. Такое состояние указанной проблемы привело к необходимости для многих российских исследователей разрабатывать различные подходы к классификации субъектов Российской Федерации, в том числе приграничных. Поэтому на сегодняшний день сложилась такая ситуация, для которой характерно наличие в русскоязычной литературе различных подходов к разработке классификации и типологии приграничных регионов, соответствующих специфике российских проблем регионального развития. А для иностранных исследователей, изучающих приграничные регионы, свойственны преимущественно поиски наиболее адекватной общим закономерностям функционирования приграничных территорий типологии²⁶.

---

²⁵ В статье группы американских и европейских исследователей 2013 года исследовано 82 страны мира (более 1500 регионов), и их расчеты показывают, что Россия занимает третье место в мире по межрегиональному неравенству, уступая лишь Венесуэле и Таиланду. См. подробнее: Gennaioli N., Porta La R., Silanes de F.L. Shleifer A. Growth in Regions. National Bureau of Economic Research, 2013. Working Paper 18937. Available at: <http://www.nber.org/papers/w18937> (дата обращения: 01.03.2024).

²⁶ Отдельно нужно отметить Европейский Союз, исследователи которого также отмечают высокий уровень дифференциации стран, которые его образуют. Но применительно к ЕС рассматривать отдельные страны как субнациональный уровень представляется не вполне

Таблица 3 - Количество приграничных регионов и масштаб межрегионального неравенства в семерке крупнейших по общей площади стран в мире²⁷

Страна	Количество приграничных регионов	Коэффициент «размаха» межрегиональной дифференциации по уровню ВРП на душу населения (колебания за последние 20 лет)
Китай	18	7,6 – 10,7
Мексика	6	7,9 – 11,6
США	18	2,3 – 5,2
Канада	10	2 – 3,4
Индия	24	5,4 – 10,5
Бразилия	11	4,2 – 8,5
Россия	48	15,3 – 43,6

Обобщая различные подходы к классификации приграничных регионов в России, необходимо отметить, что чаще всего такая классификация разрабатывается для определения рекомендаций по корректировке мер государственного регулирования регионального развития, поэтому учитывая пространственные особенности российской экономики, строится на географической принадлежности тех или иных регионов к макрозонам и/или экономическим районам, или, исходя из того, в какой географической части евразийского континента находится страна, имеющая общие границы с данным приграничным регионом РФ. В «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» приграничные регионы названы геостратегическими территориями²⁸. Согласно этой стратегии, все приграничные регионы делятся на 8 групп в зависимости от того, с какими странами граничат регионы (Приложение А). Первые четыре группы – геостратегические территории, 5-8 группы относятся к приоритетным геостратегическим территориям.

корректным, особенно после введения на границах этих стран ограничений в результате пандемии covid-19.

²⁷ Рассчитано и составлено автором на основе данных национальных статистических служб перечисленных стран.

²⁸ Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. N 207-р.

Такая классификация обусловлена формулой стратегических целей пространственного развития, к числу которых относятся, в том числе, содействие социально-экономическому развитию приграничных регионов и, прежде всего, тех, которые в Стратегии определены как «приоритетные геостратегические территории». Как отмечено в исследовании В.А. Шамахова, Н.М. Межевича, Стратегия представляет собой базовый документ, направленный на обеспечение эффективного взаимодействия в системе отношений «центр — периферия» в условиях, когда потенциал развития сосредоточен в регионах, расположенных преимущественно в центральной части страны (как правило, это внутренние регионы), в то время как периферийные территории (большая часть из которых имеет приграничное положение), даже если и имеют ресурсы для модернизации региональных экономик, остаются относительно неразвитыми [Шамахов В.А., Межевич Н.М., 2019]. Поэтому в Стратегии перечислены эти различные варианты «периферии», имеющие очень разные экономические, структурные, geopolитические и культурно-исторические особенности.

Другие классификации приграничных регионов также основываются либо на разделении их на группы в зависимости от сопредельных стран, либо в зависимости от особенностей экономико-географического положения (таблица 4). Так, в классификации Л.Б. Вардомского, признанной в большинстве российских исследований на приграничную тематику в качестве основополагающей, приграничные регионы делятся на три группы в зависимости от того, в какой части евразийского континента находится сопредельная страна: европейские, постсоветские, азиатские приграничные регионы. Каждая группа соответствует определенной модели приграничного сотрудничества.

Таблица 4 - Подходы к классификации приграничных регионов Российской Федерации²⁹

Критерий разделения на классы	Выделяемые классы	Автор концепции	Особенности
Сопредельная страна, оказывающая влияние на приграничные регионы	– европейский; – постсоветский; – азиатский	Л.Б. Вардомский, подход принят в большинстве российских исследований	Типология для регионов – субъектов Российской Федерации
Географический	– Норвежско-финляндское приграничье (П); – Балтийское П; – Белорусское П; – Украинское П; – Северо-Кавказское П; – Казахстанское П; – Восточно-Сибирское и Дальневосточное П	А.Г. Гранберг	Семь зон приграничья: две зоны из старого приграничья (эволюция от барьерности к контактности), пять – из нового (барьерность в ущерб контактности)
Наличие различных соглашений о межрегиональном сотрудничестве и делимитации и демаркации границы	– европейский; – постсоветский институционализирующийся; – постсоветский стагнирующий; – китайский; – монгольский; – северо-корейский	А.Б. Себенцов	Акцент на формировании институциональной среды приграничных регионов сопредельных государств
Количественные и качественные детерминанты социально-экономического развития приграничных регионов	– ПР с низким экономическим потенциалом; – ПР с высоким уровнем экономического развития; – высоко интегрированные ПР; – ПГ с высоким уровнем агломерации; – ПГ с высоким уровнем экономического развития и значительным потенциалом	Topaloglou L., Kallioras D., Manetos P., Petrakos G.	Разработана для приграничных регионов ЕС, учитывает процесс расширения ЕС на Восток

Приграничные регионы европейского класса соответствуют такой модели приграничного взаимодействия, которая подобна «еврорегионам», и

²⁹ Составлено автором.

основывается на проектной составляющей приграничного сотрудничества. Постсоветский класс регионов предрасположен к участию в различного рода интеграционных соглашениях между Россией и сопредельными странами постсоветского пространства, что должно расширить потенциал приграничного сотрудничества и привести к ликвидации барьеров на пути трансграничного движения товаров, услуг и факторов производства. Приграничные регионы азиатского класса могут развивать приграничное сотрудничество на основе режима особого статуса, предполагающего введение различных преференций и льгот для региональных властей, участвующих в приграничном сотрудничестве [Вардомский Л.Б., 2008]. Несмотря на то, что данная классификация признана основополагающей в отечественной литературе, при ее использовании нужно учитывать, что она была предложена до геополитических сложностей в отношениях России со странами Запада, до формирования ЕАЭС и до изменения приоритетов России в межгосударственном взаимодействии с ее соседями, поэтому она нуждается в уточнении и актуализации.

Значительный вклад в разработку принципов классификации приграничных регионов внес академик А.Г. Гранберг, одним из первых введя деление приграничных регионов на «старое приграничье» и «новое приграничье», а также разделяя все приграничные регионы на 7 основных зон по географическому принципу (таблица 4) [Гранберг А.Г., 2004].

В ограниченных попытках классификации приграничных регионов заслуживает также внимания подход А.Б. Себенцова, который делает акцент на различиях институциональной среды приграничных территорий сопредельных стран [Себенцов А.Б., 2018]. Основным критерием в выделении различных видов приграничных регионов служит наличие соглашений о межрегиональном сотрудничестве и демаркации границы (таблица 4). Основная идея его подхода заключается в том, что страны с похожей по структуре институциональной средой обычно заключают большее число подобных соглашений, и само по себе их наличие свидетельствует об уровне

институционализации приграничного сотрудничества (выражающееся в регулярности приграничного взаимодействия, автономности от федерального центра в принятии решений, наличии программ совместных действий, стратегий развития и т.п.). По своей сути, выделяемые виды приграничных регионов, – это скорее принадлежность тех или иных регионов к определенному типу приграничного сотрудничества в зависимости от институционализации этого сотрудничества.

Еще один интересный подход, пока еще совсем неразвитый в российских исследованиях применительно к приграничным регионам, но широко распространенный и применяемый к субъектам РФ в целом, – это классификация регионов на основе количественных и качественных детерминант социально-экономического развития. И хотя в современных условиях⁵, после ужесточения границ в результате пандемии covid-19, «приграничность» в Европейском Союзе приобретает иные интенции, чем до пандемии, тем не менее, исследование группы греческих авторов, позволяет выделить 5 основных видов приграничных регионов в зависимости от количественных и структурных характеристик их региональных экономик [Topaloglou L., Kallioras D., Manetos P., Petrakos G., 2005]. И хотя авторы называют продукт своего исследования «типология», по сути они предлагают классификацию приграничных регионов на основе 5 групп индикаторов: 1) индикаторы, характеризующие уровень экономической интеграции; 2) показатели социально-экономического развития региональной экономики; 3) размер рынка; 4) рыночный потенциал; 5) культурно-языковые различия на сопредельных территориях.

Таким образом, важной особенностью типологизации приграничных регионов является выделение ключевых параметров различных типов регионов. Интерпретация пространственной динамики интеграции в приграничных регионах, основанная исключительно на экономических параметрах, является неполной. Типологизация приграничных регионов должна учитываться не только социально-экономические, но и

географические, международные и прочие факторы, которые влияют на степень выраженности приграничного положения региона и влияния этого положения на региональное экономическое развитие, что требует как количественного, так и качественного анализа различных факторов приграничных региональных экономик. Типология приграничных регионов должна строиться с учетом принципа комлимитизма, отражающего характер и интенсивность приграничных связей, и может также отражать динамические характеристики этих связей, меняясь под воздействием внешнеэкономических и политических факторов.

Выводы по главе 1

Приграничные регионы превратились в последние два десятилетия в одну из острых проблем региональной экономической науки. В большинстве исследований основное внимание уделяется оценке влияния приграничного положения региона или влияния государственной границы, которая является и частью административной границы данного региона, на его социально-экономическое и политическое развитие. С этой точки зрения, возрастает исследовательский интерес к соотношению контактной и барьерной функциям границ, а также вопросам приграничного взаимодействия данного региона и регионов сопредельного государства.

Актуализация экономического развития приграничных регионов в региональном дискурсе сопровождалась трансформацией представлений об экономическом пространстве, а эта трансформация в свою очередь привела к формированию обособленного направления в региональной экономической науке – экономической лимнологии, изучающей влияние границ на экономическое развитие приграничных территорий, а также обеспечивающей

научное обоснование региональной экономической политики государства, направленной на безопасное и сбалансированное экономическое развитие приграничных территорий, территориальную целостность страны, корректировку приграничных взаимодействий с территориями сопредельного государства, исходя из стратегических интересов данного государства.

Так как экономическое пространство, объединяющее приграничные регионы разных стран, представляет собой территорию, насыщенную объектами и связями, также характеризуется определенной связанностью, то приграничные регионы по одну сторону границы в рамках этого пространства могут находиться под влиянием и/или сами влиять на приграничные территории сопредельного государства. Помимо экономической связности, важны характеристики экономического пространства, отражающие особенности размещения производственного и инновационного потенциала, уровень конкурентоспособности региональных экономик, особенностей взаимодействия с местной системой и остальным миром. В этой связи возможны различные варианты взаимного сосуществования приграничных территорий сопредельных государств в рамках одного экономического пространства. Эти варианты совместного существования двух приграничных регионов сопредельных государств позволяют определить принцип комлимитизма. Исходя из указанных особенностей экономического развития приграничных регионов на основе принципа комлимитизма автор диссертационного исследования выделяет пять типов приграничных регионов:

- 1) периферийные регионы с существенными барьерами, чаще непреодолимого характера, для взаимодействия с регионами сопредельного государства;
- 2) регионы – «соседи лимитрофа»;
- 3) регионы поляризованного развития (полярность в развитии с регионом сопредельного государства);
- 4) регионы симилитивного взаимодействия;

5) приграничные регионы, которые входят в транснациональные макрорегионы.

Принцип комлимитизма, положенный в основу типологии приграничных регионов в данном диссертационном исследовании, подразумевает, что в такой типологии важны не только эндогенные характеристики экономик приграничных регионов, но и те, которые формируют особые типы регионов в зависимости от влияния, оказываемого взаимодействием с сопредельным государством (действующие на экономику приграничных регионов извне).

ГЛАВА 2 ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА ПРИГРАНИЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНА В ОЦЕНКЕ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

2.1 Методические подходы к оценке факторов экономического развития приграничных регионов

Выбор факторов экономического развития приграничных регионов в целом соответствует общим подходам к выявлению факторов регионального экономического развития, однако, в связи с такими важными сущностными характеристиками приграничных регионов как подверженность влиянию государственной границы, образование единого экономического пространства с регионами сопредельного государства, приводящее к взаимозависимости и взаимовлиянию экономик приграничных территорий сопредельных стран, к стандартному набору факторов обычно исследователи добавляют факторы, являющиеся следствием специфики экономико-географического положения приграничных регионов. При этом наличие общей границы с регионами другого государства, имеющего другую специфику национальной экономики, чаще всего оказывает влияние не только на конечные индикаторы регионального экономического развития (например, ВРП на душу населения), но и на факторы, образующие «стандартный» набор факторов регионального экономического развития, независимо от того является регион внутренним или приграничным. Например, формирование общего экономического пространства с приграничными регионами соседнего государства может оказывать влияние на производственный комплекс приграничного региона данной страны, что, например, сказывается на ключевых показателях функционирования региональной промышленности, а также приводит к

особенностям движения факторов производства, особенно трудовых ресурсов, и сказывается на показателях региональной инвестиционной активности [Rietveld P.B., 2012; Fauser M., Friedrichs A., Harders L., 2019; Осмоловская Л. Г., 2016].

Набор факторов, которые чаще всего берутся исследователями за основу построения той или иной модели, отражающей их влияние на экономическое развитие приграничных регионов, значительно отличается от исследования к исследованию. Чаще всего, методы сравнительного и факторного анализа дают возможность исследователям оценить перспективы и возможности регионального экономического роста, выделить наиболее вероятные траектории регионального развития, оценить уровень развития и исследовать его динамику. В подобных исследованиях чаще всего используются такие показатели как среднедушевые доходы населения, численность населения, уровень безработицы, различные виды налоговых поступлений в региональные бюджеты, инвестиции в основной капитал, объем промышленного производства [Малышев В. А., Стрябкова Е.А., 2018; Нежельченко Е.В., Здоровец Ю.И., Ясенок С.Н., Петров Д.А., 2022; Садыралиев Ж., Карбекова А.Б., 2022; Hippe S., Bertram D., Chilla T., 2023 и др.]. Так как подобные показатели могут быть взаимозависимы, то некоторые авторы заявляют о необходимости применения политических методов на основе кластерного анализа, который позволит сформировать многомерные группы регионов в формате сложносоставных таксонов [Бадарчи Х.Б., Дабиев Д.Ф., 2012]. При таком подходе учитываются такие факторы как продолжительность жизни, коэффициент младенческой смертности, уровень занятости, среднедушевые денежные доходы населения, доля населения с величиной среднедушевых денежных доходов выше 12000 руб. в месяц как показатель социального расслоения, доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, количество ЭВМ на 100 домохозяйств и другие показатели отражающие эффективность и

результативность функционирования таких сфер как образование, здравоохранение и т.п.

Методические подходы к оценке экономического развития приграничных регионов основываются на выделении предмета такой оценки. К числу критериев выделения такого предмета чаще всего в исследованиях относят:

1) экономический потенциал приграничных регионов (чем выше потенциал, тем больше возможностей для экономического развития приграничных регионов);

2) конкурентоспособность региональной экономики или ее отдельных отраслей (чем выше конкурентоспособность, тем больше возможностей для расширения межрегиональных связей и, соответственно, для экономического развития);

3) агрегированные показатели экономического развития приграничных регионов (как индикаторы экономического развития, а также как факторы, оказывающие влияние на экономическое развитие);

4) инновационное развитие приграничных регионов;

5) трансграничные взаимодействия, вовлекающие транспортную инфраструктуру и миграцию населения.

Отдельного внимания достоин вопрос влияния такого фактора как участие приграничного региона в потоках международной торговли и его влияние на региональное экономическое развитие.

Как было показано в предыдущих параграфах диссертационного исследования, формирование экономического пространства представляет собой процесс, который складывается под влиянием рыночных факторов, и государственные границы искусственно рассекают это пространство, препятствуя региональному развитию. Кроме того, в ряде случаев границы проходят через труднодоступные географические объекты, которые служат естественным ограничителем регионального развития. Вопрос взаимосвязи уровня развития приграничных региональных экономик и различных

индикаторов должен быть рассмотрен и во взаимосвязи с изучением пространственных диспаритетов, возникающих вследствие влияния расширения внешнеторговых связей на региональную экономику. Существуют точки зрения, согласно которым именно приграничные регионы в наибольшей степени задействованы в международных торговых отношениях России с ее торговыми партнерами и поэтому считается, что именно они в большей степени испытывают на себе эффекты международной торговли [напр.: Федюнина А.А., 2016].

Если рассматривать национальные экономики с неоднородным экономическим пространством, с резко отличающимися сравнительными преимуществами отдельных регионов, то можно предположить существенную неоднозначность зависимости ориентации экономик субнационального уровня на международную торговлю и уровень социально-экономического развития. Так, например, в исследовании влияния международной торговли на темпы роста регионального продукта мексиканских штатов обнаружен тот факт, что большее вовлечение штата во внешнеэкономические связи Мексики позитивно сказывается лишь на темпах экономического роста тех штатов, которые изначально имели более высокий уровень социально-экономического развития [Gonzales Rivas M., 2007]. В работе Даумаля и Озиурта, посвященной влиянию международной торговли на подушевой уровень дохода бразильских штатов в зависимости от их начального уровня дохода, также показано, что более широкие внешнеэкономические связи выгодны только тем штатам, которые имеют более развитые региональные экономики, но также в этой статье авторы еще и доказывают, что внешняя торговля приводит к более высоким темпам экономического роста для богатых штатов и тормозит развитие бедных штатов, тем самым существенно снижая результативность попыток федерального правительства реализовать политику межрегионального выравнивания [Daumal M., Özyurt S., 2011]. Также эмпирические расчеты Даумаля и Озиурта позволили показать, что большая вовлеченность в международную торговлю приносит выгоды лишь тем

регионам, которые имеют относительно более высокий уровень промышленного развития и относительно более высокую обеспеченность человеческим капиталом. Другими словами, этим авторам удалось показать, что для развития региональной экономики недостаточно простой вовлеченности конкретного региона во внешнеэкономические связи страны, и даже более того, усиление экспортно-импортной составляющей регионального развития может привести к невозможности достижения сбалансированного территориального развития, которое часто декларируют федеративные государства в качестве основной цели региональной политики федеральных центров.

Формализация взаимосвязи между социально-экономическим развитием приграничных регионов и международной торговлей может иметь определенные трудности в связи с тем, что статистические данные, описывающие региональные экономики, как правило, менее открыты и доступны, чем данные по национальным экономикам. Ряд исследователей в связи с этой особенностью даже предлагают использовать результаты ночной фотосъемки со спутников, чтобы иметь представление о концентрации экономической активности в приграничных регионах. Так, в одном современном французском исследовании изучаютсяочные снимки со спутника и доказывается, что в масштабах мировой экономики экономическая активность приграничных регионах в большинстве стран мира существенно ниже, чем во внутренних регионах [Brülhart M., Cadot O., Himbert A., 2019]³⁰. Другая трудность рассматриваемой формализации заключается в том, что для субнационального уровня в большей степени, чем для национального уровня, свойственна двойственность в причинно-следственных связях между

---

³⁰ В подобных исследованиях, как правило, показано, что граница наочных снимках со спутника создает тень (появился даже такой термин как “тень границы”), и что средняя интенсивность света постепенно уменьшается по мере приближения к границе. Применительно к теме нашего диссертационного исследования интересным является вывод, что усиление либерализации торговли, измеряемое ростом объемом экспорта между двумя странами, разделенными границей, снижает интенсивность пограничной тени [Brülhart M., Cadot O., Himbert A., 2019].

масштабами участия приграничных регионов в международной торговле и особенностями развития региональных экономик. В частности, в современных исследованиях по оценке различных факторов регионального развития довольно распространенным является вывод, который гласит, что сформировавшаяся структура региональной экономики и уровень социально-экономического развития территории существенно влияет на вовлеченность региона во внешнюю торговлю, а также на потенциал диверсификации экспортных производств и специализацию региона. Однако, возможно и обратное воздействие – международной торговли на экономическое развитие региона.

В Российской Федерации в сравнении с большинством стран мировой экономики наблюдается относительная доступность статистических данных, описывающих социально-экономическое положение субъектов РФ и их вовлеченность в международную торговлю. Поэтому по отношению к такому объекту исследования как российские приграничные регионы мы можем применить более стандартные для экономической науки методы формализации взаимосвязи экономического развития и вовлеченности в международную торговлю на региональном уровне.

В рамках традиционного подхода основополагающей является модель Дж. Бхагвати, согласно которой рост торговли приносит больший доход, а больший доход способствует большему объему торговли, таким образом, международная торговля стимулирует экономический рост, а рост ВВП увеличивает международную торговлю [Bhagwati J.N., 1988]. Причинно-следственная связь между экспортом и экономическим ростом может быть исследована путем включения экспорта и импорта в агрегированную производственную функцию:

$$Y = Y(I, M, X), \quad (1)$$

где Y – валовой выпуск, I – валовые инвестиции, и X и M – экспорт и импорт.

Тогда расширенная производственная функция превращается в следующее регрессионное уравнение:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 X + \beta_2 M + \beta_3 I + \varepsilon \quad (2)$$

где β_i – коэффициенты регрессии, ε – случайная ошибка.

Наиболее распространённым методом формализации зависимостей между различными переменными, которые определяют и описывают региональное развитие в России, является метод панельных данных. Преимущества его таковы, что он позволяет оценить зависимость регионального развития от экономико-географического положения, а также от стандартных индикаторов социально-экономического развития. В рамках этого подхода можно выделить четыре основных направления.

Первые направление – это использование метода панельных данных с введением бинарных («фиктивных») переменных. Так, например, В.Ф. Дабиев предлагает следующую модель для оценки зависимости регионального экономического роста от экономико-географического положения регионов:

$$\text{рВРП} = \beta_1 + \beta_2 \cdot \text{ПР} + \beta_3 \cdot \text{БПРР} \cdot R + \beta_4 \cdot \text{УП} + TFE + \varepsilon \quad (3)$$

где рВРП – годовой рост ВРП в расчете на душу населения, ПР – фиктивная переменная, равна 1, если регион имеет приграничное положение, равна 0 для региона, имеющего внутреннее положение, БПРР – фиктивная переменная, равна 1, если регион обладает богатыми природными ресурсами, R – доля отраслей в ВРП, использующих природные ресурсы (к «богатым» отнесены автором те, у которых эта доля выше 5%), УП – фиктивная переменная, равна 1, если регион относится к условно прибрежным регионам, TFE – годовой фиксированный эффект, ε – случайная ошибка [Дабиев Д.Ф., 2019]. Другим примером модели такого рода является модель, предложенная в исследовании С.П. Земцова, В.Л. Бабурина и В.А. Баринова, которая также на основе бинарных переменных определяет зависимость экономического потенциала региона от близости к основным инновационным центрам [Земцов С.П., Бабурин В.Л., Баринова В.А., 2015].

Второе направление в формализации взаимосвязи между результирующим для экономики показателем и показателями внешней торговли применяет индексные и экспертные оценки для построения модели

панельных данных. Примером такого исследования может служить работа К.Ю. Волошенко и Т.Е. Дрок, в которой авторы рассматривают взаимосвязь между показателями приграничной специализации внешнеторгового оборота и индексами экономической сложности [Волошенко К.Ю., Дрок Т.Е., 2019].

Гравитационные модели оценки внешнеторговых потоков и их влияния на ВРП – это третье направление в формализации взаимосвязи между ВРП и показателями международной торговли. Этот тип моделей становится все более популярным в исследованиях различных аспектов международной торговли, так как они построены на аналогии закона тяготения в физике, в соответствии с которым между массой и расстоянием существует гравитационное взаимодействие. Метафора физической гравитации в данном случае переносится на экономические процессы и явления, которые имитируют гравитационное взаимодействие. Впервые эта идея была использована В. Айзардом [Isard W., 1960] для анализа зависимости торговых потоков от расстояния между торговыми территориями.

$$F_{ji} = G \cdot \frac{M_j \cdot M_i}{D_{ij}} \quad (4)$$

где G – коэффициент размерности (константа), M_j , M_i – экономические размеры стран j и i , торгующих друг с другом (по которым ведется оценка), D_{ij} – расстояние между двумя странами j и i , F_{ij} – торговый поток между странами j и i .

Для целей эконометрического анализа данное уравнение обычно преобразуется в линейное с помощью логарифмирования:

$$\ln F_{ij} = \text{const} + \alpha \cdot \ln M_j + \beta \cdot \ln M_i - \gamma \cdot \ln D_{ij} + \varepsilon \quad (5)$$

где const – константа, а ε – случайная величина.

Данный подход прочно обосновался в исследованиях, посвященных межстрановым и межрегиональным торговым отношениям. В качестве показателей экономического размера страны чаще всего исследователи берут показатели ВВП (ВРП). И если в вопросе выбора индикатора размера экономики практически все исследователи единогласны, то роль

межстранового (межрегионального) расстояния трактуется иногда неоднозначно [Chaney T., 2013]. Так, П. Кругман, например, предложил модель, которая объяснила, как торговые барьеры и размеры стран влияют на потоки внешней торговли. Модель Кругмана не определяет напрямую роль расстояния, а лишь рассматривает фактор расстояния только в той степени, в которой расстояние является косвенным показателем торговых барьеров, которые в свою очередь могут негативно влиять на него.

Четвертое направление – оценка пространственных эффектов для экономического развития приграничных регионов [Bemrose R., Brown W., Tweedle J., 2020; Coughlin C., Novy B., 2013; Coughlin C.C., Novy D., 2021; McCallum J., 1995 и др.]. Исследования пространственных эффектов показывают, что меньшие регионы связаны с относительно сильными эффектами приграничного положения, а более крупные регионы связаны с относительно слабыми приграничными эффектами. Исследователи Клетус Кофлин и Денис Нови называют эту зависимость эффектом «пространственного затухания» [Coughlin C.C., Novy D., 2021]. С наличием этого эффекта связывают систематическую неоднородность получаемых результатов в зависимости от того, какая страна берется для исследования (состоящая из относительно больших регионов с существенной долей государственной границы в общей протяженности административной границы регионов или относительно небольших регионов в указанном смысле). Такой вывод свидетельствует о том, что приграничные эффекты для разных стран напрямую несопоставимы, так как все страны содержат разные наборы пространственных единиц, что приводит к различным пространственным эффектам, которые, в том числе, определяются и пространственной структурой страны, и степенью агрегированности ее отдельных элементов.

С точки зрения выбора методов исследования в оценке пространственных эффектов для экономического развития приграничных регионов весьма популярны методы пространственной эконометрики,

используемые для улучшения регрессионных моделей с учетом факторов размещения.

Таким образом, методические подходы к оценке факторов экономического развития приграничных регионов весьма разнородны. Большинство исследователей акцентируют внимание на каких-то отдельных аспектах экономического развития. Существенное место в этих подходах занимает оценка внутренних и внешних межрегиональных взаимодействий и влияние на них приграничного положения регионов. Однако, специфических индикаторов, которые бы позволяли учесть разное влияние государственной границы на региональное экономическое развитие разных территорий, в современных исследованиях не применяется.

2.2 Ранжирование регионов Российской Федерации на основе их приграничного положения

Как мы уже показали в предыдущем параграфе, существует значительная часть исследований, в основе которых лежит формализация взаимосвязи между экономическим развитием региона и его приграничным положением, использует так называемый бинарный подход, когда вводится фиктивная переменная (*dummy*): переменная равна 1, если регион является приграничным, переменная равна 0, если у региона внутреннее положение. Например, А.Н. Новопашин активно использует данный подход для оценки факторов прямых иностранных инвестиций в Россию, имеющих китайское происхождение [Новопашин А.Н., 2015], а также для оценки распределения иностранного капитала в России и оценки пространственных зависимостей перераспределения эффекта изменения валютных курсов в отношении потребительских цен [Новопашин А.Н., 2020].

Чернов А.Н. в использовании гравитационного подхода к анализу внешнеторговых связей Российской Федерации указывает на необходимость введения фиктивной переменной (равна 1 в случае общих границ между Россией и ее торговым партнером) в гравитационные модели, ставшие столь популярными в исследовании различных аспектов международной торговли. Также этот автор обосновывает введение еще одной фиктивной переменной для тех торговых партнеров России, которые имеют выход к морю, обосновывая эту необходимость тем, что большая часть международных грузовых перевозок приходится именно на морской транспорт [Чернов А.Н., 2017]. С. Ледяева также указывает на необходимость учета выхода к морю и наличия морских портов в качестве фиктивной переменной [Ledyanova S., 2009]. M. Brülhart, O. Cadot, A. Himbert в исследовании взаимосвязи международной торговли и экономического развития приграничных регионов предлагают включение фиктивных переменных для тех регионов, которые имеют на своей территории международный морской порт, международный аэропорт или международное железнодорожное сообщение с другими странами [Brülhart M., Cadot O., Himbert A., 2019].

Таким образом, текущие возможности учета приграничных регионов ограничены преимущественно фактом приграничного положения как такового и наличия общих границ с сопредельным государством, а также наличием транспортного сообщения с сопредельными государствами. Между тем, рассматривая приграничный регион с позиций взаимной обусловленности приграничного региона данной страны общей государственной границей и возможностями приграничного взаимодействия, исходя из особенностей экономического развития приграничного региона сопредельного государства, совершенно очевидна значительная ограниченность современных исследований приграничных регионов, каждый из которых испытывает на свой региональной экономике влияние государственной границы по-своему. Поэтому необходим подход, который позволит измерить и ранжировать все регионы по их приграничному положению с позиций возможностей

приграничного взаимодействия, которые создает их экономико-географическое положение и исторические факторы развития конкретной региональной экономики.

Оценка приграничного положения для различных регионов Российской Федерации должна исходить из того, что приграничный фактор формирования и функционирования региональной экономики для каждого приграничного региона может проявляться по-разному, исходя из особенностей приграничного положения и взаимодействия с сопредельным государством. Эти особенности, в свою очередь, обусловлены функциональными характеристиками государственной границы. С точки зрения лимнологии выделяют три основные функции границ: барьерную, контактную и фильтрующую. Проявление барьерной и фильтрующей функций границы приводят в разной степени к сдерживанию приграничного взаимодействия, а реализация контактной функции, наоборот, ему способствует, так как формирует дополнительные связи между сопредельными странами. Большинство лимнологических исследований доказывает, что если контактная функция границы доминирует над барьерной и фильтрующей, то взаимодействие между приграничными территориями усиливается, доминирование же барьерной и/или фильтрующей функций приводит к сдерживанию приграничного взаимодействия [Вардомский Л.Б., Мироненко Н.С., 1982; Колосов В.А., Туровский Р.Ф.; Шувалов В.Е., 1981].

Под влиянием процессов глобализации и региональной экономической интеграции функции и транспарентность российских государственных границ претерпели существенные изменения на рубеже XX-XXI веков, поэтому невозможно однозначно сделать вывод о том, какие функции государственных границ в РФ проявляются в большей степени, так как на разных участках государственной границы РФ они проявляются по-разному и в значительной степени будут определяться характером взаимодействия с сопредельным государством и заинтересованностью России и ее стран-соседей в усилении или, наоборот, в сдерживании межгосударственного взаимодействия.

Думается, что в том числе и этим обстоятельством обусловлена существенная дифференциация в уровне социально-экономического развития российских приграничных регионов.

Как правило, этапы усиления межгосударственного сотрудничества между странами сопровождаются заключением соглашений между правительствами РФ и соседней страны, в которых присутствуют пункты о необходимости создания благоприятных условий для развития между странами и открытием дополнительных пунктов пересечения границы (пунктов пропуска через границу). Таким образом, учет приграничного положения российских регионов требует принципиально новых концептуальных подходов, в основе которых лежали бы оценка значимости приграничного положения конкретного российского региона и ранжирование приграничных регионов РФ на основе этой оценки.

Данное исследование основывается на оценке двух основных индексов – индексе граничной линии и индексе приграничного взаимодействия. Индекс граничной линии представляет собой долю протяженности государственной границы, которая совпадает с административной границей данного конкретного приграничного региона, в общей протяженности административной границы данного региона. Индекс граничной линии (I_{bl}^i) рассчитывается по формуле:

$$I_{bl}^i = \frac{I_b^i}{P^i} \quad (6)$$

где I_b^i – протяженность государственной границы, которая совпадает с административной границей данного приграничного региона i ; P^i – общая протяженность административной границы региона i , которая, по сути, представляет собой периметр этого региона.

Индекс приграничного взаимодействия представляет собой относительный показатель, который построен по методу относительных разностей и предполагает получение оценок по частным показателям при помощи нормирования. Он рассчитывается следующим образом:

$$I_b^i = \frac{p^i - p^{min}}{p^{max} - p^{min}} \quad (7)$$

где p^i – общая численность пунктов пропуска через государственную границу, расположенных на территории региона i ; p^{min} – минимальное значение пунктов пропуска через государственную границу для приграничных регионов; p^{max} – максимальное значение пунктов пропуска через государственную границу для приграничных регионов. В случае расчета данного показателя нормирование методом линейного масштабирования производится для приведения этих данных к интервалу от нуля до единицы.

Общий индекс приграничного положения i -го региона (I_{bl}^i) рассчитывался следующим образом:

$$I_{bl}^i = k_1 * I_X^i + k_2 * I_Y^i \quad (8)$$

где k_1 и k_2 – коэффициенты, определяемые эмпирическим путем на основе экспертных оценок значимости граничной линии или приграничного взаимодействия.

Предположим, что $k_1 = 0,5$ и $k_2 = 0,5$, тогда индекс приграничного положения i -го региона равен:

$$I_{bl}^i = 0,5 * I_X^i + 0,5 * I_Y^i \quad (9)$$

Данный индекс соответствуют содержанию понятия «приграничный регион» и показывает насколько данная административно-территориальная единица, расположенная в непосредственной близости от государственной границы, реализует особый потенциал этого своего расположения с точки зрения взаимодействия с сопредельным государством, и насколько этот регион подвержен эффектам границ, к числу которых относится такой эффект как развитая приграничная инфраструктура (пограничные переходы, пограничный контроль и таможенные посты, связь, логистические центры и т.д.). Возможна большая детализация таких эффектов и дальнейшее усовершенствование указанного индекса в направлении учета большего числа различных эффектов границы, например, оценки возможностей использовать имеющиеся природные ресурсы по обе стороны границы в рамках

взаимодействия двух стран, возможностей вовлечения в международное сотрудничество населения приграничного региона и различных учреждений и организаций, располагающихся на его территории, взаимодействий между бизнес-сообществом приграничного региона с сопредельной территорией страны-соседа, активный обмен товарами и услугами между территориальными единицами местного самоуправления, расположенными в приграничном регионе и в непосредственной близости к государственной границе и т.д.

Поскольку в официальных статистических данных по регионам Российской Федерации приводятся данные лишь по площади регионов и отсутствуют данные по периметру или протяженности административной границы российских регионов, то расчеты индекса граничной линии для приграничных регионов Российской Федерации осуществлялись на основе ручного измерения периметра регионов с помощью инструмента «Геометрия» облачной ГИС-платформы ArcGIS Online, которая является частью Esri Geospatial Cloud – геопространственного облака компании ESRI, являющегося одним из крупнейших в мире на сегодняшний день хранилищем больших геопространственных данных. Для измерения в рамках данного исследования был выбран встроенный в платформу ArcGIS Online полигональный слой «Субъекты Российской Федерации». Результаты расчетов индекса граничной линии представлены в Приложении С (таблица 1).

Для расчета индекса приграничного взаимодействия были использованы данные Министерства транспорта Российской Федерации, в которых представлен перечень пунктов пропуска через государственную границу по состоянию на 18.12.2020³¹. В расчет были взяты автомобильные, железнодорожные, морские, речные, озерные, пешеходные и смешанные

---

³¹ Перечень пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации. Министерство транспорта РФ, 2021. – Электронный ресурс. URL: <https://mintrans.gov.ru/storage/app/media/lbs/2perechen-punktov-propuska-dlya-razmeshcheniya-na-sayt.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).

пункты пропуска через государственную границу. Далее все эти пункты в соответствии с официальными адресами по информации Министерства транспорта были соотнесены с субъектами РФ. Результаты расчетов индекса приграничного взаимодействия представлены в Приложении С (таблица 2).

Группировки регионов, образованные на основе расчета общего интегрального индекса приграничного положения, представлены в таблице 5, ранжирование регионов на основе интегрального индекса представлено на рисунке 12. Первую группу образуют регионы, для социально-экономического и политического развития которых приграничное положение играет ключевую роль (пять регионов указаны в первой строке таблицы 5).

Таблица 5 - Группировки регионов по величине интегрального индекса приграничного положения³²

<i>Группы регионов по уровню «приграничности»</i>	<i>Регионы, входящие в группу</i>
Регионы, полностью зависящие от своего приграничного положения	Калининградская область, Приморский край, Республика Крым, Белгородская область, Ростовская область
Регионы с относительно высоким уровнем «приграничности»	Псковская область, Ленинградская область, Алтайский край, Брянская область, Оренбургская область, Севастополь (ГФЗ), Республика Тыва, Забайкальский край
Регионы со средним уровнем «приграничности»	Мурманская область, Республика Дагестан, Хабаровский край, Астраханская область, Еврейская автономная область, Омская область, Амурская область
Регионы с низким уровнем «приграничности»	Краснодарский край, Республика Карелия, Челябинская область, Республика Бурятия, Сахалинская область, Курганская область, Архангельская область, Курская область, Камчатский край, Республика Алтай, Саратовская область, Смоленская область, Республика Северная Осетия-Алания, Красноярский край, Республика Саха (Якутия), Карачаево-Черкесская Республика, Чукотский автономный округ, Новосибирская область
Регионы с минимальным уровнем «приграничности»	Кабардино-Балкарская Республика, Республика Ингушетия, Волгоградская область, Чеченская Республика, Тюменская область, Республика Калмыкия, Воронежская область, Самарская область

³² Составлено автором.

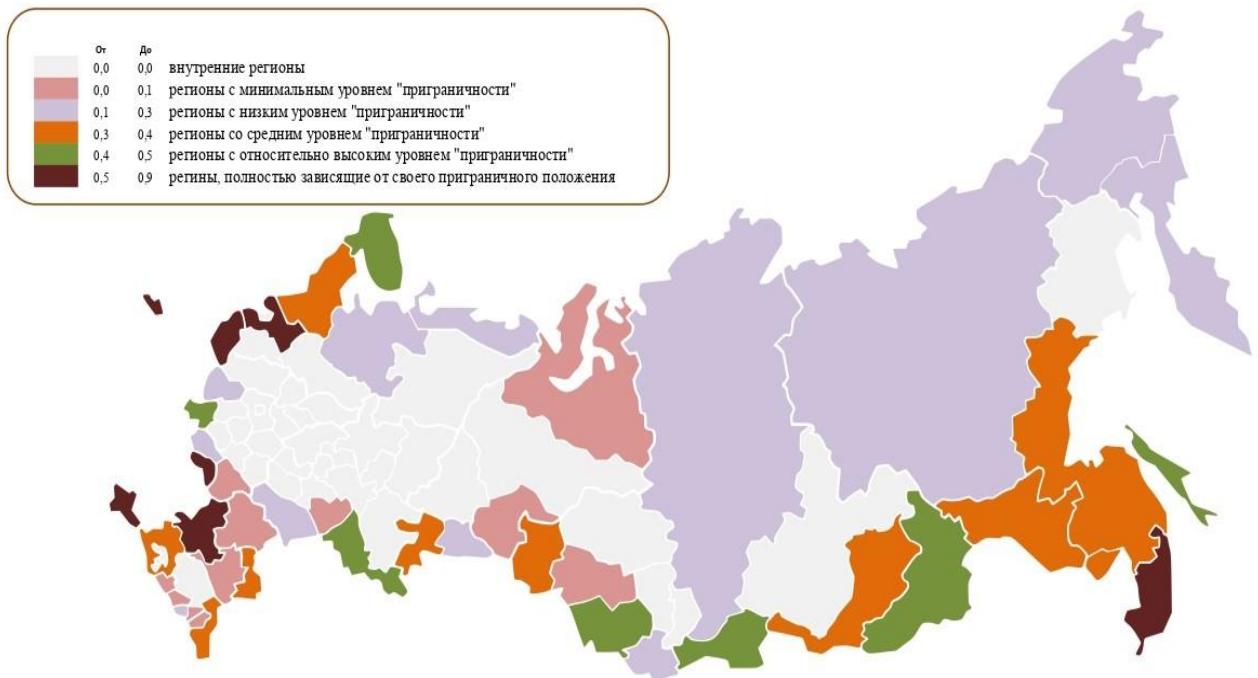

Рисунок 12 – Рейтинг регионов Российской Федерации по интегральному индексу приграничного положения

Результаты расчетов показывают, что максимально приграничными являются два региона – Калининградская область и Приморский край. Эти два региона, несмотря на то, что они расположены на совершенно противоположных концах России, объединяет тот факт, что оба они имеют не только уникальное экономико-географическое положение, но и стратегически значимое для России геополитическое положение. Именно эти два региона были положены в основу концепции деофшоризации российской экономики, представленную российским Правительством в 2018 году, и получили возможность создания на своей территории свободных административных районов. Поэтому в 2018 году был принят Федеральный закон «О специальных административных районах на территории Калининградской области и Приморского края»³³. По замыслу авторов этой концепции, закон направлен на формирование возможностей для редомициляции иностранных компаний и привлечение иностранных инвестиций в российскую экономику,

³³ В редакции федеральных законов от 25.12.2018 № 485-ФЗ, от 26.11.2019 № 378-ФЗ.

превратив, по сути, эти специальные административные районы Калининградской области и Приморского края в российские офшоры.

Третье место в рейтинге приграничных регионов по индексу их приграничного положения занимает Республика Крым. Ее приграничный статус также вполне понятен и объясним, однако является, конечно, нетипичным. Все эти три региона являются объектами пристального внимания со стороны Федерального центра и имеют приоритетное значение в рамках его региональной политики, поэтому неудивительно, что они возглавили рейтинг приграничных регионов, полученный в рамках данного исследования.

В эту же группу входят Белгородская и Ростовская области – два региона, имеющие наибольшую протяженность границы с Украиной и оказавшиеся в текущих условиях специальной военной операции Российской Федерации наиболее уязвимыми с точки зрения безопасности, что также косвенно подтверждает валидность рассчитанного нами индекса, так как из всех российских регионов, граничащих с Украиной, именно эти два региона имеют наибольший уровень «приграничности».

При этом нужно также отметить, что в совокупности группы регионов с низким и минимальным уровнями «приграничности» составляют две трети от общей численности приграничных регионов России, что свидетельствует о достаточно низком приграничном потенциале этих регионов, который можно было бы задействовать при реализации региональной политики, учитывающей приграничные регионы как объект регулирования.

Несмотря на утверждение ряда авторов, что приграничные регионы России должны стать самостоятельными объектами региональной политики федерального центра [Кузнецов А.В., Кузнецова О.В., 2019], представляется, что ее эффективность будет невысокой в связи с недостаточностью возможностей использования статуса приграничного региона в его социально-экономическом развитии. Представленная методика видится автору как начало в серии исследований, позволяющих не только оценить приграничный фактор формирования и функционирования региональной экономики для

каждого приграничного региона, который в разных регионах может проявляться по-разному, но также исследовать и оценить особенности социально-экономического развития регионов, составляющих ту ли иную группу в рейтинге регионов, провести кластерный анализ приграничного потенциала регионов и т.д. В целом полученные автором расчеты демонстрируют необходимость формирования такого концептуального подхода к исследованию приграничных регионов, который должен рассматривать их не просто по факту их примыкания к государственной границе, а с позиций взаимной обусловленности приграничного региона данной страны общей государственной границей и возможностями приграничного взаимодействия исходя из особенностей экономического развития приграничного региона сопредельного государства.

Таким образом, в рамках данного диссертационного предлагается перевод концепции «приграничности» в измеряемую категорию, так как в рамках разработанной в данном параграфе методики представлена попытка количественной оценки влияния государственной границы через формализованный индекс. Выбранные для построения индекса параметры могут быть рассмотрены и в динамике, что означает возможность трактовки государственной границы как многогранного экономического ресурса, оказывающего дифференцированное влияние на экономическое развитие приграничных регионов.

2.3 Обоснование применения индекса интегрального положения приграничных регионов в эконометрических оценках факторов регионального экономического развития на основе анализа панельных данных

Как было отмечено в предыдущей главе, теоретические концепции, оценивающие влияние государственной границы на экономическое развитие приграничных регионов, единогласно утверждают, что такое влияние существует и оно значительно. Стандартные теории размещения и новая экономическая география указывают на то, что для экономического развития приграничной территории существенную роль играют такие факторы как инвестиции, производственная активность, вовлеченность приграничной территории в национальную международную торговлю, институциональные и инфраструктурные факторы и т.д. В стратегическом отношении позитивная перспектива развития приграничного региона является динамической функцией экономического роста.

Экономический рост в приграничных регионах может быть достигнут с помощью различных инструментов, таких как стимулирование региональных инвестиций, формирование торгово-экономических связей с приграничными регионами сопредельного государства, механизмы приграничной индустриализации и т.п. Традиционный подход к экономическому развитию региона исходит из утверждения о том, что развитие как таковое предполагает рост возможностей региональной экономики в долгосрочной перспективе производить товары и услуги для удовлетворения нужд населения, которое проживает на территории данного региона. Этот процесс можно измерять стандартно в терминах базового показателя экономического роста, то есть увеличения ВРП на душу населения. Однако нужно учитывать, что важен не столько сам этот показатель, сколько увеличение благосостояния населения

данного региона или рост уровня жизни людей, а также создание новых рабочих мест, которое сопровождается увеличением численности населения. В предыдущей главе было также показано, что традиционные теории размещения исходят из необходимости учитывать платежеспособный спрос населения на продукцию, которую производят производители в данной региональной экономике.

Существенным фактором экономического развития приграничной экономики также является межрегиональное взаимодействие, которое, как было показано ранее, особенно интенсивно, если приграничные регионы данной страны образуют единое экономическое пространство с приграничными регионами сопредельного государства. Наличие общей транспортной и пограничной инфраструктуры является одним из главных индикаторов такого пространства.

Степень влияния государственной границы в случае каждого приграничного региона, однако, разная. В предыдущем параграфе диссертационного исследования предложен интегральный индекс приграничного положения, который как раз и отражает факт влияния государственной границы на реализацию особого потенциала региона, вызванного его приграничным положением, а также эффект влияния государственной границы. Сравним возможности оценки факторов экономического роста приграничного региона на основе предложенных индексов и на основе наиболее распространённого в современных исследованиях метода фиктивных переменных, в рамках которого предполагается, что фиктивная переменная принимает значение 1, если регион занимает приграничное положение, и 0, если регион – внутренний.

За основу возьмем модель территориального экономического роста Дж. Бхагвати [Bhagwati J.N., 1988], которая приводит к необходимости оценки следующего регрессионного уравнения, адаптированного для региональных данных:

$$Y_{it} = \beta_0 + \beta_1 X_{it} + \beta_2 M_{it} + \beta_3 I_{it} + \varepsilon_{it} \quad (10)$$

где Y_{it} – ВРП на душу населения в регионе i в момент времени t , X_{it} – экспорт региона i в момент времени t , M – импорт региона i в момент времени t , I – инвестиции в регионе i в момент времени t , β_j – коэффициенты регрессии, ε – случайная ошибка.

Для оценки регрессионного уравнения будем использовать метод панельных данных с помощью статистического пакета R-studio. Для того, чтобы избежать чистой мультиколлинеарности, пока не будем включать в модель данные, отражающие положение региона по отношению к государственной границе, и проведем оценку сначала для всей совокупности российских регионов, а затем отдельно для каждой из групп – приграничные и внутренние регионы. Тестирование на основе панельных данных проведем стандартным методом наименьших квадратов, также посредством модели с фиксированными эффектами и модели со случайными эффектами.

При построении панели данных использовались статистические показатели регионального развития, представленные Федеральной службой государственной статистики Российской Федерации, за период с 2008 по 2021 гг.³⁴ Специфика региональных данных в Российской Федерации заключается в том, что распределение большинства социально-экономических показателей регионального развития имеет асимметрию (что подтверждается расчетами автора диссертационного исследования в R-studio, Приложение D). Поэтому оценивание моделей регионального развития для российских регионов целесообразно строить на основе перехода к логарифмам этих показателей, что приближает распределение остатков регрессии к нормальному.

В соответствии с упомянутой выше моделью Дж. Бхагвати спецификация может быть построена в следующем виде:

$$\ln y_{it} = \beta_0 + \beta_1 * \ln(\text{investment})_{it} + \beta_2 * \text{trade}_{it} + \varepsilon_{it} \quad (11)$$

---

³⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. – Федеральная служба государственной статистики, 2024. – [Электронный ресурс]. – Доступен по адресу: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.03.2024).

где $\ln y_{it}$ – логарифм валового регионального продукта на душу населения в регионе i в момент времени t ; $\ln (investment)_{it}$ – логарифм инвестиций в основной капитал в регионе i в момент времени t ; $trade_{it}$ – отношение экспорта к импорту в регионе i в момент времени t (индикатор покрытия импорта экспортом, отражающий уровень региональной внешнеторговой обеспеченности), β_j – коэффициенты регрессии, ε_{it} – случайная ошибка.

Результаты тестирования модели всеми тремя методами для всей совокупности российских регионов представлены в таблице 6. Как видно из полученных расчетов, все три модели являются статистически значимыми. В МНК-модели объясняющая способность регрессоров ниже, чем в модели с панельными данными. Тестирование качества обычной МНК-модели дает ненормальность распределения остатков, присутствует гетероскедастичность, отсутствует мультиколлинеарность, но присутствует автокорреляция.

Таблица 6 - Результаты оценки трех моделей для всей совокупности российских регионов³⁵

Параметры	Обычная МНК-модель	Модель с фиксированными эффектами	Модель со случайными эффектами
Зависимая переменная	$\log (y_{it})$	$\log (y_{it})$	$\log (y_{it})$
Константа	8,979547 (0,163552)***	-	3,6300407 (0,4823773)***
Log (Инвестиции)	0,313649 (0,014345)***	0,9501967 (0,0423209)***	0,7861148 (0,0400811)***
Внешнеторговая обеспеченность	0,029496 (0,002916)***	0,0134102 (0,0035983) ***	0,0135515 (0,0041139)**
F-statistic	334	820	-
Chi-squared			1250,63
R-squared	39%	60%	55%
p-value	0,00	0,00	0,00
Период времени	13	13	13
Число наблюдений	1040	1040	1040

* Значимость при 10%.
** Значимость при 5%.
*** Значимость при 1%

Аналогичная ситуация наблюдается при построении моделей отдельно для группы приграничных регионов (таблица 7) и для группы внутренних

³⁵ Составлено автором.

регионов (таблица 8). Тест «на различие констант в группах» сравнивает обычную МНК-модель и модель с фиксированными эффектами. Во всех трех случаях р-значение в этом тесте – для всей совокупности российских регионов, для приграничных и для внутренних по отдельности р-значение – около нуля, т.е. меньше любого разумного уровня значимости. Это означает, что какой бы состав регионов мы ни брали, модель с фиксированными эффектами предпочтительнее обычной МНК-модели, хотя по F-тесту последняя и оказалась значимой зависимостью в целом для любой группировки регионов.

Таблица 7 - Результаты оценки трех моделей для приграничных регионов³⁶

Параметры	Обычная МНК-модель	Модель с фиксированными эффектами	Модель со случайными эффектами
Зависимая переменная	$\log(y_{it})$	$\log(y_{it})$	$\log(y_{it})$
Константа	9,08139 *** (0,228407)	-	3,65955 *** (0,629401)
Log (Инвестиции)	0,0340448 *** (0,00357361)	0,0141229 *** (0,00403135)	0,787832 *** (0,0509728)
Внешнеторговая обеспеченность	0,303272 *** (0,0202109)	0,902894 *** (0,0524279)	0,0141761 *** (0,00459931)
F-statistic	190	178	-
Chi-squared	-	-	288,084
R-squared	40%	65%	61%
p-value	0.00	0.00	0.00
Период времени	13	13	13
Число наблюдений	572	572	572

* Значимость при 10%.
** Значимость при 5%.
*** Значимость при 1%

Тест Бреуша-Пагана сравнивает обычную МНК-модель и модель со случайными эффектами. Во всех трех случаях – для всей совокупности российских регионов, для приграничных и для внутренних по отдельности р-значение – результаты теста Бреуша-Пагана показывают, что нулевая гипотеза об отсутствии случайных эффектов отвергается (р-значение около нуля, т.е. меньше любого разумного уровня значимости), поэтому модель со случайными эффектами и для российских регионов в целом, и для

³⁶ Составлено автором.

приграничных регионов отдельно, и для внутренних регионов отдельно предпочтительнее, чем обычная МНК-модель.

По результатам теста Хаусмана, который сравнивает модель с фиксированными эффектами и модель со случайными эффектами, для всех российских регионов в целом и отдельно как для внутренних, так и для приграничных регионов *p*-значение меньше, чем уровень значимости, поэтому нулевая гипотеза о статистической значимости оценок в модели со случайными эффектами, отклоняется, то есть оценки, полученные в модели со случайными эффектами, являются несостоительными, поэтому для всех трех групп регионов необходимо сделать выбор в пользу модели с фиксированными эффектами, то есть модель с фиксированными эффектами предпочтительнее, чем модель со случайными эффектами. Этот вывод соответствует и содержательной интерпретации: субъекты Российской Федерации – уникальные объекты, а не случайные наблюдения из некой генеральной совокупности.

Таблица 8 - Результаты оценки трех моделей для внутренних регионов³⁷

Параметры	Обычная МНК-модель	Модель с фиксированными эффектами	Модель со случайными эффектами
Зависимая переменная	$\log y_{it}$)	$\log (y_{it})$	$\log (y_{it})$
Константа	8,81935 *** (0,594743)	-	3,87371 *** (0,658549)
Log (Инвестиции)	0,332014 *** (0,0512002)	1,02766 *** (0,0706917)	0,760881 *** (0,0574732)
Внешнеторговая обеспеченность	0,0113962 (0,0154020)	0,00804726 (0,00888586)	0,00851281 (0,00907073)
F-statistic	27,38	107	-
Chi-squared	-	-	196,955
R-squared	39%	61%	58%
p-value	0.00	0.00	0.00
Период времени	13	13	13
Число наблюдений	468	468	468

* Значимость при 10%.
** Значимость при 5%.
*** Значимость при 1%

³⁷ Составлено автором.

Проведенные расчеты также показывают, что на величину подушевого ВРП в приграничных регионах негативное влияние оказывает увеличение импорта во всех группах регионов, а положительными факторами регионального развития в России являются инвестиции и экспорт (соответствующие коэффициенты значимы и положительны, как показано в таблице 7). Это же влияние статистически значимо для всей совокупности российских регионов. А вот для группы внутренних регионов нельзя сделать подобного вывода, так как коэффициент при объясняющей переменной $trade_{it}$ является статистически незначимым, поэтому для внутренних регионов Российской Федерации нельзя утверждать, что величины регионального экспорта и импорта, в частности в формате региональной внешнеторговой самообеспеченности, оказывают какое-либо влияние на величину подушевого ВРП, то есть способствуют или препятствуют региональному экономическому развитию.

Для приграничных регионов расчеты показывают, что стимулирование регионального развития в этой группе регионов возможно посредством стимулирования регионального инвестиционного процесса, а также за счет повышения внешнеторговой обеспеченности. Важно не просто более активное участие приграничных регионов во внешней торговле, а такое расширение региональной внешнеторговой активности, которое сопровождается увеличением покрытия импорта экспортом. Полученные статистические оценки доказывают, что такой инструмент не повлияет на региональное экономическое развитие для группы внутренних регионов.

Для приграничных регионов и для всей совокупности российских регионов коэффициенты перед показателями инвестиции в основные фонды и региональная внешнеторговая обеспеченность в уравнениях, оцененных с помощью моделей с фиксированными и случайными эффектами, отличаются незначительно. По мнению автора данного диссертационного исследования, устойчивость оценок свидетельствует в пользу достоверности полученных результатов.

Рассмотрим другую спецификацию данной модели для всей совокупности российских регионов и для приграничных регионов. Проведем также проверку уравнения следующего вида:

$$\ln y_{it} = \beta_0 + \beta_1 * \ln(\text{investment})_{it} + \beta_2 * \text{trade}_{it} + \beta_3 * \text{share of } L_{it} + \beta_4 * \text{nauka}_{it} + \beta_5 * \text{Incrpc}_{it} + \varepsilon_{it} \quad (12)$$

где $\ln y_{it}$ – логарифм валового регионального продукта на душу населения в регионе i в момент времени t ; $\ln(\text{investment})_{it}$ – логарифм инвестиций в основной капитал в регионе i в момент времени t ; trade_{it} – отношение экспорта к импорту в регионе i в момент времени t (индикатор покрытия импорта экспортом, отражающий уровень региональной внешнеторговой обеспеченности), $\text{share}L_{it}$ – отношение общей численности рабочей силы к общей численности населения региона i в момент времени t ; nauka_{it} – логарифм внутренних затрат на научные исследования и разработки в регионе i в момент времени t ; inrcp_{it} – логарифм среднедушевых денежных доходов населения в регионе i в момент времени t ; β_j – коэффициенты регрессии, ε_{it} – случайная ошибка.

Результаты оценки новой спецификации с помощью обычной МНК-модели, моделей с фиксированными и случайными эффектами представлены в таблице 9. Оценка МНК-модели показывает отсутствие нормального распределения остатков и гетероскедастичность. Оценка модели с фиксированными эффектами показывает нормальное распределение остатков, но гетероскедастичность. По этой причине необходимо сделать пересчет модели с фиксированными эффектами с робастными стандартными ошибками. Модель со случайными эффектами статистически значима, но согласно результатам теста Хаусмана, модель с фиксированными эффектами предпочтительнее ($p\text{-value} < 0.05$).

Таким образом, полученные расчеты дают нулевые коэффициенты при таких переменных как внутренние затраты на научные исследования и разработки и среднедушевые денежные доходы населения. В то же время подтверждена отрицательная зависимость уровня ВРП на душу населения от

доли рабочей силы в общей численности населения. Последний вывод выглядит, на первый взгляд, парадоксально, однако, если вспомнить тот факт, что экономический рост – это не просто результат увеличения трудовых ресурсов, а комбинированный результат повышения производительности труда и занятости, то можно предположить, что фактор низкой производительности труда настолько велик в российских регионах, что увеличение доли рабочей силы в общей численности населения приводит к снижению подушевого ВРП. Как правило, сокращение составляющей экономического роста, в основе которой лежит уровень занятости населения в рабочей силе, коррелирует и с ростом бедности, и с низкой заработной платой, а также с высокой степенью неравенства в распределении доходов в обществе. Однако, в российской экономике существует и другая проблема – качество трудовых ресурсов.

Таблица 9 - Результаты оценки трех моделей для всей совокупности российских регионов³⁸

Параметры	Обычная МНК-модель	Модель с фиксированными эффектами	Модель со случайными эффектами
Зависимая переменная	$\log(y_{it})$	$\log(y_{it})$	$\log(y_{it})$
Константа	9,96 (0,14) ***	-	8,23 (0,56) ***
Log (Инвестиции)	0,15 (0,01) ***	0,76 (0,044) ***	0,62 (0,038) ***
Внешнеторговая обеспеченность	0,02 (0,01) ***	0,012 (0,003) ***	0,013 (0,004) ***
share of L	-0,004 (0,001) *	-0,04 (0,003) ***	-0,04 (0,003) ***
nauka	-0,00 (0,00) ***	-	-
Incpc	0,00 (0,00) ***	-	-
F-statistic	1169	844,76	-
Chi-squared			1834,87
R-squared	85%	70%	64%
p-value	0,00	0,00	0,00
Период времени	13	13	13
Число наблюдений	1040	1040	1040

* Значимость при 10%.
** Значимость при 5%.
*** Значимость при 1%

³⁸ Составлено автором.

Так в докладе НИУ ВШЭ «Производительность труда и российский человеческий капитал: парадоксы взаимосвязи?» исследуется такая важная особенность: при вставшей остро перед российской экономикой нехватке квалифицированных кадров, отмечается при этом высокая доля людей с высшим и средним профессиональным образованием, то есть речь идет не о нехватке квалифицированных кадров в формате конкретных специалистов, а о недостатке квалификации, конкретных навыков, связанных напрямую с выполняемой работой [Производительность труда..., 2021]. В этом же докладе отмечается, что стимулы для переобучения работников, у которых не хватает конкретных, требуемых для работодателя, навыков, снижены за счет чрезвычайно высокой текучести кадров, особенно наблюдающейся среди более молодого поколения. Внутренняя трудовая миграция особенно остро чувствуется в российских регионах, так как на протяжении исследуемого периода (с 2009 по 2021 гг.) по данным Федеральной службы государственной статистики трудовая сила постоянно переезжает в одних и тех же направлениях: из северных регионов – в южные, из восточных регионов – в западные.

Таким образом, учитывая указанную специфику современной российской экономики, результаты эконометрических оценок, которые показали отрицательное влияние уровня участия населения в составе рабочей силы в приграничных регионах на величину подушевого ВРП, вполне ей соответствуют. Установленная зависимость обращает внимание на ограничение регионального экономического роста со стороны рабочей силы. Но этот фактор не сводится только к количественным параметрам рабочей силы, так как она является неоднородной по многим своим составляющим. И роль «качества» рабочей силы, которое должно коррелировать с содержанием образовательных программ, накопленным опытом, социальными и некогнитивными навыками рабочей силы, в современной экономике неуклонно растет, что и отражает полученная в регрессионном анализе оценка. Можно также предположить из полученного результата, что региональные

экономики приграничных субъектов РФ нуждаются в большей степени в «качестве» трудовых ресурсов, нежели в их количестве.

С учетом полученных коэффициентов регрессии рассматриваемая спецификация трансформируется в следующую:

$$\ln y_{it} = \beta_0 + \beta_1 * \ln(\text{investment})_{it} + \beta_2 * \text{trade}_{it} + \beta_3 * \text{share of } L_{it} + \varepsilon_{it} \quad (13)$$

где $\ln y_{it}$ – логарифм валового регионального продукта на душу населения в регионе i в момент времени t ; $\ln(\text{investment})_{it}$ – логарифм инвестиций в основной капитал в регионе i в момент времени t ; trade_{it} – отношение экспорта к импорту в регионе i в момент времени t (индикатор покрытия импорта экспортом, отражающий уровень региональной внешнеторговой обеспеченности), $\text{share } L_{it}$ – отношение общей численности рабочей силы к общей численности населения региона i в момент времени t ; β_j – коэффициенты регрессии, ε_{it} – случайная ошибка. Оценка уравнения в такой спецификации отдельно для приграничных (таблица 10) и для внутренних (таблица 11) регионов позволяет увидеть незначимость уровня внешнеторговой обеспеченности для внутренних регионов и положительное и статистически значимое влияние этого фактора на подушевой ВРП в приграничных регионах.

Аналогичным образом как в и предыдущих случаях, и для приграничных, и для внутренних регионов, тестирование качества обычной МНК-модели не позволяет ее взять за основу, а по результатам теста Хаусмана, для обеих групп регионов предпочтительна модель с фиксированными эффектами, коэффициенты для которой в таблицах 10 и 11 представлены с учетом перерасчета модели с робастными стандартными ошибками (по причине наличия гетероскедастичности).

Таблица 10 - Результаты оценки трех моделей для приграничных регионов³⁹

Параметры	Обычная МНК-модель	Модель с фиксированными эффектами	Модель со случайными эффектами
Зависимая переменная	$\log(y_{it})$	$\log(y_{it})$	$\log(y_{it})$
Константа	7.36 (0.38) ***	-	7.64 (0.84) ***
Log (Инвестиции)	0.31 (0.02) ***	0.76 (0.06) ***	0.64 (0.05) ***
Внешнеторговая обеспеченность	0.03 (0.003) ***	0.013 (0.003) ***	0.014 (0.004) ***
share of L	0.03 (0.01) ***	-0.03 (0.005) ***	-0.03 (0.005) ***
F-statistic	144.1	434.24	-
Chi-squared	-	-	948.93
R-squared	43%	69%	62%
p-value	0,00	0,00	0,00
Период времени	13	13	13
Число наблюдений	572	572	572

* Значимость при 10%
** Значимость при 5%
*** Значимость при 1%

Таблица 11 - Результаты оценки трех моделей для внутренних регионов⁴⁰

Параметры	Обычная МНК-модель	Модель с фиксированными эффектами	Модель со случайными эффектами
Зависимая переменная	$\log(y_{it})$	$\log(y_{it})$	$\log(y_{it})$
Константа	9.53 (0.33) ***	-	8.83 (0.53) ***
Log (Инвестиции)	0.34 (0.02) ***	0.78 (0.06) ***	0.60 (0.04) ***
Внешнеторговая обеспеченность	0.01 (0.005) .	0.005 (0.009)	0.006 (0.008)
share of L	-0.01 (0.004) ***	-0.04 (0.003) ***	-0.05 (0.003) ***
F-statistic	103.4	421.7	-
Chi-squared	-	-	931.26
R-squared	40%	72%	67%
p-value	0,00	0,00	0,00
Период времени	13	13	13
Число наблюдений	468	468	468

* Значимость при 10%.
** Значимость при 5%.
*** Значимость при 1%

С исследовательской точки зрения интересен вопрос, какие результаты даст оценка модели с учетом фиктивных переменных (при предположении, что фиктивная переменная равна 1, если регион приграничный, и равна 0, если

³⁹ Составлено автором.

⁴⁰ Составлено автором.

регион внутренний), а также с учетом сконструированных автором данного исследования интегрального индекса приграничного положения. В обеих ситуациях оценка коэффициентов при переменных, которые характеризуют факторы регионального экономического развития, в модели с фиксированными эффектами невозможна, так как эти переменные являются неизменными во времени (и, следовательно, коллинеарны с переменными индивидуальных эффектов). Аналогичная ситуация присуща и ситуации с моделью случайных эффектов. Поэтому пока протестируем вариант оценки с помощью стандартного метода наименьших квадратов.

Сначала проведем оценку уравнения следующего вида (формула 14).

$$\ln y_{it} = \beta_0 + \beta_1 * investment_{it} + \beta_2 * trade_{it} + \beta_3 * share of L_{it} + \\ location_i + \varepsilon_{it} \quad (14)$$

где $\ln y_{it}$ – логарифм валового регионального продукта на душу населения в регионе i в момент времени t ; $investment_{it}$ – логарифм инвестиций в основной капитал в регионе i в момент времени t ; $trade_{it}$ – отношение экспорта к импорту в регионе i в момент времени t ; $shareL_{it}$ – отношение общей численности рабочей силы к общей численности населения региона i в момент времени t ; $location_i$ – фиктивная (бинарная) переменная, равная 1, если i -й регион приграничный, и равная 0, если регион i граничит только с другими регионами Российской Федерации; β_j – коэффициенты регрессии, ε_{it} – случайная ошибка. Результаты оценки представлены во втором столбце таблицы 12. В третьем столбце таблицы 12 представлены результаты оценки аналогичного уравнения, но вместо фиктивной переменной в нем используется интегральный индекс приграничного положения, разработанный в параграфе 2.2 данного диссертационного исследования. Это уравнение имеет вид:

$$\ln y_{it} = \beta_0 + \beta_1 * investment_{it} + \beta_2 * trade_{it} + \beta_3 * share of L_{it} + index_i + \\ \varepsilon_{it} \quad (15)$$

где $index_i$ – значение интегрального индекса приграничного положения, рассчитанное для региона i .

Как видно из полученных расчетов, коэффициент при фиктивной переменной $location_i$ оказался статистически значимым, но при уровне значимости 10%, в том время как интегральный индекс приграничного положения дает статистически значимый коэффициент при уровне значимости 1%. Полученные в результате оценивания выше приведенных уравнений модели на основе стандартного метода наименьших квадратов имеют ряд проблем, а именно: автокорреляция (полученная в расчетах статистика Дарбина-Уотсона больше верхнего критического значения⁴¹) и гетероскедастичность остатков. В частности, об этом свидетельствуют результаты предлагаемого статистическим пакетом R теста Брайша-Пагана, представляющего собой относительно универсальную процедуру тестирования на гетероскедастичность.

Таблица 12 - Результаты оценки обычным методом наименьших квадратов для уравнения с бинарной переменной и с интегральным индексом приграничного положения⁴²

Параметры	Случай с бинарной переменной	Случай с интегральным индексом приграничного положения
Зависимая переменная	$\log(y_{it})$	$\log(y_{it})$
Константа	-430263.3 (176985.7) *	-436640.00 (176609.17) *
Инвестиции	0.53 (0.054) ***	0.53 (0.054) ***
Внешнеторговая обеспеченность	16832.19 (3108.15) ***	17226.24 (3118.4) ***
share of L	10013.24 (2743.66) ***	10022.88 (2761.27) ***
dummy location	35050.92 (15836.98) *	-
index	-	146763.32 (37278.54) ***
F-statistic	176.7	180
R-squared	40%	41%
p-value	0.00	0.00
Число наблюдений	1040	1040

* Значимость при 10%.
** Значимость при 5%.
*** Значимость при 1%

⁴¹ Для данного числа наблюдений (1040) и регрессоров (3) 5% критические значения для статистики Дарбина-Уотсона: dL = 1,8928, dU = 1,9043

⁴² Составлено автором.

В обеих спецификациях – и с фиктивной переменной $location_i$, и с интегральным индексом приграничного положения $index_i$, вероятность принятия нулевой гипотезы о том, что гетероскедастичность отсутствует, равна нулю, так как р-статистика равна нулю, что меньше 5%-го порога ($p<0,05$), а значит, в обеих моделях присутствует гетероскедастичность. В таблице 12 представлены пересчитанные коэффициенты с использованием робастных стандартных ошибок в связи с обнаруженной гетероскедастичностью. При этом пересчет коэффициентов уменьшил стандартные ошибки для случая с интегральным индексом приграничного положения, но несущественно уменьшил ошибки для случая с бинарной переменной. Но и в том, и в другом случае значения ошибок остаются довольно высокими.

В связи с обнаруженной проблемой гетероскедастичности выполним коррекцию моделей с помощью частного случая обобщенного метода наименьших квадратов – взвешенного метода наименьших квадратов.

По-прежнему, остаётся статистически незначимым коэффициент при фиктивной переменной $location_i$, а коэффициент $index_i$ стал значимым при уровне значимости 1%. Как видно из таблицы 13, стандартные ошибки коэффициентов уменьшились в обеих моделях. Это позволяет утверждать, что взвешенный метод наименьших квадратов позволил улучшить обе модели и получить лучшие оценки.

Таким образом, в соответствии с полученными оценками приграничное положение оказывает влияние на экономическое развитие российских регионов, однако влияние оказывает не сам факт приграничного положения, а именно наличие более протяженной общей линии государственной границы, совпадающей с административной границей данного конкретного субъекта Федерации, в сочетании с насыщенностью приграничной инфраструктурой. Другими словами, экономическое развитие приграничного региона подвержено влиянию государственной границы исходя из степени *комлиmitичности*. Поскольку обычно для данного конкретного региона

протяженность общей границы и более инфраструктурно обеспеченная граница характерны в случае более высокой степени комлиmitичности (в терминологии автора данного исследования наиболее высокая степень присуща регионам, входящие в транснациональные макрорегионы, в пределах которых приграничное взаимодействие достигло наиболее глубокого уровня, а также приграничным регионам симилитивного взаимодействия), то можно сделать вывод, что более высокое влияние приграничного положения на региональное экономическое развитие наблюдается для тех приграничных регионов, у которых в общей части административной и государственной границ наблюдается доминирование контактной функции над барьерной и фильтрующей.

Таблица 13 -Результаты оценки взвешенным методом наименьших квадратов для уравнения с бинарной переменной и с интегральным индексом приграничного положения⁴³

Параметры	Случай с бинарной переменной	Случай с интегральным индексом приграничного положения
Зависимая переменная	$\log(y_{it})$	$\log(y_{it})$
Константа	8,3354 *** (0,152880)	8,35604 *** (0,117670)
Инвестиции	0,361784 *** (0,0102449)	0,363773 (0,0103026) ***
Внешнеторговая обеспеченность	0,0255194 *** (0,00260064)	0,0257129 *** (0,00261775)
share_of_L	0,0994721 (0,0144589)	0,1176237 (0,0074217)
dummy_location	-0,0136776 (0,0224450)	-
index	-	0,191832 *** 0,0529100
F-statistic	477	474
R-squared	58%	58%
p-value	0,00	0,00
Число наблюдений	1040	1040

* Значимость при 10%.
** Значимость при 5%.
*** Значимость при 1%

⁴³ Составлено автором.

Существенным преимуществом индекса интегрального положения приграничных регионов является также и то, что с помощью этого индекса можно исследовать отдельно группировку приграничных регионов (что невозможно в случае с фиктивной, бинарной переменной). К тому же, как было показано выше, оценки в регрессионных уравнениях для внутренних и для приграничных регионов дают разные уровни значимости коэффициентов, что позволяет сделать вывод о том, что факторы регионального экономического развития для внутренних и для приграничных регионов разные. Поэтому для выявления факторов, влияющих на экономическое развитие приграничных регионов, необходим анализ панельных данных, сконструированным именно по приграничным регионам.

Полученная на основе взвешенного метода наименьших квадратов модель также не является идеальной, в частности модель не проходит тест на нормальное распределение ошибок, искажение в модель вносят такие регионы как Хабаровский край, Амурская область и Сахалинская область. Возможно дальнейшее улучшение данной модели, а также включение дополнительных регрессов для анализа, в том числе интерактивного и структурного характера. При этом, если сравнивать результаты расчетов в таблицах 12 и 13, то видно, что коэффициенты при переменных изменились существенно, что может свидетельствовать о неустойчивости оценок.

Целью данного параграфа было не построение «хорошей» модели для объяснения факторов экономического развития регионов с учетом их приграничного положения, а показать, что использование интегрального индекса приграничного положения позволяет существенно улучшить качество модели, в которой оценивается приграничное положение региона и его влияние на экономическое развитие по сравнению с обычно применяемой фиктивной переменной, предполагающей равенство единице в случае, если регион приграничный, и нулю в ситуации, если регион занимает внутреннее положение. Поэтому также еще дополним анализ моделью следующего вида,

в которой используется интерактивная переменная, соответствующая параметру влияния государственной границы на региональное развитие:

$$\ln y_{it} = \beta_0 + \beta_1 * investment_{it} + \beta_2 * incpc_{it} + \beta_3 * nauka_{it} + \beta_4 * shareL_{it} + \beta_5 * trade_{it} + \beta_6 * index\_b\_GRP_{it} + \varepsilon_{it} \quad (16)$$

где $\ln y_{it}$ – логарифм валового регионального продукта на душу населения в регионе i в момент времени t ; $investment_{it}$ – логарифм инвестиций в основной капитал в регионе i в момент времени t ; $incpc_{it}$ – логарифм среднедушевых денежных доходов населения в регионе i в момент времени t ; $nauka_{it}$ – логарифм внутренних затрат на научные исследования и разработки в регионе i в момент времени t ; $shareL_{it}$ – отношение общей численности рабочей силы к общей численности населения региона i в момент времени t ; $trade_{it}$ – отношение экспорта к импорту в регионе i в момент времени t ; $index\_b\_GRP_{it}$ – произведение интегрального индекса приграничного положения региона i на логарифм ВРП региона i в момент времени t , β_j – коэффициенты регрессии, ε_{it} – случайная ошибка.

Как уже отмечалось выше, включение в модель интегрального индекса приграничного положения приводит к чистой мультиколлинеарности по причине его неизменности во времени для каждого объекта наблюдения. Но в то же время мы убедились ранее, что оценка факторов экономического развития российских регионов лучше всего осуществляется в рамках модели панельных данных с фиксированными индивидуальными эффектами. Поэтому в модель была введена интерактивная переменная, представленная в форме произведения интегрального индекса приграничного положения на логарифм ВРП. В этом случае получается уравнение, в котором логарифм ВРП на душу населения рассматривается как функция произведения логарифма ВРП на индекс приграничного положения, среднедушевых денежных доходов, инвестиций и других переменных. В таком уравнении остатки по построению коррелированы с объясняющей переменной, то есть проявляется проблема эндогенности, делающая оценки параметров уравнения смещеными и несостоятельными. Поэтому необходимы альтернативные оценки,

применимые к ситуациям, когда одна или несколько переменных характеризуются эндогенностью. Первым таким методом является SUR (Seemingly Unrelated Regression или внешне не связанная регрессия), который применяется обычно для нескольких уравнений регрессии одновременно, учитывая возможную корреляцию ошибок между этими уравнениями. Каждое из этих уравнений имеет свою собственную зависимую переменную и потенциально разные наборы экзогенных объясняющих переменных. Расчеты для случая приграничных регионов дали возможность получить одно качественное уравнение регрессии, результаты оценивания которого представлены в таблице 14.

Таблица 14 - Результаты оценки регрессионного уравнения для группы приграничных регионов методом SUR^{44, 45},

Параметры	Результаты оценивания
Зависимая переменная	$\log(y_{it})$
Константа	11,3354 *** (0,152880805)
Investments	0,000000408 *** (0,000000048)
Incpc	0,0000465 *** (0,0000011545)
nauka	0,00001744 *** (0,000002404)
share_of_L	- 0,00330837 (0,0023674438)
Внешнеторговая обеспеченность	0,022701164 *** (0,0018331)
Index_b_GRP	0,0406234 *** (0,004707883)
R-squared	86%
p-value	0,00
Число наблюдений	572

* Значимость при 10%.

** Значимость при 5%.

*** Значимость при 1%

---

⁴⁴ В данной модели также можно использовать логарифмы взятые для анализа переменных, чтобы приблизить их распределение к нормальному, однако при оценке именно данным методом необходимости в переходе к логарифмической форме нет. Использование логарифмов может лишь влиять на интерпретацию коэффициента при соответствующей переменной.

⁴⁵ Составлено автором.

Как видно из данных таблицы 14, такие факторы как инвестиции в основной капитал, среднедушевые денежные доходы населения, внутренние затраты на научные исследования и разработки, уровень внешнеторговой обеспеченности, степень влияния государственной границы (оцениваемая на основе интегрального индекса приграничного положения региона) являются статистически значимыми при уровне значимости 1%, и их изменение приводит к изменению логарифма подушевого ВРП в приграничных регионах. Коэффициент детерминации (R-squared) модели составил 0,8576, что означает, что около 85,76% изменчивости логарифма ВРП на душу населения объясняется перечисленными регрессорами. Это достаточно высокий показатель и указывает на хорошую объясняющую способность модели.

Полученные результаты эмпирически подтверждают положительную взаимосвязь между экономическим развитием приграничного региона, уровнем инвестиционной активности в нем, среднедушевыми доходами на душу населения, внешнеторговой региональной обеспеченностью, влиянием приграничного положения, выраженного длиной государственной границы, совпадающей с административной границей данного субъекта РФ, а также насыщенностью приграничной инфраструктурой. Статистическая значимость интерактивной переменной указывает на целесообразность учета приграничного положения региона в комбинации с каким-либо показателем экономического развития, например, подушевого ВРП.

Вторым методом, позволяющим решить проблему эндогенности, является системно-логарифмический метод моментов. В качестве объясняющих переменных используются следующие: ln_investments, lnpcpc, nauka, sgare of L, trade, index border GRP. Так как с ошибкой уравнения регрессии коррелирует часть из этих переменных, то для коррекции эндогенности используем двухшаговый метод с включением

инструментальных переменных⁴⁶. Уравнение регрессии выглядит в данном случае следующим образом:

$$\begin{aligned} \ln y_{it} = & \beta_1 * y_{it-1} + \beta_2 * investment_{it} + \beta_3 * incpc_{it} + \beta_4 * nauka_{it} + \beta_5 * \\ & shareL_{it} + \beta_6 * trade_{it} + \beta_7 * index\_b\_GRP_{it} + \gamma_1 * y_{it-2} + \gamma_2 * \\ & investment_{it-2} + \gamma_3 * incpc_{it-2} + \varepsilon_{it} \end{aligned} \quad (17)$$

где $\ln y_{it}$ – логарифм валового регионального продукта на душу населения в регионе i в момент времени t ; $investment_{it}$ – логарифм инвестиций в основной капитал в регионе i в момент времени t ; $incpc_{it}$ – логарифм среднедушевых денежных доходов населения в регионе i в момент времени t ; $nauka_{it}$ – логарифм внутренних затрат на научные исследования и разработки в регионе i в момент времени t ; $shareL_{it}$ – отношение общей численности рабочей силы к общей численности населения региона i в момент времени t ; $trade_{it}$ – отношение экспорта к импорту в регионе i в момент времени t ; $index\_b\_GRP_{it}$ – произведение интегрального индекса приграничного положения региона i на логарифм ВРП региона i в момент времени t ; β_j и γ_j – коэффициенты регрессии, ε_{it} – случайная ошибка.

В качестве контрольных переменных в данной спецификации регрессионного уравнения используются объясняющие переменные: $\ln\_investments$, $\ln_{incpc}$, $nauka$, $sgare\ of\ L$, $trade$, $index\ border\ GRP$. Эндогенной переменной является переменная $lag(\ln y_{it}, 1)$. Внутренними инструментальными переменными при оценивании уравнения регрессии с помощью обобщенного метода моментов являются $lag(\ln y_{it}, 2)$, $lag(investment_{it}, 2)$, $lag(incpc_{it}, 2)$. Делается предположение об экзогенности инструментальных переменных. Необходимым условием для использования

---

⁴⁶ Для эндогенных регрессоров осуществлялся подбор порядка лага при построении моделей и наблюдении за соответствующими аналитическими тестами. В выбранной спецификации модели отсутствует мультиколлинеарность. Аналогичным образом был сделан выбор в пользу двухшагового метода, так как при его использовании (в сравнении с одношаговым) результаты являются более устойчивыми к гетерокседастичности и автокорреляции.

данного метода является отсутствие автокорреляции 2-го порядка, что соблюдается в оцениваемых регрессиях.

Проведем анализ полученных результатов оценивания (таблица 15). Выполняется необходимое условие для построения уравнения регрессии системным методом моментов: количество инструментов меньше числа групп. Тест Саргана на сверхидентифицируемость ограничений имеет значение хи-квадрат 38,5813 с р-значением 0,13539, что не позволяет отвергнуть нулевую гипотезу, а значит, инструменты, используемые в модели, экзогенны и валидны.

Таблица 15 - Результаты оценки регрессионного уравнения для группы приграничных регионов системно-логарифмическим методом моментов⁴⁷

Параметры	Результаты оценивания
Зависимая переменная	$\log(y_{it})$
Лаг зависимой переменной	0,4546174 *** (0,07910022)
Investments	0,0623569 * (0,02550721)
Incrpc	0,00000139 (0,00000268)
nauka	0,000003614 (0,00000536)
share_of_L	0,00099083 (0,00085445)
Внешнеторговая обеспеченность	0,002684 (0,00191947)
Index_b_GRP	1,6026796 *** (2,9992416)
Число наблюдений	572
Тест Вальда	0,00
Тест на AR(1) – ошибки	0,71114
Тест на AR(2) – ошибки	0,81165
Тест Саргана	0,13539
* Значимость при 10%.	
** Значимость при 5%.	
*** Значимость при 1%	

Тесты на автокорреляцию первого и второго порядка имеют незначимые р-значения (0,71114 и 0,81165 соответственно), то есть автокорреляция в остатках отсутствует. Тест Вальда для совместной значимости коэффициентов

⁴⁷ Составлено автором.

имеет значение хи-квадрат 1314,517 с высоко значимым р-значением, что указывает на совместную значимость коэффициентов модели.

Лаг зависимой переменной оказывает положительное статистически значимое влияние на уровень подушевого ВРП в регионе, из чего следует, что этот показатель зависит от индивидуальных характеристик региона. Кроме того, эта запаздывающая зависимая переменная имеет высокий значимый коэффициент, равный 0,4546, что указывает на сильную устойчивость GRP на душу населения во времени.

Модель показывает, что в приграничных регионах значения подушевого ВРП в предыдущие периоды и инвестиции являются значимыми предикторами для подушевого ВРП текущего периода. Также значительное положительное влияние оказывает интегральный индекс приграничного положения. Другие переменные, такие как среднедушевые доходы населения, внутренние затраты на научные исследования и разработки, уровень занятости населения, отношение экспорта к импорту не показывают значимого влияния в данной модели.

Таким образом, проведенные эконометрические исследования факторов экономического развития приграничных регионов демонстрируют валидность и адекватность сконструированного в предыдущем параграфе интегрального индекса приграничного положения региона. Применение индекса позволяет повысить качество эконометрических оценок в сравнении с традиционным подходом, в рамках которого используется метод фиктивных переменных. Кроме того, использование интегрального индекса приграничного положения региона позволяет отдельно исследовать группу приграничных регионов, при этом проведение эконометрических оценок отдельно для приграничных регионов дает более специфические для них результаты.

Тестирование моделей, учитывающих разнообразные факторы экономического развития для приграничных регионов в отдельности, а также сравнение результатов такого тестирования для приграничных регионов с внутренними регионами, позволяет сделать еще один общий вывод: для

приграничных регионов важен учет индивидуальных эффектов экономического развития, а также факторы экономического развития для всей группы российских регионов могут отличаться от факторов, учитываемых отдельно для группы приграничных регионов. Поэтому при разработке инструментов государственного регулирования регионального развития в отношении приграничных регионов необходимо применение дифференцированного подхода.

Выводы по главе 2

Исследование факторов экономического развития приграничных регионов чаще всего учитывает только факт приграничного положения, независимо от того, каков масштаб влияния государственной границы на региональное развитие в каждом конкретном случае. Наиболее распространеными в исследованиях методическими подходами к выявлению факторов экономического развития приграничных регионов являются: панельные данные с использованием фиктивных переменных, метод индексных и экспертных оценок для построения модели панельных данных, гравитационные модели оценки влияния различных факторов, прежде всего, внешнеторговых потоков на ВРП, оценка пространственных эффектов. Так как экономическое развитие приграничного региона в значительной и в каждом случае в разной степени подвержено влиянию государственной границы, то необходим такой подход, который учитывает в оценке факторов экономического развития приграничного региона не просто факт примыкания к государственной границе, а степень взаимной обусловленности приграничного региона данной страны общей государственной границей и возможностями приграничного взаимодействия исходя из особенностей

экономического развития приграничного региона сопредельного государства. Степень влияния государственной границы в случае каждого приграничного региона разная. Эту степень влияния и позволяет оценить интегральный индекс приграничного положения, который как раз и отражает факт влияния государственной границы на реализацию особого потенциала региона, вызванного его приграничным положением, а также эффект влияния государственной границы. Использование этого индекса позволяет повысить эффективность эконометрических оценок при исследовании различных взаимосвязей и факторов, описывающих экономическое развитие приграничных регионов.

Также проведенное в главе 2 исследование показывает, что в зависимости от исследуемой выборки регионов – приграничных или внутренних, факторы экономического развития оказывают различное влияние на величину подушевого ВРП. Поэтому государственная политика регионального развития для стимулирования экономического развития в группе внутренних и приграничных регионов должна предусматривать применение отличных для каждой группы инструментов, а в группе приграничных регионов должна учитывать различное для разных регионов влияние государственной границы.

ГЛАВА 3 ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ФРАГМЕНТАЦИИ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

3.1. Разрыв в социально-экономическом развитии между внутренними и приграничными регионами

В ходе определения специфики содержания понятия «приграничный регион» в первой главе данного диссертационного исследования отмечалось, что большинство исследователей, вслед за академиком А.Г. Гранбергом, отмечают такую содержательную характеристику приграничного региона, как периферийное положение, часто кризисный или депрессивный характер региональной экономики, которые связаны, прежде всего, с влиянием государственной границы на развитие региональной экономики. Вопрос о влиянии национальных границ на развитие регионов интересовал не только российских ученых, но и исследователей из других стран. Однако не только академический интерес, но и политическое внимание к приграничным регионам дали толчок развитию регионализма после Второй мировой войны в Европе. С этого момента стало общепринятым мнение о недостаточной экономической развитости приграничных регионов, возникающей на периферии этих территорий, усугубляемой замкнутостью пространства на закрытой границе [Hansen N., 1977].

Когда отмечается подобное отставание в уровне социально-экономического развития приграничных регионов, то подразумевается, что отстают они от среднестрановых показателей социально-экономического развития в сравнении с внутренними регионами. Поэтому вопрос оценки

разрыва в экономическом развитии между внутренними и приграничными регионами – это, по сути, также вопрос оценки степени влияния государственной границы на экономическое развитие приграничных регионов: чем больше этот разрыв, тем больше это влияние. Традиционные теории размещения объясняют такую особенность более низкими доступностью ресурсов и покупательной способностью, обеспеченностью человеческим капиталом и инфраструктурой регионального развития. Так, например, А. Лёш, подход которого был рассмотрен в первой главе, описывает приграничный регион как «пустынную» территорию, живя в которой многие товары и услуги можно получить только на расстоянии или вообще не получить. Приграничные регионы обычно рассматриваются большинством автором как маргинальные территории, находящиеся в невыгодном положении из-за своего периферийного расположения и разделенных рыночных зонах, что ограничивает возможности достижения эффекта масштаба.

В Российской Федерации одним из самых экономически развитых и значительно опережающих остальные регионы является такой регион как г. Москва. Часто даже исследователи региональной специфики на основе статистических методов исключают этот субъект из совокупной выборки, как наиболее отличающийся от других элементов статистической совокупности по большинству признаков и искажающий результаты оценки. Такая особенность присуща не только региональному развитию в России. Так, австрийский экономист, специалист по региональному развитию в Европе Амбре Мокорпс, отмечает, что практически во всех европейских странах, столичный регион – обычно неприграничный регион – имеет непропорционально более высокие показатели социально-экономического развития, чем остальная часть страны, что формирует вызовы для социальной, экономической и территориальной сплоченности европейских стран [Maucorps A., 2022]. Одной из задач экономической интеграции европейских регионов было как раз устранение значительного неравенства между

внутренними и приграничными регионами, но, несмотря на десятилетия интеграции и активную региональную политику, разрыв этот остается существенным.

Если оценивать разрыв между внутренними и приграничными регионами в отдельных странах, то этот разрыв сильно различается, и, конечно, в значительной степени зависит от количества приграничных и внутренних регионов внутри каждой страны, а также от того, является ли столичный регион приграничным или внутренним регионом.

При этом важно даже не абсолютное количество приграничных и внутренних регионов, а соотношение между количеством приграничных и количеством внутренних регионов из общего числа совокупности регионов данной страны. Так, в Литве и Латвии все регионы являются приграничными, за исключением единственного неприграничного региона: в Латвии границы такого региона совпадают с границами столицы Риги, а в Литве – это регион Кауно Апкritis, уезд, окружающий второй по величине город страны Каунас. В Латвии средний ВРП на душу населения в приграничных регионах менее половины от ВРП указанного единственного неприграничного региона, а в Литве средний подушевой ВРП всех приграничных регионов практически равен подушевому ВРП единственного неприграничного региона⁴⁸.

Некоторые исследователи высказывают мнение, что в большинстве же стран, где число приграничных и внутренних регионов более одного для каждой из групп, преобладает ситуация, в которой приграничные регионы значительно отстают от своих внутренних регионов [Maucorps A., 2022]. Вспоминая содержательную интерпретацию понятия «приграничный регион», можно было бы согласиться. Однако, данные по разным странам показывают, что этот вывод не верен. Так, в таких относительно больших, но разных по уровню экономического развития федерациях как США и Индия, отношение

---

⁴⁸ Данные по ВРП в региональном разрезе представлены в базе Евростата. См. подробнее: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/urt_10r_3gva__custom_9441123/default/table?lang=en (дата обращения: 01.03.2024).

средней величины подушевого ВРП в группе приграничных регионов к аналогичной величине, рассчитанной для внутренних регионов, примерно сопоставимо. В Болгарии, Венгрии, Турции, Эстонии и Чехии приграничные регионы достигают такой средней величины ВВП на душу населения, которая составляет лишь 50-60% от аналогичного показателя для группы внутренних регионов.

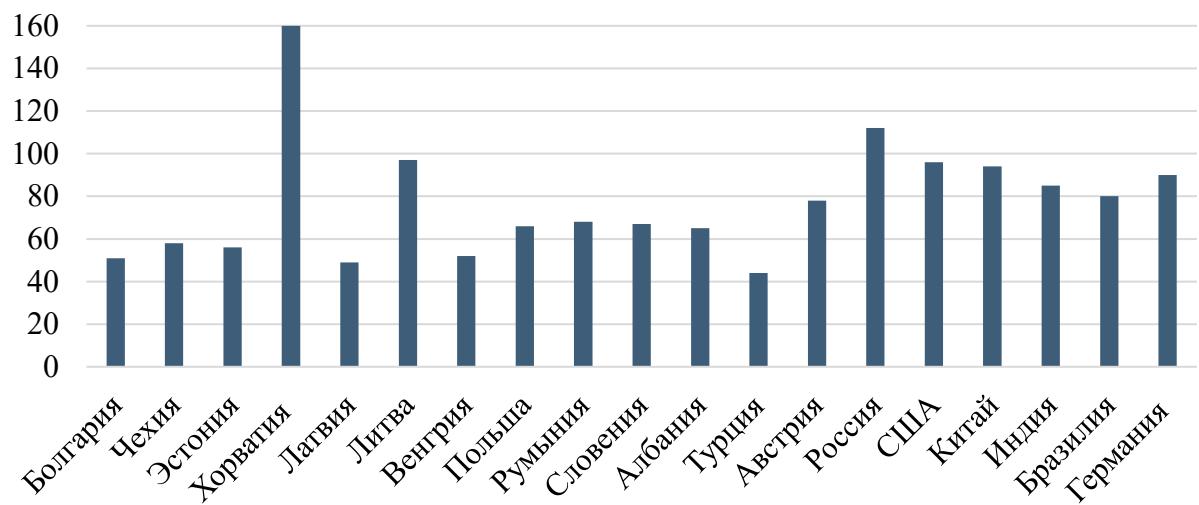

Рисунок 13 – Отношение средней величины подушевого ВРП в группе приграничных регионов к аналогичной величине, рассчитанной для внутренних регионов (в процентах) в разных странах (по данным 2020 г.)⁴⁹

В России указанное отношение в 2020 году составляло 1,23, то есть средняя величина подушевого ВРП в группе приграничных регионов в 1,23 была больше аналогичной величины для внутренних регионов (рисунок 13). Превышение средней величины подушевого ВРП для приграничных регионов по сравнению с внутренними регионами характерно для всего периода с 1996 г. по 2021 г., причем, как видно на рисунке 14, это превышение достигло максимального значения в 2020 году, а также можно наблюдать скачок в рассматриваемой динамике в 2009 году. Примечательно, что именно эти годы в XXI веке ассоциируют с серьезными проблемами в мировой экономике: первый пик приходится на мировой финансовый кризис 2008-2009 годов, а

⁴⁹ Составлено автором на основе данных национальных статистических служб стран, указанных на рисунке.

второй – на кризис, вызванные пандемией covid-19. С точки зрения динамики средних величин подушевого ВРП в абсолютном выражении для групп приграничных и внутренних регионов, эти пики формируются за счет падения данной величины в группе внутренних регионов и роста в группе приграничных регионов.

Принято считать, что приграничные регионы являются своего рода буфером для национальной экономики в целом, так как индикаторы социально-экономического развития их региональных экономик первыми демонстрируют влияние негативных факторов, которые складываются в мировом геоэкономическом пространстве. Однако, исходя из выявленных особенностей динамики отношения средней величины подушевого ВРП в группе приграничных регионов к аналогичной величине, рассчитанной для внутренних регионов в Российской Федерации (за период с 1996 по 2021 г.), можно утверждать, что российские приграничные регионы – это скорее форпост национальной экономики, нежели буфер. Приграничные региональные экономики – более устойчивы к воздействию факторов глобальной нестабильности, нежели внутренние.

Рисунок 14 – Отношение средней величины подушевого ВРП в группе приграничных регионов к аналогичной величине для внутренних регионов (в процентах) в Российской Федерации (с 1996 по 2021 г.)⁵⁰

⁵⁰ Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики по субъектам Российской Федерации.

На рисунке 15 представлена динамика отношения средней величины подушевого ВРП в группе приграничных регионов и в группе внутренних регионов к среднероссийскому подушевому ВРП (в процентах) в Российской Федерации, которая демонстрирует постепенный, хоть и неустойчивый рост для всего периода с 1996 по 2021 гг., средней величины подушевого ВРП для приграничных регионов и неравномерное снижение данной величины для внутренних регионов. Растущий с течением времени разрыв между приграничными и внутренними регионами, который достиг максимального значения в 2020 году, может косвенно указывать на территориальную разобщенность Российской Федерации в целом. Кроме того, можно также предположить, что такой разрыв может запустить процессы дивергенции социально-экономического развития российских регионов.

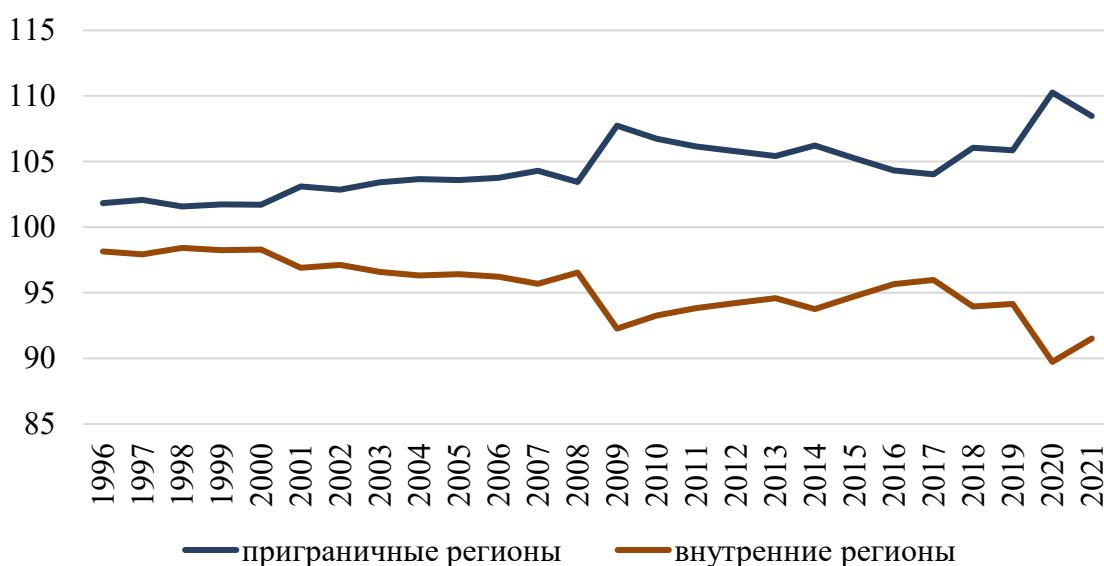

Рисунок 15 – Динамика отношения средней величины подушевого ВРП в группе приграничных регионов и в группе внутренних регионов к среднероссийскому подушевому ВРП (в процентах) в Российской Федерации (за период с 1996 по 2021 г.)⁵¹

По абсолютной величине ВРП на душу населения, рассчитанной в динамике за период с 1996 г. по 2021 г. как среднее значение для

⁵¹ Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики по субъектам Российской Федерации.

приграничных и внутренних регионов, видно, что до 2006 года средние величины подушевого ВРП для обеих групп совпадали, а затем тренды хоть и похожи, но имеют разную скорость: рост средней величины подушевого ВРП для приграничными регионами происходит более быстрыми темпами, чем для внутренних (рисунок 16).

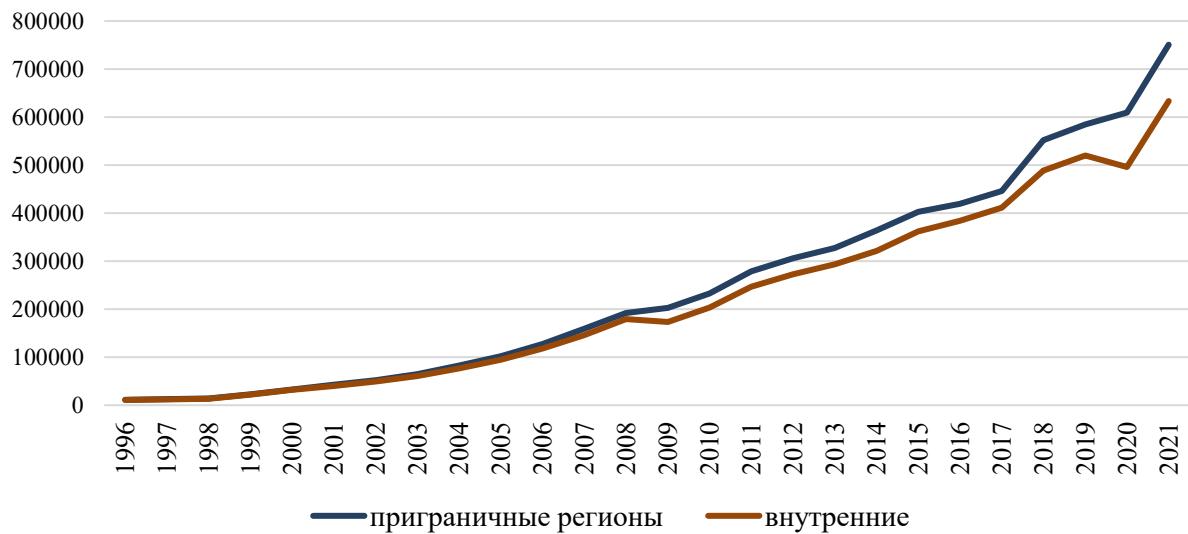

Рисунок 16 – Динамика средней величина ВРП на душу населения для приграничных и внутренних регионов Российской Федерации (рублей) с 1996 по 2021 гг.⁵²

Еще одной важной особенностью приграничных регионов считается переток населения из приграничных регионов во внутренние вследствие недостаточного уровня их социально-экономического развития. Так, исследование Ван Хоутума показало, что низкий уровень экономического развития приграничной территории проявляется в переселении людей, старении и снижении уровня жизни населения [Houtum van H., 2005]. Этот тезис подтверждается рядом современных исследователей: например, Ян Сухачек утверждает, что в процессе социально-экономического развития приграничные регионы переходят от густонаселенных и экономически значимых территорий к малонаселенным территориям, что связано с их ограниченным доступом к инфраструктуре и ограниченностью коммуникаций

⁵² Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики по субъектам Российской Федерации.

с остальной частью территории страны [Suchacek J., 2022]. Однако, для российских приграничных регионов такая особенность не характерна. Так, если исследовать статистику по численности постоянного населения в среднем за год в региональном разрезе, то можно увидеть, что в период с 1996 г. по 2008 г. доля постоянного населения, приходящаяся на приграничные регионы в общей численности населения Российской Федерации, относительно постоянна и колеблется в интервале от 46,3% до 47,1%, а в период с 2009 г. по 2021 г. также постоянна и меняется в интервале от 47,1% до 47,9% (максимальное значение приходится на 2021 г.). Таким образом, нельзя утверждать, что российские приграничные регионы демонстрируют снижение численности постоянно. Однако, площадь территории Российской Федерации, которая приходится на приграничные регионы, составляет 80% (или 13,7 млн. кв. км), и только 20% территории России приходится на внутренние регионы. Такие пропорции в распределении территории и населения между приграничными регионами и внутренними подтверждают основную идею модели «ядро-периферия», предложенную Дж. Фридманом [Friedmann J., 1968]. В соответствии с этой моделью, экономическое развитие регионов, которые составляют ядро, опережает развитие регионов периферии, так как регионы ядра накапливают экономическое богатство и ресурсы, в то время как периферийные регионы испытывают недостаток инвестиций и развития. Однако, различные модификации модели «ядро-периферия» могут основываться на различных межрегиональных дисбалансах – от различий в экономическом развитии регионов ядра в сравнении с регионами периферии до различий в уровне жизни населения. Само наличие структуры «ядро-периферия» предполагает, что в пространственном измерении (пространство и место) социально-экономическое развитие обычно происходит неравномерно. С такой географической точки зрения регионы, известные как «ядро», более развиты по каким-то параметрам или имеют больший потенциал в чем-то, в то время как другие регионы, называемые «периферией», служат социальным, экономическим и политическим закулисью, «задними дворами»

и «источниками ресурсов» для регионов, составляющих ядро. Применительно к региональному развитию в России можно утверждать, что эта неравномерность носит характер пространственной диспропорции: ядро – это 20% территории страны, а 80% – это периферия. Получается, что на 20% территории Российской Федерации, на которых расположены внутренние регионы, проживает около 52% общей численности населения и производится 58% суммарного общероссийского ВРП, в то время как приграничные регионы – это 80% территории страны с 47% населения и 42% суммарного ВРП.

По такому показателю как численность населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума (в процентах от общей численности населения) приграничные регионы действительно опережают внутренние на протяжении всего периода с 1995 г. по 2022 г., причем наибольшее расхождение между приграничными и внутренними регионами по этому показателю наблюдается в период с 1995 г. по 2002 г. и с 2012 г. по 2022 г. (рисунок 17).

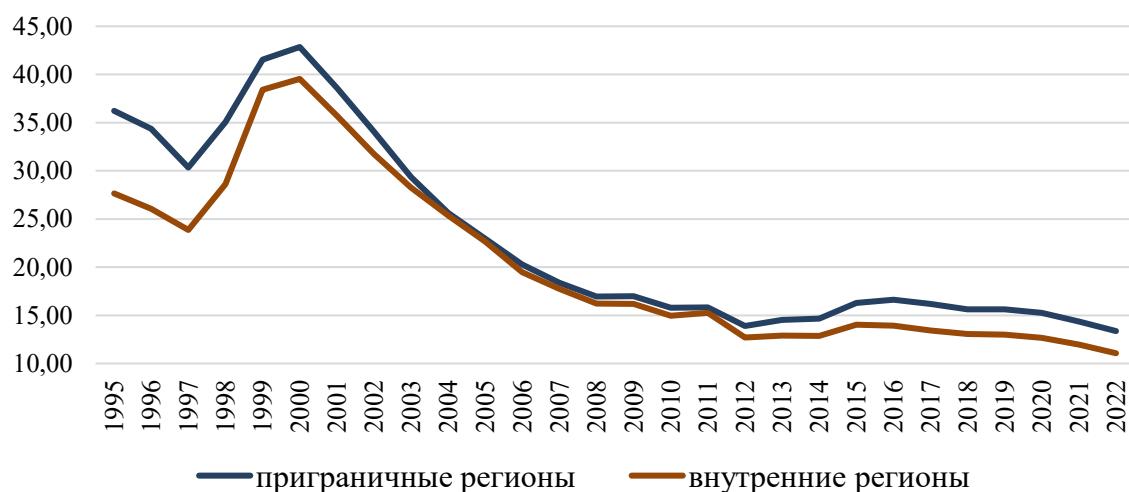

Рисунок 17 – Средние величины численности населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума (в процентах от общей численности населения) для групп приграничных и внутренних регионов с 1995 по 2022 гг.⁵³

⁵³ Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики по субъектам Российской Федерации.

Аналогичные динамика и тенденции присущи и такому индикатору как дефицит денежного дохода (в процентах от общего объема денежных доходов населения), рассчитанному в среднем для приграничных и внутренних регионов. Наблюдается существенное превышение средней величины дефицита денежного дохода в приграничных регионах по сравнению с внутренними в период с 1995 г. по 2004 г., затем происходит выравнивание этих показателей и постепенное снижение в обеих группах регионов, затем динамика в обеих группах относительно стабилизируется и начинается расхождение с небольшим превышением анализируемого индикатора для приграничных регионов (рисунок 18).

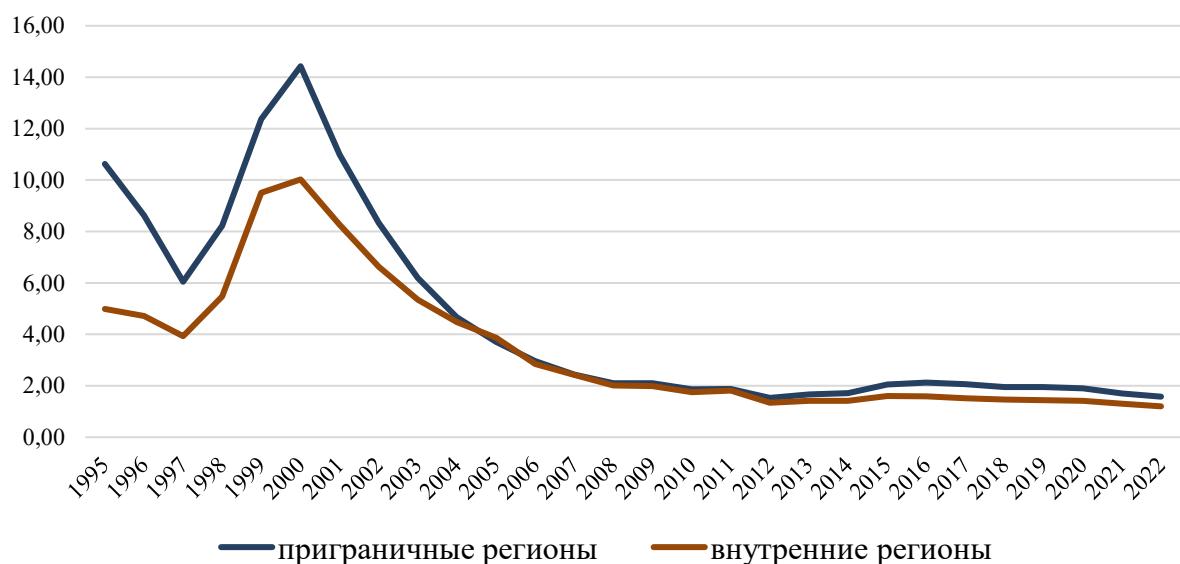

Рисунок 18 – Средние величины дефицита денежного дохода (в процентах от общего объема денежных доходов населения) для групп приграничных и внутренних регионов с 1995 по 2022 гг.⁵⁴

По величине среднедушевых денежных доходов населения приграничные регионы опережают внутренние регионы, регионов со среднедушевыми денежными доходами населения больше, среднероссийская величина данного показателя, в группе приграничных регионов составляет 40-41%, а в группе внутренних регионов – 26-28%.

⁵⁴ Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики по субъектам Российской Федерации.

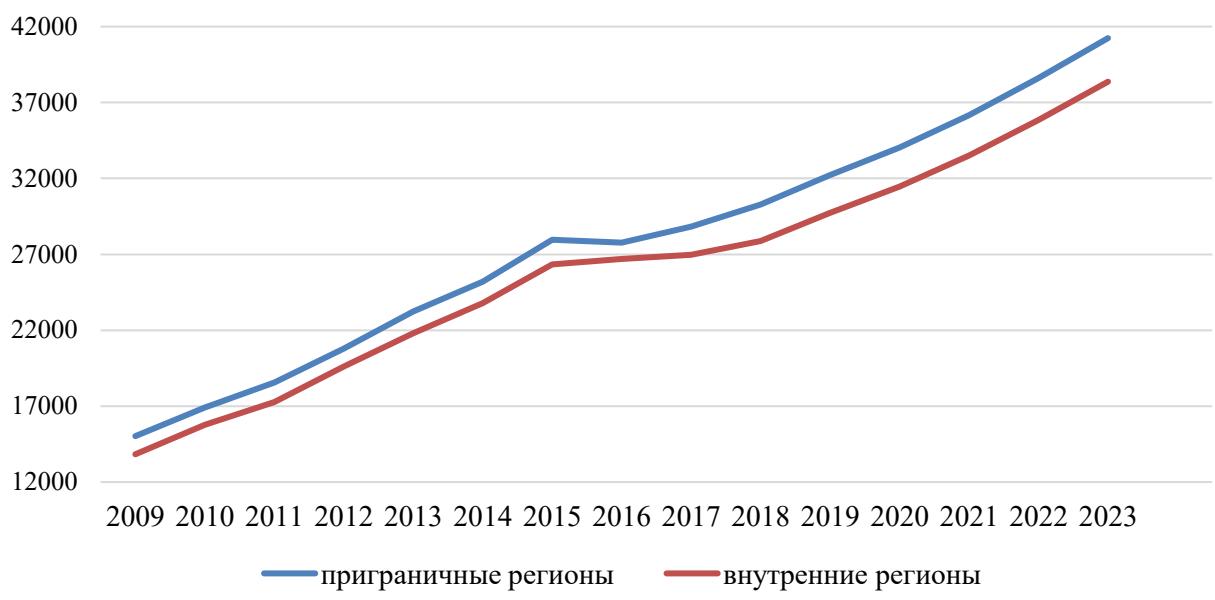

Рисунок 19 – Средние величины среднедушевых денежных доходов населения (в рублях) для групп приграничных и внутренних регионов с 2009 по 2023 гг.⁵⁵

Итак, существенного разрыва в уровне социально-экономического развития между приграничными и внутренними регионами в Российской Федерации не наблюдается, однако, приграничным регионам присущ более низкий уровень жизни населения, так как в среднем дефицит денежного дохода и численность населения с доходами ниже границы бедности в приграничных регионах выше. При этом небольшое отставание в уровне показателей социальной динамики для приграничных регионов проявлялось в наибольшей степени во второй половине 90-х годов XX века, а также стало проявляться во втором десятилетии XXI века. Вероятно, что снижению уровня бедности в приграничных регионах в начале XXI века способствовал ряд мер, предпринятых российским Правительством и Президентом РФ. В частности, в соответствии с Указом Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» большинство российских регионов разрабатывали региональные программы по борьбе с бедностью, направленные на поддержку наиболее бедных слоев

⁵⁵ Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики по субъектам Российской Федерации.

населения, повышение адресности мер поддержки и т.п. И поскольку в приграничных регионах ситуация требовала более активного вмешательства региональных и федеральных властей в решение этой проблемы, то это вмешательство и способствовало большим результатам именно в приграничных регионах, что привело к относительному выравниванию численности населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума и величины дефицита денежного дохода (в процентах от общего объема денежных доходов населения) между приграничными и внутренними регионами. Однако, дальнейшее расхождение наметилось вследствие, прежде всего, общих кризисных проявлений в российской экономике на фоне геополитических рисков и внешнего давления.

Динамика рассмотренных усредненных показателей социально-экономического развития приграничных и внутренних регионов позволяет также предположить, что влияние государственной границы проявляется, прежде всего, в том, что в периоды экономических кризисов и политических потрясений экономики приграничных регионов реагируют сильнее, чем экономики внутренних регионов. Но спецификой российских приграничных регионов является относительная устойчивость их региональных экономик. Решающее значение имеет долгосрочная способность институциональных и экономических структур в приграничных регионах к адаптации вследствие воздействия внешних шоков. По мнению ряда исследователей, эта долгосрочная способность возможна только в том случае, если приграничные регионы демонстрируют конвергентностные тенденции в экономическом развитии, причем как внутри группы приграничных регионов данной страны, так и в рамках экономического пространства, образуемого с приграничными регионами сопредельного государства [Hippe S., Bertram D., Chilla T., 2023].

Таким образом, можно утверждать, что существенного разрыва по средним величинам индикаторов социально-экономического развития между внутренними и приграничными регионами в Российской Федерации не

существует (в отличие, например, от стран Европейского Союза). В этом аспекте особенности регионального развития в России имеют больше сходств со странами, у которых также наблюдается относительно большое количество субъектов административно-территориального деления, например, с Китаем или США. Однако, на фоне существенной межрегиональной дифференциации в Российской Федерации, можно предположить, что полученные оценки, основанные на расчете средних величин, вероятно, могут сопровождаться серьезными различиями между регионами внутри каждой из рассматриваемых групп (приграничных и внутренних регионов). Как показывает оценка межрегиональной дифференциации российских регионов, представленная в следующем параграфе диссертационного исследования, межрегиональное неравенство в России как раз и формируется за счет, прежде всего, приграничных регионов.

3.2. Оценка межрегиональной дифференциации регионов России: сравнение приграничных и внутренних регионов

В связи с постоянно растущими геополитическими рисками и угрозами, а также изменениями функций границ в результате распространения коронавирусной инфекции, приграничные регионы первыми становятся своеобразным буфером для макроэкономики в целом: индикаторы социально-экономического развития их региональных экономик первыми демонстрируют влияние этих негативных факторов. Вероятно, что и межрегиональное неравенство в уровне экономического развития не является исключением, а отражение проблемы межрегионального неравенства в экономике страны в целом в таком случае будет соответствовать более высокому уровню межрегиональной дифференциации именно для

приграничных регионов (в сравнении с внутренними). Таким образом, необходимо проверить предположение о том, действительно ли для приграничных регионов Российской Федерации уровень межрегионального неравенства является более высоким по сравнению с внутренними регионами. Подтверждение данного предположения должно служить важным ориентиром в трансформации региональной политики федерального центра, направленной на снижение межрегионального неравенства в России.

Исходя из имеющихся в литературе трактовок «приграничного региона» очевидно, что подобные территориальные образования являются подверженными влиянию, как государственной границы, так и сопредельных территорий стран-соседей. Для такой большой по протяженности государственной границы страны как Российская Федерация, характерно большое число соседствующих стран, которые очень разнообразны по уровню экономического развития, структурным особенностям их экономик. Также эти страны в значительной степени различаются по стратегиям регионального развития, реализуемых их национальными правительствами в отношении их приграничных территорий. Указанные различия в масштабах России могут приводить к дополнительным проявлениям межрегиональных диспаритетов, способствуя большему межрегиональному неравенству в группе приграничных регионов в сравнении с внутренними.

В современной литературе, посвященной оценке межрегиональных неравенств, существует достаточное разнообразие подходов и концепций к оценке пространственных неравенств в экономическом развитии, что вызвано существенной актуальностью данной проблемы. В данном исследовании автором за основу был взят подход, основывающийся на стандартных показателях оценки региональной дифференциации: коэффициент вариации, отношение максимального значения показателя к минимальному, а также энтропийные коэффициенты для оценки неравномерного распределения показателя. Для целей исследования применена также теория конвергенции, которая использована автором в трактовке неоклассической теории роста

[Барро Р.Дж., Сала-и-Мартин Х., 2010; Ромер Д., 2014]. Эта теория определяет модели безусловной β -конвергенции и σ -конвергенции как основные для оценки сходимости.

Проводимое исследование степени межрегионального неравенства реализовано в двух направлениях. Первое направление – исследование динамики коэффициента вариации и отношения максимального значения ВРП на душу населения к минимальному в соответствующих группах российских регионов⁵⁶. Все данные по величине подушевого ВРП российских регионов за период с 1996 г. по 2021 г. разделены в соответствии с тремя основными группами регионов: первая группа регионов – приграничные регионы (43 субъекта РФ, без Республики Крым и города федерального значения Севастополь, которые исключены из анализа, так как данные по ним присутствуют лишь по небольшому отрезку времени); вторая группа регионов – все внутренние регионы (37 регионов), третья группа – все внутренние регионы без г. Москвы (т.к. г. Москва обычно имеет существенный отрыв от среднерегионального значения по всем социально-экономическим показателям развития региональных экономик в России). Исходя из имеющихся особенностей формирования региональной статистики и изменений административно-территориального деления в России в период с 1996 г. по 2021 г., регионы, включающие автономные округа, рассматриваются целиком, округа отдельно не рассматривались. Проведение по этим трем группам регионов сравнительного анализа динамики коэффициента вариации и отношения максимального значения ВРП к минимальному позволяет оценить, на какую из этих трех групп регионов в большей степени «ложится» бремя межрегионального неравенства.

---

⁵⁶ Объем валового регионального продукта в расчете на одного жителя субъекта Российской Федерации рассчитывается как отношение валового регионального продукта в текущих основных ценах к среднегодовой численности постоянного населения. Данные в текущих ценах использованы в связи с тем, что межрегиональная дифференциация формируется обычно в данной экономической системе в текущий определенный момент времени, оказывая влияние на перераспределение потоков в такой системе также в текущий момент времени.

Для расчета коэффициента вариации использовалась формула отношения стандартного (среднеквадратического) отклонения к среднему значению:

$$\sigma = \frac{\sqrt{\frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (GRP_i - GRP_{cp})^2}}{GRP_{cp}} \quad (18)$$

где σ – коэффициент простой вариации,

GRP_i – значение подушевого ВРП i -го региона,

GRP_{cp} – среднерегиональное значение в данной выборке регионов,

n – количество регионов в выборке, для которой производится расчет коэффициента вариации.

Для подтверждения σ -конвергенции необходимо выполнение условия снижения дисперсии уровня подушевого ВРП в течение рассматриваемого периода. Поэтому для оценки σ -конвергенции можно использовать показатели дисперсии, стандартного отклонения, коэффициент вариации. Для оценки региональной β -конвергенции обычно используется регрессионный анализ. При этом различают абсолютную и условную β -конвергенцию, которые отличаются друг от друга отсутствием в регрессии в первом случае и присутствием во втором таких переменных, которые характеризуют различия в тех параметрах регионального развития, которые и вызывают межрегиональную дифференциацию, влияя на ВРП [Поянова О.С., Трусова С.В., Пигина Т.Н., 2020]. Регрессионное уравнение для оценки абсолютной дивергенции чаще всего получается незначимым, а оценки смещены в направлении дивергенции, поэтому после получения таких результатов переходят к оценке условной конвергенции. Принято также считать, что вероятность наличия абсолютной дивергенции выше в случае оценки ее неравенств для регионов одной страны, нежели для оценки неравенств между странами [Толмачев М.Н., 2012]. В данном параграфе диссертационного исследования использован подход «клубной» дивергенции, а именно, проведена оценка абсолютной конвергенции для трех основных

групп регионов, выделяемых в соответствии с исследовательской задачей, сформулированной в начале параграфа. В частности, для каждой группы построено регрессионное уравнение вида:

$$\left(\frac{GRP_T}{GRP_0}\right)^{\frac{1}{T}} = \beta_0 + \beta_1 * \ln GRP_0 + \varepsilon \quad (19)$$

где GRP_0 и GRP_T – значения подушевого ВРП региона в начальный и конечный моменты рассматриваемого временного интервала, $\left(\frac{GRP_T}{GRP_0}\right)^{\frac{1}{T}}$ – средний темп роста подушевого ВРП региона, β_0 – константа, β_1 – коэффициент регрессии, T – количество временных интервалов.

В данном уравнении проверяется наличие отрицательной корреляции между темпами экономического роста и начальным уровнем развития региональной экономики, поэтому если в этом уравнении $\beta_1 < 0$, то гипотеза абсолютной β -конвергенции принимается.

Процесс абсолютной конвергенции также еще характеризуется ее скоростью (v), которая показывает, на сколько долей единицы уменьшается разрыв в межрегиональном развитии за один период времени. Скорость конвергенции может быть рассчитана следующим образом:

$$v = -\frac{\ln(1+\beta_1*T)}{T} \quad (20)$$

Второе направление данного исследования содержит расчеты и оценку межрегиональной дифференциации приграничных регионов в сравнении с внутренними на основе энтропийного подхода [Chakravarty S.P., Majumder A., 2001]. Использование этого подхода является актуальным с точки зрения управления и оценки неопределенности состояния системы в целом. Возрастание коэффициентов энтропии свидетельствует об увеличении неопределенности развития системы и может служить индикатором растущей нестабильности и ослабления ее прогнозируемости. Этот подход позволил для целей данного исследования выбрать два энтропийных коэффициента – коэффициенты Тейла и Джини. Оба эти коэффициента имеют важное

преимущество с точки зрения данного исследования, так как позволяют осуществить оценку неравенства посредством соотношения распределения признака в совокупностях с разным количеством единиц. Еще один важный аргумент в пользу выбора этих коэффициентов заключается в том, что получаемый результат при их расчете не искажает в зависимости от масштабов региональных экономик, различия которых для российских регионов весьма существенны.

Расчет коэффициента Тейла реализован по формуле:

$$T = \frac{1}{n} * \sum_{i=1}^n \left(\frac{GRP_i}{GRP_{cp}} * \ln \frac{GRP_i}{GRP_{cp}} \right) \quad (21)$$

где Т – коэффициент Тейла,

GRP_i – значение подушевого ВРП i -го региона,

GRP_{cp} – среднерегиональное значение в данной выборке регионов,

n – количество регионов в выборке, для которой производится расчет коэффициента Тейла.

Коэффициент Тейла, таким образом, представляет собой меру территориального рассеяния ВРП.

Для расчета коэффициента Джини в каждой из трех групп регионов были выделены (примерно) равные по количеству регионов 4 группы после упорядочивания всего ряда внутри группы по величине подушевого ВРП. Далее коэффициент рассчитан следующим образом:

$$K = 1 - 2 * \sum_{i=1}^n x_i * cumGRP_i + \sum_{i=1}^n x_i * GRP_i \quad (22)$$

где К – коэффициент Джини, x_i – доля регионов i -й группы ($i = \overline{1, n}$, $\sum_{i=1}^n x_i = 1$), $cumGRP_i$ – кумулятивная доля ВРП i -й и предшествующих групп регионов, то есть доля ВРП, приходящегося на регионы от 1-го до i -го включительно, GRP_i – доля ВРП i -й группы регионов в суммарном ВРП страны ($i = \overline{1, n}$, $\sum_{i=1}^n y_i = 1$), n – количество регионов в группе регионов, для которой производится расчет коэффициента.

Чем ближе полученное при расчетах значение к 1, тем выше степень неравномерного распределения ВРП между регионами. Чем ближе это значение к 0, тем равномернее распределяется ВРП между регионами.

Некорректно судить только по этим коэффициентам о степени межрегионального неравенства, и в данном исследовании они используются для оценки степени различий в уровне экономического развития субъектов РФ как вспомогательные инструменты такой оценки. При прочих равных условиях, общепризнанным является тот факт, что оба эти коэффициента достаточно качественно оценивают степень неравенства, так как обладают такими характеристиками как независимость от количества наблюдений и от среднего значения распределения, симметричность, чувствительность к перераспределению [Chakravarty S.P., Majumder A., 2001].

Расчет коэффициента вариации для групп приграничных регионов, внутренних регионов и внутренних регионов без учета г. Москвы (рисунок 20) показал, что разброс по регионам величины ВРП относительно среднего значения для каждой группы регионов в среднем для приграничных регионов в 2 и более раза превышает указанный расчетный параметр в группе внутренних регионов. При этом для внутренних регионов без учета г. Москвы коэффициент вариации с 1996 по 2021 гг. колеблется в пределах от 39 до 48%, что хотя и свидетельствует о некоторой неоднородности этих регионов, на эта неоднородность существенно ниже по сравнению с приграничным регионами, для которых коэффициент вариации получился очень высоким и изменялся в разные периоды времени от 73 до 100%. При этом динамика коэффициента вариации для внутренних регионов без учета г. Москвы после 2005 года имеет тенденцию к плавному снижению, что иногда трактуется рядом исследователей как наметившаяся тенденция к сближению в уровне экономического развития регионов [Малкина М. Ю., 2014]. Однако, начиная с 2014 года, и в группе внутренних регионов происходит постепенный рост коэффициента вариации.

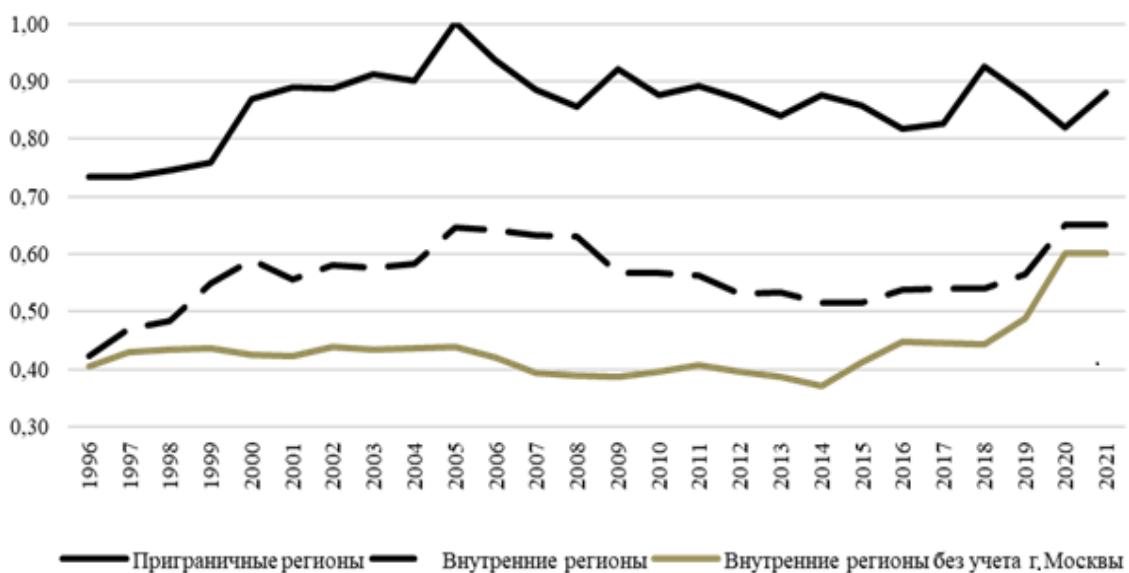

Рисунок 20 – Динамика коэффициента вариации, рассчитанного по величине ВРП на душу населения за период с 1996 г. по 2021 г.⁵⁷

Существует огромное число исследований, посвященных оценке межрегионального неравенства в России в целом, в которых в анализ данных включен и период с 2000 по 2010 год и практически все эти исследования показывают, что в 2005 году межрегиональное неравенство в России достигало максимального уровня, при этом оно нарастало весьма внушительными темпами в период с 2000 по 2005 годы, а после 2005 года стало плавно сокращаться [Коломак Е.А., 2020; Малкина М. Ю., 2014; Морошкина М. В., 2014 и др.]. Если представить расчеты коэффициента вариации именно за этот период времени на отдельном рисунке (рисунок 21), то отчетливо видно, что в 2005 году неоднородность внутри группы внутренних регионов без учета Москвы практически не изменилась по сравнению с предыдущими годами. «Выброс» 2005 года произошел за счет учета Москвы в группе внутренних регионов и в большей степени в приграничных регионах.

⁵⁷ Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики по субъектам Российской Федерации.

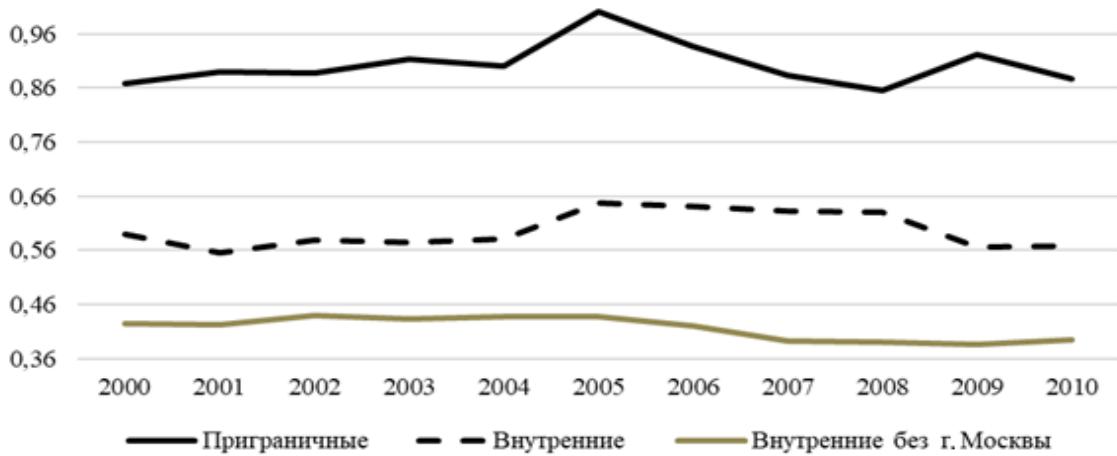

Рисунок 21 – Динамика коэффициента вариации, рассчитанного по величине ВРП на душу населения за период с 2000 г. по 2010 г.⁵⁸

Расчет отношения максимального значения подушевого ВРП к минимальному в каждой из трех групп регионов (рисунок 22) также демонстрирует более высокое значение этого отношения в группе приграничных регионов в сравнении с внутренними. По этому показателю степень дифференциации подушевого ВРП на протяжении всего периода с 1996 по 2021 гг. была в 3 и более раза выше в сравнении с внутренними регионами.

Для проверки гипотезы σ -конвергенции можно использовать данные коэффициента вариации, по динамике которого видно, что ни одной из рассматриваемых трех групп российских регионов – приграничных, внутренних, внутренних без учета г. Москвы, не свойственна конвергенция. Но для наглядности и следования более строгому определению σ -конвергенции, которое предполагает при ее наличии снижение дисперсии величин подушевого ВРП в каждой из трех групп регионов, построены кривые, отражающие динамику дисперсии за период с 1996 по 2021 гг. (рисунок 23).

⁵⁸ Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики по субъектам Российской Федерации.

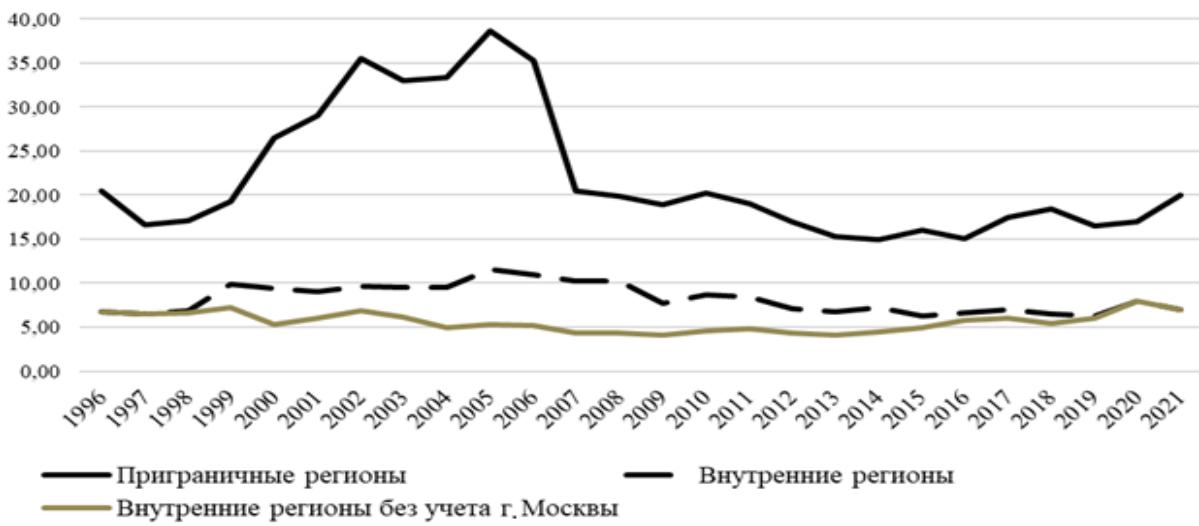

Рисунок 22 – Динамика отношения максимального к минимальному значению ВРП на душу населения за период с 1996 г. по 2019 г.⁵⁹

Как видно из графиков рисунка 23, дисперсии за указанный период по всем трем группам присущ экспоненциальный рост, что свидетельствует о наличии σ -дивергенции во всех трех группах регионов. Следует отметить также, что рост дисперсии для приграничных регионов является более резким и носит ярко выраженный характер.

Рисунок 23 – Динамика дисперсии, рассчитанной по величине ВРП на душу населения за период с 1996 г. по 2019 г.⁶⁰

⁵⁹ Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики по субъектам Российской Федерации.

⁶⁰ Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики по субъектам Российской Федерации.

Гипотеза β -конвергенции, то есть предположение, что относительно мало развитые регионы растут быстрее, чем экономически развитые, а значит глубина межрегионального неравенства сокращается с течением времени, также не нашла подтверждения при расчете коэффициентов регрессионных уравнений (таблица 16), которые получились (при округлении параметров регрессий до сотых) одинаковыми для всех трех групп регионов. Во всех трех случаях R^2 меньше 0,1, а коэффициенты регрессии получились статистически незначимыми. Таким образом, полученные расчеты показывают, что однозначно подтвердить или опровергнуть сходимость регионов по каждой из рассматриваемых групп в рамках гипотезы абсолютной β -конвергенции невозможно.

Таблица 16 - Оценка параметров абсолютной β -конвергенции⁶¹

Группы регионов	Константа	Коэффициент регрессии	R^2
Приграничные	1,2014	0,003	0,01
Внутренние	1,2014	0,004	0,02
Внутренние без Москвы	1,2494	-0,008	0,07

Расчёт коэффициента Тейла для приграничных и внутренних регионов показывает, что уровень межрегиональной дифференциации подушевого ВРП для приграничных регионов является существенно более высоким, чем для внутренних (рисунок 24). Более того, если рассматривать внутренние регионы без г. Москвы, то по коэффициенту Тейла уровень межрегионального неравенства является в них очень низким и приближается в некоторые периоды времени к нулю.

Еще один аспект неравенства может быть представлен с помощью коэффициента неоднородности регионального развития, который может быть рассчитан как энтропийный коэффициент – коэффициент Джини. При расчете коэффициента Джини по величине ВРП на душу населения он, по сути, отражает пространственную концентрацию подушевого ВРП и отражает

---

⁶¹ Составлено автором.

степень межрегионального неравенства в смысле неравномерной концентрации подушевого валового продукта в группе наиболее богатых регионов.

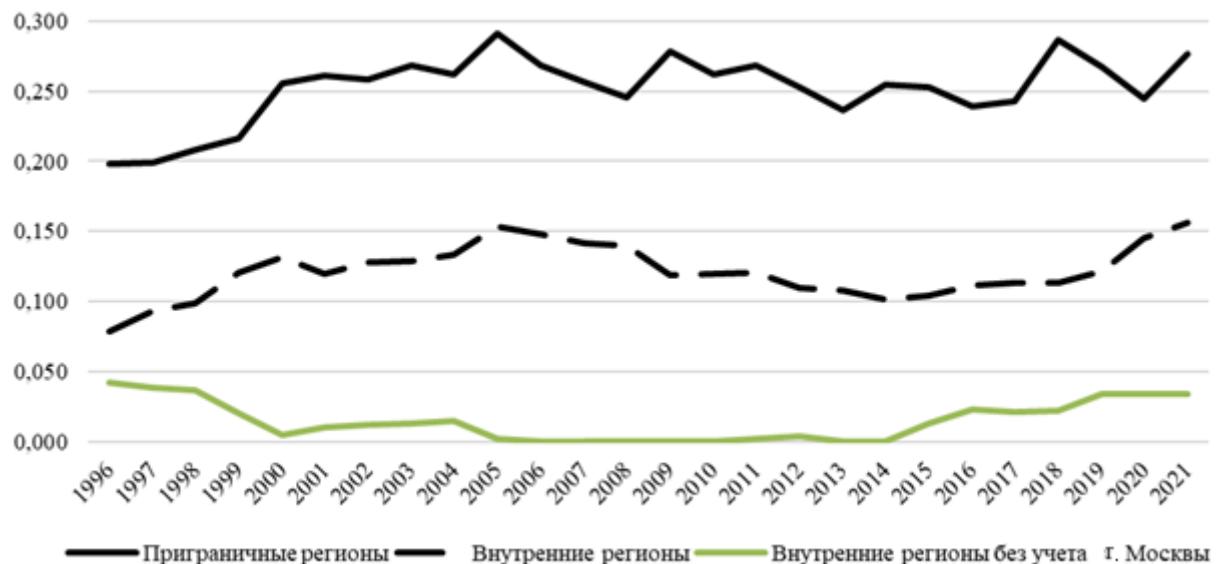

Рисунок 24 – Динамика коэффициента Тейла, рассчитанного на основе данных ВРП на душу населения⁶²

Как видно из графиков рисунка 25, межрегиональное неравенство, если судить о нем на основе коэффициента Джини, постепенно увеличивалось за период с 1996 по 2021 гг., но при этом оставалось на относительно более высоком уровне для приграничных регионов. В последние годы наблюдается более быстрый рост межрегионального неравенства в группе внутренних регионов без учета г. Москвы, но неравенство среди приграничных регионов при этом также растет, хоть и более медленными темпами, и остается на более высоком уровне.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что межрегиональная дифференциация в России сформирована преимущественно за счет неравенства в уровне экономического развития приграничных регионов. При этом динамика практически всех рассчитанных индикаторов неравенства для внутренних регионов является плавной, без резких

⁶² Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики по субъектам Российской Федерации.

колебаний, а для приграничных регионов носит более скачкообразный характер. Такой результат позволяет предположить, что приграничные регионы играют особую роль в формировании пространственных диспаритетов в России, а существующая региональная политика федерального центра не учитывает эту важную особенность.

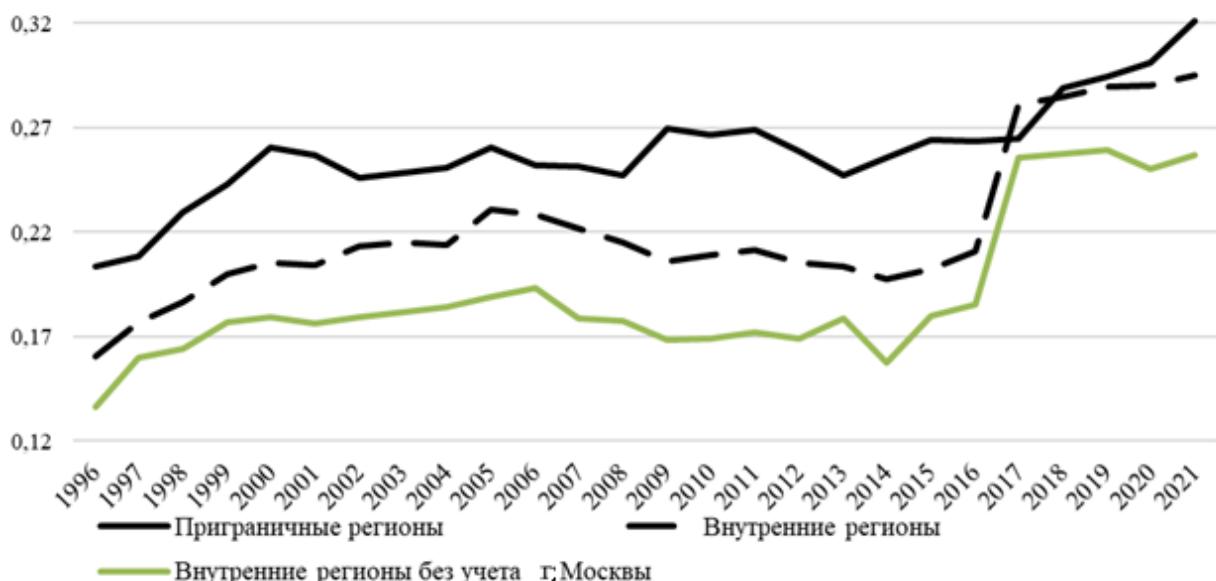

Рисунок 25 – Динамика коэффициента Джини, рассчитанного по величине ВРП на душу населения⁶³

Поскольку в данном исследовании применялся так называемый модифицированный вариант индекса Тейла, который позволяет учесть разный масштаб регионов [Малкина М.Ю., 2014], то считается, что данный индекс более точно отражает неравенство в распределении подушевого валового продукта между регионами, поэтому интересно, что расчёты именно индекса Тейла не показали для группы внутренних регионов усиления межрегионального неравенства в 2005 году, которое является очень наглядным по всем остальным рассчитанным индикаторам межрегионального неравенства. При этом расчеты индекса Тейла для приграничных регионов, так же как и расчеты остальных индикаторов, демонстрируют высокий рост межрегионального неравенства в 2005 году. Что позволяет предположить, что

⁶³ Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики по субъектам Российской Федерации.

межрегиональное неравенство в Российской Федерации в 2005 году в значительной степени увеличилось именно за счет приграничных регионов.

Несостоятельность оценок коэффициентов регрессии при оценке абсолютной β -конвергенции является признаком отсутствия единой траектории пропорционального роста как среди внутренних, так и среди приграничных регионов. Дальнейшее исследование проблемы межрегионального неравенства в группе приграничных регионов необходимо с учетом исследования зависимости экономического развития их региональных экономик от уровня экономического развития территорий сопредельных стран, а также необходима оценка условной β -конвергенции, которая учитывала бы дополнительные факторы, которые могут оказать влияние на экономическое развитие региональных экономик. По мнению автора данного исследования, в первую очередь к таким дополнительным факторам экономического развития приграничных регионов нужно отнести ту степень влияния государственной границы, которую оказывает на экономику данного региона его приграничное положение, а также вовлеченность региона в международную торговлю.

3.3. Возможности диверсификации отраслевой структуры торговых потоков приграничных регионов России на основе оценки выявленных сравнительных преимуществ

Классические теории международной торговли, которые применимы и к межрегиональному обмену, в частности теория Д. Рикардо, доказывают, что международная торговля на основе сравнительных преимуществ приносит ее участникам выгоды, которые тем больше, чем значительнее сравнительные издержки отклоняются от условий торговли на внешних рынках. Данный постулат стал основополагающим утверждением всех теорий торговли,

считывающих, что увеличение экспорта всегда приводит к росту совокупных доходов, тем самым, способствуя экономическому росту.

Также утверждается, что страны с более открытыми границами получают большие выгоды от международной торговли [Frankel J.A., Romer D.H., 1999]. Кроме того, в связи с глобальным финансово-экономическим кризисом 2008-2009 гг., вызвавшим рецессию во многих странах, гипотеза об экспорт ориентированном росте привлекла значительное внимание научного сообщества. Потенциальное решение кризиса все чаще видится в расширении экспорта на рынки тех стран, которые имеют более высокие экономические показатели роста и, соответственно, больший потенциал увеличения спроса на товары [Santos P. G., Ribeiro A. P., Carvalho V. M., 2013].

Выгоды и экспортный потенциал определяются сравнительными преимуществами данной страны (территории). Для оценки сравнительных преимуществ с точки зрения традиционных теоретических подходов к исследованию международной торговли наиболее логичным вариантом является определение сравнительных преимуществ как разницы между автаркическими относительными ценами и ценами в условиях свободной торговли. Первая проблема, возникающая в процессе такой оценки, заключается в том, что концепция сравнительного преимущества по своей природе связана с ненаблюдаемыми автаркическими переменными, такими как автаркические цены или автаркические производственные издержки. Следовательно, эмпирические исследователи искали второй лучший способ измерения сравнительных преимуществ, используя доступные фактические данные по торговым потокам, такие как экспорт и импорт. Этот вариант измерения развивается в рамках концепции так называемых «выявленных сравнительных преимуществ».

Вторая проблема заключается в том, что определение сравнительных преимуществ в мире с более, чем двумя странами, двумя товарами и двумя факторами (так называемая экономика 2x2x2) часто не так ясно и

прямолинейно, как в простой гипотетической экономике 2x2x2. Другими словами, необходима некоторая мера, которая может предоставить больше информации, чем просто выявление или отсутствие у данной страны сравнительных преимуществ в производстве данного товара. Таким образом, эмпирические исследователи не могут избежать вопроса, касающегося «степени преимуществ, демонстрируемых конкретной страной по отношению к различным товарам» или «степени преимуществ, демонстрируемых различными странами по отношению к конкретному продаваемому товару» [Hillman A.L., 1980]. Также нельзя не упомянуть исследование Алана Дирдорфа, который показал наличие отрицательной корреляции между чистым экспортом и относительными автаркическими ценами при прочих равных условиях, что влечет за собой вывод о невозможности точного измерения сравнительных преимуществ в рамках традиционных теорий международной торговли [Deardorff A.V., 1980]. В дальнейшем развитие этой идеи позволило обосновать утверждение, что индексы, основанные на фактических данных торговых потоков, могут раскрыть гораздо больше о сравнительных преимуществах [Balance R.H., Forstner H., Murray T., 1987]. То есть, несмотря на недостаточную теоретическую точность индексов выявленных сравнительных преимуществ, значительная часть исследователей склоняется к точке зрения, что они могут дать нам относительно достоверную информацию в отношении сравнительных преимуществ.

Для количественной оценки выявленных сравнительных преимуществ используется подход Белы Балаша (Bela Balassa), который оценивает относительную эффективность торговли отдельных стран отдельными товарами на основе так называемых выявленных сравнительных преимуществ, при допущении, что товарная структура торговли отражает межстрановые различия в относительных затратах, а также в неценовых факторах. Данный подход был разработан для оценки сравнительных преимуществ отдельных стран с точки зрения их участия в международной торговле, однако ряд российских исследователей уже показали эффективное

применение этого подхода для оценки выявленных сравнительных преимуществ российских регионов [Игнатьева А.Е. и соавт., 2015; Федюнина А.А. и соавт., 2017].

С учетом того, что концепция выявленных сравнительных преимуществ применяется к региональным экономикам, индекс Б. Балаша тогда будет рассчитываться по формуле, которая определяет долю товара в экспорте региона по отношению к доле экспорта данного товара в общей величине национального экспорта:

$$RCA = \frac{\frac{Ex_r^g}{\sum_{g=1}^T Ex_r^g}}{\frac{\sum_{r=1}^R Ex_r^g}{\sum_{g=1}^N \sum_{r=1}^R Ex_r^g}} \quad (23)$$

где Ex_r^g – величина экспорта товара g из региона r , T – число товарных групп, R – общее число регионов в стране.

Индекс Балаша имеет относительно простую интерпретацию: если он принимает значение больше единицы, то регион имеет выявленное сравнительное преимущество в данном товаре. Достоинство применения индекса сравнительных преимуществ заключается в том, что он учитывает внутреннее преимущество конкретного экспортного товара и согласуется с изменениями относительной обеспеченности экономики факторами производства. Но также у него есть недостатки, которые сводятся в основном к тому, что он не учитывает внутриотраслевую торговлю, а также изменения экономической конъюнктуры. То есть, если мы наблюдаем изменение этого индекса, то мы не сможем определить наверняка, что привело к этому изменению – изменение обеспеченности факторами производства или изменение условий международной торговли. Другими словами, индекс Балаша учитывает как ценовые, так и неценовые факторы конкурентоспособности региона в экспорте данного товара, но не способен отразить изменение экономических условий надрегионального уровня.

Российские исследователи А.А. Гnidченко и В.А. Сальников, проведя библиометрический анализ на основе изучения 131 статьи, посвящённых эмпирической оценке сравнительных преимуществ в международной торговле, отмечают, что только индекс Балаша лежит в основе этих исследований в двух третях изученных статей (для статей с высоким импакт-фактором эта доля составляет 50%), а примерно 20% от указанного числа использовали различные альтернативы, наряду с индексом Балаша. Чаще всего в этих альтернативах применялся индекс Лафая [Gnidchenko A.A., Salnikov V.A., 2021].

Индекс Лафая считается более совершенным индексом, учитывающим, в том числе, внутриотраслевую торговлю [Lafay G., 1992]. Положительные значения индекса Лафая указывают на наличие сравнительного преимущества, при этом более высокое значение указывает на более высокий уровень специализации, а отрицательное значение, наоборот, – на более низкий. Индекс Лафая, в отличие от индекса Балаша, учитывает разницу между величинами экспорта и импорта и пытается компенсировать некоторые недостатки индекса Балаша, учитывая внутренние торговые процессы и ВВП, а также он устойчив к макроэкономическим искажениям, поскольку учитывает разницу между нормализованным торговым балансом по каждому товару и общим нормализованным торговым балансом.

Расчет индекса Лафая, адаптированный для оценки участия регионов в международной торговле страны, осуществляется по формуле:

$$LFI_r^g = 100 \times \left(\frac{ex_r^g - im_r^g}{ex_r^g + im_r^g} - \frac{\sum_{g=1}^T (ex_r^g - im_r^g)}{\sum_{g=1}^T (ex_r^g + im_r^g)} \right) \times \frac{ex_r^g + im_r^g}{\sum_{g=1}^T (ex_r^g + im_r^g)} \quad (24)$$

где ex_r^g – величина экспорта товара g из региона r , im_r^g – величина импорта товара g в регион r , T – число товарных групп.

Таким образом, индекс Лафая измеряет вклад каждого товара в общий нормализованный торговый баланс. Следовательно, сумма индексов LFI для каждого региона по всем товарам равна нулю. Так как индекс Лафая учитывает не только экспорт, но и импорт, то это дает возможность устраниить

возможную погрешность индекса Балаша, которая может привести к ошибочной интерпретации торговой конкурентоспособности территории, а также учесть степень внутриотраслевой торговли.

Характеристика российского экспорта в целом, по мнению большинства исследователей, содержит доминирование продуктов с низкой добавленной стоимостью, прежде всего, сырья, материалов, энергоресурсов [Белугин А.Ю., 2022; Швед А.В., 2020]. Российская экономика, как и советская, традиционно считается зависимой от производства и экспорта ресурсов. В связи с этим российское правительство достаточно давно реализует различные меры по увеличению доли несырьевого экспорта и реформированию экспортной структуры России [Новиков И.А., 2020; Погорлецкий А.И., 2021]. Однако, несмотря на некоторое повышение доли несырьевого сектора в российском экспорте в последние 3 года, так и остается несформированным потенциал экспортной диверсификации [Васильева Р.И. и соавт., 2022]. Такой результат функционирования российской экономики в целом связан с зависимостью от импорта технологий, которая приводит к позитивным эффектам преимущественно для крупнейших промышленных компаний, и, соответственно, к еще большей концентрации производств в тех секторах экономики, которые определяют экспортную специализацию.

Классическая предпосылка Д. Рикардо о наличии сравнительных преимуществ и получении выгод от установления торговых отношений на основе специализации в соответствии с этими преимуществами, современными исследователями дополнена важным уточнением относительно вклада этой специализации в экономический рост. Так, для экономически менее развитых территорий экономический рост определяется в большей степени диверсификацией их экспорта, нежели специализацией на небольшом количестве товаров, по которым эти страны имеют сравнительное преимущество [Imbs J., Wacziarg R., 2003]. Связан этот вывод с тем, что, как правило, у менее развитых территорий специализация закрепляется на товарах с низкой добавленной стоимостью – сельскохозяйственные и сырьевые товары

низкотехнологичного характера. Расширение экспорта за счет специализации на основе конкурентных преимуществ оказывает положительное влияние на экономический рост лишь для относительно более развитых территорий [Cadot O., Carre C., Strauss-Kahn V., 2011]. Другими словами, можно заключить, что экономический рост за счет специализации на основе конкурентных преимуществ возможен только для экономически развитых регионов, а для экономически отсталых регионов экономический рост возможен только за счет диверсификации экспортной корзины при условии расширения экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью и высокотехнологичной продукции.

В Российской Федерации только 15 регионов⁶⁴ имеют ВРП на душу населения выше среднероссийского значения. То есть можно считать, что 5/6 от общего числа российских регионов имеют уровень экономического развития ниже среднероссийской величины. Таким образом, оценка сравнительных преимуществ только по индексу Балаша для российских регионов является неинформативной, необходимо ее дополнить также индексом Лафая, который учитывает внутриотраслевую торговлю и экспортное разнообразие.

С учетом рассмотренных особенностей индексов выявленных сравнительных преимуществ, в данном исследовании оценим выявленные сравнительные преимущества на основе индексов Балаша и Лафая, как основополагающих и наиболее распространённых индексов. Оценку проведем для приграничных регионов Российской Федерации, а также для внутренних регионов, чтобы сопоставить полученные результаты для приграничных регионов с результатами для внутренних.

---

⁶⁴ Если считать отдельно за три субъекта Федерации Тюменскую область и автономные округа. Вывод сделан на основе данных Федеральной службы государственной статистики. Сборник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 1112 с.

Также определим, как уровень конкурентоспособности и наличия выявленных сравнительных преимуществ зависит от того, является ли регион приграничным или внутренним.

Для этого анализа возьмем укрупненные товарные группы Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного Союза⁶⁵:

- 1) продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (группы 1-24);
- 2) продукция топливно-энергетического комплекса (группа 27);
- 3) продукция химической промышленности, каучук (группы 28-40);
- 4) древесина и целлюлозно-бумажные изделия (группы 44-49);
- 5) металлы и изделия из них (группы 72-83);
- 6) машины, оборудование и транспортные средства (группы 84-90).

Именно, эти товарные группы являются основными в структуре экспорта Российской Федерации.

В таблицах 17-20 и на рисунках 26 и 27 представлены расчетные характеристики индексов выявленных сравнительных преимуществ по методу Балаша (RCA) и по методу Лафая (LFI) отдельно для группы приграничных регионов и отдельно для группы внутренних регионов (основное значение – 2020 г., в скобках указаны значения, рассчитанные по данным 2016 г.).

---

⁶⁵ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 г. № 54 «Об утверждении Единой товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Ресурс доступен по адресу: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=218066&rnd=263249.2158611636&dst=100013&fld=134#0> (дата обращения: 01.03.2024).

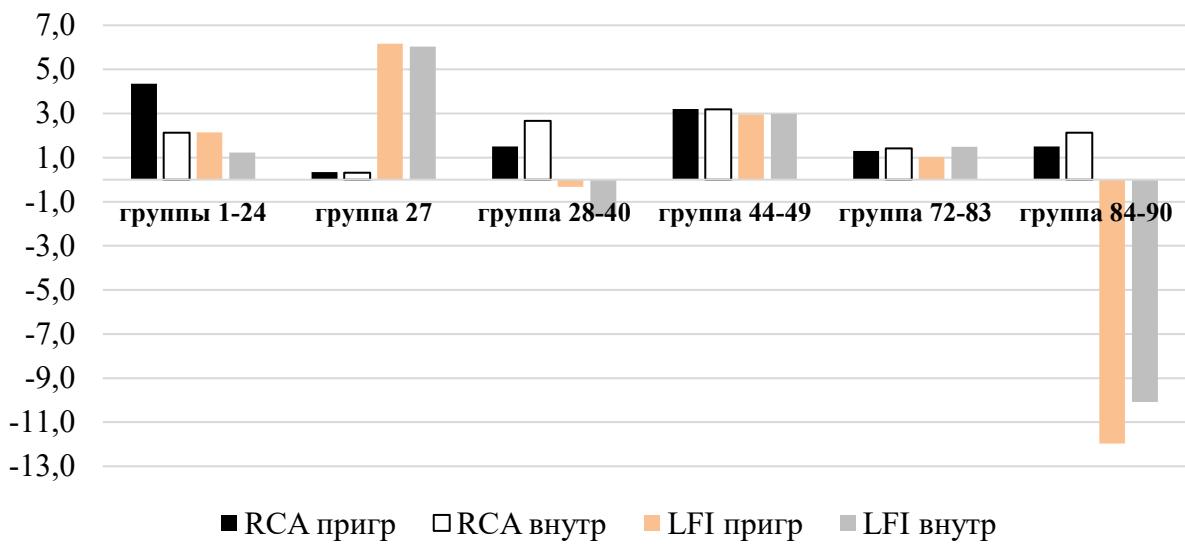

Рисунок 26 – Индексы Балаша и Лафея для приграничных и внутренних регионов по основным товарным группам в соответствии с товарной номенклатурой ВЭД (2016 г.)⁶⁶

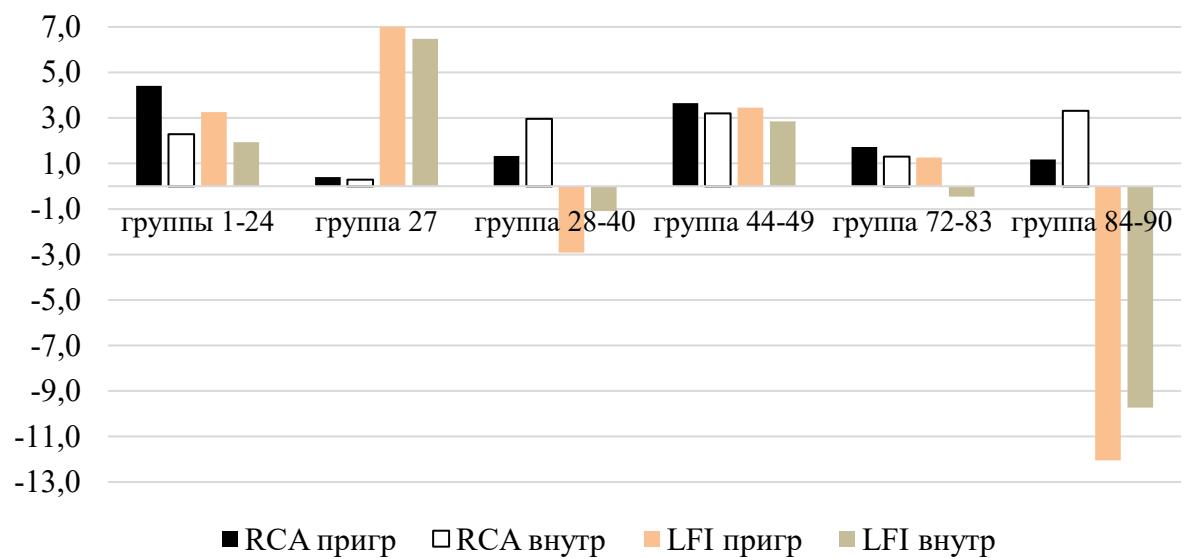

Рисунок 27 – Индексы Балаша и Лафея для приграничных и внутренних регионов по основным товарным группам в соответствии с товарной номенклатурой ВЭД (2020 г.)⁶⁷

⁶⁶ Источник: расчеты выполнены автором на основе базы данных Федеральной таможенной службы «Таможенная статистика внешней торговли РФ» <http://stat.customs.ru/> (дата обращения: 01.03.2024).

⁶⁷ Источник: расчеты выполнены автором на основе базы данных Федеральной таможенной службы «Таможенная статистика внешней торговли РФ» <http://stat.customs.ru> (дата обращения: 01.03.2024).

Общая оценка по указанным группам регионов позволяет нам в качестве тех товарных групп, по которым у регионов имеются сравнительные преимущества, выделить для приграничных регионов по индексу Балаша продовольственные товары, сельскохозяйственное сырье, древесину и целлюлозно-бумажные изделия, по индексу Лафеля – эти же товарные группы плюс продукция топливно-энергетического комплекса. Для внутренних регионов: древесина и целлюлозно-бумажные изделия и машины, оборудование и транспортные средства – по индексу Балаша и только продукция топливно-энергетического комплекса – по индексу Лафеля.

Товарная группа «Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье» по индексу выявленных сравнительных преимуществ характеризуется наличием таких преимуществ и в группе приграничных, и в группе внутренних регионов, причем в приграничных регионах значение индекса в два раза превышает значение для группы внутренних регионов. При этом значение индекса больше единицы у 70% приграничных регионов и только лишь у 32% внутренних регионов (от общего числа регионов в каждой группе).

Общий уровень конкурентоспособности приграничных и внутренних регионов в торговле продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем можно оценить по доле регионов из соответствующей группы с положительным значением индекса Лаффеля в общем объеме экспорта всех российских регионов по соответствующим товарным группам. Для приграничных регионов эта доля составляет 41,6%, для внутренних – всего лишь 4,8%. Фактически это означает, что наличие конкурентных преимуществ по этой товарной группе имеет значение только для приграничных регионов. При этом расчетные характеристики, полученные и тем, и другим способом, в 2020 году несущественно или совсем не отличаются от результатов 2016 г. (таблицы 17-20), что позволяет сделать вывод об устойчивости более высокого уровня конкурентоспособности экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья именно для приграничных регионов.

Для товарной группы «Продукция топливно-энергетического сектора» индексы выявленных сравнительных преимуществ и для приграничных, и для внутренних регионов составляют примерно одинаковые значения и по Балашу (0,4 – для приграничных, 0,3 – для внутренних), и по Лафею (7,0 – для приграничных, 6,5 – для внутренних) и существенно не меняются в 2020 году по сравнению с 2016 годом.

Таблица 17 - Расчетные характеристики индексов выявленных сравнительных преимуществ (RCA) для группы приграничных регионов (основное значение – 2020 г., в скобках указаны значения, рассчитанные по данным 2016 г.)⁶⁸

Описание индикатора	Минимальное значение	Максимальное значение	Среднее значение	Медиана
RCA для товарной группы «Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье»	0 (0)	15,6 (15,4)	4,4 (4,4)	2,7 (2,9)
RCA для товарной группы «Продукция топливно-энергетического комплекса»	0 (0)	1,5 (1,5)	0,4 (0,3)	0,2 (0,1)
RCA для товарной группы «Продукция химической промышленности, каучук»	0 (0)	7,9 (9,4)	1,3 (1,5)	0,3 (0,4)
RCA для товарной группы «Древесина и целлюлозно-бумажные изделия»	0 (0)	26,0 (22,7)	3,6 (3,2)	1,1 (0,8)
RCA для товарной группы «Металлы и изделия из них»	0 (0)	8,7 (7,9)	1,7 (1,3)	0,5 (0,3)
RCA для товарной группы «Машины, оборудование и транспортные средства»	0 (0)	9,2 (6,3)	1,2 (1,5)	0,5 (1,0)

Большинство исследований для оценки России в целом по отношению к мировому пространству показывают обычно сравнительные преимущества в соответствующих отраслях российской экономики, что вполне объяснимо учитывая ее сырьевую направленность [Енин Ю.И., Шиманович Г.И., 2020; Федюнина А.А. и соавт., 2020; Каштякова Э., Луптакова А., 2020]. Однако для

---

⁶⁸ Источник: расчеты выполнены автором на основе базы данных Федеральной таможенной службы «Таможенная статистика внешней торговли РФ» <http://stat.customs.ru/> (дата обращения: 01.03.2024).

российских регионов такого вывода сделать нельзя, что обусловлено тем, что большая часть российских экспортирующих нефть и газ компаний зарегистрированы в г. Москве и в крупнейших центрах добычи нефти и газа (Сахалинская область, Тюменская область, Республика Татарстан и т.д.). У этих же регионов наблюдаются значения индекса Балаша больше 1. В группе приграничных регионов их 6, а в группе внутренних – 4. При этом медианное значение индекса сравнительных преимуществ в 2016 году совпадало и для внутренних, и приграничных регионов, а в 2020 году разнонаправленно изменилось, увеличившись в группе приграничных регионов, и сравнявшись с нулем в группе внутренних регионов (таблицы 17-20).

Таблица 18 - Расчетные характеристики индексов выявленных сравнительных преимуществ (RCA) для группы внутренних регионов (основное значение – 2020 г., в скобках указаны значения, рассчитанные по данным 2016 г.)⁶⁹

Описание индикатора	Минимальное значение	Максимальное значение	Среднее значение	Медиана
RCA для товарной группы «Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье»	0 (0)	15,6 (15,2)	2,3 (2,1)	0,7 (0,6)
RCA для товарной группы «Продукция топливно-энергетического комплекса»	0 (0)	1,5 (1,4)	0,3 (0,3)	0,0 (0,1)
(RCA для товарной группы «Продукция химической промышленности, каучук»)	0 (0)	11,6 (8,6)	3,0 (2,7)	1,8 (1,9)
RCA для товарной группы «Древесина и целлюлозно-бумажные изделия»	0 (0)	23,4 (20,4)	3,2 (3,2)	1,4 (1,4)
RCA для товарной группы «Металлы и изделия из них»	0 (0)	8,9 (8,6)	1,3 (1,4)	0,5 (0,6)
RCA для товарной группы «Машины, оборудование и транспортные средства»	0 (0)	11,4 (7,1)	3,3 (2,1)	2,6 (1,5)

⁶⁹ Источник: расчеты выполнены автором на основе базы данных Федеральной таможенной службы «Таможенная статистика внешней торговли РФ» <http://stat.customs.ru/> (дата обращения: 01.03.2024).

Таблица 19 - Расчетные характеристики индексов выявленных сравнительных преимуществ (LFI) для группы приграничных регионов (основное значение – 2020 г., в скобках указаны значения, рассчитанные по данным 2016 г.)⁷⁰

Описание индикатора	Минимальное значение	Максимальное значение	Среднее значение	Медиана
LFI для товарной группы «Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье»	-19,4 (-14,6)	25,2 (22,9)	3,3 (2,1)	0,3 (0,2)
LFI для товарной группы «продукция топливно-энергетического комплекса»	-3,2 (-9,4)	39,3 (38,2)	7,0 (6,2)	3,0 (0,7)
LFI для товарной группы «Продукция химической промышленности, каучук»	-23,4 (-10,9)	16,5 (24,7)	-2,9 (-0,3)	-2,8 (-1,7)
LFI для товарной группы «древесина и целлюлозно-бумажные изделия»	-3 (-2,3)	28,1 (28,2)	3,4 (3,0)	0,6 (0,3)
LFI для товарной группы «металлы и изделия из них»	-18,6 (-17,8)	26,4 (23,2)	1,3 (1,0)	-0,7 (-0,7)
LFI для товарной группы «Машины, оборудование и транспортные средства»	-28,7 (-38,8)	13,1 (4,7)	-12,1 (-12,0)	-11,9 (-14,0)

Оценивая общий уровень конкурентоспособности приграничных и внутренних регионов в торговле продукцией топливно-энергетического комплекса по доле регионов с положительным значением индекса Лаффея в общем объеме экспорта всех российских регионов, отметим, что эта доля составляет для приграничных регионов всего 21,1%, для внутренних – 73,14%. Последнее расчетное значение в основном получено за счет присутствия в группе внутренних регионов г. Москвы, на который приходится 58,4%. Таким образом, если исключить г. Москва из данных, то уровень конкурентоспособности по экспорту продукцией топливно-энергетического комплекса для приграничных и внутренних регионов остается примерно сопоставимым.

⁷⁰ Источник: расчеты выполнены автором на основе базы данных Федеральной таможенной службы «Таможенная статистика внешней торговли РФ» <http://stat.customs.ru/> (дата обращения: 01.03.2024).

Таблица 20 - Расчетные характеристики индексов выявленных сравнительных преимуществ (LFI) для группы внутренних регионов (основное значение – 2020 г., в скобках указаны значения, рассчитанные по данным 2016 г.)⁷¹

Описание индикатора	Минимальное значение	Максимальное значение	Среднее значение	Медиана
LFI для товарной группы «Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье»	-9,2 (-2,0)	40,3 (38,8)	1,9 (1,2)	-0,3 (-0,5)
LFI для товарной группы «продукция топливно-энергетического комплекса»	-3,3 (-1,8)	39,6 (39,6)	6,5 (6,0)	0,1 (1,0)
LFI для товарной группы «Продукция химической промышленности, каучук»	-14,2 (-19,4)	19,2 (20,6)	-1,1 (-1,7)	-1,7 (-1,1)
LFI для товарной группы «древесина и целлюлозно-бумажные изделия»	-1,6 (-2,8)	25,4 (28,3)	2,9 (3,0)	1,2 (1,0)
LFI для товарной группы «металлы и изделия из них»	-14,7 (-8,8)	21,4 (26,1)	-0,5 (1,5)	-1,5 (-0,4)
LFI для товарной группы «Машины, оборудование и транспортные средства»	-26,5 (-28,2)	22,0 (3,8)	-9,7 (-10,1)	-10,0 (-7,7)

Расчетные значения рассматриваемых индексов для товарной группы «Продукция химической промышленности, каучук» показывают незначительные конкурентные преимущества у приграничных регионов по индексу Балаша (таблица 17), в то время как у внутренних регионов индекс сравнительных преимуществ по этой товарной группе не только существенно выше, чем у приграничных регионов, но и увеличивается в 1,4 раза в 2020 году по сравнению с 2016 годом (таблица 18).

По индексу Лафея экспорт химической продукции и для приграничных, и для внутренних регионов характеризуется сравнительным отставанием, причем для приграничных регионов это отставание выше в 2016 году, но

---

⁷¹ Источник: расчеты выполнены автором на основе базы данных Федеральной таможенной службы «Таможенная статистика внешней торговли РФ» <http://stat.customs.ru/> (дата обращения: 01.03.2024).

сокращается в 2020 году, чего нельзя сказать о внутренних регионах, в которых отставание хоть и сокращается, но несущественно (таблицы 19 и 20).

В целом уровень конкурентоспособности по товарной группе «продукция химической промышленности, каучук» в группе приграничных регионов ниже, чем в группе внутренних регионов, так как доля приграничных регионов в общем объеме российского экспорта продукции химической промышленности и каучука составляет 15,9%, а для внутренних регионов это значение равно 36,2%.

Полученные результаты отражают общую ситуацию с экспортом продукции указанной товарной группы, сложившуюся в последние годы в российской экономике. Доля России на мировых рынках товарных позиций данной товарной группы в последнее время росла. Так, например, в 2021 году Россия была мировым лидером по экспорту удобрений, обогнав Китай [Зворыкина Ю.В., Тихонова А.А., 2022]. Однако, в последние годы наблюдалось общемировая тенденция – снижение цен на продукцию химической отрасли, которые в период с 2016 года по 2020 год снижались, а в 2021 начали восстанавливаться. В связи с санкционными рисками и высокой волатильностью таких рынков специализация России на подобных товарных позициях с низкой степенью переработки приводит к тому, что Россия теряет свою конкурентоспособность в производстве такой продукции. Исходя из полученных изменений расчетных индексов для данной товарной группы, видно, что на такие внешние шоки реагируют в большей степени приграничные регионы, в которых сократился индекс сравнительных преимуществ Балаша, а то, что выросло отрицательное значение индекса Лафеля, вероятнее всего означает сокращение внутриотраслевой торговли в группе приграничных регионов.

По товарной группе «Древесина и целлюлозно-бумажные изделия» ситуация аналогичная: по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO) Россия является крупнейшим экспортёром древесины в мире, но полуобработанный круглый лес и

пиломатериалы составляют более 54 % экспортируемых Россией лесоматериалов⁷². То есть в этой группе также доминируют товары преимущественно сырьевой направленности с низкой степенью переработки⁷³, что не позволяет России стать конкурентоспособной на мировом рынке в этой товарной группе, несмотря на лидерство в объемах экспорта. Расчетные значения индексов сравнительных преимуществ подтверждают этот вывод: независимо от метода расчета, индекс варьируется в интервале 2,9-3,6 и для приграничных, и для внутренних регионов, не показывая значимых изменений во времени за период с 2016 года по 2020 год (таблицы 17-20).

Уровень конкурентоспособности по доле экспорта древесины и целлюлозно-бумажных изделий для каждой группы регионов в общем объеме экспорта данной товарной группы примерно одинаков и для приграничных, и для внутренних регионов: 35,7% и 36,7%, соответственно.

Экспорт металлов и изделий из них является также экспортом сырьевой направленности. Самым крупным партнером России в торговле металлами является Китай, на долю которого приходится около трети от общей величины экспорта по этой товарной группе. Фактически Китай покупает у России сырье для производства металлических заготовок, слябов и проката, в производстве которых он является мировым лидером [Иорданова В.Г. и соавт., 2021]. Далее Китай продает свою продукцию преимущественно США и Европейскому Союзу, что дает основания полагать, что Россия принимает участие в этих производственных цепочках на самых низших стадиях, довольствуясь минимальным приростом добавленной стоимости.

Сравнение конкурентных преимуществ в экспорте металлов и изделий из них между приграничными и внутренними регионами показывает, что

---

⁷² The Russian Federation Forest sector study to 2030. – Food and Agriculture Organization of the United Nations. – Rome. 2012. – 93 p. – [Электронный ресурс]. – <https://www.fao.org/3/i3020e/i3020e00.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).

⁷³ По данным той же FAO Россия обладает пятой частью мировых запасов лесов, но при этом доля лесного сектора в ВВП составляет всего 1,3%, что свидетельствует о том, что развитие лесного сектора не входит в перечень приоритетов национальной экономической политики.

значения индексов Балаша примерно сопоставимы для обеих групп, а вот по индексу Лафеля у приграничных регионов средняя величина индекса положительна, а у внутренних регионов – отрицательна. При этом доля приграничных регионов в общей величине российского экспорта металлов составляет 52%, а для внутренних регионов эта доля равна лишь 29,5%. Примечательно, что у внутренних регионов значение индекса Лафеля в 2016 году было положительным, а у приграничных и индекс Балаша, и индекс Лафеля увеличиваются в 2020 году по сравнению с 2016 годом. Подобные результаты свидетельствуют о закреплении сырьевой направленности экспорта приграничных регионов в сравнении с внутренними и по такой товарной позиции как «металлы и изделия из них».

Оценка конкурентоспособности экспорта продукции товарной группы «Машины, оборудование и транспортные средства» показывает низкий уровень конкурентоспособности по индексу Балаша у приграничных регионов, и более высокий уровень конкурентоспособности у внутренних регионов. По индексу Лафеля наблюдается сравнительное отставание, масштаб которого больше для приграничных регионов. Примечательно, что медианные значения индекса Лаффеля в 2020 году близки к средним, что свидетельствует о симметричности распределения полученных расчетных значений. Всего два приграничных региона имеют положительный индекс Лаффеля по данной товарной группе и доля этих регионов в общем объеме экспорта по этой товарной группе близка к нулю (0,59%). Доля внутренних регионов – 3,9%, а число регионов с положительным индексом Лафеля равно трем, что чуть больше по обоим параметрам, чем в группе приграничных регионов, но также свидетельствует о крайне низком уровне конкурентоспособности экспорта машин, оборудования и транспортных средств.

Проблема диверсификации экспорта не является специфической для российских приграничных регионов, так как это общая проблема для России в целом, в наличие которой вносят вклад как приграничные, так и внутренние регионы, однако расчетные характеристики индексов сравнительных

преимуществ рассчитанных и методом Балаша, и методом Лафя показывают различные структурные особенности экспортной специализации приграничных и внутренних регионов. У приграничных регионов, как правило, ниже уровень конкурентоспособности по доле экспорта данного товара данной группы в общероссийском объеме экспорта данного товара, особенно в тех товарных группах, где выше степень переработки, либо выше потенциал для повышения этой степени.

Изменение расчетных характеристик в 2020 году по сравнению с 2016 годом также показывает некоторое ухудшение положения приграничных регионов по сравнению с внутренними, которое при этом сопровождается закреплением сырьевой ориентации их экспорта. Примечательно, что данные по экспорту и импорту технологий по субъектам Российской Федерации косвенно подтверждают технологическую отсталость экспорта приграничных регионов, а также характеризуют низкий уровень их инновационного потенциала, так как на их долю приходится лишь 13% поступлений от общей величины поступлений от экспорта технологий в 2020 г. (таблица 21). Чистый экспорт технологий для внутренних регионов положителен и составляет значительную величину (709,1 млрд. долл. США), а для России в целом является отрицательной величиной (-150,8 млрд. долл. США). Формирование этого отрицательного сальдо происходит за счет приграничных регионов (-859,9 млрд. долл. США). Это означает, что участие приграничных регионов в экспорте технологий Российской Федерации крайне низкое, а научно-технологический потенциал Российской Федерации присущ преимущественно экономикам внутренних регионов.

Таким образом, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье – это одно из тех направлений экспорта приграничных регионов, развитие и диверсификация которого позволит стимулировать экономическое развитие в этих регионах, так как конкурентоспособность именно этой 21 товарной группы составляет наибольшее значение в сравнении с остальными товарными группами (41,6%), хотя и является в целом довольно

низкой, чтобы можно было говорить о полноценно высокой конкурентоспособности.

Таблица 21 - Поступления от экспорта технологий и выплаты по импорту технологий в приграничных регионах в сравнении с внутренними в 2020 г. (млн. долл. США)⁷⁴

Группы регионов	Поступления по экспорту технологий	Выплаты по импорту технологий	Сальдо
Приграничные регионы	620,3	1480,2	-859,9
Внутренние регионы	4053,9	3344,8	709,1
Российская Федерация в целом	4674,2	4825	-150,8

Оценка конкурентоспособности экспорта приграничных регионов на основе индексов Балаша и Лафея показала, что все российские регионы в целом характеризуются концентрацией экспорта в отраслях либо сырьевой направленности, либо производящих преимущественно продукцию низкого передела. Однако, по значениям полученных индексов для приграничных регионов данная тенденция выражена более отчетливо. Полученные результаты, характеризующие технологическую отсталость экспорта приграничных регионов, также коррелируют и с данными по экспорту и импорту технологий.

Реализация государственных мер стимулирования диверсификации экспорта в приграничных регионах потребует больших ресурсов и затрат. У приграничных регионов одним из направлений, выделенным на основе оценки конкурентоспособности экспорта, является содействие развитию обрабатывающих производств продовольственных и сельскохозяйственных товаров. Ситуация, сложившаяся в машиностроении, приобретает статус

---

⁷⁴ Источник: расчеты выполнены автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики. Сборник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 1112 с.

угрозы экономической безопасности, как для приграничных, так и для внутренних регионов, но для приграничных регионов эта проблема стоит острее.

Выводы по главе 3

Приграничные регионы – это регионы, на развитие которых оказывают влияние государственные границы. Их наиболее простое определение и специфика развития сформулированы в хрестоматийной работе академика А.Г. Гранберга, который считает главной спецификой их развития периферийное положение, и, как следствие, часто присущую им социально-экономическую отсталость [Гранберг А.Г., 2004]. Однако, на самом деле, данное определение А.Г. Гранберга опирается преимущественно на реалии российской экономики 90-х годов XX века. Отсталость в социально-экономическом и политическом развитии приграничных регионов возникает, с одной стороны, из-за недостаточного внимания к ним в рамках региональной политики федерального центра с точки зрения их специфики, обусловленной влиянием государственной границы и возможностью формирования единого экономического пространства с регионами сопредельного государства. С другой стороны, стимулирование экономического развития приграничных регионов возможно не только с помощью инструментов региональной политики, но и также посредством других направлений государственного регулирования, например, с позиций формирования экономических порядков посредством регулирования международных экономических взаимодействий. В случае приграничных регионов нескоординированность мер различных направлений государственного регулирования (например, региональной и внешнеторговой политик), а также неадекватная оценка значимости этих мер

в государственной политике регионального развития, может действительно привести к отсталости в развитии приграничных регионов.

Сравнение российских приграничных и внутренних регионов показывает, что по показателям социально-экономической динамики, отражаемой в средних величинах, не существует какого-либо серьезного отставания приграничных регионов от внутренних. Более того, по некоторым показателям (например, по средней величине подушевого ВРП) наблюдается более позитивная динамика именно для приграничных регионов. Однако, индикаторы уровня жизни населения и бедности показывают худшую ситуацию именно в приграничных регионах. Структурные же характеристики экономики приграничных регионов в сравнении с внутренними регионами отличаются тем, что приграничные регионы специализируются на товарах с низкой степенью переработки, а также низкой долей внутриотраслевой торговли, которая еще больше сокращается в периоды внешних шоков. Для приграничных регионов также характерны технологическая отсталость экспорта, низкий уровень их инновационного потенциала, концентрация экспорта в отраслях сырьевой направленности. При этом межрегиональное неравенство в Российской Федерации сформировано преимущественно за счет неравенства в уровне экономического развития приграничных регионов.

ГЛАВА 4 ВЛИЯНИЕ КОМЛИМИТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РЕГИОНАМИ СОПРЕДЕЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОТДЕЛЬНЫХ РОССИЙСКИХ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

4.1 Экономическое развитие приграничных регионов в зоне российско- украинского приграничья

Отдельного внимания заслуживает исследование экономического развития тех регионов, положение которых в условиях проводимой Россией специальной военной операции (СВО) стало наиболее уязвимым в сравнении с другими российскими приграничными регионами. Сосредоточим внимание на регионах так называемого российского-украинского приграничья до 2022 г.: Белгородская область, Брянская область, Воронежская область, Краснодарский край, Курская область, Республика Крым, Ростовская область. В текущих условиях значительное внимание в отношении этих регионов приковано к вопросам безопасности и военного противостояния, однако, если следовать традициям, которые заложил академик А.Г. Гранберг в содержание понятия «приграничный регион», все те проявления межгосударственного противостояния между Россией и Украиной, которые мы могли наблюдать в последние годы, неизбежно сказываются и в еще большей степени скажутся и на экономическом развитии субъектов РФ, граничащих с Украиной. И в этой связи автору данного исследования представляется весьма полезным применение концепции лимитрофа к исследованию текущей экономической ситуации в этих регионах.

Понятие лимитрофа в современной науке используется ситуативно, при этом отсутствуют общепринятые подходы к его определению. Но определение

понятия «лимитроф» очень важно с позиций экономической лимнологии, поскольку первый «лимитрофный» опыт затрагивал процессы делимитации границ, в частности, в Древнем Риме, где под лимитрофом понимали место дислокации пограничных войск, которые защищали территорию Древнего Рима от нападений извне. Затем содержание этого понятия существенно меняется: в первой половине XX века лимитрофами стали называть те государства, которые до 1917 года входили в состав Российской империи (в основном так называемые «западные губернии»), а после 1917 г. стали относительно самостоятельными государствами [Цымбурский В.Л., 2000]. Суть лимитрофа в тот период сводилась к формированию своего рода буферных стран, которые препятствуют распространению большевистской идеологии на запад. То есть страны-лимитрофы все еще выполняют защитную функцию, как и в Древнем Риме, но в данном случае для Европы, защищая ее от идеологии СССР. Но именно в этом примере лимитрофа в содержание этого понятия вводится «междумирье» или «межцивилизационный пояс».

В настоящее время термин «лимитроф» используется преимущественно в geopolитических исследованиях и подразумевает такое государство, экономика, культура, идеология, потоки информации которого находятся под политическим контролем какого-либо влиятельного государственного актора. Например, страны бывшего социалистического лагеря являлись лимитрофами СССР.

Хотя есть и иные трактовки рассматриваемого понятия, что доказывает ситуативность его использования. Так, например, российский исследователь Ламажаа Ч.К.о. рассматривает Республику Тыва как территорию, расположенную между двумя цивилизациями, что сказывается на социокультурной среде тувинского общества. Примечательно, что в этом исследовании, автор доказывает уже не географическую (физически воплощенную) пограничность, а пограничность в межцивилизационном взаимодействии и социокультурной жизни общества [Ламажаа Ч. К. о., 2021].

В данном исследовании мы будем трактовать понятие лимитрофа в наиболее часто встречающейся интерпретации в исследованиях геоэкономической направленности. Корни этой концепции идут из трудов Ф. Ратцеля, а именно из идеи, что отдельные государства – это «пространственные организмы», жизнедеятельности которых присущи определенные закономерности. Одной из таких закономерностей является склонность к пространственной экспансии с целью захвата богатых ресурсами территорий, а также территорий, имеющих выгодное геополитическое положение [Ратцель Ф., 2020]. По Ратцелю, основным толчком для пространственного роста государства как раз и являются перепады уровней цивилизации соседствующих территорий. То есть, в этих перепадах и образуются территории межцивилизационного взаимодействия. Считается, что именно Ф. Ратцель является родоначальником геополитики, а также одним из тех, кто впервые определил роль лимнологических факторов в развитии государств.

В конце XIX века, примерно тогда же, когда и Ф. Ратцель писал свои основные труды, Дж. Керзон предложил идею «буферных государств», под которыми он понимает некую нейтральную зону, состоящую либо из части государства, либо из отдельного государства, либо из совокупности государств, и представляющую собой намеренно нейтрализованную территорию. Главной целью формирования таких зон является создание пространства между государствами, контакт между которыми способен спровоцировать военное столкновение [Curzon N.G., 1908]. Примечательно, что в межгосударственном противостоянии России со странами, так называемого коллективного Запада, исследователи из западных стран с энтузиазмом подхватывают концепцию буферных государств и применяют ее к Украине. Так, например, статья Р. Шнайдера и Дж. Менона посвящена, по их собственному признанию, анализу возможных вариантов управления Украиной как буферной зоной, выявлению факторов успешной или неэффективной стабилизации различных регионов, которые к ней примыкают,

и определению того, какие необходимо предпочесть механизмы для воздействия на приграничные регионы, которые соседствуют с Украиной [Menon R., Snyder J.L., 2017]. По мнению автора данного диссертационного исследования, авторы в этой работе подменяют понятия и противоречат сами себе. Р. Шнайдер и М. Менон пишут в своей работе, что буферные зоны расположены между двумя более могущественными соперничающими государствами, но не находятся ни под властью, ни в союзе с ними. Иногда они создаются и поддерживаются великими державами, стремящимися урегулировать свое соперничество. Однако часто они просто отражают неустойчивое равновесие приливов и отливов власти и служат ареной конкуренции. В то же время Украина в настоящее время находится под мощнейшим влиянием стран Запада, и поэтому не может являться буферной зоной. К тому же сами авторы в своей статье, с одной стороны, указывают, что буферная зона нейтральна и не находится под чьим-либо влиянием, с другой стороны, целью статьи формулируют анализ и выбор различных вариантов управления буферной зоной, а также указывают на то, что буферные зоны имеют неоднозначную репутацию в качестве стабилизаторов международного соперничества. Страны, ставшие буферной зоной, скорее всего, будут поглощены кем-то из двух соперничающих «больших» держав. При этом, «большие» державы, которые полагаются на буферные государства в качестве подушки безопасности, обнаруживают, что они часто слабы или нестабильны и, следовательно, подвержены манипуляциям, господству и завоеванию со стороны противников, поэтому нуждаются во внешнем контроле и управлении [Дудин П.Н., 2019].

В 1962 году появилась еще одна важная концепция, внесшая вклад в формирование современного понятия «лимитроф». Это концепция «критических границ» Кеннете Боулдинга, которая вводит также понятия «сфера жизненных интересов» и «сфера влияния» в геополитическом пространстве. Согласно К. Боулдингу, помимо государственных границ, существует еще и особый вид границ, который очерчивает сферу

геополитического влияния того или иного актора в мировом пространстве, признанную международным сообществом [Boulding K E., 1962]. Как правило, такие границы находятся за пределами государственных границ данной страны. Применительно к текущей ситуации логично предположить, что США, возомнившие себя однополярно доминирующей державой, подобные критические границы решили «провести» там, где находится государственная граница между Россией и Украиной.

В историко-политическом дискурсе также распространенным является понятие государства-сателлита, под которым понимается государство, формально независимое, но находящееся под политico-экономическим влиянием другого государства. В чем же принципиальное отличие сателлита и лимитрофа? Точная формулировка этого отличия принадлежит В.Л. Цымбурскому, который определил лимитрофа не просто как «межцивилизационный пояс», а как территории, контроль над которыми позволяет поддерживать мировое лидерство, а также использовать этот контроль в целях межгосударственного противостояния с соседом лимитрофа, который является геополитическим оппонентом контролирующей лимитрофа страны [Цымбурский В.Л., 2000].

Ряд исследователей сходятся во мнении, что спецификой ведения военного межгосударственного противостояния в XXI веке становится не непосредственная военная активность на географической территории враждующих государств, а организация «горячих» войн на территории лимитрофов одной из враждующих сторон [Комлева Н.А., 2015]. Конечно же, в современных условиях самым ярким примером такой лимитрофной войны является военный конфликт, который в географическом пространстве происходит на территории Украины, а в геополитическом – между США и Россией.

В целом, для приграничных регионов наличие соседа-лимитрофа не может не иметь специфических последствий, в том числе и для их экономик. В отличие от других типов приграничных регионов, такие регионы имеют

достаточно слабые связи с регионами сопредельного государства при наличии барьеров для приграничного взаимодействия, которые сначала носят односторонний характер, а в период обострения конфликтов могут становиться и обоюдными. Чаще всего такие барьеры являются временными, и, например, могут появляться вследствие военно-политической нестабильности на территории сопредельного государства. Для такого типа приграничного региона особенности экономического развития однозначно определить нельзя, так как они будут зависеть от сформированного накануне появления барьеров для развития экономического потенциала данного региона, а также от характера внешних и внутренних межрегиональных экономических и торговых связей. Однозначно можно лишь утверждать, что появление подобных барьеров должно привлечь особое внимание государства, которому приоритеты региональной политики необходимо выстроить и скорректировать, в том числе, с учетом экономических интересов такого приграничного региона. Попытаемся определить, как же наличие лимитрофа оказывается на экономическом развитии приграничных регионов, а также на включенность этих регионов во внешнеэкономические связи страны.

Существенной специфической характеристикой, приведшей к особенностям размещения населенных пунктов и сельскохозяйственных и промышленных производств в регионах российско-украинского приграничья, стало то обстоятельство, что все эти регионы после распада СССР, стали представителями так называемого «нового» приграничья. По мнению А.Г. Гранберга, спецификой «нового» приграничья в начале 1990-х годов стало усиление барьерности в ущерб контактности государственной границы, что не могло не отразиться на приграничном сотрудничестве российских и украинских регионов в тот период [Гранберг А.Г., 2001]. Тем не менее, в советское время эти регионы составляли единое экономическое пространство. Так, еще во времена СССР, российская Ростовская область и украинские Луганская (Ворошиловградская) и Донецкая области сформировали Донецко-Азовскую трансграничную систему расселения, которую населяло более 10

млн. человек. Распад СССР привел к тому, что внезапно образовавшаяся российско-украинская граница рассекла эту систему, фактически разделив на некоторых участках единые населенные пункты [Приграничное сотрудничество..., 2013]. У большинства предприятий вблизи границы были производственные и кооперационные связи по обе стороны границы. Разрушение этих связей привело к деиндустриализации региональных экономик по обе стороны границы.

И хотя в российских приграничных регионах в первое десятилетие XXI века в структуре ВРП увеличивалась доля добывающей промышленности, соотношение между барьерной и контактной функциями государственной границы стало менее диспаритетным, и контактная функция усилилась. При этом в регионах с украинской стороны границы изменилась структура ВРП в направлении увеличения доли сферы услуг и снижения доли промышленного производства, а относительно более емкий российский рынок позволял развиваться посредническим услугам в приграничном сотрудничестве, что позитивно сказывалось на его масштабах.

Регионы российско-украинского приграничья входят в число ведущих субъектов РФ, занимающих лидирующие позиции в агропромышленном комплексе страны [Чаплыгина О.Г., 2018]. Так, по данным Росстата за 2020 год на эти регионы пришлось 25,6 % от общероссийского объема стоимости произведенной в стране сельскохозяйственной продукции⁷⁵. Менее существенный, но все-таки значительный вклад эти регионы вносят и в общероссийские значения объема производства обрабатывающей промышленности и добычи полезных ископаемых.

После 2014 г., с одной стороны, экономический потенциал регионов российско-украинского приграничья был расширен и укреплен за счет присоединения Республики Крым, с другой стороны, произошло существенное обострение в межгосударственном противостоянии России с

---

⁷⁵ Федеральная служба государственной статистики. – [Электронный ресурс]. – Ресурс доступен по адресу: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.03.2024).

лимитрофом США – Украиной. Эти обстоятельства не могли не отразиться на приграничных взаимоотношениях регионов двух стран, изменение которых в значительной степени зависело от природно-морфологических характеристик территорий, а также от особенностей приграничного взаимодействия, сложившегося накануне 2014 г.

Изменение индекса физического объема ВРП (в процентах к предыдущему году) за период с 1997 по 2020 гг. (рисунок 28) показывает, что темпы роста ВРП выше среднероссийского уровня в тех регионах российско-украинского приграничья, в которых наибольшая протяженность совместной с Украиной физической границей по суше – Белгородская и Ростовская области. Нужно отметить, что именно эти два региона образуют единое экономическое, культурное, историческое и социальное пространство с соседними регионами, которые ранее были украинскими. В частности, региональные экономики всех этих регионов по обе стороны государственной границы имели взаимосвязанные элементы как производственной, так и непроизводственной инфраструктуры. В условиях лимитрофного положения Украины возникли существенные сложности в использовании этой инфраструктуры. Именно, поэтому Ростовская область стала инициатором ускорения процедуры принятия в Российской Федерации Федерального закона «Об основах приграничного сотрудничества»⁷⁶.

Другими словами, именно Белгородская и Ростовская области являются теми яркими примерами приграничных регионов, которые в значительной степени испытывают на себе влияние государственной границы, а также в наибольшей степени обладают зависимостью экономического развития от потенциала своего приграничного положения.

Также выше среднероссийского уровня – рост ВРП Республики Крым (после ее присоединения к РФ). Все эти указанные регионы имеют самые

---

⁷⁶ Федеральный закон от 26 июля 2017 г. N 179-ФЗ "Об основах приграничного сотрудничества". С изменениями и дополнениями от: 8 декабря 2020 г. // СПС «Консультант-Плюс».

высокие значения индекса приграничного положения и входят в пятерку «самых» приграничных регионов Российской Федерации (таблица 22).

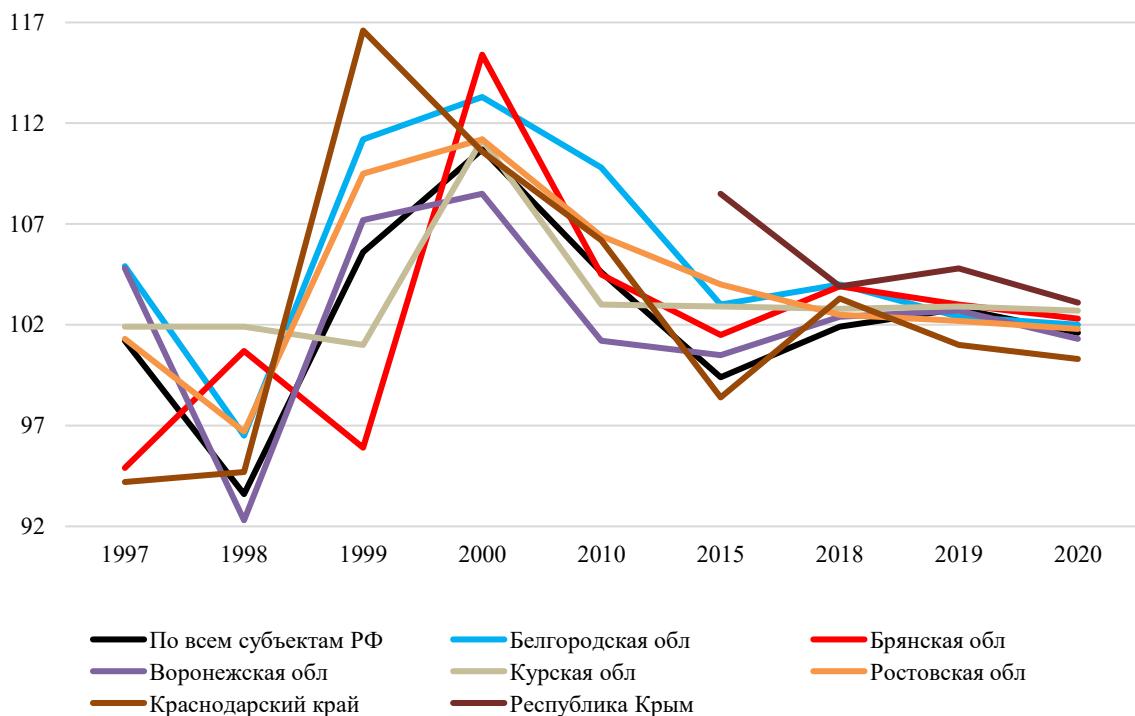

Рисунок 28 – Изменение индекса физического объема ВРП в регионах российско-украинского приграничья (1997 – 2020 гг.)⁷⁷

Таблица 22 - Значения индексов приграничного положения и место регионов российско-украинского приграничья в общем рейтинге субъектов Российской Федерации по уровню приграничного положения

Регион	Индекс приграничного положения	Место в общем рейтинге субъектов РФ
Белгородская область	0,63	4
Брянская область	0,43	8
Воронежская область	0,04	44
Курская область	0,21	21
Ростовская область	0,53	5
Краснодарский край	0,28	21
Республика Крым	0,7	3

Регионы, в которых относительно более гладкие колебания индекса физического объема ВРП, а также более низкий уровень значений этого индекса, складывающийся на уровне среднероссийского значения или чуть

77 Расчёты автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации.

ниже⁷⁸ – это Воронежская область, Краснодарский край, Курская область. Эта динамика также коррелирует с расчетными значениями индексов приграничного положения: для указанных регионов позиции в общем рейтинге субъектов РФ по приграничному положению демонстрируют низкий уровень «приграничности».

Несколько отстает от Белгородской, Ростовской областей и Республики Крым Брянская область. Она занимает лишь 8-е место в общем рейтинге субъектов Российской Федерации по уровню «приграничности», и во многом это связано с тем, что после геополитического конфликта России и Украины в 2014 году, по инициативе последней в первые полгода конфликта было закрыто около 23 пунктов пересечения границы между Брянской областью и Сумской и Черниговской областями⁷⁸.

На рисунке 28 мы также можем увидеть, что в 1999 году, после серьезного кризиса 1998 года, практически все регионы показали высокие темпы роста ВРП, за исключением как раз Брянской области, которая продемонстрировала один из самых низких индексов физического объема ВРП в общероссийском масштабе. Если внимательно присмотреться к официальной статистике тех лет, то можно увидеть, что главная причина такой динамики заключалась в низких потребительских расходах домашних хозяйств, которые значительно отставали и от среднероссийского значения, и от средней величины Центрального Федерального округа.

В этом контексте весьма кстати и упомянуть о такой серьезной проблеме экономики Брянской области, хронически ее сопровождающей на фоне негативных демографических процессов, как существенное отставание от среднероссийских параметров по уровню среднедушевых денежных доходов и по величине номинальной начисленной среднемесячной заработной платы. Так, на рисунке 29, можно увидеть, что и в группе регионов российско-

---

⁷⁸ В Брянской области закрылись три места пересечения границы с Украиной // Новости Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – 24 февраля 2015 г. – [Электронный ресурс]. – Доступен по адресу: <http://council.gov.ru/events/news/51958> (дата обращения: 01.03.2024).

украинского приграничья, Брянская область занимает последнее место в этом показателе. Вполне вероятно, что сложившаяся ситуация связана с тем, что Брянская область признана самым пострадавшим российским регионом от Чернобыльской аварии, что не могло негативно не сказаться на демографических процессах на ее территории, и, соответственно, на трудовых ресурсах и экономическом развитии [Стрижакова Е. Н., Стрижаков Д.В., 2022].

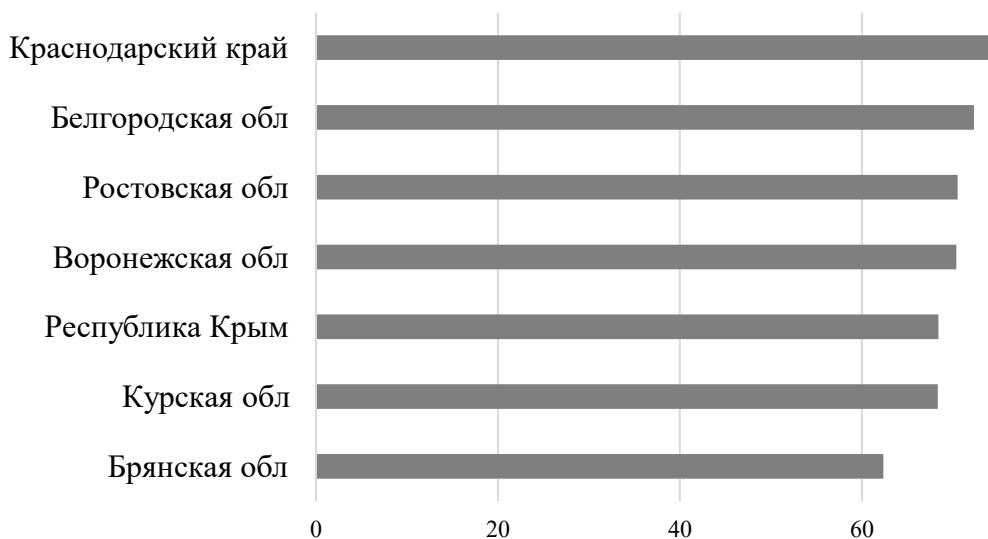

Рисунок 29 – Доля среднемесячной номинальной начисленной заработной платы от среднероссийского уровня по регионам российско-украинского приграничья в 2020 г.⁷⁹

Так как динамика абсолютных величин ВРП за длительный период времени по данным для российских регионов не показательна из-за несоответствия динамики реальных инфляционных процессов официальным отчетным данным об уровнях инфляции в российских регионах [Андрюшин С. А., Кузнецова В.В., 2017; Ганчар Н. А., 2021], то воспользуемся одним из методов, который позволяет избежать подобной несопоставимости показателей ВРП, – формированием индексных показателей. Для этого

⁷⁹ Расчеты автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации

воспользуемся методом относительных разностей и получим оценки по частным показателям при помощи нормирования следующим образом:

$$I_{\text{ВРП}}^i = \frac{\text{ВРП}^i - \text{ВРП}^{\min}}{\text{ВРП}^{\max} - \text{ВРП}^{\min}} \quad (25)$$

где ВРП^i – величина ВРП i -го региона в текущих ценах в данном году, $\text{ВРП}_{\min}$ – минимальная величина ВРП в текущих ценах среди всех субъектов РФ в данном году, $\text{ВРП}_{\max}$ – максимальная величина ВРП в текущих ценах среди всех субъектов РФ в данном году.

Для региона, ВРП которого приближается к максимальному значению ВРП среди всех субъектов РФ, значение этого индекса будет близко к 1. Чем ближе значение ВРП данного региона к минимальному значению среди всех регионов, тем ближе к нулю значение индекса.

Результаты расчетов за период с 1996 по 2020 гг. представлены на рисунке 30. Как мы видим, с 1996 по 2005 гг. происходило падение рассчитанного индекса для всех регионов российско-украинского приграничья, при этом наименьшие значения этого индекса (от 0,05 до 0,10) присущи Брянской и Ростовской областям. До 2007 года все регионы российско-украинского приграничья отстают от среднего индекса, рассчитанного для всех российских приграничных регионов. После 2007 года индекс ВРП Белгородской области начинает превышать индекс ВРП, рассчитанный для среднего значения по всем регионам РФ и среднее значение для всех приграничных регионов РФ. В целом нужно также отметить, что индексные значения для среднероссийской величины и для средней по всем российским приграничным регионам весьма низки для любого года (не превышают 0,2), что косвенно свидетельствует в пользу того факта, что большая часть отстающих в экономическом развитии регионов, – это приграничные, в том числе регионы российско-украинского приграничья.

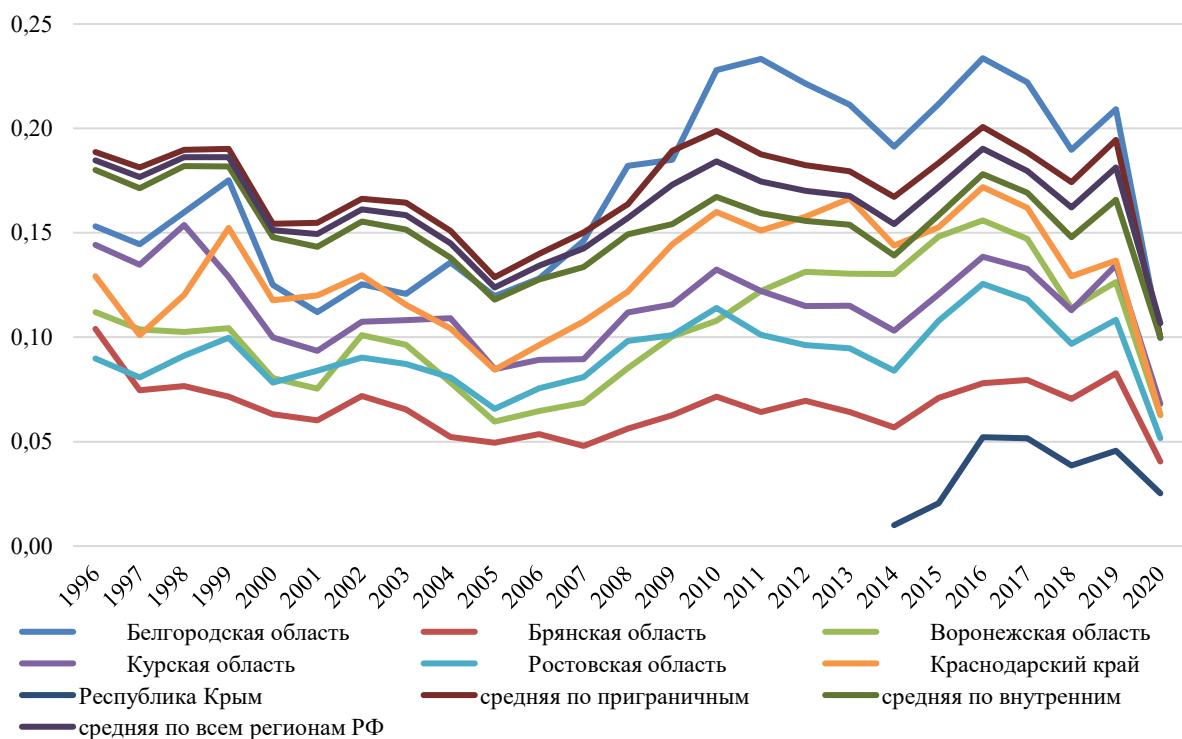

Рисунок 30 – Динамика индексных показателей ВРП, построенных с помощью нормирования на основе метода относительных разностей⁸⁰

Объемы международной торговли между Украиной и Россией в период с 2015 по 2016 год предсказуемо резко снизились. И если накануне первого витка политического кризиса в середине второго десятилетия XXI века сложилась такая ситуация, в которой треть внешнего товарооборота Украины приходилась на приграничные с Россией регионы, а на долю регионов с российской стороны российско-украинской границы лишь 6,5% от их общего товарооборота, что связано со значительными различиями в емкости рынков по обе стороны границы [Приграничное сотрудничество..., 2013], то логично предположить, что грандиозное сжатие международных торговых отношений между Россией и Украиной в 2015-2016 гг. оказало преимущественно негативное воздействие на экономическое развитие регионов с украинской стороны границы. Хотя количественные параметры, характеризующие объемы экспорта и импорта всех регионов, примыкающих к российско-

⁸⁰ Расчёты автора на основе данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации

украинской границе по обе стороны, отражали негативную динамику в указанный период [Попкова Л.И., Черномаз П.А., Степанов А.В., 2021].

Поскольку для регионов российско-украинского приграничья торговые связи именно с Украиной не столь существенны, как для Украины, и не столь значимы, как торговые связи с другими странами, которые углубились после 2014 г., так как сжатие торговли привело к необходимости поиска торговых партнеров, то в данном исследовании мы можем опустить количественные характеристики торговых потоков, описывающих состояние внешней торговли приграничных регионов российско-украинского приграничья. С точки зрения автора данного исследования, существенно более значимым является анализ участия этих регионов в международной торговле с помощью качественных показателей, например, с помощью индекса Грубеля-Ллойда, отражающего углубление внутриотраслевой торговли по мере экономического развития [Grubel H. G., Lloyd P.J., 1975]. Он рассчитывается для i-ой отрасли как отношение абсолютной стоимости чистого экспорта к объему внешнеторгового оборота:

$$IIT = 1 - \frac{|X_i - M_i|}{X_i + M_i} \quad (26)$$

где X_i и M_i – экспорт и импорт отрасли i.

Индекс варьируется от 0 до 1 и, чем ближе его значение к 1, тем в большей степени внешнеторговый обмен носит внутриотраслевой характер. Для региона (страны) в целом индекс Грубеля-Ллойда рассчитывается как взвешенная величина, в которой в качестве веса используется относительный объем экспорта и импорта определенной товарной группы. Принято считать, что интенсивность внутриотраслевой торговли для более успешно развивающихся территорий выше, и чем успешнее, тем ближе расчетное значение индекса к 1 [Епифанова Н.С., 2016; Niem L.D., Kim T., 2014].

Как мы видим из данных, представленных в таблице 23, почти все регионы, за исключением Курской и Ростовской области, имеют довольно высокие индексы Грубеля-Ллойда в торговле продовольственными товарами и сельскохозяйственной продукцией. Также, для всех регионов, кроме

Республики Крым, относительно высоки значения индексов для торговли древесиной и целлюлозно-бумажными изделиями.

Таблица 23 - Индексы Грубеля-Ллойда, рассчитанные для субъектов РФ, имеющих общую границу с Украиной (по данным 2020 г.)⁸¹

Регионы	Укрупненные товарные группы Товарной номенклатуры ВЭД Таможенного Союза					
	1-24	27	28-40	44-49	72-83	84-90
Брянская область	0,69	0,09	0,32	0,77	0,93	0,46
Курская область	0,43	0,00	0,41	0,57	0,82	0,41
Белгородская область	0,55	0,77	0,58	0,56	0,22	0,49
Воронежская область	0,56	0,30	0,33	0,86	0,50	0,40
Ростовская область	0,13	0,26	0,98	0,79	0,97	0,74
Краснодарский край	0,94	0,01	0,86	0,56	0,79	0,37
Республика Крым	0,96	0,04	0,88	0,21	0,18	0,72
<i>Средняя величина по приграничным регионам РФ</i>	<i>0,54</i>	<i>0,15</i>	<i>0,42</i>	<i>0,36</i>	<i>0,45</i>	<i>0,37</i>

Обозначения столбцов: 1) Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (группы 1-24); 2) продукция топливно-энергетического комплекса (группа 27); 3) продукция химической промышленности, каучук (группы 28-40); 4) древесина и целлюлозно-бумажные изделия (группы 44-49); 5) металлы и изделия из них (группы 72-83); 6) машины, оборудование и транспортные средства (группы 84-90).

Для всех регионов российско-украинского приграничья, за исключением Белгородской области, характерна очень слабая склонность к межотраслевой торговле продукцией топливно-энергетического комплекса. В Ростовской и Белгородской областях, Республике Крым и Краснодарском крае весьма значительна склонность к межотраслевой торговле продукцией химической промышленности и каучуком. Весьма низкой являются расчетные значения индекса Грубеля-Ллойда для торговли машинами, оборудованием и транспортными средствами (исключение составляют лишь Ростовская область и Республика Крым).

Таким образом, российские регионы российско-украинского приграничья имеют относительно диверсифицированную структуру внешней торговли, с существенно более высоким уровнем развития обрабатывающих

⁸¹ Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации

производств, прежде всего, в отраслях, производящих продовольственные товары и сельскохозяйственную продукцию, продукцию химической промышленности, а также древесину и целлюлозно-бумажные изделия. В целом, такая структура как раз отражает переориентацию торговли к 2020 году (после первого витка политического кризиса в 2014-2015 гг.) на торговлю с развивающимися странами, что в целом в краткосрочной перспективе относительно благоприятно сказалось на экономическом развитии российских приграничных регионов в 2016-2017 гг.

Однако стоит заметить, что издержки указанной переориентации были выше как раз для регионов с высоким уровнем «приграничности» – Белгородской и Ростовской областей. Так как к 2014 г. относительно более развитая, чем в других российских регионах российско-украинского приграничья погранично-таможенная и транспортно-логистическая инфраструктура, которая фактически перестала функционировать во второй половине второго десятилетия XXI века, так как барьерная функция границы стала значительно доминировать над контактной по причине лимитрофного статуса Украины.

В начале XXI века произошли существенные трансформационные процессы в регионах российско-украинского приграничья по обе стороны границы: с российской стороны границы регионов относительно успешно развивались, а с украинской стороны в связи с лимитрофным положением страны еще до событий 2014 г., внимание республиканского правительства было обращено явно не в сторону социально-экономического развития этих регионов. После 2014 г. в Донецкой и Луганской областях произошел существенный обвал производства и стремительное сокращение численности населения, масштабы которого оценить не представляется возможным, так как национальные органы статистического учета Украины эту информацию не публикуют, как и отсутствуют подобные публикации в самих Луганской и Донецкой народных республиках. В результате после 2014 года разрыв в уровне социально-экономического развития приграничных регионов России и

Украины значительно усилился. Так после 2015 г. разница в величине ВРП между российскими и украинскими регионами общего приграничья увеличилась в 2-2,5 раза [Колосов В.А., 2020]. О том, что наметившаяся в первое десятилетие конвергенция российских и украинских приграничных регионов, находящихся у одной государственной границы, сменилась дивергенцией, показывают исследования, ставившиеся целью расчет соответствующих показателей [Попкова Л. И., Черномаз П.А., Степанов А.В., 2021].

Однако, если обратиться к статистике социально-экономического развития приграничных регионов Украины, имеющих общую границу с Российской Федерацией, то накануне 2014 г. именно эти украинские регионы являлись наиболее развитыми по объемам производства промышленности, сельского хозяйства и добычи полезных ископаемых [Приграничное сотрудничество..., 2013]. Так, например, в 2013 г. на Луганскую, Харьковскую и Донецкую области суммарно приходилось около 32% общего объема произведенной промышленной продукции Украины. Таким образом, возможное присоединение этих регионов к Российской Федерации в результате специальной военной операции России на территории Украины, после проведения восстановительных работ на территории присоединенных территорий, существенно повысит потенциал развития российско-украинского приграничья как в старом, так и новом измерении.

Лимитрофное положение соседнего государства приводит к значительному доминированию барьерной функции границы над контактной. Усиление политической конфронтации неизбежно отрицательно сказывается на приграничном взаимодействии в целом, снижая не только интенсивность экономических и производственных связей. Как показывают геополитические подходы к исследованию перспектив развития лимитрофных государств, перспективы их поглощения соседними странами являются чрезвычайно высокими, что мы сейчас и наблюдаем на практике межгосударственного

противостояния Российской Федерации со странами, так называемого коллективного Запада на территории Украины.

Оценивая влияние на экономическое развитие приграничных регионов, соседствующих с лимитрофными территориями, отметим неизбежное негативное влияние на экономическое развитие этих регионов, которое может быть сглажено за счет развития диверсифицированных внешнеэкономических связей этих регионов с внутренними регионами, а также со странами – торговым партнерами в целом, что мы и наблюдаем в случае такого приграничного региона как, например, Белгородская область. Другие же регионы, имеющие более низкий уровень диверсификации экономики, приводящий к более низкому качеству внешнеэкономических связей региона, более подвержены рискам и угрозам экономической безопасности (например, Курская область).

4.2 Российские приграничные регионы в пространстве евразийской интеграции

Формирование региональной политики обычно происходит в отдельно взятой стране в рамках взаимосвязи с другими направлениями государственного регулирования. Однако в ряде случаев на экономическое развитие приграничных регионов влияет политика соседнего государства, так как приграничное положение региона предполагает, что его экономика испытывает влияние государственной границы, а также может стать частью одного экономического пространства вместе с регионами сопредельного государства. Среди современных исследований таких экономических пространств весьма популярен конвергентностный подход, который оценивает процессы сведения различных региональных экономик к единой

траектории темпов роста ВРП, рассматривая процессы такого схождения уровней экономического развития как признак формирования единого экономического пространства, а для приграничных регионов – единого трансграничного пространства. Этот подход основывается на предпосылках неоклассической теории экономического роста [Solow R.M., 1970], которая через положительную корреляцию темпов экономического роста и разрыва подушевого ВРП данного региона и региона, который вышел на устойчивую траекторию роста, доказывает выравнивание уровней их экономического развития в долгосрочной перспективе.

Авторы концепции β -конвергенции утверждали, что она присутствует, если существует отрицательная корреляция между ростом дохода во времени и его начальным уровнем. Эта корреляция обусловлена процессом более быстрого роста регионов с более низким уровнем экономического развития, по сравнению с теми регионами, у которых уровень экономического развития высок. Если экономики приближаются к одному и тому же устойчивому состоянию (с точки зрения ВВП на душу населения и темпов роста), β -конвергенция называется абсолютной. Однако устойчивое состояние может зависеть от специфических особенностей каждой экономики. Эти факторы могут варьироваться от одной экономики к другой даже в долгосрочной перспективе. β -конвергенция тогда называется условной. Что касается σ -конвергенции, то она обнаруживается тогда, когда дисперсия показателей экономического развития в разных регионах в расчете на душу населения с течением временем уменьшается.

Если логику конвергентностного подхода применить к приграничным регионам в рамках отдельного экономического пространства, сформированного приграничными регионами данной страны и регионами сопредельного государства, то для них возможности экономического развития будут определяться взаимовлиянием приграничных регионов данной страны и соседней. Так, например, соседство периферийного приграничного региона с регионами более развитой страны, чем та страна, на которой находится

периферийный регион, может привести к компенсации его удаленного положения от центра своей страны и дать импульс для экономического развития. С этой точки зрения, интересным представляется исследование сближения уровней экономического развития регионов российско-белорусского и российско-казахстанского приграничья, которые сначала были частью одной страны, а потом спустя 20 лет после распада СССР стали частью единого экономического пространства в рамках Таможенного союза ЕАЭС. Состав регионов вокруг российско-белорусской границы представлен в таблице 24, а вокруг российско-казахстанской – в таблице 25.

Таблица 24 - Состав регионального экономического пространства вокруг российско-белорусской границы⁸²

Регионы	Страны принадлежности
Витебская область	Республика Беларусь
Могилевская область	
Гомельская область	
Псковская область	Российская Федерация
Смоленская область	
Брянская область	

Процессы региональной экономической интеграции между странами обычно оказывают влияние и на приграничные регионы, так как устранение барьеров во внешней торговле, по сути, приводит к изменению функций границ: контактная функция границы начинает доминировать над барьерной и фильтрующей. Образование в 2012 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) основывалось на идее экономической интеграции в форме таможенного союза, без какой-либо политической подоплеки, но как «ядро континентальной интеграции» [Евразийская интеграция в турбулентном мире, 2019]. Уже на начальном этапе многие исследователи задавались вопросом, насколько возможна эффективная интеграция на основе таможенного союза между Россией, Белоруссией и Казахстаном [Селиверстова А. А., 2014; Волчкова Н. А., Кузнецова П.О., Турдыева Н.А., 2016 и др.].

⁸² Составлено автором.

Таблица 25 - Состав регионального экономического пространства вокруг российско-казахстанской границы⁸³

Регионы	Страны принадлежности
Атырауская область	Республика Казахстан
Западно-Казахстанская область	
Актюбинская область	
Костанайская область	
Северо-Казахстанская область	
Павлодарская область	
Восточно-Казахстанская область	
Астраханская область	
Волгоградская область	
Саратовская область	
Самарская область	Российская Федерация
Оренбургская область	
Челябинская область	
Тюменская область	
Омская область	
Новосибирская область	
Алтайский край	
Республика Алтай	

В условиях доминирования контактной функции границы над барьерной, чаще всего, пространственная организация экономической активности по обе стороны видоизменяется, так как происходит усиление взаимодействия приграничных регионов, находящихся по разные стороны государственной границы двух стран. Этот процесс носит динамичный характер и приводит к изменению «экономического ландшафта» посредством приграничного сотрудничества, которое чаще всего начинается с роста интенсивности приграничной торговли и идет в направлении создания наднациональных органов управления приграничным сотрудничеством, а также трансформации инструментария региональной социально-экономической политики с учетом интересов приграничных регионов. На примере пространств, образованных приграничными регионами разных стран, показано, что такие процессы способствуют развитию конвергенции приграничных регионов и формированию единого экономического пространства в конкретной зоне приграничья [Hippe S., 2023].

⁸³ Составлено автором.

В последнее время в специальных научных исследованиях, посвященных вопросам взаимообусловленности эффективности региональной интеграции и неравенств в региональном развитии, сложилось две позиции. Первая позиция – академическая – предполагает исследование региональных диспропорций и, в частности, исследование конвергенции⁵, в качестве косвенного метода проверки обоснованности различных теорий и подходов в отношении экономического роста и международной торговли. Вторая позиция – практическая – формирует знание о региональных диспропорциях как политическом приоритете в большинстве наднациональных интеграционных схем, тем более что сохранение этих диспропорций рассматривается как фактор негативного воздействия на интеграционный процесс сам по себе [Antonescu D., 2012; Hippe S., 2023]. Таким образом, исследование неравенства на региональных пространствах, сформированных в рамках интеграционных объединений группами приграничных регионов, расположенных по обе стороны государственной границы, то есть состоящих из регионов двух разных государств, позволяет судить о перспективах региональной экономической интеграции этих стран.

Сторонники формирования таможенного союза утверждали, что в результате его образования фирмы трех стран получат беспошлинный доступ на рынки всех трех стран. Но в действительности, у России, Белоруссии и Казахстана до 2010 года были двусторонние действующие соглашения, предусматривающие свободную торговлю товарами между ними. Поэтому, таможенный союз не мог обеспечить улучшенный доступ на рынок за счет снижения тарифов на товары, обращающиеся между тремя странами. Поскольку изменение тарифов в результате образования таможенного союза по отношению к остальному миру основывалось на тех тарифных ставках, которые применяла Россия до евразийской интеграции по отношению к странам, в нее не входящим, то наибольшие изменения тарифов в результате образования таможенного союза затронули Казахстан, где до этого были вдвое меньшие тарифные ставки. В результате повышение тарифов на многие

товары, произведенные не в Казахстане, а в России, привело к существенному увеличению импорта из России и вытеснению импорта из Европы. Так, на гистограмме рисунка 31, мы видим, что в 2012-2013 годах импорт из России в Казахстан стремительно возрастает в структуре общей величины импорта (до 60%), затем в период введения санкций против России со стороны стран так называемого коллективного Запада в 2014-2016 гг. сокращается, а затем снова растет, достигая в 2021 году максимальной доли от общей величины импорта (76,5%).

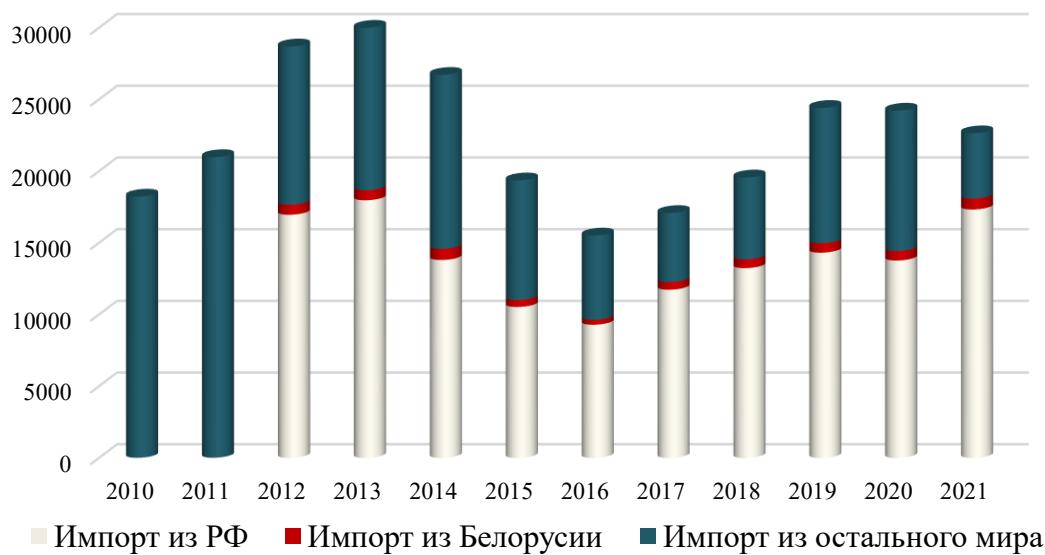

Рисунок 31 – Импорт в Казахстан из России, Белоруссии и остального мира за период с 2010 по 2021 гг. (в млрд. долл.).⁸⁴

При этом экспорт Казахстана в Россию и Белоруссию оставался на протяжении с 2012 г. до 2021 г. примерно на одном уровне, а его динамика обусловлена преимущественно колебаниями объемов экспорта за пределы таможенного союза (рисунок 32).

⁸⁴ Расчеты автора на основе данных Евразийской экономической комиссии. Статистика внешней и взаимной торговли. Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. Доступен по адресу: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/ (дата обращения: 01.03.2024).

Рисунок 32 – Экспорт Казахстана в Россию, Белоруссию и остальной мир за период с 2010 по 2021 гг. (в тыс. долл.)⁸⁵

Что касается приграничной интеграции, то образование таможенного союза привело фактически к стиранию границ между странами, которые в него вошли, что позволило снизить издержки для субъектов внешнеэкономической деятельности и в контексте международной торговли фактически свести к нулю барьерную функцию границы. При этом в процессе пересмотра правил международной торговли в рамках Таможенного союза Россия опасалась неконтролируемого потока товаров из Китая и настояла на более жестком таможенном контроле на внешних границах таможенного союза, что привело к росту издержек для субъектов внешнеэкономической деятельности в торговле со странами, не входящими в таможенный союз. Таким образом, на внешних границах произошло усиление барьерной функции государственной границы.

Торговля Белоруссии в рамках таможенного союза характеризуется ростом взаимной торговли с Россией, как экспорта, так и импорта, и, несмотря на увеличение в абсолютном выражении величин экспорта и импорта в

⁸⁵ Расчёты автора на основе данных Евразийской экономической комиссии. Статистика внешней и взаимной торговли. Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. Доступен по адресу: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/ (дата обращения: 01.03.2024).

торговле с Казахстаном, взаимная торговля Белоруссии и Казахстана остается в относительном измерении крайне незначительной.

На гистограмме рисунка 33 можно наблюдать в целом сокращение объемов экспорта Белоруссии после образования таможенного союза, при этом наибольшее сокращение затрагивает белорусский экспорт в те страны, которые не входят в таможенный союз.

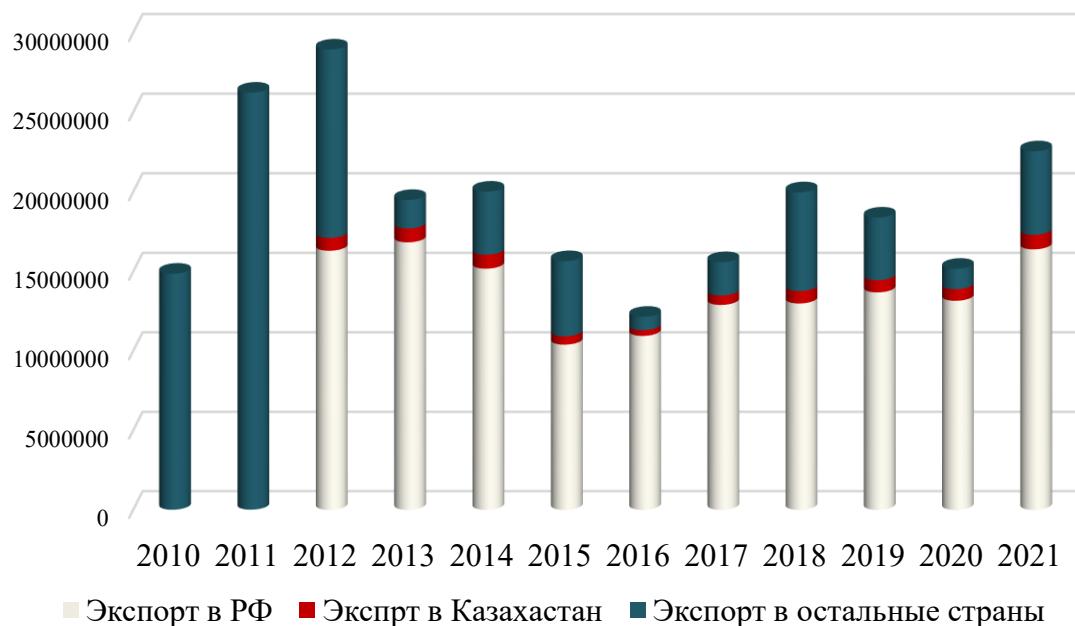

Рисунок 33 – Экспорт Белоруссии в Россию, Казахстан и остальной мир за период с 2010 по 2021 гг. (в тыс. долл.)⁸⁶

Импорт в Белоруссию из Казахстана занимает относительно незначительную величину, а из России доля импорта от общей его величины колеблется за период с 2012 по 2021 гг. с 68% до 98% (рисунок 34). В этой динамике нужно также учитывать тот факт, что основу российского импорта в Беларусь составляют энергоносители, цены на которые характеризуются существенным снижением в период с 2015 года по 2021, именно в этот период и происходит сокращение общих объемов импорта России в Беларусь (рисунок 34).

⁸⁶ Расчеты автора на основе данных Евразийской экономической комиссии. Статистика внешней и взаимной торговли. Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. Доступен по адресу: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/ (дата обращения: 01.03.2024).

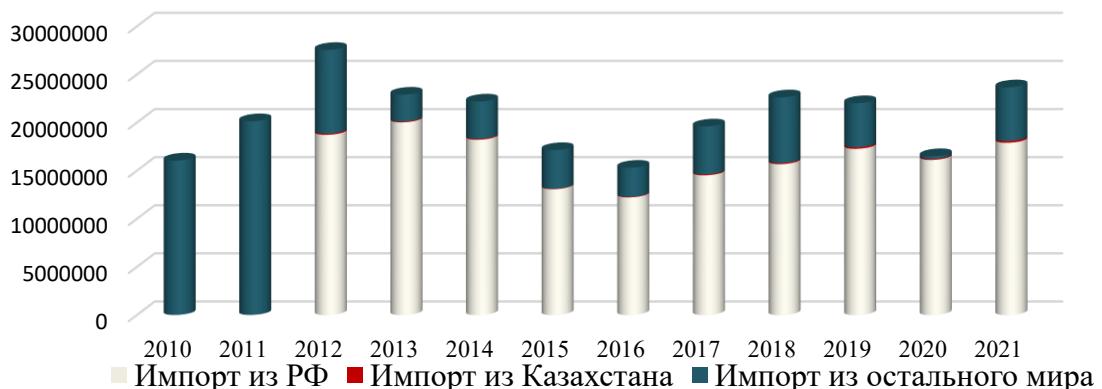

Рисунок 34 – Импорт Белоруссии в Россию, Казахстан и остальной мир за период с 2010 по 2021 гг. (в тыс. долл.)⁸⁷

Доля торговли России с Белоруссией и Казахстаном, свидетельствует о меньшей значимости для России этой торговли, чем для других участников таможенного союза, и по экспорту, и по импорту. Доля импорта Белоруссии и Казахстана в общем объеме российского импорта сохраняется на протяжении рассматриваемого периода на уровне 7,5-8,5%, а доля экспорта – 7,8-10,2% (рисунки 35 и 36). То есть значение Белоруссии и Казахстана для России как торговых партнеров на протяжении всего периода существования Таможенного союза относительно невелико.

Таким образом, эффекты от образования таможенного союза для развития торговых связей между его участниками далеки от позитивных. Однако, ряд экспертов утверждает, что с учетом структурных особенностей национальных экономик трех стран они не так важны, как институциональные эффекты, связанные с сокращением издержек совместных производств, что является в свою очередь фактором роста конкурентоспособности, а также с формированием единого экономического пространства с едиными правилами игры. Такой результат является более значимым в долгосрочной перспективе, так как формирует устойчивую к внешним шокам экономическую систему.

⁸⁷ Источник: Расчёты автора на основе данных Евразийской экономической комиссии. Статистика внешней и взаимной торговли. Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. Доступен по адресу: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/ (дата обращения: 01.03.2024).

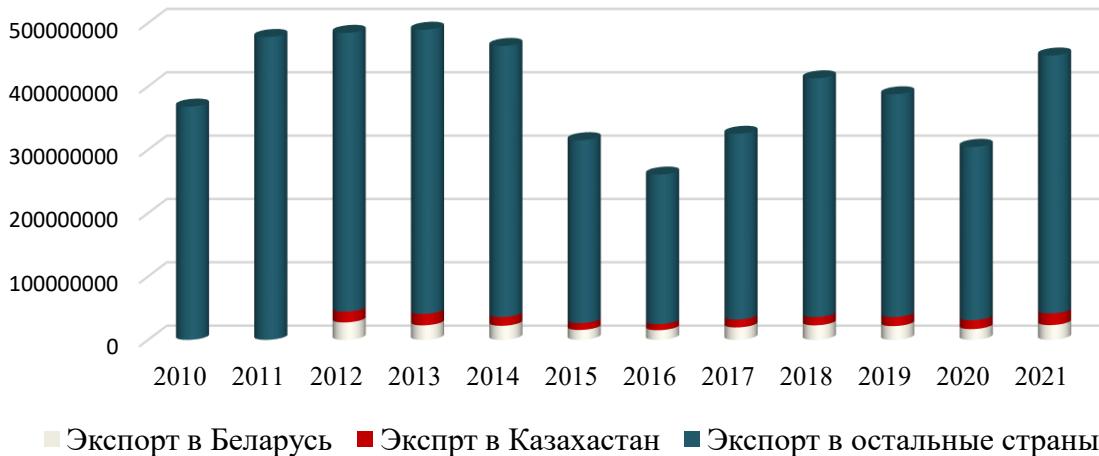

Рисунок 35 – Экспорт России в Белоруссию, Казахстан и остальной мир за период с 2010 по 2021 гг. (в тыс. долл.)⁸⁸

Рисунок 36 – Импорт в Россию из Белоруссии, Казахстана и остального мира за период с 2010 по 2021 гг. (в тыс. долл.)⁸⁹

Устранение торговых барьеров между странами привело к существенному изменению функций государственных границ, а также изменению роли приграничных регионов в межгосударственном

⁸⁸ Источник: Расчёты автора на основе данных Евразийской экономической комиссии. Статистика внешней и взаимной торговли. Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. Доступен по адресу: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/ (дата обращения: 01.03.2024).

⁸⁹ Расчёты автора на основе данных Евразийской экономической комиссии. Статистика внешней и взаимной торговли. Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. Доступен по адресу: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/ (дата обращения: 01.03.2024).

сотрудничестве. Региональная экономическая интеграция в рамках Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана привела фактически к нивелированию барьерной функции государственной границы, между странами, выведя контактную функцию на главные позиции, а по периметру Таможенного союза усилила фильтрующую функцию.

Ождалось, что значимость приграничных регионов в национальных экономиках за период существования Таможенного союза вырастет по причине усиления интеграционного взаимодействия. В целом потенциал приграничных регионов Казахстана достаточно велик по отношению к общему размеру казахстанской экономики, однако за период существования Таможенного союза он снизился: если накануне интеграции в 2011 году доля приграничных регионов Казахстана в общей величине ВВП составляла 41,3%, то в 2021 году эта доля составила 36,2%. Аналогичным образом снизилась доля в общем национальном объеме ВВП для приграничных регионов Белоруссии, имеющих общую границу с Россией: с 33,4% до 27,8%. Аналогичная доля для российских приграничных регионов на российско-казахстанском приграничье снизилась с 20,3% в 2010 г. до 19,1% в 2021 г., а на российско-белорусском приграничье – с 1% до 0,9% (за эти же годы).

Что касается изменения степени участия приграничных регионов в международной торговле своих стран, то доля экспорта, приходящаяся на казахстанские регионы российско-казахстанского приграничья, в общем объеме национального экспорта Казахстана, выросла с 58,5% в 2012 г. до 68,2% в 2022 г. Доля импорта, приходящаяся на эти регионы, сократилась за этот же период с 28,9% до 21,3%, а доля общей величины товарооборота, приходящаяся на казахстанские регионы российско-казахстанского приграничья, практически не изменилась за период существования Таможенного Союза и сохраняется на уровне 48%.

На белорусские приграничные регионы, имеющие общую границу с Россией, приходилось в 2010 г. 59,1% от общей величины белорусского экспорта, а в 2021 г. – только лишь 26,6%. А доля импорта этих регионов за

указанный период повысилась с 17,4% до 27,6%. Доля товарооборота этих регионов в общей величине национального товарооборота с 2010 по 2021 г. снизилась с 35% до 27%.

Доля российских приграничных регионов в общем объеме экспорта и импорта Российской Федерации в российско-белорусском приграничье выросла и по экспорту, и по импорту в период с 2010 по 2021 гг.: по экспорту – с 0,22% до 0,445, по импорту – с 1,06% до 1,24%. Но сама по себе эта доля крайне мала. Доля приграничных регионов российско-казахского приграничья характеризуется снижением в общей величине российского экспорта с 13,1% до 5,8%, а доля импорта за период с 2010 по 2021 г. осталась неизменной и составляет 4,8%.

Таким образом, в период существования Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана можно констатировать снижение внешнеторгового потенциала приграничных регионов всех стран в региональных экономических пространствах вокруг российско-казахстанской и российско-белорусской границ на фоне снижения относительного экономического потенциала этого приграничья.

Одним из наиболее важных эффектов экономической интеграции, признаваемых в литературе, является возникновение процессов конвергенции и подобия для экономик разного уровня развития. Это связано с процессом догоняющего развития, происходящим в менее развитых странах по отношению к более развитым экономикам, уровень дохода на душу населения которых находится на значительно более высоком уровне.

Особенно актуальны такие процессы для приграничных регионов, так как они по определению являются регионами, на развитие которых влияет государственная граница. Поскольку региональная экономическая интеграция в рамках Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана привела фактически к нивелированию барьерной функции государственной границы между странами, выведя контактную функцию на главные позиции, а по периметру Таможенного союза усилила фильтрующую функцию. Поэтому

логично предположить, что усиление торговых потоков за счет формирования таможенного союза, а также удаленность приграничных регионов каждой из стран-участниц от своих столиц, являющихся крупнейшими экономическими и финансовыми центрами, должно способствовать единому экономическому пространству и постепенно привести к процессам сближения в уровне экономического развития регионов, которые образуют эти два пространства. Считается, что такое сближение приводит к появлению синергетического эффекта интеграционных процессов, а также к росту благосостояния населения, которое проживает на этих территориях [Коломак Е.А., 2020]. Усиление процессов сближения в уровнях экономического развития или других параметрах социально-экономического развития, связанное с интеграционным процессом или углублением внешнеэкономических связей, прослеживается также в работах Р. Солоу (модель экзогенного экономического роста), Э. Хекшера и Б. Олина (теория международной торговли на основе факторных пропорций), Р. Вернона (применение концепции жизненного цикла товара для объяснения выгод от международной торговли), Р. Холла и Ч. Джонса (мультифакторная модель регионального роста) [Попкова Л.И., Черномаз П.А., Степанов А.В., 2021].

Для исследования процессов сближения уровней развития регионов, входящих в эти два пространства, используем в данной работе подходы σ -конвергенции и β -конвергенции. Для исследования σ -конвергенции обычно применяется коэффициент вариации уровней экономического развития регионов в динамике, а также энтропийные коэффициенты.

Расчет коэффициента вариации проводился по формуле:

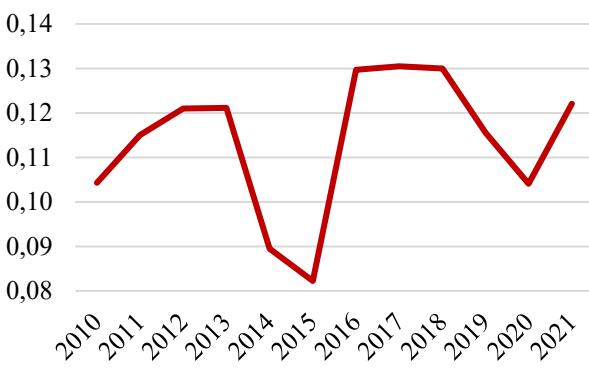
$$\sigma = \frac{\sqrt{\frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (Y_i - Y_{cp})^2}}{Y_{cp}} \quad (27)$$

где σ – коэффициент простой вариации, Y_i – значение подушевого ВРП i -го региона, Y_{cp} – среднерегиональное значение в данной выборке регионов, n – число регионов в выборке.

Результаты расчетов представлены на рисунке 37 и показывают отсутствие устойчивого снижения коэффициента вариации для обеих групп регионов. Для российско-казахского приграничья наблюдается еле заметное снижение коэффициента вариации в период с 2015 по 2021 гг. Изменение во времени различий в уровне экономического развития между регионами российской и белорусской сторон приграничных территорий не подвержено какой-то односторонней динамике: в 2012-2015 гг. наблюдается резкое снижение вариации, а затем в 2016 г. ее резкий рост, в 2017-2018 гг. она практически не меняется, затем начинает снижаться и в 2021 г. снова растет. Учитывая периоды роста коэффициента вариации для регионов российско-белорусского приграничья, можно предположить, что межрегиональные различия на этом пространстве в существенной степени зависят от внешних шоков. Также стоит отметить, что значения коэффициента вариации для российско-казахского приграничья существенно выше, чем для российско-белорусского.

а) Казахстан

б) Беларусь

Рисунок 37 – Коэффициенты вариации подушевого ВРП для приграничных регионов вокруг российско-казахской границы (а)) и для приграничных регионов вокруг российско-белорусской границы (б))⁹⁰

⁹⁰ Расчёты автора на основе данных по регионам национальных статистических служб России, Белоруссии и Казахстана.

Статистика регионов Республики Казахстан, 2022. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Доступен по адресу: <https://stat.gov.kz/ru/region/> (дата обращения: 01.03.2024).

В качестве второго индикатора для проверки гипотезы σ -конвергенции был выбран один из энтропийных коэффициентов – индекс Тейла. Принято считать, что конвергенция присутствует при уменьшении индекса, и чем больше значение индекса, тем выше дивергенция в региональном развитии. Базовым положением в этой концепции исследования сходимости уровней экономического развития на основе σ -конвергенции является утверждение о том, что она присутствует, если на основе исследования динамики различий в уровне подушевого ВРП между регионами наблюдается сокращение вариации уровня экономического развития.

Расчет индекса Тейла производился по формуле:

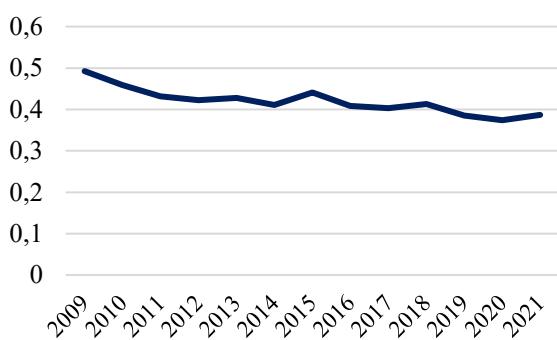
$$T = \frac{1}{n} * \sum_{i=1}^n \left(\frac{Y_i}{Y_{cp}} * \ln \frac{Y_i}{Y_{cp}} \right) \quad (28)$$

где T – коэффициент Тейла, Y_i – значение подушевого ВРП i -го региона, Y_{cp} – среднерегиональное значение в данной выборке регионов, n – число регионов в выборке, для которой производится расчет коэффициента вариации.

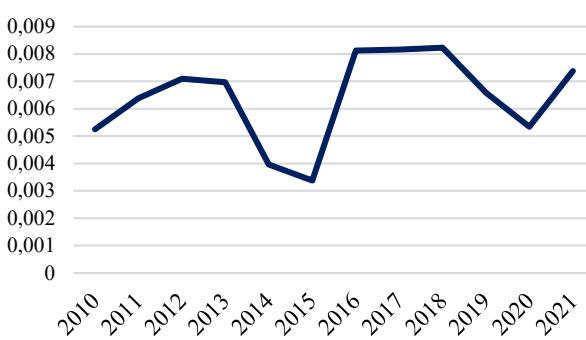
На рисунке 38 мы видим, что тенденции в различиях подушевого ВРП для обеих приграничных зон схожи с теми, что представлены предыдущим коэффициентом (коэффициентом вариации). Но конвергенция для российских и казахстанских регионов, границы которых частично совпадают с государственной границей России и Казахстана, более наблюдаема с помощью индекса Тейла. Для регионов российско-белорусского приграничья динамика индекса Тейла аналогична динамике коэффициента вариации.

Регионы Республики Беларусь, 2022. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Доступен по адресу: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_57492/ (дата обращения: 01.03.2024).

а) Казахстан

б) Беларусь

Рисунок 38 – Коэффициенты Тейла на основе подушевого ВРП для приграничных регионов вокруг российско-казахской границы (а)) и для приграничных регионов вокруг российско-белорусской границы (б))⁹¹

Гипотеза β -конвергенции основывается на предположении, что регионы с более низким экономическим уровнем имеют более высокие темпы роста, чем регионы с более высоким уровнем. Это приводит к процессу догоняющего развития для более бедных регионов и в результате в долгосрочной перспективе должно приводить к выравниванию уровней экономического развития регионов каждой исследуемой области. Проверка гипотезы β -конвергенции осуществлялась на основе построения регрессии логарифма среднегеометрического темпа роста ВРП на свободный член и логарифм ВРП на 2010 г. Для каждого из двух региональных экономических пространств было построено свое регрессионное уравнение.

Период времени, за которые были взяты данные о ВРП по регионам указанных экономических пространств, был с 2010 по 2021 годы.

⁹¹ Источник: Расчёты автора на основе данных по регионам национальных статистических служб России, Белоруссии и Казахстана.

Статистика регионов Республики Казахстан, 2022. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Доступен по адресу: <https://stat.gov.kz/ru/region/> (дата обращения: 01.03.2024).

Регионы Республики Беларусь, 2022. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Доступен по адресу: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_57492/

Регионы России. Социально-экономические показатели, 2022. Федеральная служба государственной статистики. Доступен по адресу: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.03.2024).

Формализованное представление модели абсолютной β -конвергенции возможно следующим образом:

$$\ln \sqrt[T]{\prod_{t=0}^T \frac{Y_t}{Y_{t-1}}} = a + \beta * \ln Y_0 + \varepsilon \quad (29)$$

где Y_0 – значение подушевого ВРП в начальный период времени, Y_t и Y_{t-1} – значения подушевого ВРП региона в периоды времени t и $t-1$, T – количество лет, составляющих период времени, взятый для исследования, ε – случайная ошибка.

Данное уравнение позволяет оценить зависимость накопленного прироста ВРП для приграничных регионов двух региональных пространств (российско-белорусского и российско-казахстанского приграничья) за некоторый период времени от первоначального уровня ВРП на душу населения в 2010 г. Вывод о наличии конвергенции или ее отсутствии (и тогда наличии дивергенции) оценивается по полученному на основе оценивания регрессионного уравнения знаку при параметре β . Если коэффициент β – отрицательный, а уравнение и сам параметр значимы, то имеет место конвергенция, при положительном коэффициенте при прочих равных условиях делается вывод о наличии дивергенции.

Для процесса конвергенции, описанного в данном уравнении, присущи две важные характеристики: 1) скорость конвергенции (v) или скорость сходимости уровней подушевого ВРП, отражающая разницу в процентах, которая дает ежегодное сокращение в уровне экономического развития регионов; 2) количество лет (τ – период времени), необходимых для сокращения межрегиональных различий.

Скорость конвергенции рассчитывается по формуле:

$$v = - \frac{\ln(1+T*\beta)}{T} \quad (30)$$

Период, необходимый для сокращения межрегиональных различий рассчитывается по формуле:

$$\tau = \frac{\ln 2}{v} \quad (31)$$

В результате применения основных методических подходов конвергентностной теории и расчета рассмотренных выше показателей для приграничных регионов регионального экономического пространства вокруг российско-белорусской границы регрессионное уравнение получилось незначимым ($R^2 = 0,06$, отсутствует значимость по F- и t-критериям). Это означает, что отсутствует как конвергенция, так и дивергенция в экономическом развитии указанных приграничных регионов. Первичный анализ данных по российско-белорусскому приграничью также показывал возможность получения таких результатов, так как при относительно высоких, хоть и в различной степени, темпах ежегодного прироста ВРП для регионов обеих стран рассматриваемого регионального пространства, в 2016 году по сравнению с 2015 годом белорусские регионы продемонстрировали отрицательные темпы прироста. Для российских регионов в 2016 году по сравнению с 2015 годом также наблюдалось снижение прироста ВРП (в процентах) для всех регионов из данного пространства, но это снижение было незначительным. Такая особенность в динамике данных позволяет предположить, что конвергенции приграничных регионов на границе России и Белоруссии мешает разная степень устойчивость региональных экономик к внешним шокам.

Для приграничных регионов России и Казахстана получено следующее статистически значимое уравнение:

$$\ln \sqrt[T]{\prod_{t=0}^T \frac{Y_t}{Y_{t-1}}} = 1,294 - 0,0159 * \ln Y_0 + 0,0236 \quad (32)$$

Результаты эмпирического анализа конвергенции уровней экономического развития для двух региональных пространств – российско-белорусского и российско-казахстанского приграничья – применительно к регионам, расположенным по обе стороны государственной границы дали неоднозначные результаты. Результаты расчетов всех характеристик процесса сходимости приграничных регионов регионального экономического пространства вокруг российско-казахстанской границы представлены в

таблице 26. Коэффициент детерминации (R^2) относительно высок и равен 0,77.

Были также рассчитаны скорость конвергенции, составившая 1,4 % в год, и время, необходимое для сокращения неравенства, которое составило 95,92 лет.

Таблица 26 - Оценка параметров абсолютной β -конвергенции российских и казахстанских приграничных регионов за период с 2010–2021 гг.⁹²

Характеристики регрессионного уравнения	Константа	Логарифм ВРП на душу населения в 2010 г.
Значение коэффициентов	1,294	– 0,0159
P-статистика	1,21395E-19	1,51295E-06
95% доверительный интервал	1,244 < a < 1,344	– 0,02 < β < – 0,01
R^2	0,77	
Множественный R^2	0,88	
F-статистика	54,7	
P-value F-статистики	1,51295E-06	
v – скорость конвергенции (процентов в год)	1,4	
τ – период, необходимый для сокращения межрегиональных различий (лет)	95,92	

Полученные в данном исследовании результаты свидетельствуют об отсутствии процессов конвергенции для российско-белорусского приграничья, а конвергенция для российско-казахстанского приграничья носит чрезмерно замедленный характер. Это позволяет сделать выводы о том, что экономический потенциал приграничных регионов не задействован для повышения эффективности процессов региональной экономической интеграции, а дифференциация пространства вокруг границ может способствовать снижению экономической эффективности интеграционных процессов.

С методической точки зрения, как и ожидалось, полученные расчеты показывают взаимозависимость оценок, полученных в рамках σ -конвергенции и β -конвергенции. Общая динамика коэффициентов вариации и Тейла позволяет сделать содержательно односторонние выводы в сравнении с эконометрической оценкой β -конвергенции. Однако, и по расчетам в данном

---

⁹² Составлено автором.

исследовании видно, что нельзя утверждать эквивалентность σ -конвергенции и β -конвергенции, о чем говорили, впрочем, и авторы этих подходов [Barro R., Sala-i-Martin X., 2004, p. 50-51].

Полученные в результате расчетов количественные параметры конвергенции будут выполняться при сохранении существующей динамики и неизменности экономических и политических условий в долгосрочной перспективе, что, конечно, в текущей ситуации геополитических рисков вряд ли возможно. Поэтому региональная политика на национальном уровне в обеих странах должна носить согласованный характер, быть нацелена на поддержание конвергентных процессов не только на приграничных территориях своей страны, но и соседнего государства, а также на формирование трансграничного региона, способствующего не только развитию приграничных территорий, но и повышению эффективности интеграционных процессов на евразийском пространстве в целом.

Сохранение межрегиональных диспропорций не только является важным негативным фактором регионального развития, но и создает негативные предпосылки для перспектив интеграционных процессов в рамках евразийской интеграции, а также создает дополнительные вызовы регионального развития для приграничных регионов в долгосрочной перспективе.

Разнообразие проблем и вызовов, с которыми сталкивается региональная экономика, требуют конкретных политических мер и инструментов для содействия экономическому росту и сокращению неравенства в краткосрочной и долгосрочной перспективе, и эффективное управление имеет важное значение в этом процессе. Необходимо предпринять широкомасштабные действия и меры, как на наднациональном, так и на национальном и региональном уровнях, чтобы избежать неравномерного и нестабильного развития приграничных регионов и ослабления интеграционных процессов на евразийском пространстве.

4.3 Особенности межрегионального взаимодействия приграничных регионов России и Китая

Процессы глобализации и региональной экономической интеграции в последние три десятилетия привели к углублению разнообразных форм взаимодействия между странами и, в частности, к расширению сотрудничества субъектов субнационального уровня власти разных стран. Это привело к изменению содержания и функций государственных границ, так как подобное сотрудничество затрагивает, прежде всего, взаимодействие приграничных субъектов субнационального уровня сопредельных стран. В связи с этим, приграничное сотрудничество как форма межстранового взаимодействия стала крайне актуальной темой [Дубровина О. Ю., 2020; Fauser M., Friedrichs A., Harders L., 2019].

Традиционные исследования приграничных территорий исходят из того, что определяющим фактором их развития является подверженность влиянию государственной границы, которая разделяет два суверенных государства и выполняет контактную и барьерную функции [Цветкова О.В., 2015]. При этом приграничные территории, исходя из своего положения, по сути, превращаются в периферийные по отношению к экономической территории своей страны, но при этом в центры межстранового сотрудничества двух стран, которые имеют общую границу. В зависимости от того, какая функция государственной границы доминирует – контактная или барьерная, пространственно-временная дистанция между приграничными территориями двух стран может приводить к различным препятствиям и трудностям в культурном, социальном, экономическом и политическом взаимодействии стран [Makkonen T., Williams A.M., 2016].

В последние десятилетия на официальном уровне декларировался вектор сближения в межгосударственном взаимодействии между Китайской

Народной Республикой (КНР) и Российской Федерацией (РФ). В этом сближении обозначалось два ключевых направления: 1) энергетическое партнерство; 2) межрегиональное приграничное сотрудничество между провинциями КНР и субъектами РФ. В рамках данного исследования необходимо выявить особенности приграничного сотрудничества на субнациональном уровне между Китаем и Россией, которые необходимо учитывать в корректировке концепции приграничного сотрудничества между странами на перспективу.

Мировой опыт показывает, что появление так называемых «поясов приграничья» между США и Канадой, между США и Мексикой, между Европейским Союзом и его соседями, приводит к ослаблению эффекта влияния национальных границ, и границы начинают носить в большей степени опосредованный характер, приводя к трансформации приграничных территорий в приграничные зоны развития [Brunet-Jailly E., 2005]. Но при этом данный процесс сопровождается рядом негативных тенденций, таких как нелегальная миграция, социокультурные конфликты, транснациональная преступность и т.п., что делает приграничные территории политически и экономически уязвимыми [Song Tao и соавт., 2017]. Правительство Китая, осознавая весь спектр этих тенденций, за период с 1992 года по настоящее время сформировало 14 зон экономической приграничной кооперации в северной, северо-западной и юго-восточной частях страны: 4 из этих 14 зон сформированы для приграничного сотрудничества с Россией. В таблице 27 представлена краткая характеристика зон экономической приграничной кооперации с регионами соседних для Китая стран, за исключением России. В таблице 28 представлены характеристики китайских зон экономической приграничной кооперации с Россией.

Как видно из обобщенных данных по зонам приграничного сотрудничества Китая (таблицы 27 и 28), наиболее интенсивное и взаимовыгодное приграничное сотрудничество выстраивается у Китая с Казахстаном. С Мьянмой, Вьетнамом, Монгoliей и Северной Кореей

приграничное сотрудничество Китая основывается преимущественно на поставках сырья и первичной продукции в Китай из этих стран, а также на общих декларативных утверждениях о необходимости развивать приграничное сотрудничество в связи с наличием его высокого потенциала.

Таблица 27 - Зоны приграничного сотрудничества Китая с сопредельными государствами за исключением России⁹³

Зона приграничной кооперации	Провинция Китая	Сопредельное государство	Приоритеты приграничного сотрудничества
Тачен (塔城)	Синьцзян-Уйгурский автономный район (新疆维吾尔自治区)	Казахстан	С 2018 года запущены pilotные проекты по трансформации и развитию приграничной торговли («Городок товаров культуры Шелкового пути»). Преобразование из транзитной зоны в промышленную
Хоргос		Казахстан	Международный центр приграничного сотрудничества, с 2020 года по инициативе Китая ведется преобразование в комплексную бордовую зону, ключевой элемент проекта «Экономический пояс Шелкового пути»
Инин (伊宁)		Восточно-казахстанская область, Казахстан	Развитие высокотехнологичного экспорта, промышленности и торговли
Болэ (博乐)		Алма-Атинская область, Казахстан	Развитие приграничной торговли, трансформация в промышленный центр
Жюйли (瑞丽)	Юньнань (云南省)	Мусхе (Мьянма/Бирма)	Приграничная торговля, туризм, переработка продукции сельского хозяйства
Ваньдин (畹町市)			
Пинсян (凭祥)	Гуанси-Чжуанский автономный район (广西壮族自治区)	Дундан, Вьетнам	Приграничная торговля, туризм, переработка продукции сельского хозяйства
Дунсин (东兴)		Мунь Цхай, Вьетнам	Приграничная торговля, туризм
Хэкоу (河口)	Юньнань (云南省)	Лао Цхай, Вьетнам	Приоритеты преимущественно потенциальные (удобное экономико-географическое положение)

⁹³ Составлено автором.

Даньдун (丹东)	Ляонин (辽宁)	Синьцзян-Уйгурский автономный район (КНДР)	Логистический центр, развитие приграничной торговли
Эрлянь-Хотэ (二连浩特)	АР Внутренняя Монголия (内蒙古自治区)	Замын-Ууд, Монголия	Приоритеты только потенциальные (удобное экономико-географическое положение), двустороннее соглашение подписано в 2019 г.

Во всех 14 случаях развития приграничного сотрудничества инициатива исходила от Китая. Связано это с тем, что Китай – одна из первых стран на евразийском континенте, которая стала интенсивно развивать свои приграничные регионы, осознавая значимость такого сотрудничества не только для развития отдельных территорий, но и для национальной экономики в целом. Так, пакет нормативных документов, регулирующих приграничную торговлю в Китае и принятых Госсоветом Республики, появился еще в середине 90-х годов, часть из которых действует и по настоящее время:

- «Уведомление Государственного совета по вопросам, связанным с приграничной торговлей» (国务院关于边境贸易有关问题的通知) № 2 от 3 января 1996 г.⁹⁴, действующий документ;
- «Уведомление Главного таможенного управления Министерства внешней торговли и экономического сотрудничества о принятии мер по регулированию бартерной торговли между жителями приграничных территорий» (海关总署、对外贸易经济合作部关于下发《边民互市贸易管理办法》的通知) № 242 от 29 марта 1996 г.⁹⁵, действующий документ;

⁹⁴ 国务院关于边境贸易有关问题的通知 [Уведомление Государственного совета по вопросам, связанным с приграничной торговлей], 【发布日期】1996.01.03 // 北大法宝 - 《法律法规检索系统》[База нормативно-правовых актов Пекинского университета]. – [Электронный ресурс]. Доступен по адресу: http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Db=chl&Gid=14375 (дата обращения: 01.03.2024)

⁹⁵ 海关总署、对外贸易经济合作部关于下发《边民互市贸易管理办法》的通知 [Уведомление Главного таможенного управления Министерства внешней торговли и экономического сотрудничества о принятии мер по регулированию бартерной торговли между жителями приграничных территорий], 【实施日期】1996.03.29 // 北大法宝 - 《法律法规检索系统》[База нормативно-правовых актов Пекинского университета]. – [Электронный ресурс]. Доступен по адресу: http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Db=chl&Gid=80972 (дата обращения: 01.03.2024)

- «Уведомление Министерства внешней торговли и экономического сотрудничества и Главного таможенного управления о дополнительных положениях о дальнейшем развитии приграничной торговли» (对外贸易经济合作部、海关总署关于进一步发展边境贸易的补充规定的通知) № 844 от 19 ноября 1998 г.⁹⁶, утратило силу.

Китайская трактовка понятия «приграничная торговля» (边境贸易) является более широкой, чем это принято в подходах ВТО или Всемирного банка. Если ВТО определяет приграничную торговлю как торговую деятельность, проводимую резидентами и предприятиями в приграничных районах соседних стран в пределах 15 километров друг от друга⁹⁷, чтобы облегчить обмен необходимыми товарами между жителями по обе стороны границы, то в Китае под приграничной торговлей включает торговлю между жителями приграничных территорий, мелкую приграничную торговлю и приграничное технологическое сотрудничество⁹⁸. Первый тип – торговля между резидентами, осуществляемая на приграничной территории, расположенной в обозначенной зоне (не превышающей 20 километров от границы), утвержденной правительством. Этот вид приграничной торговли имеет долгую историю в Китае. Если взять, к примеру, китайско-вьетнамскую приграничную торговлю, то со временем обретения Вьетнамом независимости в 968 году нашей эры жители, живущие в китайско-вьетнамской приграничной

---

⁹⁶ 对外贸易经济合作部、海关总署关于进一步发展边境贸易的补充规定的通知 [Уведомление Министерства внешней торговли и экономического сотрудничества и Главного таможенного управления о дополнительных положениях о дальнейшем развитии приграничной торговли], 【实施日期】 1999.01.01 // 北大法宝 - 《法律法规检索系统》 [База нормативно-правовых актов Пекинского университета]. – [Электронный ресурс]. Доступен по адресу: http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Db=chl&Gid=21470 (дата обращения: 01.03.2024)

⁹⁷ Подход Всемирного банка аналогичен подходу ВТО, только расстояние определяется в 30 км.

⁹⁸ См. подробнее: 国务院关于边境贸易有关问题的通知 [Уведомление Государственного совета по вопросам, связанным с приграничной торговлей], 【发布日期】 1996.01.03 // 北大法宝 - 《法律法规检索系统》 [База нормативно-правовых актов Пекинского университета]. – [Электронный ресурс]. Доступен по адресу: http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Db=chl&Gid=14375 (дата обращения: 01.03.2024)

зоне, долгое время торговали на приграничном рынке. Даже до установления дипломатических отношений между КНР и Вьетнамом в 1992 году торговля между жителями приграничья продолжалась еще долгое время. В ранний период, когда система управления границами не была жесткой, эту форму торговли часто путали с контрабандой [Liu Tingting, 2013]. Таким образом, этот вид приграничной торговли создает множество препятствий для расчета фактического объема торговли между территориями сопредельных стран.

Второй тип – «малая» приграничная торговля, которая относится к торговой деятельности между предприятиями, имеющими право вести торговлю в приграничных городах Китая, и предприятиями в районах соседних стран или другими видами торговых учреждений через специально отведенные наземные пограничные пункты. Этот вид торговли – самая ранняя законодательно утвержденная форма приграничной торговли в Китае (1984 г.), представляющая собой наиболее значимый фактор регионального развития, поэтому ему правительство Китая придавало наибольшее внимание и преференции. Третий тип – внешнее экономическое и технологическое сотрудничество в приграничных провинциях, которое относится к проектам сотрудничества в сфере трудовых услуг, осуществляемых предприятиями в приграничных районах Китая с операциями по внешнеэкономическому и технологическому сотрудничеству, одобренными Министерством коммерции Китая.

На май 2021 года база нормативно-правовых документов Пекинского университета выдает 52 результата поиска, которые содержат ключевые слова «приграничная торговля», и несколько сотен различных нормативно-правовых актов, регулирующих более узкие вопросы приграничного сотрудничества и содержащих договоры с властями территорий сопредельных стран. Содержание этих документов указывает на то, что республиканское правительство КНР уделяет значительное внимание вопросам таких сотрудничества и торговли, рассматривая приграничные территории как важнейший объект региональной политики. Так, например, с 2011 года в КНР

действует национальный нормативный акт, регулирующий реализацию пилотного проекта по утверждению возврата налога (освобождения) за товары, экспортируемые и рассчитываемые в юанях в рамках приграничной торговли на территориях, расположенных в непосредственной близости к государственной границе⁹⁹.

Для сравнения в России первые единичные попытки нормативно-правового регулирования приграничного сотрудничества приходятся на 2003 год, когда был принят Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеэкономической торговой деятельности»¹⁰⁰, в котором было дано лишь определение приграничной торговли, а также утверждалось что в территориальных образованиях, расположенных в непосредственной близости к государственной границе России, должны быть сформированы специальные механизмы экономического сотрудничества. Другими словами, никаких серьезных попыток сформировать законодательную базу относительно приграничного сотрудничества российских регионов федеральное правительство России не предпринимало почти 30 лет существования России после распада СССР, а непосредственно «Закон об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации» появился лишь только в 2017 году¹⁰¹.

Если провести межстрановые сравнения приоритетов приграничного сотрудничества на основе обобщенных данных по зонам приграничного сотрудничества в Китае (таблицы 27 и 28), то становится понятным, что

---

⁹⁹ 国家税务总局关于跨境贸易人民币结算试点企业评审以及出口货物退(免)税有关事项的通知 [Уведомление Государственной налоговой администрации по вопросам оценки пилотных предприятий для расчетов в юанях при трансграничной торговле и возврата (освобождения) налога за экспортные товары], 【发布日期】 2010.06.29 // 北大法宝 - 《法律法规检索系统》 [База нормативно-правовых актов Пекинского университета]. – [Электронный ресурс]. Доступен по адресу: http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Db=chl&Gid=136318 (дата обращения: 01.03.2024)

¹⁰⁰ Федеральный Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 от 28 декабря 2009 г. N 381-ФЗ "Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации" // Российская газета. – Федеральный выпуск № 253(5077). – 30.09.2009.

¹⁰¹ Федеральный закон от 26 июля 2017 г. N 179-ФЗ "Об основах приграничного сотрудничества" // Российская газета. – Федеральный выпуск № 167 (7333). – 31.07.2017.

большая часть китайских зон приграничного сотрудничества с российскими сопредельными регионами направлены на такое взаимодействие, в основе которого лежит ориентация китайской экономики (ресурсозависимой в целом) на природные ресурсы Дальнего Востока и на улучшение доступа на российские рынки китайских товаров. Только на границе с Приморским краем приграничная зона Хуньчунь (珲春) нацелена на более глубокий уровень интеграции с Россией, основанный на развитии обрабатывающей промышленности, инвестиционного сотрудничества, международном движении высоких технологий (таблица 28).

Таблица 28 - Зоны приграничного сотрудничества Китая с Россией¹⁰²

Зона приграничной кооперации	Провинция Китая	Сопредельное государство	Приоритеты приграничного сотрудничества
Маньчжурия (满洲里)	Автономный район Внутренняя Монголия (内蒙古自治区)	Забайкальский край, Россия	Логистический центр, ключевой пункт для развития приграничного сотрудничества с Россией
Суйфэнхэ (绥芬河)	Хэйлунцзян (黑龙江)	Приморский край, Россия	Международная торговля с акцентом на морские грузоперевозки
Хэйхе (黑河)		Амурская область, Россия	Развитие приграничной торговли с акцентом на торговлю природными ресурсами
Хуньчунь (珲春)	Цзилинь (吉林)	Приморский край, Россия	Высокотехнологичный экспорт, туризм, приграничная торговля как товарами, так и услугами (в т. ч. финансовыми)

Развитие сотрудничества между российскими регионами Дальнего Востока и граничащими с ними провинциями Китая началось еще в советское время, в конце 40-х гг. XX в. [Даниловских Т.Е. и соавт., 2016]. Советское правительство активно содействовало развитию приграничной торговли в 80-е годы, применяя к ней так называемый режим «нуллификации», то есть снимая защитные внешнеторговые меры с ряда товаров в рамках приграничной торговли на основе двусторонних договоренностей между

¹⁰² Составлено автором.

дальневосточными регионами РСФСР и китайскими провинциями. Примечательно, что основу приграничных поставок составляла продукция местного производства, а выручку от реализации этой продукции местные органы власти могли оставлять у себя, что стимулировало территориальное развитие.

После распада СССР и открытия границ, приграничная торговля стала еще более интенсивной, но приобрела слабо организованный и хаотичный характер. Именно в этот период начинается важный этап совместного российско-китайского поиска наиболее приемлемого формата взаимодействия в рамках приграничного сотрудничества [Инь Цзяньпин, 2007]. Так, например, одним из результатов этого поиска стала «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока, Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востоком Китайской Народной Республики (2009-2018 гг.), которая содержала целый ряд различных координационных предложений приграничного сотрудничества экономического и гуманитарного характера. Однако большинством экспертов результаты реализации этой программы оцениваются как крайне низкие, с акцентом на тот факт, что большая часть инициатив с китайской стороны была реализована, а с российской – осталась на бумаге [Зуенко И., 2018]. Впоследствии, в 2018 году, была подписана «Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке России на 2018-2024 годы», которая, по мнению ряда экспертов, пока носит, скорее, концептуальный характер, но в целом очень перспективная [Рензин О. М., 2019].

Приграничное сотрудничество России и Китая охватывает, прежде всего, сотрудничество северокитайских провинций и российских регионов Дальнего Востока, также два сибирских региона – Забайкальский край и Республику Горный Алтай. Перечень приграничных провинций КНР и соответствующих им сопредельных российских регионов представлен в таблице 29.

Таблица 29 - Приграничные провинции Китая и соответствующие им сопредельные российские приграничные регионы¹⁰³

Провинции Китая, граничащие с регионами РФ	Регионы РФ, имеющие общие границы с данной провинцией
Синьцзян-Уйгурский автономный район (新疆维吾尔自治区)	Республика Алтай
Автономный район Внутренняя Монголия (内蒙古自治区)	Забайкальский край
Хэйлунцзян (黑龙江)	Забайкальский край, Амурская область, Еврейская автономная область, Хабаровский край, Приморский край
Ляонин (辽宁)	Приморский край
Цзилинь (吉林)	Приморский край

Северо-Восток Китая представляет собой один из ключевых индустриальных центров страны, с высоким уровнем развития науки, техники и машиностроения, с развитым сельским хозяйством¹⁰³ и хорошо обеспеченный высококвалифицированной рабочей силой. В свою очередь такие дальневосточные регионы РФ как Амурская область, Еврейская автономная область, Хабаровский край, Приморский край – это регионы с огромным природно-ресурсным потенциалом, для которых характерны негативные демографические тенденции, преимущественно сырьевая ориентация региональных экономик с низким уровнем развития обрабатывающей промышленности.

Одной из основных форм приграничного сотрудничества, которая дает возможность количественного измерения и оценки, является приграничная торговля. Большинство источников в русскоязычной литературе, посвященной взаимодействию приграничных регионов РФ и китайских провинций, основывается на данных Федеральной таможенной службы РФ или на общих статистических данных макроэкономического уровня обеих стран. Обратимся к таможенной статистике КНР, содержащейся в статистической базе Главного таможенного управления КНР (中华人民共和国

¹⁰³ Составлено автором.

海关总署 主办单位). В таможенной статистике КНР также уделяется большое внимание приграничному сотрудничеству, поэтому база статистических индикаторов внешней торговли содержит как общие данные по экспорту и импорту китайских провинций со всеми торговыми партнерами КНР, так и те потоки экспорта и импорта, которые осуществлялись в рамках только приграничной торговли.

На рисунке 39 мы видим, что в течение периода 2017-2020 гг. для всех приграничных провинций КНР наблюдается как скачкообразное снижение общих объемов внешнеторгового оборота с Россией, так и устойчивое снижение внешнеторгового оборота с Россией в рамках режима приграничной торговли.

Для провинции Ляонин (辽宁) величина внешнеторгового оборота в рамках режима приграничной торговли была ненулевой только в 2016 году, а начиная с 2017 года она стабильно равна нулю. Этот факт легко объяснить тем, что данная провинция граничит с Приморским краем, который в перечне российских приграничных регионов, имеющих общую границу с КНР, является одним из наиболее развитых и имеющих диверсифицированную экономику и внешнеторговые связи с более развитой китайской провинцией Хэйлунцзян (黑龙江)¹⁰⁴.

Примечательно, что провинция Хэйлунцзян (黑龙江) традиционно считается наиболее важным субъектом приграничного взаимодействия с Россией в сравнении с остальными провинциями [Цзоу С., 2011], но даже для нее, имеющей самые большие объемы внешнеторгового оборота с Россией в целом, на порядок превышающие аналогичные величины других приграничных провинций, мы видим снижение.

---

¹⁰⁴ Данный факт также косвенно подтверждает важное следствие из теории развития приграничных регионов, в соответствии с которым, наиболее тесные связи возникают между приграничными регионами близкими по уровню социально-экономического развития и структурой региональных экономик.

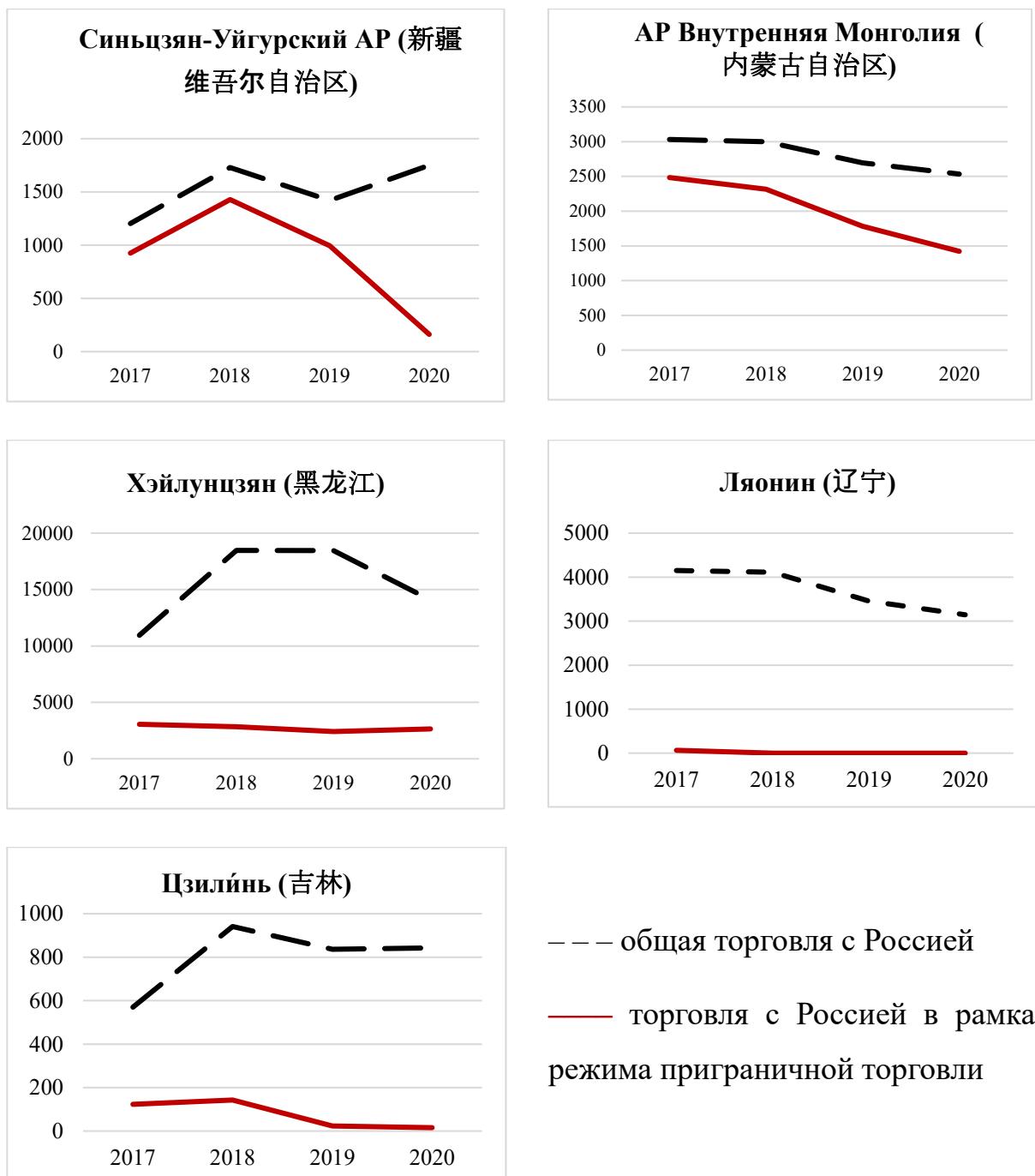

Рисунок 39 – Динамика товарооборота приграничных провинций Китая в терминах общей торговли с Российской Федерации и в рамках режима приграничной торговли (млн. долл. США)¹⁰⁵

В целом снижение объемов внешней торговли в 2020 году характерно практически для всех стран и регионов мира в связи с кризисом в результате пандемии covid-19. Однако в рассматриваемой ситуации мы видим, что

¹⁰⁵ Рассчитано автором на основе данных о внешней торговле китайских провинций, представленных Главным таможенным управлением КНР (中华人民共和国海关总署 主办单位): customs.gov.cn

большинство трендов на снижение берет свое начало еще в 2018-2019 годах. При этом даже для тех провинций, для которых торговля с Россией является стратегически значимой, доля приграничной торговли становится к 2020 году крайне низкой. Так, для провинции Хэйлунцзян (黑龙江) доля импорта в рамках приграничной торговли с российскими приграничными регионами снижается с и без того низкого значения 20,8% в 2017 году до 9,8% в 2019 г. и 13,7% в 2020 году.

Аналогичные тенденции снижения значимости Китая как основного партнера в приграничном взаимодействии с российскими регионами можно наблюдать и на основе данных российской статистики. Как видно на рисунке 40, практически для всех регионов наблюдается снижение доли экспортных и импортных потоков в торговых отношениях с КНР.

Единственным исключением является Приморский край, для которого, наблюдается отрицательное внешнеторговое сальдо. При этом по данным таможенной статистики, доминирующих в структуре экспорта Приморского края в Китай товарных позиций значительно меньше, чем в структуре импорта, в то время как в экспорте Приморского края в Китай значительную долю занимает продукция рыбной отрасли, топливо-энергетическое сырье и древесина, в импорте доминируют такие товары как фрукты, овощи, орехи, различные пластмассы и изделия из них, и в еще большей степени продукция машиностроительной отрасли КНР сразу по нескольким товарным группам (оборудование и механизмы, электрические машины, аппаратура для записи и воспроизведения звука, изображения, ее части и принадлежности, средства наземного транспорта). Значительную долю импорта в Приморский край из Китая также занимает продукция потребительского назначения (игрушки, спортивный инвентарь, мебель, одежда, обувь, разнообразный текстиль).

В целом в экспорте всех шести приграничных регионов РФ, имеющих общую границу с КНР, преобладает первичная продукция: топливно-энергетические ресурсы, древесина, масличные культуры и плоды. В структуре импорта для всех регионов большую часть составляет первичная

продукция и продукция с короткими производственными цепочками и низкой добавленной стоимостью (текстильные изделия, запчасти для машиностроения, пластмассы и изделия из них и т.п.).

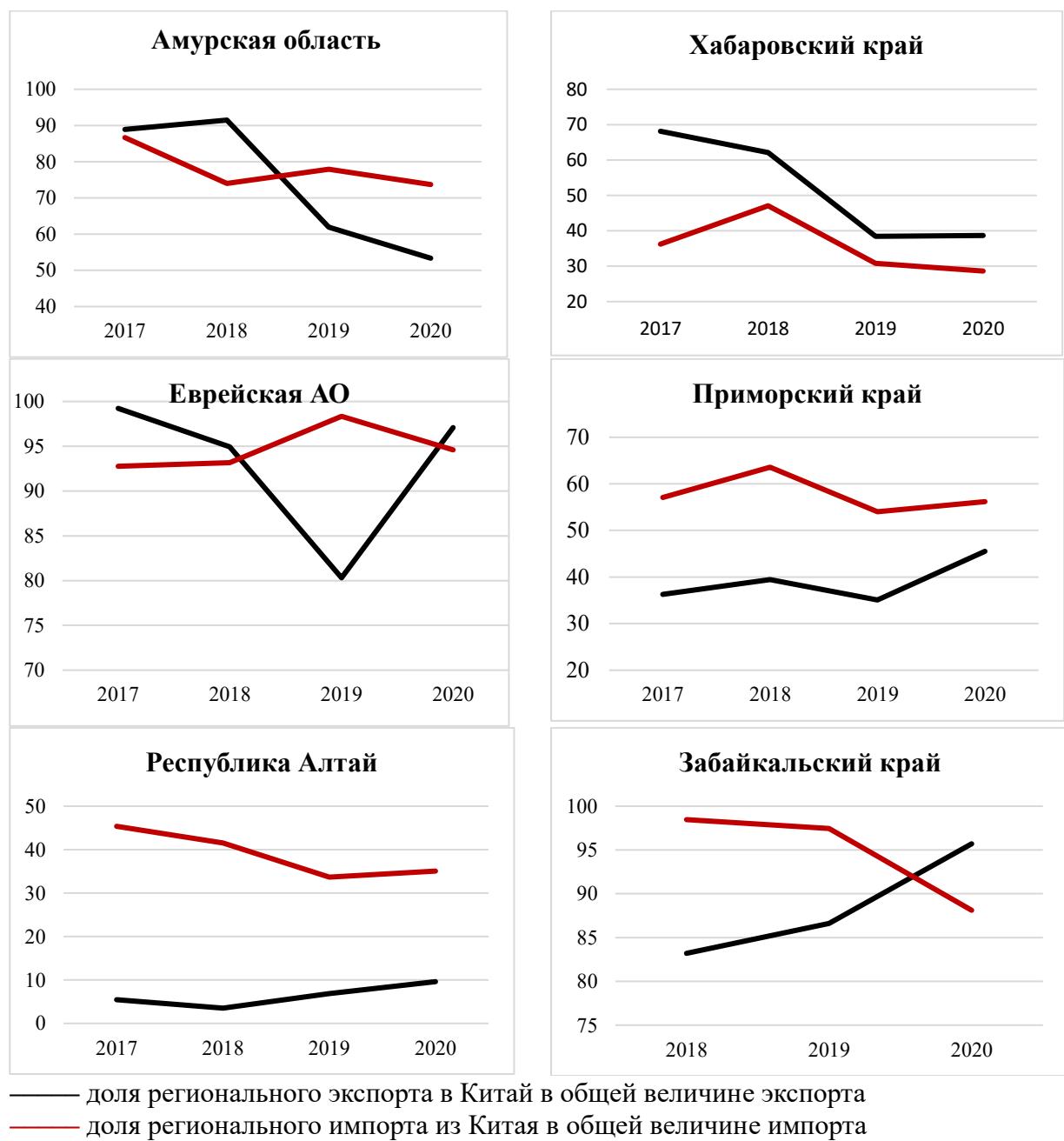

Рисунок 40 – Динамика региональных значений доли экспорта и импорта в торговле с КНР в общем объеме региональной внешней торговли за период с 2017 по 2020 г.¹⁰⁶

¹⁰⁶ Рассчитано автором на основе данных таможенной статистики Сибирского Федерального округа (<https://stu.customs.gov.ru/folder/143386>) и Дальневосточного Федерального округа (<https://dvtu.customs.gov.ru/folder/143395>). (дата обращения: 01.03.2024).

Таким образом, опыт слабо регулируемого приграничного сотрудничества в России показывает, что неактивная позиция государства в этом вопросе и либеральный подход к реализации стратегий приграничного сотрудничества не приносит результатов и снижает эффективность приграничного взаимодействия для обеих стран. И это несмотря на то, что правительство Китая в рамках своей региональной политики проводит весьма активную политику приграничного взаимодействия, в основе которой лежит предоставление приграничным провинциям налоговых и таможенных льгот, а также дополнительных правовых возможностей местному уровню власти в вопросах приграничного сотрудничества, чего нельзя сказать о региональной политике российского правительства.

В результате приграничное взаимодействие между регионами России и Китая выстраивается преимущественно на торговле и экспорте трудовых ресурсов из Китая в Россию, а также на получении Китаем дополнительных каналов реализации уверенно растущих рынков сбыта товаров потребительского назначения, источников сырья, и первичной продукции. Поскольку для российских регионов на границе с Китаем сотрудничество с территориями сопредельного государства важно именно с точки зрения их экономико-географического положения в территориальной структуре РФ, а именно как компенсационный механизм минимизации транспортных расходов в условиях непрерывного роста транспортных тарифов внутри России и, вследствие этого, ослабления экономических связей с внутренними российскими регионами, то отсутствие адекватной региональной политики российского федерального центра при активной поддерживающей свои приграничные регионы региональной политике Китая приводит к консервации сырьевой ориентации приграничных регионов РФ.

Взаимодействие российских регионов с сопредельными провинциями на границе с Китаем не просто консервирует сырьевую ориентацию этих регионов, но также и препятствует развитию и усилению обрабатывающей промышленности в структуре их региональных экономик, так как

приграничное взаимодействие для российских регионов «фиксирует» те этапы создания добавленной стоимости, которые наблюдаются на самых первых стадиях. В общем-то, и для китайских провинций существует похожая проблема, связанная с таким экспортом в приграничные регионы, имеющие общие границы с Россией, который не способствует диверсификации и структурному развитию региональных экономик китайских провинций. Именно поэтому построение эффективного механизма приграничного взаимодействия между Россией и Китаем – это стратегически значимый вопрос для обеих стран.

Российско-китайская граница – это не только административный рубеж между двумя странами, но цивилизационный, культурный, политический. Кроме того, из всех стран, с которыми граничит Российская Федерация, именно с Китаем наша страна имеет одну их самых протяженных границ. Приграничное сотрудничество России и Китая в условиях современных тенденций глобализации и регионализации должно стать приоритетом для обеих стран. Необходим пересмотр приграничного сотрудничества в направлении повышения его качества и эффективности. Правительство КНР уделяет огромное внимание развитию своих приграничных регионов и созданию институциональной среды приграничного сотрудничества со всеми странами-соседями, ориентируясь на принципы инновационного развития. Россия в этом вопросе значительно отстает, что значительно препятствует росту эффективности взаимодействия российских приграничных регионов и приграничных китайских провинций. Поэтому для российского правительства главными приоритетами должны стать, прежде всего, выделение приграничных регионов в отдельные объекты региональной политики, а также формирование законодательной базы приграничного взаимодействия во всех основных его сферах: торговля, гуманитарное сотрудничество, наука и образование и т.д. Особый акцент в приграничном сотрудничестве с Китаем необходимо сделать на сотрудничестве в инновационной сфере, а также на

повышении качества экспортируемых товаров и услуг, содействии инфраструктурным проектам.

Отставание России от Китая в проработке механизмов приграничного сотрудничества, скорее всего, будет иметь и долгосрочные геополитические последствия. В то время как в России больше 10 лет обсуждался и отклонялся закон о приграничном сотрудничестве, Китай сформировал обширную законодательную базу для него в отношениях со всеми своими соседями и, в том числе, через приграничное сотрудничество увеличил свою геополитическую значимость в Центральной Азии, доказательством чего являются успешные проекты приграничного сотрудничества Китая и Казахстана.

4.4 Институциональная модель экономического пространства в регионах российско-монгольского приграничья

Одним из ярких примеров взаимодействия приграничных регионов двух стран в экономическом пространстве вокруг общей государственной границы, приближающихся к формированию трансграничного макрорегиона посредством институциональных взаимодействий, является экономическое пространство, образованное регионами российско-монгольского приграничья. В их случае соотношение контактной и барьерной функций меняется в сторону усиления контактной функции и повышения проницаемости границы в последние два десятилетия особенно интенсивно. Это происходит в основном за счет постоянного совершенствования и укрепления нормативно-правовой базы, регулирующей приграничное взаимодействие. Наднациональные и национальные структуры, ответственные за их воплощение в жизнь, являются основными институтами приграничного

взаимодействия на региональном уровне в пространстве вокруг российско-монгольской границы. Также к таким институтам относятся национальные меры, стимулирующее это взаимодействие, местные традиции, связи, культура и национальные особенности местных сообществ, участвующих в приграничном взаимодействии.

Правовую основу для формирования международного, в том числе приграничного, сотрудничества между Россией и Монголией составляет обширный перечень нормативно-правовых актов, представленный в таблице 30. Кроме того, с 2014 г. действует соглашение об упрощении визового режима при пересечении российско-монгольской границы. Весьма перспективной и актуальной, особенно в текущих геоэкономических условиях, стала «Программа экономического коридора Россия – Монголия – Китай», утверждённая в 2016 г. и нацеленная на реализацию совместных проектов в различных областях, включая транспорт, электроэнергетику, таможенное регулирование, промышленность, охрану окружающей среды, науку, туризм.

Для приграничного сотрудничества между Россией и Монголией от «Программы Экономического коридора Россия – Монголия – Китай» ожидалось, что ее внедрение позволит нарастить инвестиции в приграничных регионах России и приграничных аймаках Монголии, а также улучшить транспортную инфраструктуру приграничного сотрудничества и повысить интенсивность приграничной торговли. Несмотря на то, что эта программа напрямую не декларирует в качестве объекта экономическое пространство вокруг российско-монгольской границы, но фактически ее внедрение влияет на него в значительной степени, усиливая приграничные межрегиональные связи двух стран.

Таблица 30 - Нормативно-правовые акты, укрепляющие приграничное сотрудничество на региональном уровне между Россией и Монголией

Название документа	Дата утверждения
1. Договор о дружеских отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией	03.06.1991
2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о пограничных пунктах пропуска и упрощенном сообщении через российско-монгольскую государственную границу (с изменениями на 16 декабря 2021 года)	10.08.1994
3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии по охране и использованию трансграничных вод	11.02.1995
4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о культурном и научном сотрудничестве	05.04.1995
5. Соглашение о сотрудничестве приграничных аймаков Монголии и республик, областей, краев Российской Федерации	07.09.2000
6. Улан-Баторская декларация	15.11.2000
7. Московская декларация (к 95-летию установления дипломатических отношений)	08.12.2006
8. Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией	25.08.2009
9. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о подготовке несовершеннолетних граждан в образовательных учреждениях с дополнительными образовательными программами, направленными на проведение военной подготовки несовершеннолетних граждан	14.12.2010
10. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства	17.02.2012
11. Среднесрочная программа развития стратегического партнерства между Россией и Монголией	15.12.2016
12. Долгосрочная программа развития военного сотрудничества между Министерством обороны Российской Федерации и Министерством обороны Монголии	17.10.2018
13. Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и Монголией	03.09.2019
14. Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и Монголией (вместо п. 1)	13.07.2020

Источник: составлено автором на основе данных справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

Ряд исследователей полагают, что это влияние выше именно для российско-монгольского приграничья по сравнению с российско-китайским, так как Монголия является «связующим звеном» или «мостиком» между Россией и Китаем [Ператинская Д. А., Харланов А.С., Бобошко А.А., 2022]. В том числе, и за счет значительной протяженности российско-монгольской

границы в размере 3,5 тыс. км. И хотя российско-китайская граница более протяженная (4,2 тыс. км), но китайские провинции граничат с российскими регионами Дальнего Востока, у которых внутренние межрегиональные связи с европейской территорией и основной частью внутренних регионов России существенно слабее, чем у сибирских регионов России, прилегающих к российско-монгольской границе.

Экономика Монголии традиционно базируется на сельском хозяйстве и животноводстве. Монголия также располагает обширными месторождениями полезных ископаемых: значительная часть промышленного производства приходится на медь, уголь, молибден, олово, вольфрам и золото. Советская помощь, составлявшая в 1980-е годы XX века одну треть ВВП Монголии, исчезла практически одномоментно в 1990-1991 годах, после распада Советского Союза, что привело монгольскую экономику в глубокую рецессию. Затем в экономике Монголии произошло небольшое оживление, которое сменилось серьезным кризисом в конце 90-х гг. из-за серии стихийных бедствий и повышения мировых цен на медь и кашемир, а затем из-за последствий азиатского финансового кризиса. В августе и сентябре 1999 года экономика пострадала от временного сокращения российского экспорта нефти и нефтепродуктов, которое случилось по решению России из-за торговых споров со странами ОПЕК. При этом происходило серьезное сжатие международных экономических отношений между Россией и Монгoliей¹⁰⁷, которое сопровождалось стремительной активизацией Японии и международных экономических организаций в финансировании монгольской экономики [Чуулбанат О., 1999]. В 1997 году Монголия вступила в ВТО.

---

¹⁰⁷ В 90-е годы XX века вследствие либеральной политики российского правительства Россия практически бросила весь то, что было создано советским правительством в монгольской экономике. Так, например, в 90-е годы Россия утратила прежнее влияние на разработку местных природных ресурсов. При этом именно Россия оказала серьезное содействие и поддержку геологоразведке в Монголии и оценке имеющихся в стране месторождений. Кроме того, в 90-е годы был введен визовый режим между странами, а также высокие таможенные пошлины. И если в 1990 г. во внешнеторговом обороте Монголии 84% приходилось на СССР, то в начале 20-х годов XXI века – 66% приходится на Китай, а на Россию – лишь 12%.

Таким образом, в период с середины 90-х годов XX века до примерно середины первого десятилетия XXI века происходит некоторое охлаждение в отношениях между Россией и Монголией на фоне активизации влияния стран «коллективного Запада», а затем сотрудничество между двумя странами заметно оживляется, что видно также и по датам утверждения основных нормативно-правовых документов, составляющих основу для международного сотрудничества и представленных в таблице 30.

Сравнение приграничных регионов России и приграничных аймаков Монголии, примыкающих к российско-монгольской границе, позволяет обнаружить сходство их экономико-географического положения, природно-климатических условий, удаленное положение от своих столиц, то есть все они занимают периферийное положение в своих странах, а также имеют схожий природно-ресурсный потенциал со схожими проблемами освоения природных ресурсов [Золотухин И.Н., Глушко А.А., 2021]. Демографический потенциал со стороны российских приграничных регионов в абсолютном выражении выше (2,6 млн. чел. по сравнению с 0,7 млн. чел в приграничных аймаках Монголии), но для российских приграничных регионов эта численность населения составляет 2% от населения России, а для приграничных аймаков – 29% от общей численности населения Монголии. При этом по экономическому развитию приграничные аймаки Монголии отстают от российских приграничных регионов (рисунок 41).

Приграничные регионы, образующие региональное экономическое пространство вокруг российско-монгольской границы – Республика Алтай, Тыва, Бурятия и Забайкальский край (с российской стороны) и аймаками Баян-Улгий, Увс, Завхан, Хувсгел, Булган, Сэлэнгэ, Хэнтий, Дорнод (приграничные административно-территориальные единицы первого уровня со стороны Монголии) – показывают наиболее значимые и существенные процессы конвергенции из всех рассмотренных в данной главе диссертационного исследования экономических пространств, образованных под влиянием комплитивного взаимодействия. Оценка σ-конвергенции на основе

коэффициентов вариации и Тейла, а также оценка регрессионного уравнения в рамках исследования β -конвергенции, подтверждают статистические значимые процессы сходимости в уровне экономического развития приграничных регионов России и Монголии. Эти регионы имеют также значительное сходство в экономико-географическом положении, культурных и исторических традициях в экономике, природно-климатических условиях. Приграничным регионам по обе стороны российско-монгольской границы присуща низкая плотность населения с высокой его концентрацией в крупных населенных пунктах.

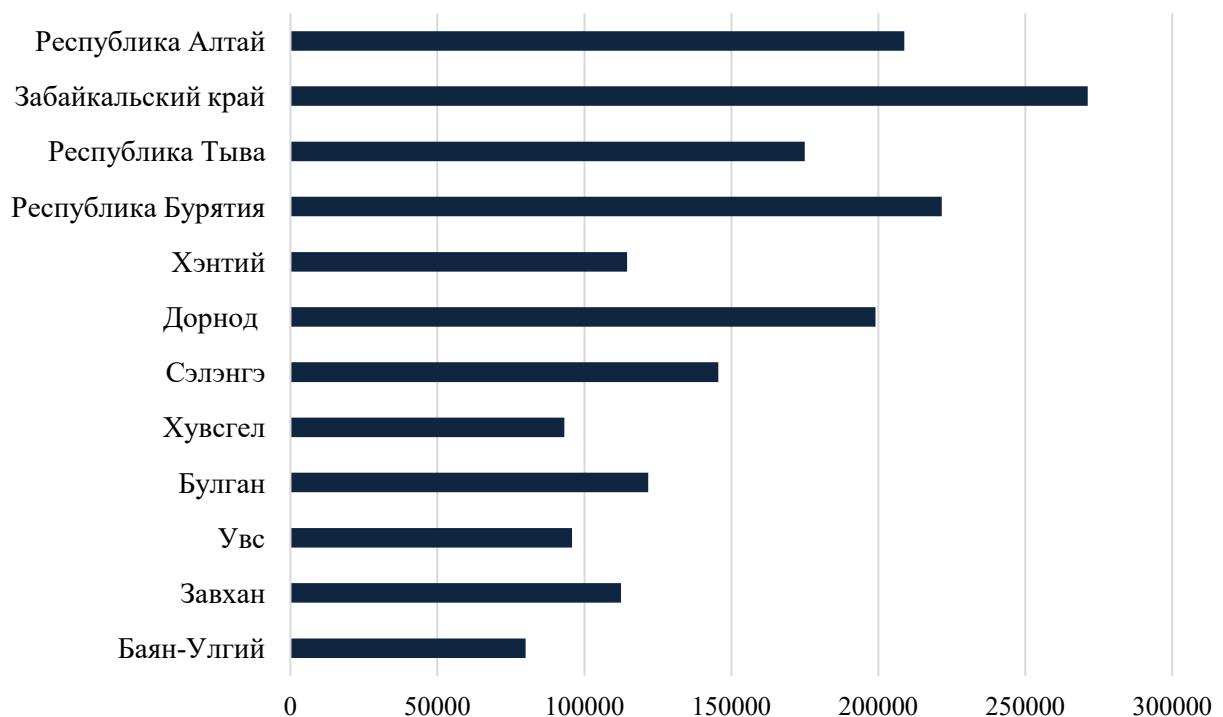
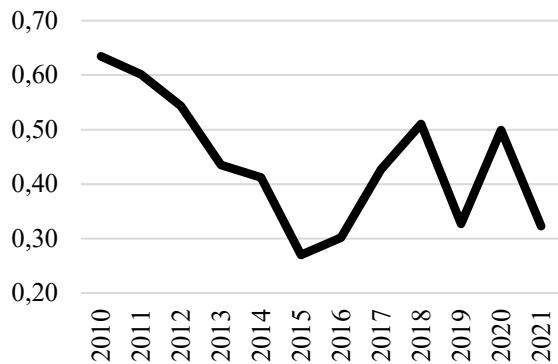

Рисунок 41 – средняя величина ВРП на душу населения за период с 2010 по 2021 гг. по приграничным регионам России и Монголии (в рублях)¹⁰⁸

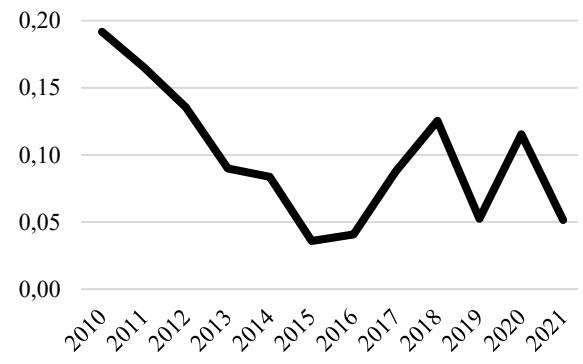
На рисунке 42 представлена динамика коэффициентов вариации и Тейла с 2010 по 2021 годы для регионов российско-монгольского приграничья. Как видно из представленной на графике динамики, с 2010 до 2015 наблюдается

¹⁰⁸ Расчёты автора на основе данных по регионам национальной статистической службы Монголии. Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан (National Statistics Office of Mongolia), 2023. Доступен по адресу: <https://www.1212.mn/en/statistic/file-library/annual> (дата обращения: 01.03.2024); Для субъектов Российской Федерации – на основе данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации.

снижение неравномерности в уровнях социально-экономического развития регионов российско-монгольского приграничья по обоим оцениваемым индексам; с 2015 по 2018 годы происходит рост неравенства, затем в 2019 году снижение, в 2020 году – снова рост, а в 2021 году значения индексов возвращаются к уровню 2019 года.

а)

б)

Рисунок 42 – Индексы вариации (а) и Тейла (б) для регионов российско-монгольского приграничья с 2010 по 2021 гг.¹⁰⁹

Статистически значимое уравнение β – конвергенции для приграничных регионов России и Монголии выглядит следующим образом:

$$\ln \sqrt[T]{\prod_{t=0}^T \frac{Y_t}{Y_{t-1}}} = 0,073 - 0,0513 * \ln Y_0 + 2,364 \quad (33)$$

Эконометрическая оценка β -конвергенции, результаты которой представлены в таблице 31, позволяет оценить зависимость накопленного прироста ВРП для приграничных регионов российско-монгольского приграничья за период времени от первоначального уровня ВРП на душу населения с 2010 г. по 2021 г. Полученные расчеты показывают, что коэффициент β – отрицательный, при этом и уравнение, и сам параметр статистически значимы, поэтому имеет место конвергенция, то есть регионы с первоначально более низким уровнем подушевого ВРП растут быстрее богатых регионов, то есть наблюдается сходимость. Коэффициент

¹⁰⁹ Составлено автором.

детерминации (R^2) относительно высок и равен 0,8. Были также рассчитаны скорость конвергенции, составившая 3,95 % в год, и время, необходимое для сокращения неравенства, которое составило 17,54 лет.

Таблица 31 - Оценка параметров абсолютной β -конвергенции российских и монгольских приграничных регионов за период с 2010–2021 гг.¹¹⁰

Характеристики регрессионного уравнения	Константа	Логарифм ВРП на душу населения в 2010 г.
Значение коэффициентов	0,073	0,0513
P-статистика	1,30808E-05	8,58221E-05
95% доверительный интервал	0,505 < a < 0,901	– 0,069 < β < – 0,033
R^2	0,80	
Множественный R2	0,89	
F-статистика	40,05	
P-value F-статистики	8,58221E-05	
Скорость конвергенции (процентов в год)	3,95	
Период, необходимый для сокращения межрегиональных различий (лет)	17,54	

Полученные результаты оценки условной и абсолютной конвергенции для регионов российско-монгольского приграничья в сравнении с аналогичными оценками для, например, российско-белорусского, российско-казахстанского и российско-китайского приграничья, показывают, что конвергентностные процессы наиболее присущи именно региональному пространству вокруг российско-монгольской границы. Представляется, что такой результат объясняется, прежде всего, схожими институциональными условиями экономического развития.

Особенности реализации региональной политики федерального центра приводят к тому, что российские приграничные регионы, входящие в экономическое пространство вокруг российско-монгольской границы, не

---

¹¹⁰ Составлено автором.

являются объектами селективной поддержки в рамках государственной политики регионального развития,

Оценка институциональной среды в указанных регионах предполагает определение реальных действий экономических агентов-участников приграничного сотрудничества, которые являются следствием взаимодействия формальных и неформальных правил, сложившихся в экономиках приграничных регионов. В этой оценке ключевыми факторами являются:

- 1) относительно проработанная нормативно-правовая база экономического сотрудничества России и Монголии, а также двусторонние межрегиональные соглашения, регулирующие торговое, экономическое и культурно-образовательное приграничное сотрудничество между российскими приграничными регионами и монгольскими приграничными аймаками;
- 2) единое экономическое пространство вокруг российско-монгольской границы с потенциально выгодным положением (транзитные сухопутные транспортные пути из стран Восточной и Западной Европ, а также из регионов европейской части России в направлении стран Восточной Азии);
- 3) схожая структура региональных экономик с низкой сырьевой базой и аграрной ориентацией;
- 4) общность культурных традиций и исторических особенностей регионального развития.

Оценка институциональной среды приграничного сотрудничества вокруг российско-монгольской границы показывает, что эта среда очень разнообразна. Эффективность функционирования институтов определяется нормативно-правовыми соглашениями, как на межправительственном, так и на субнациональном уровне, которые заключают участники приграничного сотрудничества по обе стороны границы. Такие соглашения экономическим агентам позволяют снизить трансакционные издержки, что создает стимулы

для большей заинтересованности экономических агентов в приграничном сотрудничестве.

В общем виде можно выделить две основные модели приграничного сотрудничества. Первая, характерная, например, для регионов российско-китайского приграничного пространства, основана на приграничной торговле. Вторая модель – институциональная. Экономическое пространство вокруг российско-монгольской границы является ярким примером институциональной модели.

Выводы по главе 4

Возможности экономического развития приграничных регионов обусловлены тем экономическим пространством, в которое они входят. Исследование различных приграничных зон позволило выделить несколько потенциальных экономических пространств, отличающихся друг от друга системными характеристиками.

Пример российско-украинского приграничья в период до 2022 года представляет собой интересный случай, который доказывает, что не только границы влияют на экономическое пространство, но пространство влияет на границы, и что границы не имеют универсальной социальной необходимости и, таким образом, открыты для дальнейшего изменения.

Интеграция между Россией, Белоруссией и Казахстаном в рамках ЕАЭС для приграничных регионов экономических пространств вокруг российско-белорусской границы не приводит к сближению уровней экономического развития регионов. Для российско-белорусского и российско-казахстанского приграничья характерно то, что экономический потенциал приграничных регионов не задействован для повышения эффективности процессов

региональной экономической интеграции в рамках ЕАЭС, а усиливающаяся дифференциация пространства вокруг границ может способствовать снижению экономической эффективности интеграционных процессов. Для российско-белорусского приграничья отсутствуют конвергентностные процессы, для российско-казахстанского – процесс конвергенции крайне медленный, для российско-монгольского характерен более интенсивный процесс сближения уровней регионального экономического развития.

Российско-китайское приграничье представляет собой уникальный пример того, как административная граница между странами совпадает с цивилизационным рубежом, при этом наблюдается отсутствие сближения в динамике экономического развития приграничных регионов России и приграничных провинций Китая, что в значительной степени объясняется снижением качественных характеристик российско-китайского приграничного взаимодействия.

Формирование общего экономического пространства, включающего приграничные регионы Российской Федерации и приграничные аймаки Монголии, происходило в последние десятилетия в условиях интенсивных приграничных и межстранных взаимодействий в различных областях и на основе схожих местных традиций, культурно-исторических связей, этнических особенностей местных сообществ, участвующих в приграничном взаимодействии. Существенную роль в усилении интенсивности приграничного взаимодействия играет и постоянное совершенствование и укрепление нормативно-правовой базы, регулирующей приграничное взаимодействие России и Монголии. Сформировавшиеся институциональные условия для интенсивного приграничного взаимодействия и установления значительного числа межрегиональных связей внутри экономического пространства вокруг российско-монгольской границы фактически дают возможность формирования единственного в российском приграничном поясе примера регионов пятого типа в рамках типологии на основе принципа комлимитизма – транснационального макрорегиона. Именно на примере

российско-монгольского приграничного экономического пространства мы видим, как российские приграничные регионы и приграничные монгольские аймаки становятся участниками совместных долгосрочных программ как приграничного, так и трансграничного сотрудничества, и их территории испытывают на себе влияние таких программ в форме изменения пространственной и институциональной структуры приграничных отношений. Также российско-монгольское приграничное сотрудничество сопровождается усилением правительственной координации развития и реализации взаимовыгодных партнерских отношений, созданием совместных органов управления программами.

ГЛАВА 5 РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

5.1 Международный опыт реализации региональной политики в отношении приграничных регионов

Определение места приграничных регионов в региональной политике – существенно более скромно исследованная предметная область, нежели оценка влияния приграничного положения регионов на их социально-экономическое развитие. Между тем их экономическое развитие невозможно без реализации такой региональной политики, объектом которой являются именно приграничные регионы. Поскольку приграничные регионы географически чаще всего удалены от экономических центров страны и имеют более слабую основу для развития, региональная экономическая политика в отношении приграничных регионов представляет собой сложный многокритериальный процесс балансирования интересов разных групп регионов и государства в целом. Существуют разные подходы к формированию концепции и реализации такой политики. Большинство стран проводят региональную политику в отношении приграничных регионов либо в интересах национальной безопасности, либо для защиты окружающей среды, либо в целях экономического развития. Однако, приграничные регионы являются отдельным объектом региональной экономической политики не во всех странах. Так, например, в США в отношении приграничных регионов применяются преимущественно инструменты миграционной политики, направленные на упорядочение и ограничение миграционных потоков из соседних стран. Аналогичная ситуация наблюдается и в Мексике, особенно в отношении тех мексиканских штатов, которые граничат с США. В целом можно также отметить, что реализация государственной региональной

политики влияет обычно не только на развитие приграничных регионов той страны, которая ее осуществляет, но и на развитие приграничных регионов сопредельного государства. В значительной степени распределение выгод и эффектов от реализации такой политики между регионами разных стран зависит от того, какая страна в региональной политике относительно приграничного взаимодействия является ведущей, а какая – ведомой. Конечно же, ведущее государство часто получает дополнительные эффекты от приграничного взаимодействия, связанные с перераспределением интеграционных, производственных и внешнеторговых преимуществ. Рассмотрим несколько наиболее ярких примеров реализации государственной региональной политики, в которой экономическое развитие приграничных регионов является приоритетным объектом регулирования.

Государственная граница Китая имеет протяженность около 22 тыс. км с соседними 14 странами, которые различаются по уровню экономического развития, политическим системам и ценностям, стратегиям управления, особенностями миграционных потоков. В XX веке приграничные регионы Китая страдали от серьезных проблем, таких как суровые природно-климатические условия, недостаточность ресурсов и противоречивая этническая ситуация. В 1960-70-е годы отношения Китая с соседними странами ухудшились (советско-китайский раскол, кризис в Тайваньском проливе, китайско-вьетнамские вооруженные столкновения), происходили и внутренние политические кризисы, сопровождавшиеся восстаниями и протестами [Непомнин О.Е., 2011]. Именно в этот момент впервые китайское правительство обращает внимание на экономическое развитие приграничных регионов как фактор национальной безопасности [宋涛, 孙曼, 刘志高, 2022]. В 1978 году начинается реализация программы экономических реформ, нацеленных на формирование социалистической рыночной экономики на основе экономической либерализации и градуализма. Она называлась «Политика реформ и открытости» (改革開放). В основе этой

реформы лежала концепция открытости экономики. «Политика реформ и открытости» была растянута не только во временном измерении, но и в пространственном. По отношению к приграничным регионам были провозглашены «системная трансформация» и «благотворное объединение», а региональная политика центрального правительства выстраивалась в духе теории полюсов роста: предполагалось, что постепенно, за счет увеличения открытости и наращивания внешнеэкономического потенциала восточных и юго-восточных провинций, которые изначально имели более высокий уровень экономического развития, их интенсивное экономическое развитие создаст пространственные импульсы для развития западных и северо-западных провинций. Восточные прибрежные провинции должны были сформировать своего рода восточный «пояс открытости» к внешнему миру, через выход в океан, который рассматривался как «коридор развития».

Итак, в Китае сформировалось два типа приграничных пространств: 1) восточное приграничье как пространство реформ и открытости; 2) западное приграничье – пространство периферии и отсталости. Предполагалось, что восточное приграничное пространство за счет опережающего развития «подтянет» западное, но этого не случилось. В 1980-90-е годы восточное приграничное пространство действительно развивалось опережающими темпами за счет технологического, инвестиционного и внешнеэкономических факторов (в этой части реформы достигли своих целей), но удельный вес западного приграничья в суммарном ВРП и общей величине национального экспорта не изменились, а для некоторых провинций, например, для Хэйлунцзян, даже сформировалась тенденция устойчивого снижения этой доли [Рыжова Н.П., 2008]. Таким образом, в результате опережающего развития регионов с более высоким уровнем экономического развития и отсутствием ощутимого развития у отстающих регионов, в китайской пространственной экономике к концу XX века существенно усилились межрегиональные диспропорции.

Таким образом, региональная экономическая политика в отношении отстающих приграничных провинций Китая была во много предопределена тем обстоятельством, что экономическое развитие приграничных провинций Китая существенно отставало от центральных и восточных провинций, имеющих выход к морю и более обширные экономические связи с другими провинциями Китая и другими странами. Основная проблема региональной политики для центрального правительства сводилась к тому, чтобы подтянуть уровень экономического развития приграничных провинций до уровня внутренних и восточных регионов, имеющих более высокий уровень экономического развития. В соответствии с этой проблемой в 1999 году Национальный этнический комитет Китая, Национальная комиссия по развитию и реформам, Министерство финансов и другие правительственные ведомства инициировали проект по стимулированию социально-экономического развития регионов, расположенных вдоль сухопутной границы, охватывающей девять приграничных провинций (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, Внутренняя Монголия, Ганьсу, Синьцзян, Тибет, Гуанси и Юньнань). Особый акцент в этом проекте был сделан на улучшение жизни этнических групп, составляющих 48 % из 21 миллиона жителей в 135 округах, расположенных вдоль границы. Этот проект стал отправной точкой в 2000 году в реализации политики 兴边富民行动 («Синбянь Фумин Синдун») – политики возрождения приграничных территорий и улучшения жизни населения этих территорий. Эта политика была направлена на развитие контактной функции границы, с целью оживления экономической активности на территориях, примыкающих к государственной границе Китая, за счет стимулирования и наращивания инвестиций, содействия открытости экономик приграничных провинций, повышения уровня благосостояния населения и содействия добрососедству с другими странами.

В реализации политики 兴边富民行动 («Синбянь Фумин Синдун») можно выделить три основных этапа. На первом этапе – *пилотном* (с 2000 г.

по 2004 г.) – были отобраны девять пилотных округов в девяти приграничных провинциях в соответствии с идеей «приоритизации пилотных программ, обобщения опыта и прогрессивного развития». В 2001 году был обнародован «План Синбянь Фуминь Синдун (2001–2010 годы)», в котором были определены специальные планы проектов по развитию транспортной системы, сельскохозяйственного сектора, строительства водохранилищ и экологической среды. Тогда же число пилотных округов было увеличено до 17.

Вторым этапом был этап *расширения* (2004–2009 гг.). На основании опыта, полученного в ходе пилотного этапа в 2004 году, в список территорий, охваченных этой политикой, были добавлены 37 приграничных округов. В 2007 году Государственный совет Китая опубликовал «11-й пятилетний план Синбянь Фумин Синдун», который ознаменовал официальный перенос этой политики на национальный уровень принятия решений. В 2007 году центральное правительство выделило 180 миллионов юаней приграничным регионам, что указывает на то, что Китай начал наращивать свои финансовые инвестиции в эти районы. Кроме того, Китай активно помогал многочисленным международным организациям, правительствам и предприятиям делать пожертвования приграничным регионам, в то время как финансовые учреждения и банки также оказали значительную поддержку.

Третий этап представлял собой этап *полномасштабной реализации* (начиная с 2009 года) и охватывал уже 136 приграничных округов в приграничных регионах. «12-й пятилетний план Синбянь Фумин Синдун» был запущен в 2011 году. Тогда региональная политика центрального правительства в отношении отсталых приграничных регионов была сосредоточена на сокращении бедности среди жителей приграничья. Министерство финансов установило трансфертную выплату в размере 16,02 млрд юаней в 2011 и 2012 годах для обеспечения улучшения уровня жизни людей в приграничных регионах. Эта сумма была равна общему объему инвестиций Китая в приграничные регионы в период «12-й пятилетки». В 2017

году Госсовет Китая опубликовал «13-ю пятилетку Синбянь Фумин Синдун», направленную на интеграцию приграничных регионов в процветающее общество страны. В этот период внимание уделялось не только экономическому развитию приграничных регионов, но и координации экономического, социального и экологического развития.

Под политику «Синбянь Фумин Синдун» была адаптирована и китайская фискальная система в направлении более высокой концентрации бюджетных доходов на центральном уровне, с последующим отчислением регулярных трансфертов тем провинциям, у которых нет достаточных финансовых возможностей для покрытия расходов. Трансферты определяются на основе фиксированного набора формул, причем в расчеты трансфертов включен этнический коэффициент для всех соответствующих провинций. Самы этнические территории получают общие трансферты на основе набора критериев, в большем объеме, чем для других провинций, участвующих в перераспределении межбюджетных ресурсов на общих условиях (高翹, 王士君, 谭亮, 2017).

Переток трансфертов в приграничные провинции весьма масштабен, и это помогло стимулировать экономический рост на региональном уровне. Так, например, в региональной экономике Тибетского автономного района, являющегося западным приграничным регионом Китая, финансовые вливания из национального бюджета составляют три четверти ВВП, а годовой ВВП на душу населения вырос с 1000 юаней в 1989 году до более, чем 10 600 юаней в 2005 году. В таких западных приграничных провинциях как Синьцзян и Внутренняя Монголия экономический рост в период с 2000 по 2008 гг. составил 15% и 24%, соответственно.

Все эти изменения сопровождались дополнительными политическими инструментами, как в отношении западного приграничного пространства, так и в отношении восточного: смягчение и облегчение приграничных вопросов, подписание соглашений с соседними государствами о формировании системы

контроля границ, формирование благоприятного климата для осуществления внешнеторговых операций. Значительную роль сыграли и институциональные преобразования. Китайское правительство учитывало в ходе этих реформ, что институциональная среда в приграничных районах сложна и включает в себя трансграничные геоэкономические действия, осуществляемые соседними странами или регионами в экономическом и социальном аспектах. Поэтому основные институциональные преобразования были направлены на формирование приграничных «открытых городов», зон приграничного экономического сотрудничества, зоны приграничной народной торговли. Именно эти территориальные образования с особым статусом и формируют «приграничный пояс открытости» Китая.

Исследования китайских авторов показывают, что политика «Синбянь Фумин Синдуна» (兴边富民行动) дала статистически значимый эффект роста ВРП на душу населения в регионах западного приграничного пространства, особенно на северо-западе страны. При этом эффект роста ВРП на душу населения в первую очередь был обусловлен расширением промышленного сектора наряду с инвестициями в физический и человеческий капитал, а не увеличением занятости и ростом совокупной факторной производительности [Xiekui Zhang, Xinfeng Zuo, Xinjian Chen, 2023]. Но если оценивать политику «Синбянь Фумин Синдуна» с точки зрения межрегионального неравенства, то нельзя сказать, что она смогла снизить межрегиональные диспропорции в китайской экономике. Более того, доля провинций западного приграничного пространства в суммарной величине ВРП по всем провинциям на протяжении периода с 1975 г. по 2022 г. неуклонно сокращалась с 22,5% до 11,6% (рисунок 43). При реализации политики «Синбянь Фумин Синдуна», китайское правительство вовремя осознало, что сокращение огромных межрегиональных различий – это длительный исторический процесс. Основное, на что должен быть сделан при этом акцент, это координация регионального развития на основе использования сравнительных

преимуществ каждого региона и достижение общего развития посредством взаимного продвижения. Эта координация должна строиться на идее локомотивной роли провинций восточного приграничного пространства, которое может предоставить стране больше финансовых, материальных и технических ресурсов, которые можно использовать для поддержки и развития внутренних провинций и провинций западного приграничного пространства.

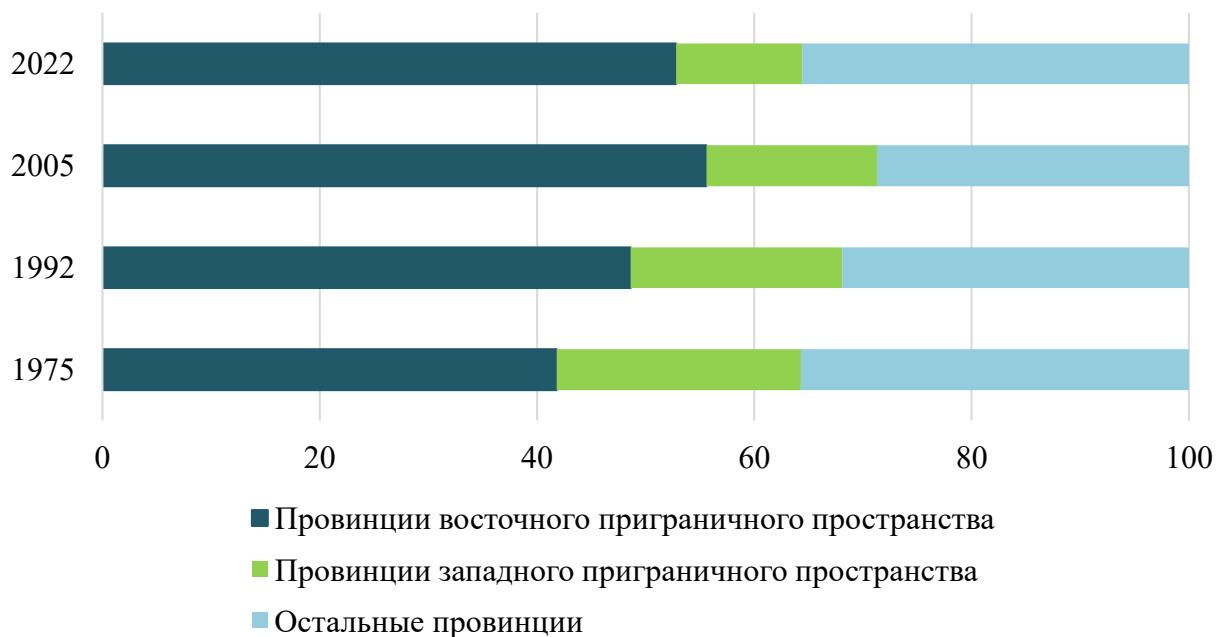

Рисунок 43 – Распределение ВРП между провинциями восточного приграничного пространства, западного приграничного пространства и остальными провинциями Китая (в %)¹¹¹

В 2022 году большая часть приграничных регионов, образующихся отсталую периферию Китая, характеризовалась меньшим по отношению к средненациональному уровнем ВРП на душу населения (в частности, к таким регионам относятся Синьцзян, Юньнань, Тибет, Цзилинь, Гуанси, Хэйлунцзян, Ганьсу, рисунок 44). Тем не менее, в 2022 году отношение

¹¹¹ Рассчитано автором на основе данных: Per capita gross domestic product (GDP) in China in 2022, by province or region. - The statistics portal for market data market research and market studies,2024. - [Электронный ресурс]. - Доступен по адресу: <https://www.statista.com/statistics/1093666/china-per-capita-gross-domestic-product-gdp-by-province/> (дата обращения: 01.03.2024).

максимального ВРП к минимальному составило 4,2, что является наименьшим значением в XXI веке для китайской экономики.

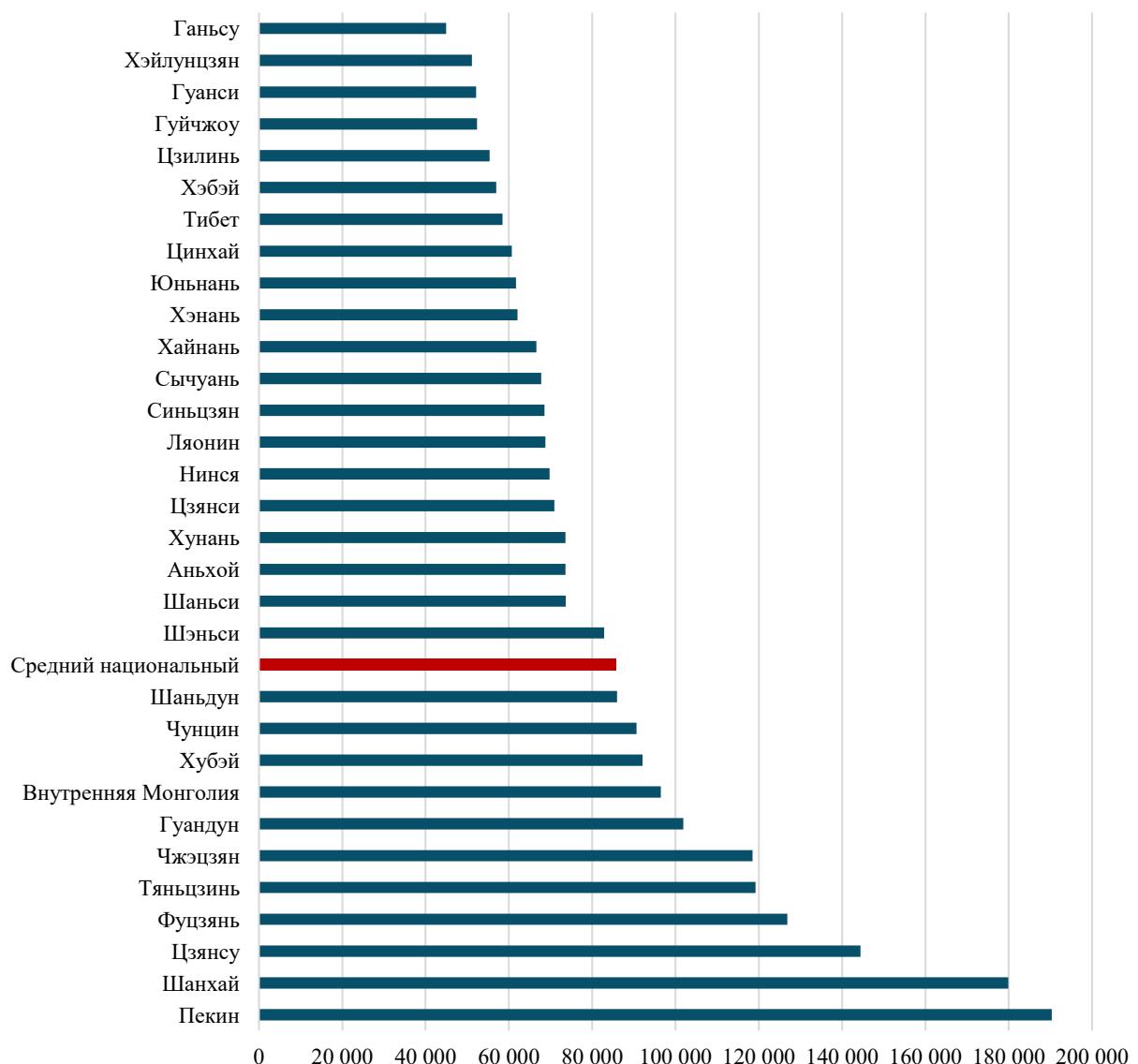

Рисунок 44 – ВРП на душу населения в китайских провинциях в 2022 году (в юанях)¹¹²

Таким образом, политика «Синбянь Фумин Синдун» представляет собой интересный опыт реализации региональной экономической политики по отношению именно к приграничным регионам, а также иллюстрирует случай

¹¹² Рассчитано автором на основе данных: Per capita gross domestic product (GDP) in China in 2022, by province or region. - The statistics portal for market data market research and market studies,2024. - [Электронный ресурс]. - Доступен по адресу: <https://www.statista.com/statistics/1093666/china-per-capita-gross-domestic-product-gdp-by-province/> (дата обращения: 01.03.2024).

гибкой реакции центрального правительства на результаты реализации этой политики и планомерного достижения ее результатов. В рамках этой политики акцент сделан на повышение международной конкурентоспособности и потенциала устойчивого развития китайских провинций, общее планирование городского и сельского регионального развития, ускорение научно-технического прогресса и укрепление независимых инновационных возможностей, повышение уровня открытости внешнему миру и дальнейшему развитию экспортно-ориентированной экономики, разрешение внутренних социальных противоречий и инфраструктурное развитие. И хотя большая часть проблем все еще остается, но реализация политики «Синбянь Фумин Синдун» еще не завершена.

Общая длина сухопутных границ Бразилии составляет около 14,7 тысяч км, а количество соседей Бразилии – 10. Площадь приграничных территорий Бразилии составляют около 27% от ее национальной территории, охватывает пространство в большей части вокруг реки Амазонки, а южные приграничные штаты представляют собой территории с высокой плотностью населения. В приграничных штатах проживают десять миллионов человек, в том числе, многие из охраняемых групп коренного населения Бразилии, которые сконцентрированы в регионе Амазонки.

Исторически приграничные штаты Бразилии отличаются относительной закрытостью, социально-экономической и экологической уязвимостью, поэтому к началу XXI века сформировали классический вариант периферийного и отсталого приграничья. Кроме экономической отсталости, этим регионам присущ целый ряд проблем безопасности: транснациональная преступность (включая незаконный оборот наркотиков, торговлю оружием, эксплуатацию природных ресурсов и нелегальную миграцию, а также экологические проблемы, такие как вырубка лесов в результате захвата земель для сельского хозяйства и незаконные вырубки, нарушение биоразнообразия и повстанческие движения из Колумбии).

В 2005 году Бразилия начала процесс переосмысления своих границ с упором на интеграцию, сотрудничество, решение конкретных вопросов и сотрудничество со своими соседями по вопросам общей безопасности и устойчивого развития приграничных территорий. В 2005 году было учреждено специальное министерство – Министерство национальной интеграции, а при нем – Секретариат региональных программ. Также с 2005 года реализуется ряд государственных политик с упором на реструктуризацию Плана развития приграничных территорий (PDFF). До начала XXI века приграничные регионы в Бразилии не выделялись в качестве отдельного объекта региональной политики. С началом реализации указанного Плана все приграничное пространство Бразилии было разделено на три части – северная, центральная и южная, так как для каждой из этих частей был характерен свой перечень проблем, связанных с безопасностью и экономическим развитием.

Итак, в рамках указанного плана были реализованы следующие политики.

1. Программа Calha Norte (Programa Calha Norte - PCN), за реализацию которой с 1985 г. отвечало Министерство обороны, а сама программа была нацелена на содействие упорядоченному развитию Северной Амазонки с учетом региональных, культурных и экологических особенностей. Программа включала два направления:

1) развитие оборонно-промышленного комплекса (поддержание суверенитета и территориальной целостности; и гражданская сторона – поддержка действий правительства по содействию региональному развитию 369 муниципалитетов в 8 штатах (Акри, Амапас, Амазонас, Мату-Гросу, часть Мату-Гросу-ду-Сул, Парана, Рондния и Рорайма);

2) решение социальных, экономических и экологических проблем (в контексте национальной безопасности и развития).

2. Программа формирования зон свободной торговли в приграничных территориях (Áreas de Livre Comércio – ALC). Первоначально программа начала действовать в 1989 для города Табадинго, который непосредственно

примыкает к пограничному стыку Трес-Фронтерас и колумбийскому городу Летисия. Затем программа была перенесена и на другие регионы. В целом она направлена на формирование экономической и социальной инфраструктуры за счет содействия приграничной торговле.

3. Программа содействия развитию приграничной полосы (*Programa de Desenvolvimento da Faixa de Fronteira – PDFF*) запущена в 1999 году с целью экономического развития и интеграции приграничных с Парагваем территорий на основе применения инструментов стимулирования социальной и производственной инфраструктуры в приграничной полосе.

4. Программа концентрации границ и приграничного туризма (*Programa Turismo de Fronteiras – FRONTUR*) с 2003 года содействует туризму в приграничных штатах Бразилии.

5. Программа двуязычных школ в приграничье на основе межкультурного проекта. В рамках этой программы предусматривалась разработка двуязычных образовательных программ на основе программы межкультурного образования (портugальский и испанский языки). Предполагала содействие обмену между учителями из стран, граничащих с Бразилией, с целью интеграции бразильских студентов и преподавателей со студентами и преподавателями из соседних стран. Преподаватели из обеих стран вместе планируют уроки, так что происходит не преподавание иностранного языка, а преподавание на иностранном языке, создавая для учащихся настоящую двуязычную среду.

6. Система интегрированного приграничного здравоохранения (*Sistema Integrado de Saúde das Fronteiras - SISFronteira*) предполагала создание с 2005 по 2014 годы сети медицинских организаций, оказывающих медицинские услуги в приграничной полосе, а также на поддержку улучшения уже имеющейся системы обслуживания населения в сфере здравоохранения в приграничных муниципалитетах, расположенных не более, чем в 10 км от границы.

7. Программа содействия устойчивости субрегиональных пространств (Programa de Promoção da Sustentabilidade de Espaços Sub-Regionais - PROMESO) с 2009 года реализуется Министерством региональной интеграции Бразилии для повышения автономии и субрегиональной устойчивости, на основе стимулирования социальной организации, развития внутреннего потенциала и укрепления производственной базы территорий. В рамках этой программы предусматривалось повышение участия гражданского общества в принятии решений о государственных инвестициях, а также стимулирование экономической активности посредством продвижения местных производственных механизмов.

Кроме перечисленных программ также действовали программа содействия прохождению границ для автомобильного транспорта, особенно в целях туризма (с 2001 года), а также программа, направленная на решение миграционных проблем, нацеленная на сокращение преступности в приграничной зоне (с 2002 года) и на формирование единой нормативно-правовой базы для регулирования потоков трансграничной рабочей силы с целью устраниить асимметрию, возникшую в результате принятия дифференцированной политики, форматированной в соответствии с географическим положением, экономическими интересами Бразилии и отношениями с соседней страной (с 2002 года). Последняя из указанных программ предполагала различные меры для разных приграничных зон в зависимости от интересов Бразилии и характера отношений с соседним государством.

В рамках всех этих программ, реализуемых по Плану развития приграничных территорий (PDFF), можно увидеть три группы обобщенных инструментов:

- 1) налоговые инструменты, направленные на сокращение межрегионального неравенства (формирование специальных фондов и отчисление части налоговых доходов из бюджетов более развитых штатов в пользу менее развитых приграничных штатов);

2) наращивание инвестиций в социально-экономическое развитие приграничных территорий;

3) инструменты устойчивого и комплексного развития приграничных штатов, основанные на выявлении социально-экономических, культурных, политических, институциональных и экологических возможностей и уязвимостей, направленные, прежде всего, на инфраструктурное развитие.

Ключевым концептуальным изменением в приоритетах развития приграничных регионов Бразилии стало то, что “faixa de fronteira” (пограничная полоса) стала рассматриваться в качестве приоритетной зоны регионального развития, а не зоны национальной обороны, как было до реализации «Плана развития приграничных территорий». Основные уроки, которые были сформулированы бразильскими экспертами после реализации региональной политики в отношении приграничных регионов, были следующие.

1. Интеграция должна происходить на местном уровне, а не на национальной платформе.

2. Нет никакой связи между политикой развития приграничных территорий и более широкими целями национального развития.

3. Инициативы, связанные с безопасностью и экономическим развитием приграничных территорий, не обязательно должны реализовываться совместно, они могут быть реализованы параллельно.

4. Учитывая отсутствие инфраструктуры, частный сектор неоднозначно оценивает границы с точки зрения инвестиций. Некоторые инвесторы даже полагают, что приграничное положение региона является препятствием для инвестиций.

5. Было предпринято недостаточно усилий для интеграции частного сектора в политический диалог: агробизнес, оборонный и энергетический секторы могли бы сыграть свою роль, но этого не случилось.

6. Существует большой потенциал для многостороннего сотрудничества на границе, при этом международное сотрудничество является недостающим звеном в развитии приграничного пространства.

7. Представители гражданского общества на местном уровне могли бы более активно участвовать в жизни сообществ, когда дело доходит до дискуссий о влиянии границы на территориальное развитие.

При этом, так же, как и в Китае, правительство Бразилии осознает невозможность сокращения межрегиональных неравенств в кратко- и среднесрочной перспективе. Политика сокращения межрегиональных различий, прежде всего между развитым южными приграничными штатами и северными штатами Бразилии с низким уровнем социально-экономического развития, берет свое начало еще в 1960-х годах. Ее положительные эффекты стали наиболее заметными с введением Плана развития приграничных территорий. Наконец, еще одним важным следствием из бразильского опыта реализации региональной экономической политики в отношении приграничных регионов, является вывод о том, что специализация региональной экономики может также частично объяснить влияние государственной границы на региональное развитие. Так, опыт Бразилии показывает, что штаты, где сектор услуг является основным видом экономической деятельности, более изолированы от внешней торговли, чем промышленно развитые штаты.

Существенный опыт региональной политики в отношении приграничных территорий накоплен в рамках Европейского Союза. Первые шаги в направлении экономического развития приграничных регионов были сделаны в рамках формирования так называемых еврорегионов, начало которым положило формирование еврорегиона «Гранау» в 1957 году. «Гранау» объединил приграничные регионы, расположенные по обе стороны границы между ФРГ и Нидерландами, в единое экономическое пространство для улучшения местной и региональной инфраструктуры. В 1966 году была образована специальная рабочая группа, которая выполняла функции совета

приграничного пространства, и предпринимала усилия по переводу работы в рамках еврорегиона с проектной на программную. Постепенно приграничное сотрудничество в формате еврорегионов расширялось и получало институциональную опору. Так, в 1980 году была подписана «Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей», а само понятие «еврорегион» стало подразумевать любое добровольное трансграничное (не только приграничное) сотрудничество на основе интеграции и кооперации с участием региональных и местных властей и сообществ из разных стран, но обычно являющихся сопредельными по отношению друг к другу.

На 2022 год действовало более 150 таких еврорегионов [Rodil-Marzábal Ó., 2022]. В настоящее время еврорегионы – это европейские трансграничные структуры, играющие влиятельную роль на границах европейских стран.

Опыт функционирования еврорегионов показал, что в значительной степени их успех зависит от социокультурной схожести регионов двух стран, которая определяется географической близостью, общими культурными и историческими условиями, схожестью традиций и этнических корней, а также характером экономических взаимодействий. Таким образом, еврорегионы фактически превратились в способ формализации и институционализации уже имеющихся связей внутри приграничного пространства, образованного регионами двух стран, расположенными по обе стороны государственной границы.

Несмотря на широкое освещение успехов еврорегионов в научных исследованиях и отчетах официальных административных структур Европейского Союза, имеющих отношение к правлению ими, отмечается и значительное число негативных черт развития приграничного сотрудничества на такой основе. В частности, нисходящий процесс принятия решений, характерный для трансграничных программ в рамках еврорегионов, приводит иногда к несоответствию формулировки цели и задач национальным целям

развития. Российские исследователи отмечают как ограниченность возможностей применения еврорегионов для решения задачи формирования единой региональной общности людей в рамках приграничного пространства, объединяемого регионами двух стран, так и факт просто неработающих еврорегионов («пустышек») [Кузнецов А.В., 2008].

Распад на рубеже 80-90-х годов XX века социалистической системы привел Европейский Союз к осознанию необходимости расширения своего геополитического влияния на геоэкономической основе, поэтому стали формироваться еврорегионы, объединяющие приграничные территории либо только стран Центральной и Восточной Европы, либо стран Центральной и Восточной Европы и «старых» членов Европейского Союза. Так как в европейских странах, принадлежащих в прошлом к социалистическому блоку, государственная граница выполняла преимущественно барьерную функцию, то основные проекты, которые реализовались в таких еврорегионах, были нацелены на создание и развитие приграничной инфраструктуры, прежде всего, транспортной. Как правило, такие еврорегионы включали себя территории, которые по разные стороны границы отличались значительным уровнем социально-экономического развития, а строительство приграничной инфраструктуры на границе, которая до этого выполняла преимущественно барьерную функцию, то есть практически с нуля, требовало больших финансовых ресурсов. Поэтому была разработана программа трансевропейского сотрудничества для сбалансированного развития «Интеррег» (Interreg), запущенная в 1990 году и направленная на содействие реализации межрегиональных проектов в Европе. Изначально программа была предназначена для оказания финансовой поддержки периферийным приграничным регионам стран, входящих в Европейский Союз. Но постепенно, программа Интеррег выросла в финансовую основу для управления региональным развитием на трех уровнях:

- 1) трансграничный уровень – управление экономическим развитием приграничных регионов, сопредельно расположенных в двух и более разных государствах, входящих в Европейский Союз;
- 2) транснациональный – развитие экономической интеграции между регионами из нескольких стран ЕС, которые образуют большие территории;
- 3) межрегиональный (между всеми регионами с целью создания сети для облегчения обмена опытом и успешными практиками).

С 2021 года появился четвертый уровень управления межрегиональным взаимодействием – управлением межрегиональными взаимодействиями между отдалёнными регионами.

Независимо от уровня реализации, программа рассчитана на поддержку проектов и развития инфраструктуры в таких областях как экология, градообслуживание, «доступная» среда, занятость и трудовая мобильность, инновации, здравоохранение, образование, телекоммуникации.

Перечень реализуемых программ в рамках Интеррег включает:

- 60 трансграничных программ, которые действуют для облегчения мобильности и получения услуг граждан европейского Союза посредством предоставления им большего числа возможностей возможности и доступа к услугам через внутренние границы ЕС;
- 4 программы межрегионального сотрудничества, которые способствуют наращиванию потенциала и сотрудничеству между городскими районами и регионами на всем европейском континенте;
- 15 программ транснационального сотрудничества для решения общих проблем и обмена передовым опытом между странами в Европе и за ее пределами;
- 10 программ сотрудничества со странами-кандидатами (инструмент Интеррег для помощи перед вступлением (IPA) Трансграничные программы);
- 15 программ сотрудничества между ЕС и соседними странами, имеющими сухопутную границу или морскую границу (Трансграничные программы Европейского инструмента соседства Interreg (ENI CBC)).

К концу второго десятилетия XXI века Интеррег стала инструментом реализации макрорегиональных стратегий активизации межрегионального сотрудничества в Балтийском (EUSBSR), Дунайском (EUSDR), Адриатическом и Ионическом (EUSAIR) и Альпийском (EUSALP) регионах, с конкретной целью решения общих проблем, расширения возможностей финансирования и концентрации ресурсов.

Общая идея региональной политики в рамках программы Интеррег заключалась в том, чтобы нивелировать влияние государственных границ на региональное развитие и добиться сбалансированного развития и интеграции периферийных приграничных регионов в единое европейское экономическое пространство.

В реализации Интеррег можно выделить шесть программных периодов: 1990 – 1994 годы – Интеррег I; 1995 – 1999 годы – Интеррег II; 2000 – 2006 годы – Интеррег III; 2007 – 2013 годы – Интеррег IV; 2014 – 2020 годы – Интеррег V; 2021 – 2027 – Интеррег VI. Как видно из данных, представленных в таблице 32, финансирование Интеррег на протяжении более чем 30-ти летней истории стремительно росло, также расширялся и охват программы как с точки зрения уровней управления, так и с точки зрения количества охватываемых программой регионов и стран.

Независимо от программного периода реализации Interreg, основная идея при выборе охвата проблем, которые должны быть решены, – учет межрегиональных диспаритетов, которые должны решаться индивидуально с учетом приоритетов, возможностей и потребностей всего Европейского Союза. Это в свою очередь требует подхода, основанного на местном уровне, который дает регионам возможность и средства для реализации политики, отвечающей их конкретным потребностям.

Последний программный период (Интеррег VI) содержит главным образом территориальный аспект и ограничивает потенциально негативное дифференцированное воздействие на экономическое развитие территорий. Поэтому целью программы этого периода объявлена территориальная

сплоченность Европы (в том числе за рамками Европейского Союза), под которой понимается достижение такого будущего для всех территорий, которое основано на предоставлении равных возможностей гражданам и организациям, где бы они ни находились.

Таблица 32 - Особенности реализации программы трансевропейского сотрудничества для сбалансированного развития «Интеррег» по программным периодам¹¹³

Период времени	Название периода	Бюджет программы, млрд. евро	Особенность
1990 – 1994	Интеррег I	0,001	пока только трансграничное сотрудничество
1995 – 1999	Интеррег II	3,6	выход на более высокой степени территориальной интеграции
2000 – 2006	Интеррег III	5,6	акцент на внешние границы Европейского Союза
2007 – 2013	Интеррег IV	8,7	акцент на принятие и адаптацию новых членов Европейского Союза
2014 – 2020	Интеррег V	10,1	выход за пределы Европейского Союза, 80% бюджета каждой программы сотрудничества должно включать максимум 4 тематические цели среди одиннадцати приоритетов ЕС (исследования и инновации, информационные и коммуникационные технологии, конкурентоспособность МСП, низкоуглеродная экономика, борьба с изменением климата, окружающая среда и эффективность использования ресурсов, устойчивый транспорт, занятость и мобильность, социальная интеграция, образование, государственное управление)
2021 – 2027	Интеррег VI	14,1	Территориальная сплоченность и формирование коллективного ответа на глобальные вызовы и угрозы, а также на вызовы и угрозы, стоящие перед Европейским Союзом

Территориальная сплоченность должна укрепить сотрудничество и солидарность и уменьшить неравенство между более обеспеченными регионами и регионами с менее благополучными перспективами. К ключевым задачам в Интеррег VI относятся сокращение региональных различий,

¹¹³ Составлено автором.

увеличение инвестиций в инновации, человеческий капитал и инфраструктур, также отмечается необходимость дополнительный инвестиций в энергоэффективность, возобновляемые источники энергии и климатически нейтральный транспорт для сокращения выбросов парниковых газов.

Содержательный анализ программы Интеррег VI и изменение парадигмы трансевропейского сотрудничества для сбалансированного развития в течение более чем 30 лет, показывают, что региональная политика Европейского Союза в отношении приграничных регионов носит явный геополитический и геоэкономический контекст. В частности, программе Интеррег отводится определённая роль в расширении «зоны демократии и стабильности» в Европе, а главный эффект от финансовых вложений, предусмотренных программой, находится не в экономической, а именно в гуманитарной плоскости (продвижение европейских ценностей в территориальные сообщества, в том числе тех стран, которые не входят в Европейский Союз, но расположены у его границ).

Таким образом, региональная политика в Европейском Союзе в процессе ее реализации постоянно расширялась и в XXI веке вышла на наднациональный уровень под девизом «территориального сплочения». В 2021 году приграничные регионы Европейского Союза были объявлены «живыми лабораториями европейской интеграции».

Нужно также понимать, что стимулировать и содействовать региональному развитию приграничных территорий можно не только в рамках региональной политики, но и также в рамках других направлений государственного регулирования экономики, например, посредством инструментов внешнеторговой политики. В такой ситуации могут возникнуть противоречивость и несоответствие различных направлений государственного регулирования экономического развития приграничных регионов.

5.2 Оценка места приграничных регионов в региональной политике Российской Федерации

Место приграничных регионов в региональной политике российского федерального центра определяется спецификой региональной политики в целом, которая на протяжении постсоветского периода экономики России постоянно менялась. Можно выделить несколько хронологических периодов региональной политики (с учетом места приграничных регионов в региональной политике России), и для каждого из них описать специфику региональной политики и место приграничных регионов в ней.

Первый этап – с 1991 года по 1999 год – характеризуется формированием и закреплением неолиберального подхода в системе государственного регулирования экономики России в целом, попытками «примерить» на различные процессы и сферы российской экономики западные образцы. Фактически в этот период государство сняло с себя обязательства, связанные с государственным регулированием регионального развития, а подписанный 3 июня 1996 года Указ Президента № 803 «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» носил формально-декларативный характер. Основным положениям этого указа были присущи размытость и неоднозначность формулировок. Необходимость его появления была обусловлена резким падением уровня жизни населения, особенно в ряде экономически отсталых регионов, и всплеском межрегионального неравенства. Приграничным регионам вообще не уделялось какого-либо отдельного внимания, наряду с прочими отсталыми и депрессивными регионами, экономическое развитие приграничных регионов в тот период характеризуется отрицательными значениями социально-экономических индикаторов и в системе региональной политики удостаивается внимания лишь в рамках директивных механизмов

региональной политики, доставшихся в наследство от СССР⁵, и характеризовавшихся преимущественно административными методами, основанными на перераспределении финансовых потоков. При этом слабые попытки разработки нормативных основ региональной политики привели на этом этапе к правовой неурегулированности межбюджетных отношений и усилению субъективного фактора в распределении финансовых ресурсов между регионами, а также личных симпатий Президента Б.Н. Ельцина в отношении правительства разных субъектов Российской Федерации. В результате, существенно были ущемлены интересы ряда именно приграничных регионов Дальнего Востока и Сибири.

На втором этапе – с 2000 года по 2013 год – наблюдается усиление роли федерального центра в реализации региональной политики, становится популярной концепция укрупнения регионов, повышаются требования к исполнению принятых федеральным центром управлений решений. Данный этап в своей основе содержит преимущественное упорядочение системы власти на ее разных уровнях, поэтому особого внимания приграничным регионам также не уделяется. Однако именно в этот период формируется институциональная основа для региональной политики. Происходит и поиск институциональной структуры: так, в 2004 году было образовано Министерство регионального развития Российской Федерации, а в 2014 году Правительством был провозглашен переход к территориальному принципу управления, который привел к тому, что многие органы управления на федеральном уровне стали ответственны за решение экономических задач по региональному признаку (министерства по развитию Дальнего Востока, по делам Крыма и по развитию Северного Кавказа, а также министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства). В итоге в 2014 году было принято решение о ликвидации Министерства регионального развития.

Главным результатом второго этапа с точки зрения формирования основ региональной политики в России стало поэтапное принятие целого ряда законов, основанное на чётком разграничении полномочий между

федеральными органами государственной власти, органами власти субъектов РФ и органами местного самоуправления.

Среди российских исследователей региональной политики высказывается точка зрения, что на протяжении всего периода существования постсоветской России, в ней формировалась неолиберальная модель региональной политики [Гончарова К.С., 2023]. Автору данного диссертационного исследования представляется, что такое мнение является вполне обоснованным и весьма успешно объясняющим то межрегиональное неравенство, которое в России все эти годы только укреплялось. Как было показано в главе 3 данного диссертационного исследования, межрегиональное неравенство в Российской Федерации сконцентрировано именно на уровне приграничных регионов и сопровождается серьезными диспропорциями в структуре их региональных экономик, сопровождающихся доминированием производств с невысокой добавленной стоимостью и низким уровнем инновационной составляющей.

Доминирование неолиберальной идеологии в глобальном масштабе в государственном регулировании регионального развития привело к перекладыванию ответственности фактического обеспечения потребностей населения и развитию локальных сообществ с национального уровня на уровень полномочий органов местного самоуправления. Россия не стала исключением в этой тенденции. Но в России, с учетом специфики первого этапа региональной политики, на котором произошел фактически отказ государства от своих обязательств по регулированию регионального развития, на втором этапе перекладывание ответственности, хоть и сопровождавшееся усилением вертикали власти и унитарных принципов в перераспределении финансовых ресурсов, но в рамках все той же неолиберальной модели, привело к существенной нехватке финансирования для реализации полномочий органов местного самоуправления. Результатом этого процесса стал серьезный переток населения на территории агломеративного типа, с последующим развитием на этих территориях инфраструктуры и

перераспределением инвестиционных потоков в их пользу, а также средств из федерального бюджета, что еще больше усилило межрегиональное неравенство в России. Так, по данным аналитического центра Москвы за период с 2002 года по 2021 год население России в целом сократилось на 1,3%, численность населения в 15 городах-миллионниках выросла на 10%, в 24 городах с населением от 500 тысяч человек до 1 млн. человек численность населения выросла на 19%, но в то же время численность населения в поселках городского типа сократилась на 33,3%, а численность сельского населения уменьшилась на 7,6%¹¹⁴.

Как видно из данных таблицы 33, все основные зоны роста численности населения приходились на крупнейшие российские города, а описанные выше тенденции перераспределения ресурсных потоков в пользу территорий агломерационного типа привело к появлению новых городов-миллионников.

Из таблицы также видно, что именно на втором этапе региональной политики в России формируется наибольший разрыв между агломерационными центрами и прочей территорией страны в противоположных по знаку значениях приростов населения (положительный прирост в центрах роста, подавляющее большинство которых расположено во внутренних регионах, отрицательный – на остальной территории России). Как было показано в параграфе 3.2 данного диссертационного исследования, именно на этом этапе и происходит увеличение всех показателей межрегионального неравенства именно в группе приграничных регионов, при относительно невысоких и несущественно изменяющихся показателях неравенства для внутренних регионов.

---

¹¹⁴ Динамика населения городов России. – Аналитический центр Москвы, 2024. – [Электронный ресурс]. Доступен по адресу: <https://ac-mos.ru/analytics/demography/> (дата обращения: 01.03.2024)

Таблица 33 - Изменение численности населения в России в целом и в крупнейших российских городах¹¹⁵

Россия и зоны роста	1990	1998	2000	2007	2010	2014	2021	2022
Россия в целом	147,7	147,8	146,9	142,2	142,9	143,8	143,4	146,4
Москва	8,88	9,6	9,93	11,09	11,5	12,1	12,66	12,63
Московская область	6,7	6,66	6,63	6,65	7,1	7,1	7,7	8,5
Санкт-Петербург	5,0	4,78	4,74	4,57	4,88	5,16	5,38	5,38
Новосибирск	1,43	1,4	1,4	1,39	1,47	1,55	1,62	1,64
Екатеринбург	1,3	1,27	1,27	1,32	1,35	1,46	1,5	1,59
Казань	1,09	1,08	1,1	1,12	1,14	1,2	1,26	1,31
Ростов-на-Дону	1,01	1,01	1,01	1,05	1,09	1,11	1,14	1,14
Красноярск	0,88	0,88	0,88	0,93	0,97	1,04	1,09	1,18
Воронеж	0,89	0,9	0,91	0,84	0,89	1,01	1,05	1,05
Краснодар	0,63	0,65	0,64	0,71	0,74	0,81	0,95	1,12
Тюмень	0,49	0,5	0,5	0,55	0,58	0,68	0,82	0,86
Итого по зонам роста	28,3	28,73	29,01	30,22	31,73	33,22	35,17	36,4
Всего население России за вычетом зон роста	119,4	119,07	117,89	111,98	111,17	110,58	108,23	110
Сокращение населения к 1990 году, %	–	– 0,3	– 1,3	– 6,2	– 6,9	– 7,4	– 9,4	– 7,9

Таким образом, спецификой второго этапа в отношении приграничных регионов можно считать отсутствие внимания к системным проблемам приграничного социально-экономического развития, отсутствие учета характера и особенностей взаимодействия с приграничными регионами сопредельного государства, уже имеющихся приграничных взаимосвязей. Хаотичный поиск институциональной структуры региональной политики сопровождался выделением в качестве приоритетов регионального развития интересов отдельных приграничных регионов (регионы Дальнего Востока, Республика Крым, республики Северного Кавказа), однако без учета специфики влияние их приграничного положения на экономическое развитие. Региональная экономическая политика, по выражению, одного из самых ярких

¹¹⁵ Рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации.

исследователей ее специфики в России В.Н. Лексина, приобретает «восточный вектор» [Лексин В.Н., 2014]. Конечно, «восточный вектор» крайне важен для России, особенно в текущих условиях, однако, региональная экономическая политика должна быть нацелена, прежде всего, на территориальную целостность и связность различных частей страны, а также обеспечивать экономически, социально и инфраструктурно сбалансированное региональное развитие во всех субъектах Российской Федерации. В целом, за счет сформировавшейся неолиберальной модели региональной политики, такая специфика второго этапа региональной политики привела к росту межрегионального неравенства именно в группе приграничных регионов.

Третий этап – с 2014 года по 2018 год – ознаменован переосмыслением сути, цели и задач региональной политики в России. На первый план вышла основная сложность в реализации региональной экономической политики, которая встает практически в любой системе государственного регулирования экономики⁵ – это координация и согласованность региональной политики с другими направлениями государственного регулирования экономики (инвестиционной, структурной, промышленной и другими политиками). В реализации региональной политики был сделан акцент на развитие собственных усилий региональных властей, направленных на территориальное развитие. Именно поэтому происходит расформирование Министерства регионального развития Российской Федерации в 2014 году, просуществовавшего 10 лет и к 2014 году фактически утратившего функции государственного заказчика в федеральных целевых программах, которые оно курировало ранее. В качестве приоритетных регионов в структуре федеральных министерств и ведомств, по-прежнему, оставались Дальний Восток и Арктика, Северный Кавказ и Республика Крым. Фактически региональная политика осуществлялась преимущественно в отношении этих трех макрорегионов. После ликвидации профильного министерства функции, связанные с реализацией региональной политики были возложены преимущественно на Министерство экономического развития Российской

Федерации, которое по справедливому замечанию Е.Ф. Троицкого и соавторов, существенной роли в национальной политике регионального развития пока не играет [Троицкий Е.Ф., Кирилова Е.А., 2020].

Завершился третий этап трансформацией региональной политики в государственную политику регионального развития, что отражено в соответствующем Указе Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»^{116,117}.

Отличия направленности Указа Президента 2017 года, затрагивающего основы региональной политики в России, от Указа 1996 года подробно изучены современными российскими авторами [Бухвальд Е. М., 2017]. Однако, применительно к предмету данного диссертационного исследования необходимо заметить, что неолиберальная суть региональной политики в России с подписанием нового Указа в 2017 году сохранилась. Так, по-прежнему, акцентируется внимание на важности и необходимости повышения уровня самостоятельности региональных органов государственной власти, а также на реализации стимулирующих мер государственной поддержки деятельности органов региональной и местной власти при условии самостоятельного осуществления ими своих полномочий, установленных Конституцией РФ и федеральными законами. К сожалению, приграничным регионам в новых основах региональной политики места не нашлось. Автору данного диссертационного исследования представляется, что отсутствие внимания к приграничным регионам является одним из ключевых пробелов, которые присущи «Основам государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», так как именно в

---

¹¹⁶ Интересно, что оба Указа (и 1996 г., и 2017 г.), хоть и были подписаны разными Президентами РФ, но примерно в схожих условиях. – на фоне протестных настроений в обществе и снижения уровня жизни населения. В первом случае в результате навязанных Западом инструментов и механизмов проведения экономических реформ, во втором случае – в результате санкционного давления Запада и серьезной девальвации рубля.

¹¹⁷ Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс.

2014 году произошло обострение внешнеполитической ситуации в связи с присоединением Республики Крым к Российской Федерации, и необходимость укрепления российской государственности именно по приграничному периметру страны была уже тогда очевидна. Причем в 2014 году необходимо было начинать именно с политики государственного регулирования регионального развития и применения экономических и социальных инструментов этого развития: подготовки приграничных регионов к формирующемуся в тот период вызовам для их экономик – к переориентации их внешнеторговых потоков, поддержки отраслей, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью, обеспечению инфраструктурного развития приграничных регионов, укреплению приграничного сотрудничества с сопредельными странами на основе интеграционных механизмов.

Четвертый этап – с 2019 года по 2021 год – в реализации региональной политики России можно определить как курс на поддержание и углубление агломерационных процессов в территориальном развитии современной России. Этот курс был определен в одном из главных документов Министерства экономического развития Российской Федерации, определяющих основные направления государственной политики регионального развития в России на современном этапе – «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года»¹¹⁸ (далее - СПР). Разработка СПР предопределялась как одно из ключевых направлений реализации Указа Президента 2017 г. Сразу же после опубликования СПР ведущие ученые в области стратегического планирования пространственного развития обрушились на нее с серьезной критикой [Бухвальд Е.М., 2019; Дементьев А.Н., 2022; Зубаревич Н.В., 2019; Крюков В.А. и соавторы, 2018; Минакир П.А., 2018; и др.]. К наиболее часто встречающимся критическим

---

¹¹⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития до 2025 года» (в ред. от 30 сентября 2022 г.) // КонсультантПлюс.

недостаткам СПР можно отнести такие как неполноценность ее институционально-инструментального аппарата, неполнная согласованность цели и инструментов пространственного развития, недостаточность экономического и правового обеспечения СПР, игнорирование вызовов и угроз для пространственного развития России, недостаточное внимание вопросам социальной справедливости, экологической безопасности и поддержки человеческого потенциала в российских регионах, а также многие другие недостатки.

Традиционные неоклассические теории пространственного развития (преимущественно теория агломераций и новая экономическая география, или новая городская экономика) исходят из того, что развитие агломераций способствует территориальной связанности пространственного развития, а также являются точками роста в экономическом пространстве страны [Павлов Ю.В., 2021]. Однако, по мнению автора данного диссертационного исследования, на практике неуправляемое разрастание агломераций, которое и наблюдалось в последние пару десятилетий в России, может приводить к серьезным диспаритетам в территориальной структуре экономике, диспропорциям социально-экономического и инфраструктурного развития различных регионов, а также к обострению экологических проблем ряда территорий. В пространственном развитии России неуправляемое разрастание агломераций привело, прежде всего, к деформации территориальной структуры населения. Именно поэтому, например, академик А.В. Крюков указывает на необходимость накопления и расширения человеческого капитала как главного фактора пространственного развития России [Крюков В.А., Селиверстов В.Е., 2022].

Таким образом, акцентируя внимание на необходимости развития агломераций в России, разработчики СПР по-прежнему остаются в рамках неолиберальной модели региональной политики, не учитывая специфику пространственного развития и межрегионального неравенства в современной России.

Также на четвертом этапе региональной политики законодательно определяется основа для формирования рейтингов регионов на основе системы утвержденных показателей¹¹⁹, что означает формирование конкуренции между российскими регионами за дополнительное финансирование из федерального центра. Критерием такого рейтинга служит наращивание социально-экономического потенциала регионов (наибольшие темпы роста значений утвержденных показателей).

На фоне всех указанных особенностей СПР приграничные регионы Российской Федерации фактически в ней представлены как геостратегические территории Российской Федерации, которые представляют собой территорию в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации, имеющую существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, характеризующуюся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности»¹²⁰. Как видно из данного определения, приграничное положение и специфика такой территории, определяемая влиянием государственной границы на ее социально-экономическое развитие, не просматривается.

Вся совокупность геостратегических территорий в СПР делится на два типа: 1) приоритетные геостратегические субъекты Российской Федерации и 2) приграничные геостратегические территории Российской Федерации (таблица 34, рисунок 45).

---

¹¹⁹ Указ Президента РФ от 25.04.2019 N 193 "Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации" // КонсультантПлюс.

¹²⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития до 2025 года» (в ред. от 30 сентября 2022 г.) // КонсультантПлюс.

Таблица 34 - Типология приграничных регионов, взятая за основу в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года¹²¹

Подтипы	Состав подтипа
Тип 1. Приоритетные геостратегические субъекты Российской Федерации	
Регионы, характеризующиеся эксклавным положением	Республика Крым, город федерального значения Севастополь, Калининградская область
Регионы, расположенные на Северном Кавказе	Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия - Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край
Регионы, расположенные на Дальнем Востоке	Республики Бурятия и (Саха) Якутия, Забайкальский, Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Амурская область, Еврейская автономная область, Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ
Регионы, входящие в Арктическую зону Российской Федерации	Мурманская область, Архангельская область, Республика Карелия, Республика Коми, Ненецкий автономный округ, Ямало-ненецкий автономный округ, Красноярский край, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ
Тип 2. Приграничные геостратегические территории Российской Федерации	
Регион, граничащий со странами Европейского союза	Ленинградская область
Регионы, граничащие со странами, входящими в Евразийский экономический союз	Смоленская область, Алтайский край, Астраханская, Волгоградская, Курганская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Тюменская, Челябинская области
Регионы, граничащие с другими странами	Республика Алтай, Республика Тыва, Краснодарский край, Белгородская область, Воронежская область, Курская область, Ростовская область
Регионы, граничащие с несколькими странами	Псковская область, Брянская область

Целый ряд российских ведущих ученых, с которыми нельзя не согласиться, называют приоритетными объектами пространственного развития все регионы, относящиеся к обоим типам геостратегических территорий, указывая на то, что общее их число насчитывает 47, что составляет более половины от общей численности субъектов Российской Федерации, и указывают на то, что при реализации СПР нельзя рассчитывать

¹²¹ Составлено автором на основе данных, представленных: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития до 2025 года» (в ред. от 30 сентября 2022 г.) // КонсультантПлюс

на полномасштабность реализации принципа приоритетности [Иванов О. Б., Бухвальд Е.М., 2019; Минакир П.А., 2019; Кузнецова О.В., 2019 и др.]. Однако, автору данного диссертационного исследования представляется, что если верить тому, что написано в СПР буквально, то приоритетными регионами являются регионы, относящиеся к первому типу – «приоритетные геостратегические субъекты Российской Федерации» (численность таких регионов составляет 25), а второй тип – «приграничные геостратегические субъекты Российской Федерации» – соответственно не являются приоритетными (часть субъектов РФ попали и в приграничные, и в приоритетные геостратегические территории).

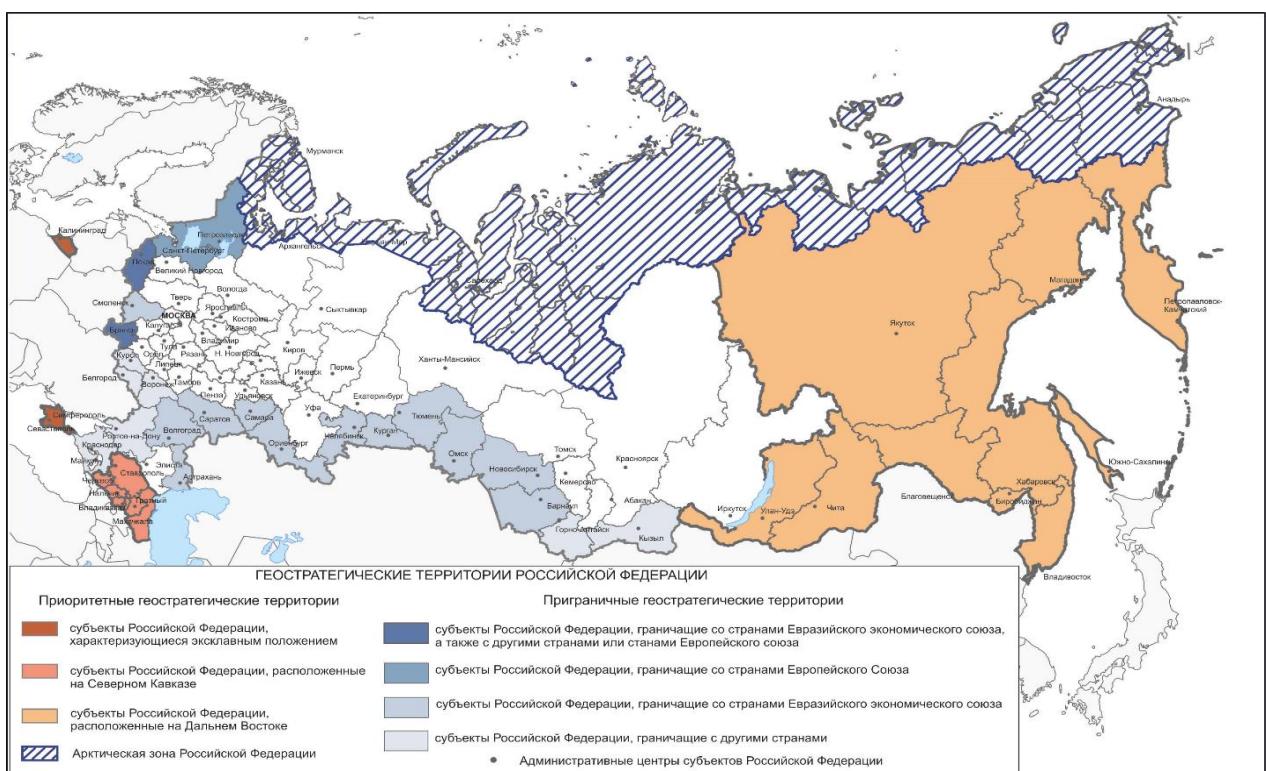

Рисунок 45 – Карта геостратегических территорий Российской Федерации, представленных в СПР¹²²

Примечательно, что представленная в СПР трактовка понятия «геостратегическая территория» включает в себя все приграничные регионы, то есть фактически Правительство РФ признает, что все приграничные

¹²² Приводится из источника: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития до 2025 года» (в ред. от 30 сентября 2022 г.) // КонсультантПлюс

регионы имеют существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности страны, а также отличаются от внутренних регионов в условиях жизни и ведения хозяйственной деятельности. Однако, если учесть полученные в главе 2 данного диссертационного исследования результаты расчетов индикаторов экономического неравенства, показавшие, что это неравенство сформировано преимущественно в группе приграничных регионов, то такой подход без систематизации приграничных регионов с выделением наиболее существенных признаков для каждой группы, характеризующих ее геополитическое и геоэкономическое значение, а также вытекающие из этого значения задачи экономического развития регионов, представляется нецелесообразным и не отвечающим современным геоэкономическим вызовам и геополитическим угрозам, стоящим перед Россией в целом. Такой подход указывает на то, что в СПР по-прежнему экономическое развитие приграничных регионов не является приоритетом пространственного развития, а выбранные векторы пространственного развития России не только не решат проблему межрегионального неравенства, а еще более углубят.

Таким образом, относительно приграничных регионов четвертый этап в региональной политике современной России означает уход в противоположном направлении от экономических интересов приграничных регионов. Ориентация на развитие агломераций означает усиление в еще большей степени центров экономического роста, перетягивающих на себя человеческий капитал и финансовые ресурсы. А это неизбежно приведет к еще большей отсталости периферийных территорий. Так, если взять перечень из 20 наиболее крупных агломераций в России¹²³, то из них лишь 7 агломераций

---

¹²³ Экономика российских городов и городских агломераций. Выпуск 1: работают ли городские активы на городское развитие? – Фонд «Институт экономики города». – М., 2017. – [Электронный ресурс]. – Доступен по адресу: https://www.urbaneconomics.ru/sites/default/files/ekonomika_rossiyskih_gorodov_i_gorodskih_aglomeraciy_vypusk_1_iyul_2017.pdf (дата обращения: 01.03.2024).

расположены в российских приграничных регионах, причем по своим масштабам и показателям социально-экономического развития они занимают нижние позиции в рейтинге. Это означает, что с высокой степенью вероятности, такая политика лишь усилит межрегиональное неравенство в современной России, и в дальнейшем мы получим еще больший уровень межрегиональной дифференциации. Введение понятия «геостратегическая территория» оказалось практически бессмысленным, так как к этой категории были отнесены все приграничные регионы, а среди приграничных регионов нет ни одного региона, который бы не имел «существенного значения для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации», и в котором бы не было «специфических условий жизни и ведения хозяйственной деятельности». Более того, таких субъектов Федерации нет и в группе внутренних регионов. Если приграничные регионы не являются приоритетными, как предполагает разделение на два типа геостратегических территорий в СПР, то остается открытым вопрос, почему приграничные регионы относятся к геостратегическим территориям и как в принципе возможна такая постановка вопроса, что регион имеет существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, но не имеет при этом приоритетного статуса.

Пятый этап – с 2022 года по настоящее время – осознание важности укрепления социально-экономического потенциала и сбалансированного экономического развития приграничных регионов в связи с тем, что угрозы и вызовы экономической безопасности для приграничных территорий Российской Федерации с началом Специальной военной операции (СВО) и военно-политическим кризисом в международном масштабе вышли на новый уровень – уровень национальной безопасности. Так, соответствующим

распоряжением Правительства РФ¹²⁴ в СПР добавлено определение понятия «приграничное муниципальное образование», в разделе «Цель, задачи и приоритеты пространственного развития Российской Федерации» скорректирована задача сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации, а также снижения внутрирегиональных социально-экономических различий, которая теперь решается, в том числе, за счет социально-экономического развития приграничных муниципальных образований. Кроме того, одним из приоритетов пространственного развития в соответствии с изменениями 2022 года становится развитие приграничных муниципальных образований с учетом их стратегического значения, существующего уровня и потенциала социально-экономического развития, а одним из направлений пространственного развития Российской Федерации становится обеспечение национальной безопасности Российской Федерации за счет социально-экономического развития геостратегических территорий Российской Федерации, а также приграничных муниципальных образований. В разделе «VI. Основные направления пространственного развития Российской Федерации» сделан акцент на усилении всестороннего сотрудничества приграничных субъектов Российской Федерации с сопредельными странами, которое должно стать основой для обеспечения национальной безопасности РФ.

В разделе "VIII. Механизмы реализации Стратегии" также появилась возможность разработки механизмов социально-экономического развития геостратегических территорий Российской Федерации и приграничных муниципальных образований посредством формирования и утверждения комплекса мер по стимулированию сотрудничества приграничных субъектов Российской Федерации с сопредельными странами, а также возможность

---

¹²⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 июня 2022 г. № 1704-р «Об изменениях, которые вносятся в Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс.

получения дополнительных субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации из федерального бюджета в целях государственной поддержки модернизации социально-экономической сферы приграничных муниципальных образований.

Также в приложения к СПР в 2022 году был добавлен перечень приграничных муниципальных образований, при модернизации социально-экономической сферы которых оказывается приоритетная государственная поддержка. Однако, по справедливому замечанию О.Б. Иванова и Е.М. Бухвальда, детализация до уровня муниципальных образований перегрузила СПР, и этого можно было избежать, переадресовав указания на отдельные муниципальные образования на уровень документов стратегического планирования субъектов Российской Федерации [Иванов О.Б., Бухвальд Е.М., 2019].

Однако, на пятом этапе происходит и осознание того, что реализация основных положений Указа Президента от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» не привнесла в пространственное развитие России ожидаемого результата. Как было отмечено в ходе парламентских слушаний на тему «О ходе реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года и Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», дисбалансы пространственного развития в период реализации Указа Президента не только сохранились, но и усилились, а эффективность мер, принимаемых для решения этой проблемы, является низкой¹²⁵. Так, например, продолжилось сокращение численности населения в Азиатской России, которое за период с 2016 по 2022 годы

---

¹²⁵ «О ходе реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года и Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». - Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. - 8 декабря 2023 года. - [Электронный ресурс]. - Доступен по адресу: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/150940/> (дата обращения: 01.03.2024).

составило для Сибирского и Дальневосточного федеральных округов 3,6% и 4,3%, соответственно.

Таким образом, в ходе эволюции региональной экономической политики в России, приграничным регионам не уделялось должного внимания, а периодически не уделялось и вообще никакого внимания. Исключение составляет лишь период, начиная с 2022 года, когда интересы приграничных территорий в официальных документах Правительства Российской Федерации стали выходить на первый план в связи с обострившимся военно-политическим кризисом и появлением новых угроз для безопасности приграничных территорий России. Это означает, что включение приграничных территорий в объект политики пространственного развития в современной России носит реактивно-сituативный характер, что является недостаточным для решения главных стратегических задач регионального развития в современной России, таких, например, как сохранение территориальной целостности страны и снижение межрегиональной дифференциации российских регионов.

Выделение такого типа регионов как «геостратегические территории», а в их числе отдельного подтипа «приграничные территории» в СПР не сопровождается введением какого-либо адресного механизма включения приграничных регионов в объекты государственной региональной политики. Более того, деление на приграничные и приоритетные геостратегические территории делает приграничные регионы в очередной раз выходящими за рамки приоритетов этой политики.

Принятая в 2018 году СПР за годы своего существования была дополнена значительным количеством различных комментариев и критических замечаний, большая часть которых так и не была принята во внимание Правительством Российской Федерации. По мнению автора, учет опыта реализации СПР и замечаний в ее адрес необходимы уже в следующем варианте – Стратегии пространственного развития России до 2030 года, в котором крайне важно учесть интересы приграничных регионов, особенности

формирования приграничных экономических пространств на основе интеграции экономик приграничных регионов России и сопредельных государств, а также необходимость выравнивания уровней социально-экономического развития именно в группе приграничных регионов.

Рассматривая эволюцию государственной региональной политики Российской Федерации в целом за весь постсоветский период, необходимо также заключить, что навязанная Западом неолиберальная модель такой политики весь этот период активно закреплялась в системе государственного регулирования российской экономики, и кардинальная системная корректировка концепции пространственного развития России невозможна без отказа от неолиберальной в пользу, например, консервативной или неоконсервативной модели, учитывающих уникальность экономического пространства Российской Федерации, исторические особенности его формирования, специфику формирования межрегионального неравенства в нем, необходимость учета всех субъектов Российской Федерации без исключения в качестве регионов, имеющих существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации.

5.3 Необходимость трансформации роли приграничных регионов в региональной политике современной России

Обобщая различные подходы к формулировке задач региональной политики, можно выделить три обобщенных направления.

1. Формирование единого экономического пространства страны с тенденциями к равным возможностям в инфраструктурной обеспеченности, условиях получения социальных благ, условиях ведения производственной

деятельности, а также с тенденциями к выравниванию уровня жизни населения.

2. Снижение межрегиональной дифференциации социально-экономического развития регионов.

3. Обеспечение сбалансированного социально-экономического развития регионов, формирование потенциала реагирования национальной экономики на постоянно меняющиеся условия с целью гарантированного обеспечения потребностей населения региона и его уровня жизни, даже в условиях вызовов и угроз для регионального развития (экономическая безопасность регионального развития).

Как было показано в данном диссертационном исследовании, формирование экономического пространства для приграничных регионов должно происходить в условиях целенаправленной региональной политики федерального центра с учетом приграничных экономических пространств с существенным множеством приграничных межрегиональных (межгосударственных на уровне приграничного сотрудничества) связей с учетом разного характера их комплитивного взаимодействия. Таким образом, учет приграничных регионов в качестве обособленного объекта региональной политики расширяет территориальные характеристики предполагаемого политического воздействия и требует использования различных механизмов реализации региональной политики в зависимости от типов взаимодействия приграничных регионов, выделенных в пункте 1.3 данного диссертационного исследования.

В случае взаимодействия приграничных регионов двух стран по типу «приближенной к автаркии периферии», государственная политика регионального развития должна быть нацелена, прежде всего, на изучение возможностей приграничного сотрудничества, а также формирования институциональной приграничной инфраструктуры, для формирования возможностей снижения барьерной функции и повышения контактной функции границы. В ситуации, в которой приграничные регионы

сопредельного государства занимают лимитрофное положение, необходимо формирование «санитарной» зоны, способной снизить риски безопасности для социально-экономического развития приграничных регионов нашей страны.

Регионы поляризованного развития, характеризующиеся перераспределением выгод в пользу приграничных пространств той страны, у которой регионы, примыкающие к общей границе, характеризуются более высоким уровнем экономического развития, должны стать объектом пристального внимания государства, на территории которого расположены менее развитые регионы, так как долгосрочное сохранение подобного перераспределения выгод от приграничного взаимодействия хоть и снижает барьерную функцию границы, повышая контактную функцию, но фиксирует технологическую отсталость и отраслевую несбалансированность региональной экономики, приводя к снижению экономического развития этих регионов и падению уровня жизни населения в них. Отсутствие государственной поддержки экономического развития таких приграничных регионов создает серьезные вызовы в обеспечении территориальной связности всех частей экономического пространства данной страны.

Приграничные регионы симилитивного взаимодействия должны быть удостоены внимания в государственной региональной политики в направлении всестороннего развития двусторонних контактов на субнациональном и местном уровне между сопредельными территориями двух стран, а также формирования и развития единой приграничной инфраструктуры, единой транспортной и технологической сети. Для приграничных регионов, образующих транснациональные макрорегионы необходимо наднациональное взаимодействие по поводу трансформации приграничного сотрудничества в трансграничное, формирование совместных органов управления экономическим развитием приграничных регионов.

Зарубежный опыт реализации региональной политики в отношении приграничных регионов исходит из того, что эта политика должна строиться в зависимости от функции, которую выполняет граница. В России же

необходим свой путь: сначала необходимо снижение межрегиональных различий в группе приграничных регионов независимо от функций границы, а затем применение инструментов, нацеленных на экономический рост или поддержку регионального развития. С учетом того, что межрегиональное неравенство в Российской Федерации сформировалось, главным образом, в приграничных регионах (что было показано в главе 2 данного диссертационного исследования), в стране необходима отдельная стратегия сбалансированного развития приграничных регионов с введением единых норм и стандартов, с включением на полную мощность имеющегося в приграничных регионах экономического и внешнеторгового потенциалов.

Обеспечение сбалансированного социально-экономического развития регионов требует отраслевой диверсификации в тех секторах экономики, в которых у приграничных регионов есть производственный потенциал, необходимо также введение протекционистских мер, направленных на вывоз из приграничных регионов продукции с низкой степенью переработки (сырье, материалы, первичная продукция, в том числе, произведенная в АПК). Многие экономические пространства, уже сформированные вокруг некоторых участков государственной границы Российской Федерации, характеризуются развитой транспортной сетью, на основе которой возможно усиление приграничного сотрудничества.

Основные стратегические документы Правительства РФ, как было показано в предыдущем параграфе данного диссертационного исследования, исходят из того, что сбалансированное социальное-экономическое развитие приграничных регионов должно основываться на использовании конкретных преимуществ приграничных территорий в сравнении с прилегающими к данным приграничным субъектам РФ регионами сопредельного государства. Однако, как было показано в четвертой главе данного исследования, у большинства приграничных регионов России имеется конкурентное отставание (исключение составляет лишь российско-монгольское приграничье). Поэтому государственная политика регионального развития

должна быть нацелена, прежде всего, на развитие конкурентных преимуществ экономик российских приграничных регионов.

Формирование потенциала реагирования национальной экономики на постоянно меняющиеся условия с целью гарантированного обеспечения потребностей населения региона и его уровня жизни означает создание таких условий в приграничных регионах, при которых риски, связанные с внешним воздействием, будут минимальны. С этой точки зрения, государственная региональная политика должна быть направлена на сокращение разраставшейся в последние десятилетия в рамках неолиберальной модели государственного регулирования регионального развития отсталой приграничной периферии на всем российском приграничье в целом, а также на сглаживание социально-экономических контрастов на границах российского государства, связанных с одной стороны, с углублением центрально-периферийных диспаритетов, а с другой стороны, с серьезной фрагментацией геоэкономического пространства по всему периметру государственной границы Российской Федерации.

На основе проведенного диссертационного исследования предлагается создать 4 особые зоны экономического приграничного взаимодействия (далее - ОЗЭПВ) (таблица 35), две из которых должны быть основаны на симилятивном взаимодействии, а другие две должны быть нацелены на формирование транснациональных макрорегионов.

К первому типа ОЗЭПВ должны быть отнесены экономические пространства вокруг российско-китайской и российско-казахстанской границы. А ко второму – экономические пространства, объединяющие приграничные регионы вокруг российско-монгольской границы и вокруг российско-белорусской границы.

ОЗЭПВ в рамках российско-монгольского приграничья должна основываться на уже имеющихся приграничных связях России и Монголии, основывающихся на культурном, историческом, этническом и природно-климатическом сходстве приграничных регионов России и приграничных

аймаков Монголии, а также на уже разработанной институциональной основе в рамках исторически сложившегося и активно развивавшегося приграничного сотрудничества.

Таблица 35 - Предлагаемые особые зоны экономического приграничного взаимодействия¹²⁶

Особая зона экономического приграничного взаимодействия	Состав со стороны России	Ориентиры экономического развития приграничных регионов со стороны России
Российско-монгольское приграничье	Республика Алтай, Тыва, Бурятия и Забайкальский край	Формирование наднациональных институтов регулирования приграничной торговли, расширение полномочий властей местного уровня, инфраструктурное развитие
Российско-белорусское приграничье	Псковская, Смоленская, Брянская области	Формирование единого экономического пространства на основе принадлежности к одной цивилизации, поиск эффективных механизмов экономического приграничного взаимодействия, в перспективе создание промышленной приграничной зоны или зоны с опорой на производства по переработке сельскохозяйственной продукции
Российско-казахское приграничье	Астраханская, Волгоградская, Саратовская, Самарская, Оренбургская, Челябинская, Тюменская, Омская, Новосибирская области, Алтайский край, Республика Алтай	Развитие транзитно-транспортного потенциала, обновление материально-технической базы и развитие обрабатывающих производств, поддержка совместного малого и среднего предпринимательства в приграничном взаимодействии
Российско-китайское приграничье	Республика Алтай, Забайкальский край, Амурская область, Еврейская автономная область, Хабаровский край, Приморский край	Инфраструктурное развитие, формирование благоприятного инвестиционного климата, акцент на инновационном развитии, экспортная ориентация, развитие обрабатывающих производств

В ОЗЭПВ на российско-монгольской границе необходимо осуществить задействовать механизм наднациональных институтов регулирования

¹²⁶ Авторская разработка на основе выводов из предыдущих глав диссертационного исследования

приграничной торговли (например, межрегиональных комиссий, работа которых будет направлена на разработку совместных механизмов расширения межрегионального сотрудничества). Необходимо также создать условия для формирования инициатив со стороны самих регионов, так как именно такие инициативы в полной мере смогут соответствовать региональным интересам и стать основой для межрегионального торгово-экономического взаимодействия. В том числе, необходимо расширить полномочия властей местного уровня, например, разрешить местным органам власти напрямую лицензировать проекты приграничного сотрудничества (включая торговлю, инвестиции, инфраструктуру, перемещение рабочей силы) в пределах своей юрисдикции.

ОЗЭПВ в рамках российско-белорусского приграничья должна основываться на принадлежности к единой цивилизации тех людей, которые живут в приграничных регионах, прилегающих к российско-белорусской границе по обе стороны. В четвертой главе диссертационного исследования показано, что экономических предпосылок для симилятивного взаимодействия, а уж тем более формирования транснационального макрорегиона, сейчас нет. Однако, учитывая цивилизационный вектор развития современной России, объявленный Президентом РФ¹²⁷ в 2023 году, взаимодействие России и Беларуси приобретает стратегический характер в условиях текущих угроз и вызовов, стоящих перед российской цивилизацией. Поэтому в таких условиях необходим поиск эффективных экономических механизмов, направленных на формирование единого экономического пространства в зоне российско-белорусского приграничья¹²⁸. В свою очередь у Беларуси в условиях интенсивного и тесного приграничного взаимодействия

---

¹²⁷ Указ Президента РФ от 31.03.2023 N 229 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации" // КонсультантПлюс.

¹²⁸ Следует заметить, что для Беларуси приграничное взаимодействие после 2022 года стало крайне важным, так как после обострения отношений с Европейским Союзом в результате военно-политического кризиса на Украине, Россия осталась фактически единственным государством-соседом для Беларуси, с которым у нее сохранились добрососедские отношения.

со странами Европейского союза до 2022 года также имеется серьезный опыт приграничного сотрудничества и применения на практике различных механизмов его реализации. Весьма перспективна в этом направлении и обсуждаемая в 2023-2024 годах новая модель финансирования приграничного сотрудничества и приграничной кооперации в рамках Союзного государства.

Для ОЗЭПВ в рамках российско-казахстанского приграничья необходимо, прежде всего, обновление материально-технической базы имеющегося в приграничных регионах экономического потенциала, который может быть задействован в развитии приграничного взаимодействия. Существенной структурной проблемой на сегодняшний день является доминирование в экспорте приграничных регионов и России, и Казахстана сырьевой продукции, что приводит к конкуренции между экономиками приграничных регионов в зоне российско-казахстанского приграничья. С учетом этого обстоятельства государственная региональная политика России должна быть в этой ОЗЭПВ направлена на формирование и развитие совместных программ импортозамещения, промышленной кооперации, а также создание новых и обновление с учетом текущих геоэкономических вызовов и угроз промышленных парков в приграничных регионах.

Создание ОЗЭПВ в рамках российско-китайского приграничья должно быть, в первую очередь, направлено на преодоление инфраструктурной неразвитости российских регионов, имеющих общую границу с Китаем. При поддержке китайского правительства осуществляется много проектов, направленных на развитие экономического взаимодействия между российскими приграничными регионами и китайскими провинциями, однако, существенными препятствиями для их реализации остается неразвитость нормативно-правовой базы приграничного сотрудничества со стороны Российской Федерации, а также слабая диверсификация экспорта российских приграничных регионов и доминирование в этом экспорте продуктов сырьевого характера и с низкой добавленной стоимостью. Так как приграничные регионы России, имеющие общую границу с Китаем, не

получают должной поддержки со стороны федерального центра в рамках государственной региональной политики, учитывающей их приграничное положение, то, несмотря на реализуемую в России программу развития дальневосточных регионов, результаты которой по мнению многих экспертов нельзя охарактеризовать как позитивные, китайская сторона стала довольно скептически относиться к приграничному сотрудничеству с российскими регионами [Кашин В. Б., Янькова А.Д., 2022]. В таких условиях первостепенное значение в ОЗЭПВ в рамках российско-китайского приграничья должно иметь инфраструктурное развитие российских приграничных регионов, обновление материально-технической базы и поддержку предприятий перерабатывающей промышленности, а также создания промышленных парков.

Приграничное сотрудничество России и Китая имеет потенциал для того, чтобы продемонстрировать результаты агрегационного эффекта (в противовес продвигаемым агломерационным эффектам в неолиберальных концепциях государственной региональной политики). Агрегационный эффект предполагает возможность объединения разрозненных элементов региональных экономик расположенных на приграничных территориях разных стран в единую систему в рамках формирования единого экономического пространства, включающего в себя приграничные экономики двух государств. По мнению автора данного диссертационного исследования, агрегационный эффект в пространственном развитии может служить интересной концепцией для исследования и научной проработки в будущем, однако, на практике его можно наблюдать только в том случае, если государственная региональная политика в отношении приграничных регионов двух стран синхронизирована.

В каждой из предлагаемых особых зон приграничного взаимодействия необходимо продумать также единые механизмы поддержки, например, возможность привлечения в эти зоны производителей по переработке первичной продукции и сырья в экспортную продукцию путем компенсации

существенной части арендной платы и использования инструментов поддержки экспорта. Необходимо установить дополнительные налоговые льготы в зависимости от доли экспортимых товаров в общем объеме произведенной продукции. Существенным фактором экономического развития приграничных регионов должно стать и использование транспортно-транзитного потенциала, который есть в каждой из четырех предполагаемых зон.

Так, приграничное сотрудничество России и Монголии в перспективе должно быть нацелено на создание транспортного коридора «Енисейская Сибирь – Монголия – Китай». Его формирование также окажет позитивное влияние на инфраструктурное развитие для трансграничных перевозок. Значительное количество транспортных путей между Россией и Беларусью в перспективе также должно быть расширено, в том числе за счет расширения пропускных способностей железных дорог, связывающих Россию и Беларусь, с возможностью выхода белорусского экспорта в порты Ленинградской области. Уже имеющиеся транспортные пути между Россией и Казахстаном дополнит международный транспортный коридор «Север-Юг», строительство которого также будет способствовать приграничному сотрудничеству России и Казахстана. А инициатива Китая «Пояс и путь», соответствующая китайское поговорке «Хочешь стать богатым – построй дорогу» должна быть дополнена Центрально-Евразийском транспортным коридором через Монголию и Западный Китай, поручение о формировании которого было дано Президентом РФ Правительству¹²⁹.

Наиболее перспективные отрасли региональных экономик, на которые предлагается сделать акцент при развитии отраслевой специализации в каждой из четырех ОЗЭПВ представлен в таблице 36.

---

¹²⁹ Перечень поручений Президента РФ В.В. Путина по итогам совещания по вопросам социальнно-экономического развития Красноярского края. – Официальный сайт Президента России. – 11 октября 2023 г. – [Электронный ресурс]. – Доступен по адресу: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/72493> (дата обращения: 01.03.2024)

Таблица 36 - Основные направления специализации в рамках предлагаемых зон экономического приграничного взаимодействия¹³⁰

Особая зона экономического приграничного взаимодействия	Состав со стороны России	Наиболее перспективные отрасли для экономического развития российских приграничных регионов
Российско-монгольское приграничье	Республика Алтай, Тыва, Бурятия и Забайкальский край	Транспорт, энергетика, промышленное машиностроение, туризм (агротуризм, спортивный, этнографический, экологический туризм)
Российско-белорусское приграничье	Псковская, Смоленская, Брянская области	Военная и оборонная промышленности, здравоохранение, микроэлектроника, транспорт, космос
Российско-казахское приграничье	Астраханская, Волгоградская, Саратовская, Самарская, Оренбургская, Челябинская, Тюменская, Омская, Новосибирская области, Алтайский край, Республика Алтай	Машиностроение, переработка продукции сельского хозяйства, туризм (агротуризм, спортивный, этнографический, экологический туризм)
Российско-китайское приграничье	Республика Алтай, Забайкальский край, Амурская область, Еврейская автономная область, Хабаровский край, Приморский край	Транспорт, энергетика, станкостроение, фармацевтика, нефтепереработка и нефтехимия, туризм

Совершенствованию федеральной политики в отношении приграничных регионов могло бы способствовать решение еще одной, также общей для всей федеральной социально-экономической политики России проблемы — координации разных направлений федерального регулирования экономики в региональном разрезе. Исследователи уже много лет говорят о необходимости публикации статистических данных об исполнении федерального бюджета в региональном разрезе (всей открытой части расходов федерального бюджета, а не только межбюджетных трансфертов), о необходимости мониторинга так называемых региональных последствий нерегиональных решений, однако на практике такой координации до сих пор нет. Даже в отношении приграничных территорий действуют, похоже, никак

¹³⁰ Составлено автором.

не скоординированные друг с другом государственные программы их социально-экономического развития (таковые есть по Дальнему Востоку, Арктике, Северному Кавказу, Крыму, Калининградской области) и программы непосредственно приграничного сотрудничества, реализуемые в рамках подписываемых Россией международных соглашений.

Существенным условием трансформации роли приграничных регионов в региональной политике современной России проработка нормативно-правовой базы приграничного сотрудничества, а также учет интересов приграничных регионов в документах стратегического планирования национального уровня.

Обобщение международного опыта реализации региональной политики также убедительно доказывает, что региональная политика, нацеленная на экономическое развитие приграничных регионов, должна увязывать развитие внутренних и приграничных регионов, а в области региональной экономической интеграции необходимо не просто участие в международных проектах, направленных на углубление сотрудничества, а формирование и реализация единой межгосударственной стратегии развития приграничных территорий.

Проведенный в исследовании анализ также показал, что необходимо применение дифференцированного подхода к регулированию процессов экономического развития разных приграничных регионов, учитывающего, в том числе, характер влияния государственной границы на экономику каждого региона и специфику взаимодействия с регионами сопредельного государства. Государственная региональная политика должна строиться на учете особенностей развития складывающихся взаимодействий и характера межрегиональных связей, которыми насыщено экономическое пространство в приграничной зоне, включающее приграничные регионы двух стран.

Выводы по главе 5

Государственная региональная политика экономического развития в отношении приграничных регионов должна учитывать принцип комлиmitизма, то есть исходить из характера уже сложившегося взаимодействия с приграничными регионами сопредельного государства. При этом необходимо сначала принять комплекс мер, направленных на снижение межрегиональных различий в группе приграничных регионов (независимо от функций границы), а затем уже разрабатывать дифференцированные инструменты, нацеленные на экономическое развитие или поддержку регионального развития в отдельных зонах приграничных пространств. В решении проблемы межрегионального неравенства в группе приграничных регионов необходимо уделить внимание, прежде всего, обеспечению приграничных регионов транспортной и социальной инфраструктурой, а также инновационному развитию регионов и развитию обрабатывающей промышленности.

При разработке дифференцированных инструментов экономического развития приграничных регионов необходимо использовать механизм особых экономических зон, в частности зон экономического приграничного взаимодействия. В исследовании предлагается создать четыре таких зоны, две из которых должны быть основаны на симилятивном взаимодействии, а другие две должны быть нацелены на формирование транснациональных макрорегионов.

Важным условием переосмысления значимости приграничных регионов как объектов государственной экономической политики регионального развития в России должна стать более продуманная и тщательная проработка нормативно-правовой базы приграничного сотрудничества. Этот вопрос в условиях фрагментации геоэкономического пространства вокруг России должен носить дифференцированный характер. При этом возможно

использование уже имеющегося весьма успешного опыта нормативно-правового регулирования приграничного сотрудничества в зоне российско-монгольской границы. Крайне важным является и учет интересов приграничных регионов в документах стратегического планирования национального уровня.

В целом применение дифференцированного подхода к регулированию процессов экономического развития разных приграничных регионов, учитывающего, в том числе, характер влияния государственной границы на экономику каждого региона и специфику взаимодействия с регионами сопредельного государства, отвечает тем вызовам регионального экономического развития, которые складываются как внутри Российской Федерации, так и за ее пределами по ее периметру, а также подтверждаются практикой государственного регулирования экономического развития приграничных регионов в странах с большими территориями, значительным числом соседей-субъектов регионального развития. Государственная региональная политика в отношении приграничных регионов в Российской Федерации должна строиться на учете особенностей развития складывающихся взаимодействий и характера межрегиональных связей, которыми насыщено экономическое пространство в приграничной зоне, включающее приграничные регионы двух стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государственная граница в современном мире – изменчивый и подвижный конструкт, который оказывает влияние на развитие приграничных территорий, как на региональном, так и на местном уровне. Современные представления в научных исследованиях о приграничных территориях исходят из таких их проблемных характеристик как: географическое положение в непосредственной близости от границы и ее протяженность; периферийное положение по отношению к остальным регионам страны; деформация человеческого и социального капитала в результате депопуляции; низкий уровень социально-экономического развития и урбанизации; низкая транспортная доступность, различия в инфраструктурном развитии регионов; различия в пространственном развитии по отношению к приграничным территориям соседних стран; специфические социокультурные характеристики, включая этнические особенности населения.

Однако, само по себе наличие или отсутствие государственной границы в непосредственной близости к той или иной региональной экономике, не является ни преимуществом, ни отставанием. В зависимости от складывающейся geopolитической и геоэкономической ситуации по периметру государственной границы, а также в зависимости от проводимой государственной региональной политики в данной стране, приграничное положение региона может стать либо значительным барьером для экономического развития, либо потенциальным стимулом для развития и источником конкретных преимуществ, вследствие чего влияние одной и той же границы на развитие приграничных регионов в различных условиях и в различные отрезки времени может иметь разный эффект для их экономического развития.

Экономическое развитие приграничных регионов обычно исследуется региональной экономической наукой, которая рассматривает их как

отдельную группу периферийно расположенных, а вследствие этого экономически отсталых территорий. Между тем, в глобальном междисциплинарном научном дискурсе сложилось направление «исследование границ» (Border Studies), в предметную область которого входят такие вопросы как история развития и методология исследований границ, граница как институция, трансграничные отношения и региональные процессы, которые они порождают, специфика приграничной и трансграничной политики. В свою очередь, в политическом научном дискурсе стало формироваться такое направление как «политическая лимология» как отдельный раздел в политической науке, изучающий границы на основе синтеза методов политической и географической наук с акцентом на политическое пространство приграничных территориальных зон, роль институтов приграничного взаимодействия в политических процессах на территориях вокруг границ и их влияние на политико-территориальную структуру государства. Однако, для приграничных территорий России и многих больших по территории и количеству соседей стран становится совершенно очевидным, что вопросы экономического развития этих территорий под влиянием государственной границы и особенностей взаимодействия с сопредельными территориями по ту сторону границы, выходят на первый план, так как невозможно развивать на высоком уровне политическое пространство, институты приграничного взаимодействия и сохранять территориальную целостность страны, без учета экономических процессов, и тех закономерностей, которые им присущи, происходящих в приграничных экономических пространствах. Появилось значительное количество экономических исследований, в которых актуализируется онтология границы с точки зрения межрегиональных экономических взаимодействий и экономического развития регионов сопредельных государств под влиянием государственной границы, функций, которые она выполняет, а также особенностей экономического развития сопредельных территорий соседнего государства. Это свидетельствует о формировании

отдельной «дисциплинарной матрицы»¹³¹, что доказывает возможность появления нового направления в региональной экономической науке – экономической лимологии.

В региональной экономической науке одним из основных понятий является понятие экономического пространства, трактовка смысла и содержания которого варьируется. По своей сути, понятие экономического пространства как элемент категориально-понятийного аппарата региональной экономики позволяет зафиксировать единство содержания и формы экономических процессов в его метрическом представлении. В современной региональной экономике осознание экономического пространства производится в форме преимущественно моделей, но также алгоритмов, абстрактных типизированных конструкций, различных стереотипов и архетипов, но применительно к экономическому развитию регионов данной страны предполагает включение в такие пространства регионов или их частей, принадлежащих к территории данной страны. В данном диссертационном исследовании автор исходит из такого понимания экономического пространства, которое формируется, в том числе, из приграничных территорий, принадлежащих разным государствам, посредством формирования под влиянием государственной границы единой территории, насыщенной множеством взаимосвязанных объектов, едиными экономическими порядками, общими экономическими процессами.

Экономическое пространство – это структурная рамка государственной региональной экономической политики. Такая политика представляет собой оформление влияния на экономическое пространство в определенный интервал времени. Эта политика в значительной мере представляет собой переформатирование экономического пространства, формирование определенных экономических порядков, структурирование и установление в них тех или иных экономических взаимосвязей. Поэтому в ситуации, когда сопредельное государство проводит активную государственную

---

¹³¹ В трактовке Т.Куна.

региональную политику в отношении своих приграничных территорий, для сопредельных территорий в случае пассивной государственной региональной экономической политики их правительства, возникает серьезный вызов, связанный с утратой экономического суверенитета, что в свою очередь в долгосрочной перспективе может угрожать территориальной целостности страны.

Одной из главных задач в рамках всех подходов к исследованию роли границ для приграничных территорий являлось и является теоретизирование и раскрытие все более сложных модальностей границ, экономических, политических и социальных функций пограничных практик и их последствий. Так как реальная экономическая деятельность в значительной степени меняет эти практики, происходит существенная содержательная трансформация приграничных исследований в региональной (пространственной) экономике.

Генезис приграничных исследований в региональной экономике методологически богат и имеет глубокие междисциплинарные традиции. Эволюция приграничных исследований в региональной (пространственной) экономике в начале XXI века претерпела существенную содержательную трансформацию. Можно выделить четыре основных этапа в развитии научных исследований, посвящённых приграничным регионам: зарождение интереса к приграничной проблематике в различных отраслях научного знания (1996-2005 гг.); изучение приграничных регионов становится важным направлением современных региональных исследований (2006-2009 гг.); формирование отдельного научного направления, использующего свой категориально-понятийный аппарат 2010-20015 гг.; попытки систематизации научного знания о приграничных регионах и различных аспектах их функционирования и развития (2016 г. – настоящее время). Такая эволюция методологии пространственной экономики применительно к приграничному территориальному развитию и позволила сформироваться «дисциплинарной матрице» экономической лимологии.

В диссертационном исследовании разработана методика измерения индекса приграничного положения регионов Российской Федерации, проведено ранжирование регионов по их приграничному положению. Предложенная методика оценки приграничного положения регионов предусматривает расчет интегрального индекса приграничного положения, который составлен на основе индексов приграничного взаимодействия и протяженности границы. Разработка указанной методики обусловлена необходимостью формирования такого концептуального подхода к исследованию приграничных регионов, который должен рассматривать их не просто по факту их примыкания к государственной границе, а с позиций взаимной обусловленности приграничного региона данной страны общей государственной границей и возможностями приграничного взаимодействия исходя из особенностей экономического развития приграничного региона сопредельного государства.

Предложенная в диссертационном исследовании методика позволяет повысить эффективность эконометрических оценок при исследовании различных взаимосвязей и факторов, описывающих экономическое развитие приграничных регионов. С помощью проведенных оценок регрессионных уравнений на основе метода панельных данных в диссертационном исследовании показано, что предложенный индекс интегрального положения приграничных регионов обладает определенными преимуществами в сравнении с общепринятым в большинстве современных исследований подходом к исследованию факторов экономического развития регионов с помощью фиктивной переменной. Кроме того, традиционные подходы с введением фиктивной переменной рассматривают всю совокупность регионов, в то время как предложенный индекс интегрального положения приграничных регионов позволяет их рассмотреть отдельно и осуществлять оценку факторов только для группы приграничных регионов в зависимости от степени влияния государственной границы на экономику данного приграничного региона.

Результаты проведенных в диссертации оценок панельных данных позволили обосновать вывод о том, что для выявления факторов влияющих на экономическое развитие приграничных регионов необходим анализ панельных данных, сконструированных именно по приграничным регионам. В результате проведенных расчетов оценки в регрессионных уравнениях для внутренних и для приграничных регионов дали разные уровни значимости коэффициентов, что и позволило сделать вывод о том, что факторы регионального экономического развития для внутренних и для приграничных регионов разные.

Проведенные в исследовании расчеты на основе метода панельных данных также позволили автору диссертационного исследования доказать, что приграничное положение не просто оказывает влияние на экономическое развитие российских приграничных регионов, а имеет дифференцированное влияние в зависимости от протяжённости линии общей линии государственной границы, совпадающей с административной границей данного конкретного субъекта Федерации, в сочетании с насыщенностью приграничной инфраструктурой. Это означает, что принцип комлимитизма подтверждается эмпирическими расчетами. Так как для данного приграничного региона протяженность общей границы и более инфраструктурно обеспеченная граница характерны в случае более высокой степени комлимитичности, то можно сделать вывод, что более высокое влияние приграничного положения на региональное экономическое развитие наблюдается для тех приграничных регионов, у которых в общей части административной и государственной границ наблюдается доминирование контактной функции над барьерной и фильтрующей.

Исследование различий между группами внутренних и приграничных регионов Российской Федерации показало, что существенного разрыва по основным индикаторам социально-экономического развития между внутренними и приграничными регионами в Российской Федерации не существует. Но оценка степени межрегионального неравенства приграничных

регионов в сравнении с внутренними с помощью расчета различных индикаторов межрегионального неравенства (коэффициентов вариации, отношения максимального значения к минимальному, коэффициентов Джини и Тейла), а также оценки σ -конвергенции и абсолютной β -конвергенции демонстрируют, что резкие изменения в степени неравенства, а также сам уровень межрегионального неравенства характерен, прежде всего, для приграничных регионов. Для внутренних регионов динамика более сглаженная, а степень неравенства существенно ниже. Это позволяет сделать вывод о том, что основной причиной формирования межрегиональных неравенств в России является межрегиональное неравенство в группе приграничных регионов. Такой результат позволяет предположить, что приграничные регионы играют особую роль в формировании пространственных диспаритетов в России, а существующая региональная политика федерального центра не учитывает эту важную особенность.

В диссертационном исследовании проведены расчеты и оценки, а также содержательная интерпретация соотношений экспорта и импорта по основным товарным группам номенклатуры внешнеэкономической деятельности РФ между приграничными и внутренними регионами. Рассчитаны индексы Грубеля-Ллойда по основным товарным группам и в среднем для приграничных регионов. Показано, что сложившаяся товарная структура экспорта и импорта приграничных регионов неблагоприятна для их экономического развития. Количественные характеристики участия приграничных регионов в международной торговле России можно оценить как существенно более низкие по сравнению с внутренними регионами.

Российские приграничные регионы в целом – это периферийные территории, в которых уровень экономической освоенности ниже в сравнении с внутренними регионами, соответственно, ниже интенсивность и эффективность экономических процессов развития, ниже экономическая эффективность и региональная конкурентоспособность. Для повышения эффективности участия приграничных регионов во внешней торговле

Российской Федерации необходим дифференцированный подход в реализации региональной политики федерального центра, с обязательным включением приграничных регионов в рамках этой политики как ее отдельного специфического объекта.

Возможности экономического развития приграничных регионов Российской Федерации в зависимости от того, с какой страной они граничат, обусловлены тем экономическим пространством, в которое они входят. Исследование различных приграничных зон позволило выделить несколько потенциальных экономических пространств, отличающихся друг от друга системными характеристиками.

Российско-украинское приграничье относится к такому типу приграничных регионов как «соседство с лимитрофом». Спецификой экономического пространства вокруг российско-украинской границы является то, что единое экономическое (и не только экономическое, но также культурное, историческое и социальное) пространство там сформировалось еще в период СССР, а внезапно появившаяся в результате распада СССР государственная граница рассекла это пространство на две части, разделив на некоторых участках единые населенные пункты и разрушив производственные и кооперационные связи между предприятиями, оказавшимися по разные стороны границы. После резкой deinдустрIALIZации региональных экономик по обе стороны границы и сохранении неолиберального подхода со стороны российского правительства в реализации региональной экономической политики, регионы с украинской стороны стали активно развивать сферу услуг, ориентируясь на емкий российский рынок, а в регионах с российской стороны стали активно развиваться производства, ориентированные на добывчу природных ресурсов и производство первичной продукции, а также сельскохозяйственной продукции. Ориентации украинских регионов на российский рынок сбыта привела к усилению приграничного сотрудничества. Но в целом данное экономическое пространство подверглось существенной трансформации, сопровождающейся

изменением и приграничной инфраструктуры. С 2014 года государственная граница, рассекающее это пространство на части, стала постепенно превращаться в отчуждающую линию, сделав использование этой инфраструктуры невозможным, что при сохранении принадлежности населения этих регионов к одной цивилизации привело к изменению государственных границ и включению новых регионов в состав Российской Федерации. Пример российско-украинского приграничья в период до 2022 года представляется собой интересный случай, который доказывает, что не границы влияют на экономическое пространства, но пространство влияет на границы, и что границы не имеют универсальной социальной необходимости и, таким образом, открыты для дальнейшего изменения. Следует также заметить, что с точки зрения экономических последствий для Российской Федерации включение в ее состав новых регионов позволит существенно повысить потенциал развития российско-украинского приграничья, как в старом, так и в новом измерении, так как именно эти регионы в составе Украины имели наиболее высокие уровни экономического и промышленного развития, а также обладают серьезным социально-экономическим потенциалом, активизация которого возможна при продуманном и целенаправленном подходе федерального центра по восстановлению и интеграции экономик этих регионов в единое экономическое пространство Российской Федерации.

Российско-белорусское и российско-казахское приграничье рассмотрены в контексте евразийской интеграции, так как образования Таможенного Союза привело к усилению контактной функции границы и существенному снижению барьерной функции, а также к снижению фильтрующей функции внутри Таможенного Союза, но к ее усилению по его периметру.

С помощью оценок, отражающих влияние потоков международной торговли на интеграционные процессы в рамках Таможенного Союза ЕАЭС, а также исследования значимости приграничных регионов в этих потоках и в

экономическом потенциале евразийской интеграции, оценок σ-конвергенции и β-конвергенции для приграничных регионов России, Белоруссии и Казахстана, показано, что интеграция между Россией, Белоруссией и Казахстаном для приграничных регионов экономического пространства вокруг российско-белорусской границы не приводит к сближению уровней экономического развития регионов. Для приграничных регионов экономического пространства вокруг российско-казахстанской границы наблюдается крайне медленный процесс сближения уровней экономического развития, для завершения которого при прочих равных условиях понадобится 96 лет. Экономический потенциал приграничных регионов не задействован для повышения эффективности процессов региональной экономической интеграции, а дифференциация пространства вокруг границ может способствовать снижению экономической эффективности интеграционных процессов.

Проведенные в диссертационном исследовании расчеты подтверждают, что российско-монгольское приграничное пространство обладает самой высокой интенсивностью межрегиональных связей. Так, оценки условной и абсолютной конвергенции для регионов российско-монгольского приграничья в сравнении с аналогичными оценками для, например, российско-белорусского, российско-казахстанского и российско-китайского приграничья, показывают, что конвергентностные процессы наиболее присущи именно региональному пространству вокруг российско-монгольской границы. Рассчитанная скорость конвергенции составила 3,95 % в год, а время, необходимое для сокращения неравенства, – 17,54 лет. Полученные результаты дают возможность предложить российскому правительству в рамках государственной политики регионального развития использовать значительные резервы для усиления экономических и торговых связей между регионами российско-монгольского приграничья и на основе этого стимулировать экономическое развитие, как российских приграничных регионов, так и приграничных аймаков в Монголии.

Российско-китайское приграничье представляет собой уникальный пример того, как административная граница между странами совпадает с цивилизационным рубежом. Современные концепции в рамках цивилизационного подхода предполагают, что культурно-цивилизационные различия и границы между цивилизациями часто становятся цивилизационными разломами, то есть местами столкновения интересов и ценностей различных цивилизаций. Граница между Россией и Китаем уникальна тем, что история соседства двух стран серьёзных межцивилизационных противоречий не показывает. Более того, и современная геоэкономическая и geopolитическая ситуация это подтверждает, Россия и Китай чаще всего находят обширные точки соприкосновения своих интересов и основу для межцивилизационного взаимодействия. Такая ситуация позволяет предположить, что существует и основа для формирования единого экономического пространства в пределах российско-китайского приграничья. Однако, полученные в диссертационном исследовании результаты доказывают отсутствие сближения экономического развития приграничных регионов России и приграничных провинций Китая в динамике, что в значительной степени объясняется снижением качественных характеристик российско-китайского приграничного взаимодействия. К их числу относятся, прежде всего, ухудшение показателей объема и структуры взаимной торговли регионов двух стран, прилегающих к общей российско-китайской границе, а также отсутствие необходимого внимания со стороны российского правительства и особый акцент китайского правительства на значимости приграничной торговли как важного стратегического направления взаимодействия двух стран в рамках приграничного сотрудничества. Также, важной характеристикой, подтверждающей снижение качественных параметров внешней торговли для России, стал тот факт, что западные санкции увеличили экспорт китайских высокотехнологичных товаров в Россию, в то время как приграничные регионы России в торговле с китайскими

приграничными провинциями закрепили свой статус поставщиков ресурсов и первичной продукции.

В диссертационном исследовании было показано также, что экономическая структура региональных экономик субъектов РФ и провинций Китая имеет существенно различающуюся структуру. Неактивная позиция государства и либеральный подход к реализации стратегий приграничного сотрудничества в России не только не приносят результатов и снижают эффективность приграничного взаимодействия для обеих стран, но и приводят к тому, что увеличивается межрегиональная дифференциация. Это в свою очередь, в долгосрочной перспективе может привести к глубокой дезинтеграции на российско-китайской границе, а с учетом межцивилизационных различий может спровоцировать и межцивилизационный разлом.

В начале XXI века российско-китайские переговоры в значительной степени, но преимущественно по инициативе Китая, в качестве одного из приоритетных направлений выделяли региональное сотрудничество между российскими и китайскими приграничными регионами. Однако полученные в данном исследовании результаты показывают, что принципиальная методологическая нелогичность оценок и ожиданий в российско-китайских экономических отношениях разбила благие намерения обеих сторон. Узкий перечень вопросов внешнеторгового взаимодействия поставил российско-китайский обмен в зависимость от спроса и цен на товары, которыми они обмениваются, а небольшие взаимные инвестиции незначительно влияли на экономический обмен между двумя странами. Несмотря на ряд решений, касающихся приграничных и межрегиональных отношений, принятых на высшем уровне, эти отношения по-прежнему являются самым слабым звеном в двусторонних отношениях. К сожалению, к концу второго десятилетия XXI века благоприятная «экономическая взаимодополняемость» и географическая близость России и Китая оказались лишь виртуальным продуктом

интеллектуальных усилий ученых и не трансформировались в настоящее экономическое сотрудничество.

Международный опыт реализации государственной региональной политики, нацеленной на экономическое развитие приграничных регионов, показывает, что приграничные регионы становятся объектом региональной экономической политики не во всех странах, но чаще всего в тех, в которых наблюдается высокий уровень межрегионального неравенства, значительное число стран-соседей, приграничные регионы, которых также существенно различаются по уровню экономического развития, а также сталкиваются с серьезными вызовами для экономической безопасности регионального развития, а в некоторых случаях и для национальной безопасности. В эпоху «после глобализации» существенное влияние на формирование основных направлений приграничного взаимодействия оказала глобализация, которая привела к следующим изменениям, которые нужно учитывать методологически при разработке основ политики государственного регулирования экономического развития приграничных регионов.

Во-первых, растущая в ходе глобализации проницаемость границ открыла возможности для разнообразных сделок, которые могут создать более или менее прочные транснациональные взаимодействия. Перечень таких сделок варьируется от создания межфирменных сетей через формы общественной координации и сотрудничества до социальных взаимодействий. Там, где этим взаимодействиям благоприятствует пространственная близость, они могут привести к появлению функциональных регионов, выходящих за границы национальных государств. Функциональные регионы можно охарактеризовать как единицы, характеризующиеся высокой плотностью внутренних взаимодействий по сравнению с уровнем взаимодействий за их пределами. В конце XX века популярными были концепции «естественных экономических пространств» и «естественных экономических территорий», которые применялись для обоснования существования промежуточных

единиц «естественного» экономического развития, пересекающих государственные границы.

Во-вторых, произошел существенный переход от государственного управления на национальном уровне в сторону наднационального и субнационального влияния в рамках государственного управления, что сделало относительным положение государства как субъекта власти в национальных государствах. При этом в реализации властных полномочий в данном государстве происходит усиление положения наднациональных структур, с одной стороны, а с другой стороны, усиление роли властей субнационального уровня. Это в свою очередь приводит к расширению компетенций и росту влияния международных организаций и трансграничных субъектов в различных сферах деятельности. Развитие приграничных регионов как регионов, экономики которых подвержены влиянию государственной границы, необходимо рассматривать с учетом этого обстоятельства, сопровождающегося серьезным увеличением степени «прозрачности» границ, интенсификацией трансграничного движения товаров, услуг, трудовых ресурсов, информации, загрязнителей окружающей среды. По отношению к приграничным регионам это привело к необходимости учета в государственной региональной политике в отношении приграничных регионов возможностей и необходимости учета влияния государственной политики одной страны на приграничные регионы другой страны. Такой учет возможен в трех форматах: а) привлечение властей субнационального уровня в качестве партнеров по реализации региональной экономической политики со стороны наднациональных структур; б) возрастающая роль субнациональных властей в формулировании и реализации внешней экономической политики «своего» национального государства; с) возрастающая интенсивность экономических взаимодействий между субнациональными органами власти приграничных регионов двух стран в обход высших уровней правительства.

В-третьих, распад социалистического блока в результате раз渲ала СССР в конце XX века также привел к стремительной интеграции постсоциалистических экономик в глобальное мировое хозяйство. Приграничные территории этих стран на тот момент слабо касались предмета приграничных взаимодействий, некоторые из них стали «новыми» приграничными территориями. Поэтому реализация потенциала приграничного взаимодействия с целью стимулирования приграничных регионов стала для них относительно новой задачей.

Указанные концептуальные направления, оформившиеся в конце XX — начале XXI века формируют в эпоху постглобализации особенности региональной экономической политики в отношении приграничных регионов, которая должна учитывать как возможность влияния государственной региональной политики в отношении приграничных регионов своей страны на экономическое развитие приграничных регионов сопредельного государства, так и возможность усиления межрегиональных экономических взаимодействий между приграничными регионами двух стран, без привлечения к этому взаимодействию напрямую национальных правительств.

Среди стран, имеющих наибольшее число соседей, наиболее протяженную государственную границу, выделяются такие страны как Китай, Россия, Бразилия и Европейский Союз. Из этих стран только Россия не проводит региональную политику экономического развития приграничных регионов. У всех остальных стран накоплен серьезный опыт государственного регулирования регионального развития приграничных регионов.

Основой государственной региональной политики в Китае стала идея реализации тех преимуществ, которыми обладают региональные экономики приморских провинций. Поэтому главный акцент в этой политике был сделан на приоритеты этих регионов. Экономическое развитие приморских провинций должно оказать содействие экономическому развитию внутренних и западных провинций. То есть спецификой объекта государственной региональной экономической политики Китая стало разделение всей

территории страны на три пояса – восточный (побережье), центральный (внутренние регионы), западный (сухопутное приграничье). Модель региональной политики в рамках «реформ и открытости» предполагала ускоренное развитие восточных регионов, а затем постепенное вовлечение в региональное экономическое развитие центрального и западного поясов.

То есть спецификой государственного регулирования экономического развития приграничных провинций в Китае является формирование двух укрупненных групп приграничных провинций, отличающихся экономико-географическим положением: восточное побережье (провинции, для которых административная граница совпадает с государственной по морю) и западное приграничье (границы совпадают с сухопутной государственной границей Китая). Главным стратегическим отличием в региональной политике по отношению к этим двум приграничным пространствам было то, что приморские провинции были ориентированы на международную торговлю и включение их экономик в глобальные рынки, а в приграничных провинциях на западе основной акцент был сделан на приграничном сотрудничестве. Реализация этой политики показала, что приграничные провинции Китая на западе, даже при создании условий для привлечения инвестиций со стороны центрального правительства, не были привлекательными для инвестиций в контексте их приграничного положения, и приток инвестиций наблюдался только в те приграничные провинции Китая, которые находились в центре географического макрорегиона, например, такого как Северо-Восточная Азия, в контексте включения этих регионов в международные транспортные пути.

Тем не менее, китайская политика «реформ и открытости» привела к значительным успехам в стимулировании экономического развития приграничных территорий, как на западе, так и на востоке страны, а также к сокращению межрегионального неравенства в целом. Такого результата удалось достичь за счет применения дифференцированного набора инструментов регионального развития в рамках механизма зон приграничного сотрудничества, ориентированных на стимулирование приграничной

торговли, использование региональных конкурентных преимуществ, а также для ряда зон – совместного управления приграничным сотрудничеством двумя странами (например, в случае развития приграничного сотрудничества Китая с Вьетнамом). Пример государственной политики развития приграничных регионов Китая доказывает также, что приграничная торговля как основа приграничного сотрудничества и как инструмент региональной политики, нацеленный на развитие именно приграничных регионов, которые чаще всего занимают периферийное положение и являются отсталыми относительно среднерегионального уровня в своих странах, является наиболее эффективной в условиях более интенсивных процессов региональной экономической интеграции соседних стран в целом (а не только на границе).

В Бразилии государственная политика экономического развития территорий исходила из сочетания административных мер с экономическими, так как введение режимов свободной торговли и свободного движения населения в приграничных зонах сформировало серьёзные проблемы в области безопасности и привело к развитию неформального сектора экономики. Социально-экономическая составляющая развития приграничных регионов Бразилии основывалась на принципе соразвития ее приграничных регионов и сопредельных государств с акцентом на решение экологических проблем, формирование приграничной инфраструктуры, развитие социальной сферы (здравоохранение, образование и т.д.), а также на развитие научноемких и высокотехнологичных производств. При выборе тех или иных инструментов регионального развития акцент сделан на прирост добавленной стоимости, который получает региональная экономика в рамках приграничного сотрудничества, технологическое развитие и устранение барьеров для перемещения товаров, услуг, инноваций и технологий.

В Европейском Союзе региональная политика в отношении приграничных территорий во многом обусловлена историческими условиями, в ходе которых складывалось межрегиональное взаимодействие, а также спецификой региональной экономической интеграции в рамках союза.

Исторически обусловленное снижение барьерной функции границы в пользу контактной дополнялось усилением прозрачности границ вследствие интеграционных процессов. В основе региональной политики в отношении приграничных регионов лежала практика формирования так называемых еврорегионов, которые представляли собой трансграничные структуры, направленные на повышение уровня трансграничной сплоченности и усиление европейской интеграции, а также способствующие социально-экономическому развитию приграничных территорий. Основная идея поддержки и развития приграничных территорий реализовывалась под девизом территориальной сплоченности в рамках Европейского Союза, который с углублением интеграционных процессов в его рамках все больше и больше расширял свои геополитические притязания, выходя с проектами еврорегионов за границы Европейского Союза, которые фактически превращались в его «экономические анклавы», в том числе, на территории России, Беларуси, Украины, стран Балтии. Таким образом, Европейский Союз с помощью формирования экономического пространства, объединяющего приграничные регионы Европейского Союза и приграничные регионы соседних стран, в него не входящих, осуществлял подготовку для еще большего расширения своего влияния, переходя в плоскость политических взаимодействий.

Международный опыт реализации государственной региональной экономической политики в отношении приграничных регионов, таким образом, показывает, что формирование экономических пространств на границах больших экономических систем, включающих приграничные регионы двух и более сопредельных стран, не позволяет выбрать единую и равную систему инструментов и приоритетов в отношении всех приграничных территорий данной страны. Кроме того, отсутствие внимания со стороны центрального правительства к своим приграничным регионам и невнимательное отношение к региональной политике правительства страны-соседа по отношению к ее приграничным регионам, может создать риски,

связанные со снижением социально-экономического потенциала в приграничных регионах данной страны, заложить основы для кризисных проявлений регионального развития в будущем, а в долгосрочной перспективе создать угрозу территориальной целостности страны.

Также международный опыт реализации государственной региональной экономической политики в отношении приграничных регионов показывает, что большое число субъектов регионального развития на субнациональном уровне, большие территории и большое количество стран-соседей в условиях, когда глобальное геоэкономическое пространство сопровождается высоким уровнем фрагментации, требует выделения различных зон или типов приграничных регионов, для каждого из которых необходим выбор таких инструментов регионального развития, обусловленный спецификой региональных экономик приграничных регионов данной страны и сопредельного государства, а также приграничными взаимодействиями, уже сложившимися к моменту этого выбора.

Перспективы реализации региональной политики федерального центра в отношении приграничных регионов для каждого экономического пространства, сформированного приграничными регионами Российской Федерации и регионами сопредельной страны на различных участках государственной границы, с учетом их специфических структурных и общезаводских характеристик экономического развития, определяются исходя из выделения 4-х основных зон приграничного сотрудничества, в отношении которых в текущих условиях возможна государственная политика регионального развития: российско-китайская, российско-белорусская, российско-казахстанская и российско-монгольская. В каждой из таких зон должны быть продуманы единые механизмы поддержки, но подход к выделению акцентов при использовании тех или иных инструментов должен носить дифференцированный характер.

Сформировавшаяся в постсоветской России неолиберальная модель государственной региональной политики, следствием которой является

конкурентное региональное развитие, усиливающееся, в том числе, административно-политическими механизмами управления региональным развитием, приводит к еще большему поляризованному развитию субъектов Российской Федерации, и, как следствие, к более высокому межрегиональному неравенству. Безусловно, формирование нормативно-правовых основ, произошедшее в первом десятилетии XXI века, оказало положительное влияние на возможности управления региональным развитием в России. Но сохранение неолиберальной модели государственного регулирования регионального развития, без выделения приграничных регионов в качестве объекта такого регулирования, не оказывает принципиального влияния на решение ключевых проблем регионального развития в России.

Для сохранения территориальной целостности страны и решения проблем регионального развития в России, необходима новая модель региональной политики, которая будет учитывать уникальность экономического пространства Российской Федерации и исторические условия его формирования, высокий уровень фрагментации геоэкономического пространства вокруг Российской Федерации, а также специфику межрегионального неравенства, связанную с тем, что оно сформировано именно в группе приграничных регионов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Абрё, М.* Пространство и экономический рост: обзор результатов исследований / М. Абрё, А.Л.Ф. Де Гrot, Р.Дж.Г.М. Флора // Пространственная экономика. – 2008. – № 2 – С. 111–143.
2. *Айвазян, С.А.* Индикаторы основных направлений социально-экономического развития и их агрегаты в пространстве характеристик региональной дифференциации / С.А. Айвазян, М.Ю. Афанасьев, А.В. Кудров // Прикладная эконометрика. – 2019. – № 2(54). – С. 51-69.
3. *Айтмырзаева, К.Т.* Роль цифровизации в развитии приграничных регионов Кыргызстана / К.Т. Айтмырзаева, Ж.Т. Аденова // Реформа. – 2022. – № 2 (94). – С. 36-43.
4. *Агеева, С.Д.* Региональная неравномерность развития банковских институтов / С.Д. Агеева, А.В. Мишур // Регион: Экономика и Социология. – 2016. – № 1 (89). – С. 34-61.
5. *Акулов, В.Б.* Социальный капитал - барьер или ресурс развития приграничного сотрудничества России и Финляндии? / В.Б. Акулов, Е.Г. Гладких // Международная экономика. – 2019. – № 6. – С. 58-72.
6. *Андрюшин, С.А.* Альтернативные оценки темпов инфляции в Российской Федерации: региональный аспект / С.А. Андрюшин, В.В. Кузнецова // Вопросы статистики. – 2017. – № 4. – С. 64-73.
7. *Анимица, Е.Г.* Крупнейшие города России в контексте глобальных урбанизационных процессов / Е.Г. Анимица // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2013. – № 1. – С. 82-96.
8. *Антонюк, В.С.* Экономическое развитие старопромышленных приграничных регионов Российской Федерации / Антонюк В.С., Корниенко Е.Л. // Journal of New Economy. – 2022. – Т. 23, № 2. – С. 45-63.

9. Арсентьева, И.И. Понятие «приграничье» в современном научном дискурсе / И.И. Арсентьева // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2012. – № 6. – С. 24-29.
10. Артоболевский, С.С. Приграничные ареалы и региональная политика в Российской Федерации / С.С. Артоболевский, Л.Б. Вардомский // Проблемы общественной географии. – Киев, 2010. – С. 14—26.
11. Багайников, М.Л. Некоторые особенности трансграничного взаимодействия приграничных регионов России / М.Л. Багайников, И.Б. Максимова // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2023. – № 1. – С. 8-14.
12. Бадарчи, Х.Б. Типологический анализ приграничных регионов России по уровню социально-экономического развития (на примере республики Тыва) / Х.Б. Бадарчи, Д.Ф. Дабиев // Проблемы прогнозирования. – 2012. – Вып. 2. – С. 89-101.
13. Бадарчи, Х.Б. Анализ приграничных регионов Сибирского федерального округа России по уровню социально-экономического развития (на примере Республики Тыва) / Х.Б. Бадарчи, В.К. Севек // Аграрный вестник Урала. – 2019. – № 4(183). – С. 78-85.
14. Бадарчи, Х.Б. Сравнительная оценка развития приграничных регионов ряда зарубежных стран и России / Х.Б. Бадарчи, В.К. Севек, А.А. Серээжикпей // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2022. – № 3. – С. 24-31.
15. Бадарчи, Х.Б. Потенциал экономики приграничного региона в контексте реализации комплексного проекта по развитию транспортной инфраструктуры / Х.Б. Бадарчи, Ш. Ч. Соян, А.Ч. Кылгыдай // Горная промышленность. – 2023. – № 2. – С. 52-55.
16. Баженов, Ю.Н. Конкурентоспособность экономики приграничных регионов / Ю.В. Баженов, К.Е. Никульченков // Балтийский регион. – 2009. – № 2(2). – С. 42-49.

17. *Бакланов, П.Я.* Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования / П.Я. Бакланов, С.С. Ганзей. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – 216 с.
18. *Бакланов, П.Я.* Тихоокеанский вектор в пространственном развитии России и США: основные рубежи и этапы / П.Я. Бакланов, В.Г Шведов, М.Т. Романов // Известия Русского географического общества. – 2021. – Т. 153. – № 3. – С. 3-16.
19. *Баранов, С.В.* Отражение межрегиональной дифференциации в комплексных оценках регионов по уровню социально-экономического развития (на примере субъектов Севера РФ) / С.В. Баранов // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2013. – № 5(36). – С. 43-48.
20. *Баранский, Н.Н.* Экономическая география СССР [Текст]: обзор по областям Госплана / Н.Н. Баранский. – Москва; Ленинград:, 1927. – 336 с.
21. *Бахтизин, А.Р.* Выравнивание регионов в России: иллюзии программы и реалии экономики /А.Р. Бахтизин, Е.М. Бухвальд, А.В. Кольчугина // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2016. – № 1. – С. 76-91.
22. *Бейбалаева, Д.К.* Особенности развития экономики приграничных регионов на примере республики Дагестан / Д.К. Бейбалаева, А.А. Раджабов, Р.С. Гаджиев // Управленческий учет. – 2022. – № 11-2. – С. 562-569.
23. *Белоусова, А.В.* Межрегиональное неравенство: количественный анализ динамики и факторов (на примере дальневосточных субъектов РФ) / А.В. Белоусова // Финансовый бизнес. – 2022. – № 12(234). – С. 124-128.
24. *Белугин, А.Ю.* Конкурентоспособность российской экспортной агропродовольственной продукции в условиях экономических санкций / А.Ю. Белугин // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 12(113). – С. 72-76.
25. *Боброва, В.В.* Развитие транспортной инфраструктуры приграничных регионов на основе зонирования / В.В. Боброва, Л.Ю. Бережная // Региональная экономика: теория и практика. – 2023. – Т. 21, № 1 (508). – С. 106-122.

26. *Божко, Л.Л.* Концептуальные подходы к определению приграничных территорий / Л.Л. Божко // Региональная экономика: теория и практика. - 2010. - № 4 (139). - С. 47-54.
27. *Бильчак, В.С.* Приграничные регионы: типология, диагностика, инновации / В.С. Бильчак, М.В. Бильчак. – М.: Креативная экономика, 2018. – 324 с.
28. *Бобков, В.Н.* Выявление социальной структуры и неравенства распределения денежных доходов населения Российской Федерации / В.Н. Бобков, И.Б. Колмаков // Экономика региона. – 2017. – Т. 13, № 4. – С. 971-984.
29. *Борисова, О.В.* К вопросу о социальной безопасности приграничного региона (на примере Псковской области) /О.В. Борисова // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2021. – Т. 1. – № 10. – С. 35-38.
30. *Бредихин, А.В.* История российско-украинского приграничного сотрудничества (на примере еврорегиона «Донбасс»). Дис. ... кандидата исторических наук / Российский государственный гуманитарный университет. Москва, 2016. – 197 с.
31. *Булатов, А.С.* Внешнеэкономические связи России: постсоветские тенденции / А.С. Булатов // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2020. – № 4. – С. 517-529.
32. *Буторина, О.В.* Интеграция vs дезинтеграции: что сильнее? / О.В. Буторина // Мир перемен. – 2022. – № 3. – С. 22-40.
33. *Буфетова, А.Н.* Межрегиональные различия в уровне жизни в России / А.Н. Буфетова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2014. – Т. 14. – № 3. – С. 113-123.
34. *Бухвальд, Е.М.* Эволюция основ региональной политики в Российской Федерации / Е.М. Бухвальд // Федерализм. – 2017. – № 1 (85). – С. 7-20.
35. *Бухвальд, Е.М.* Стратегия пространственного развития Российской Федерации и новации в государственной региональной политике /

Е.М. Бухвальд // Россия: Тенденции и перспективы развития: Ежегодник, Москва, 20–21 декабря 2018 года / Ответственный редактор В.И. Герасимов. Том Выпуск 14, Часть 1. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. – С. 48-52.

36. *Бухвальд, Е.М.* Единое инновационное пространство как приоритет пространственного развития российской экономики / Е.М. Бухвальд // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2019. – № 4. – С. 9-25.
37. *Бухвальд, Е.М.* Институциональные проблемы стратегирования пространственного развития / Е.М. Бухвальд // Федерализм. – 2023. – Т. 28. – № 1 (109). – С. 80-98.
38. *Валлерстайн, И.* Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 176 с.
39. *Валлерстайн, И.* Мироисистемный анализ: Введение /пер. Н.Тюкиной / И. Валлерстайн. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского») —248 с.
40. *Вардомский, Л.Б.* К проблеме изучения границ экономико-географических систем / Л.Б. Вардомский, Н.С. Мироненко // Географические границы / Под ред. Б.Б. Родомана, Б.М. Эккеля. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 38-46.
41. *Вардомский, Л.Б.* Межрегиональная дифференциация социально-экономического развития в России (на примере приграничных регионов) / Л.Б. Вардомский // Мир перемен. – 2008. – № 2. – С. 47-60.
42. *Вардомский, Л.Б.* Приграничное сотрудничество на "новых и старых" границах России / Л.Б. Вардомский // Евразийская экономическая интеграция. – 2008. – № 1. – С. 90-108.
43. *Вардомский, Л.Б.* Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005-2015 гг / Л.Б. Вардомский // Пространственная экономика. – 2017. – № 4. – С. 23-40.

44. *Васильева, Р.И.* Факторы экспортной диверсификации: эконометрический анализ промышленных регионов России / Р.И. Васильева, О.С. Мариев, В.А. Войтенков, А.Р. Уразбаева // Экономика региона. – 2022. – Т. 18. – № 3. – С. 895-909.
45. *Васильева, А.В.* Влияние фактора приграничного положения на экономические системы российских регионов / А.В. Васильева, М.В. Морошкина // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2022. – № 3 (77). – С. 56-69.
46. *Винокурцева, Е. А.* Анализ научно-обоснованных подходов к оценке и прогнозированию развития региональных экономических систем приграничных регионов (на материалах Забайкальского края) / Е.А. Винокурцева // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2022. – № 11. – С. 311-315.
47. *Волошенко, К.Ю.* Эконометрический анализ влияния интенсивности трансграничности на уровень экономической сложности на примере стран Европы / К.Ю. Волошенко, Т.Е. Дрок // Регионология. – 2019. – Т. 27. – № 4(109). – С. 602-632.
48. *Волчкова, Н.А.* Региональные инициативы Экспортные возможности стран ЕАЭС / Н.А. Волчкова, П.О. Кузнецова, Н.А. Турдыева // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2016. – Т. 11. – № 4. – С. 127-148.
49. Ганчар, Н.А. Индикаторный подход к оценке экономической безопасности приграничных регионов / Н.А. Ганчар // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 5(130). – С. 412-417.
50. *Герасименко, Т.И.* Экономико-географическое и geopolитическое положение как интегральная пространственная категория / Т.И. Герасименко, Е.А. Семенов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 1 (176). – С. 156-161.

51. *Глинский, В.В.* Города-миллионники как основа экономического роста региона / В.В. Глинский, Л.К. Серга // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 5. – С. 51-58.
52. *Глущенко, К.П.* Где на Руси жить хорошо? / К.П. Глущенко // ЭКО. – 2022. – № 6(576). – С. 168-177.
53. *Гончарова, К.С.* Формирование современной неолиберальной модели региональной политики России / К.С. Гончарова // Федерализм. – 2023. – Т. 28, № 3(111). – С. 88-107.
54. *Гранберг, А.Г.* Основы региональной экономики / А.Г. Гранберг. М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 494 с.
55. *Гранберг, А.Г.* Многорегиональные системы: экономико-математическое исследование. / А.Г. Гранберг, В.И. Суслов, С.А. Суспицын. СО РАН, ИЭОПП, Гос. НИУ «Совет по изучению производит. сил». – Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. – 370 с.
56. *Грибова, С.Н.* Приграничное сотрудничество: Теоретические и правовые истоки изучения / С.Н. Грибова // Известия ИГЭА. – 2006. – № 1 (46). – С. 17.
57. *Григорьева, А.И.* Современное развитие и перспективы приграничных регионов Дальневосточного федерального округа / А.И. Григорьева, А.О. Аюшеева, Б.Н. Жигжитова // Наука и бизнес: пути развития. – 2022. – № 1(127). – С. 126-130.
58. *Гришина, И.В.* Социально-экономическое положение регионов России в 2020 г.: методология и результаты ежемесячного мониторинга / И.В. Гришина, А.О. Полынев, А.В. Шкурапат // ЭКО. – 2021. – № 7(565). – С. 111-128.
59. *Гуменюк, Л.Г.* Географические особенности трансграничного сотрудничества приграничных регионов России. Дис. ... кандидата географических наук / Балт. федер. ун-т им. Иммануила Канта. Калининград, 2017. – 168 с.
60. *Дабиев, Д.Ф.* Оценка экономического роста регионов России методом панельных данных / Д.Ф. Дабиев // Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: Материалы III-й Международной

- научно-практической конференции, посвящённой 25-летию ТувИКОПР СО РАН и 45-летию академической науки в Туве, Кызыл, 23–25 октября 2019 года / Под общей редакцией Г.Ф. Балакиной, ответственный редактор В.О. Ооржак. – Кызыл: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, 2019. – С. 96-104.
61. Дабиев, Д.Ф. О количественной оценке приграничных регионов Сибири с преимущественно минерально-сырьевым потенциалом / Д.Ф. Дабиев // Фундаментальные исследования. – 2022. – № 10-2. – С. 180-186.
62. Давидов, Д.М. Трансграничное сотрудничество как инструмент регионального маркетинга в Балтийском регионе / Д.М. Давидов, Т.Н. Чекалина // Балтийский регион. – 2009. – № 2 (2). – С. 57-65.
63. Дамбаева, Н.П. Трансграничный кластер как основа развития приграничных регионов / Н.П. Дамбаева // Оeconomia et Jus. – 2020. – № 1. – С. 1-8.
64. Дамбаева, Н.П. Кратко о логистическом потенциале приграничного региона на современном этапе / Н.П. Дамбаева // Экономика Востока России. – 2022. – № 1 (14). – С. 60-62.
65. Дементьев, А.Н. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: проблемы определения правового статуса в системе документов стратегического планирования / А.Н. Дементьев // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. – 2022. – № 1. – С. 34–38.
66. Дорофеева, Л.В. Трансформации социально-экономического пространства регионов: международный опыт и основные тенденции / Л.В. Дорофеева, Н.А. Рослякова // Управленческое консультирование. – 2022. – № 2 (158). – С. 33-48.
67. Дудин, П.Н. Буферные зоны и их соотношение со схожими категориями территорий с особым режимом сквозь призму российского / советского и японского стратегического присутствия в регионе Восточной Азии /

- П.Н. Дудин // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2019. – № 4. – С. 44-62.
68. *Дудин, М.Н.* Элементы корреляционного анализа в оценке цифрового неравенства отдельных регионов России / П.Н. Дудин, С.В. Шкодинский, Д.И. Усманов // Экономика и математические методы. – 2022. – Т. 58. – № 1. – С. 92-103.
69. Евразийская интеграция в турбулентном мире / отв. ред. А.Б. Вардомский. – Спб.: Алетейя, 2019. – 288 с.
70. *Енин, Ю.И.* Барьера географической диверсификации экспорта Беларуси в страны ЕАЭС / Ю.И. Енин, Г.И. Шиманович // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. – Минск: Белорусский государственный экономический университет, 2020. – С. 197-204.
71. *Епифанова, Н.С.* Особенности взаимодействия регионов российско-монгольского приграничья /Н.С. Епифанова // Региональная экономика: теория и практика. – 2025. – Т. 23, № 5. – С. 4-18.
72. *Епифанова, Н.С.* Отстают ли приграничные регионы России в экономическом развитии от внутренних регионов /Н.С. Епифанова // Региональная экономика: теория и практика. – 2025. – Т. 23, № 4. – С. 4-15.
73. *Епифанова, Н.С.* Трансформация роли приграничных регионов в региональной политике современной России /Н.С. Епифанова // Региональная экономика: теория и практика. – 2025. – Т. 23, № 6. – С. 17-31.
74. *Епифанова, Н.С.* Политика регионального развития приграничных территорий в Бразилии /Н.С. Епифанова // Региональная экономика: теория и практика. – 2025. – Т. 23, № 7. – С. 20-28.
75. *Епифанова, Н.С.* Возможности применения интегрального индекса приграничного положения регионов в эконометрических оценках факторов регионального развития /Н.С. Епифанова // Экономический анализ: теория и практика. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 189-208.

76. Епифанова, Н.С. Опыт территориального развития в Китае /Н.С. Епифанова, М.Г. Полозков // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 6, № 8(149). – С. 114-121.
77. Епифанова, Н.С. Типология приграничных регионов на основе принципа комлимитизма /Н.С. Епифанова // Государственная служба. – 2024. – № 4. – С. 67-75.
78. Епифанова, Н.С. Приграничные регионы в контексте теорий размещения /Н.С. Епифанова // Государственная служба. – 2023. – № 3. – С. 31–37.
79. Епифанова, Н.С. Особенности использования инвестиционно-финансовых и торговых инструментов во Вьетнаме и России для снижения региональных дисбалансов /Н.С. Епифанова, М.Г. Полозков // Экономика и управления: проблемы, решения. — 2023. — № 9. — Т. 1. — С. 136–143.
80. Епифанова, Н.С. Оценка дифференциации экономического пространства приграничных регионов России, Беларуси и Казахстана в контексте евразийской интеграции /Н.С. Епифанова // Региональная экономика: теория и практика. – 2023. – Т. 21, № 7(514). – С. 1204-1231.
81. Епифанова, Н.С. Пространственная организация экономики России в XVI в /Н.С. Епифанова // Историко-экономические исследования. – 2023. – Т. 24, № 2. – С. 181-206.
82. Епифанова, Н.С. Возможности диверсификации отраслевой структуры торговых потоков приграничных регионов России на основе оценки выявленных сравнительных преимуществ /Н.С. Епифанова // Региональная экономика: теория и практика. – 2023. – Т. 21, № 2(509). – С. 204-229.
83. Епифанова, Н.С. Влияние приграничного положения регионов на их экономическое развитие (на примере регионов России и Украины) /Н.С. Епифанова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2023. – Т. 19, № 1(418). – С. 22-43.
84. Епифанова, Н.С. Ранжирование приграничных регионов Российской Федерации /Н.С. Епифанова // Государственная служба. – 2022. – Т. 24, № 3(137). – С. 41-47.

85. Епифанова, Н.С. Участие приграничных регионов во внешней торговле Российской Федерации /Н.С. Епифанова // Региональная экономика: теория и практика. – 2022. – Т. 20, № 8(503). – С. 1408-1429.
86. Епифанова, Н.С. Влияние экспорта и импорта на экономическое развитие приграничных регионов в России /Н.С. Епифанова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2021. – Т. 1, № 4(112). – С. 156-165.
87. Епифанова, Н.С. Приграничная торговля регионов России и провинций Китая /Н.С. Епифанова, В.Н. Акулинин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 10. – С. 103-116.
88. Епифанова, Н.С. Перспективы развития кооперационных и технологических отношений Алтайского края и Республики Казахстан в сельском хозяйстве и промышленности: институциональные и экономические эффекты кооперации /Н.С. Епифанова, М.Г. Полозков, Н.Г. Филатова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2016. – Т. 1, № 6. – С. 4-7.
89. Епифанова, Н.С. Развитие экспортноориентированных и импортозамещающих отраслей как фактор экономической безопасности Алтайского края /Н.С. Епифанова, Н.Г. Филатова // Развитие территорий. – 2016. – № 1(4). – С. 57-67.
90. Епифанова, Н.С. Внутриотраслевая торговля и внешнеторговая безопасность приграничных регионов /Н.С. Епифанова // Государственная служба. – 2016. – № 2(100). – С. 46-49.
91. Епифанова, Н.С. Современные угрозы экономической безопасности приграничных территорий /М.Г. Полозков, Н.С. Епифанова // Государственная служба. – 2015. – № 1(93). – С. 88-92.
92. Ершов, Ю.С. Азиатская Россия - основные противоречия современного развития / Ю.С. Ершов, О.В. Тарасова // ЭКО. – 2020. – № 8(554). – С. 8-30.
93. Забелина, И.А. Анализ динамики региональной производительности труда и ее особенности в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока

- / И.А. Забелина, Е.А. Клевакина // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 5(428). – С. 40-56.
94. Зайцева, Н.А. Влияние приграничных передвижений и обменов на диверсификацию экономики регионов трансграничного сотрудничества (на примере российско-польского приграничья) / Н.А. Зайцева, В.С. Корнеевец, Е.Г. Кропинова, Т.Ю. Кузнецова, Л.В. Семенова // Региональные исследования. – 2016. – № 3 (53). – С. 94-101.
95. Захарова, Е. А. Новая экономическая география: тридцать лет спустя / Е.А. Захарова, Д.В. Давыдов, Е.М. Земцова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2023. – Т. 39, № 1. – С. 127-155.
96. Зворыкина, Ю.В. Деятельность предприятий химической промышленности в современных рыночных условиях / Ю.В. Зворыкина, А.А. Тихонова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 6. – С. 90-98.
97. Земцов, С.П. Как измерить неизмеримое? Оценка инновационного потенциала регионов России / С.П. Земцов, В.Л. Бабурин, В.А. Баринова // Креативная экономика. – №1 (97). – 2015. – С. 35–53.
98. Золотухин, И.Н. Российско-монгольское приграничное сотрудничество / И.Н. Золотухин, А.А. Глушко // Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Том Часть 1. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2021. – С. 154-185.
99. Зубаревич, Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты / Н.В. Зубаревич // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 135-145
100. Зубаревич, Н.В. Регионы России в новых экономических условиях / Н.В. Зубаревич // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3(55). – С. 226-234.
101. Зубаревич, Н.В. Региональное неравенство в крупных постсоветских / Н.В. Зубаревич, С.Г. Сафонов // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2011. – № 1. – С. 17-30.

102. Иванов, О.Б. "Геостратегические территории" и "точки роста" в стратегировании пространственного развития Российской Федерации / О.Б. Иванов, Е.М. Бухвальд // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2019. – № 4. – С. 7-23.
103. Игнатьева, А.Е. Сравнительные преимущества российских регионов в развитии и размещении производительных сил / А.Е. Игнатьева, Е.Д. Серкова, О.С. Мариев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 18(373). – С. 98-104.
104. Изотов, Д.А. Новая экономическая география: границы возможностей / Д.А. Изотов // Пространственная экономика. – 2013. – № 3. – С. 123-160.
105. Иорданова, В.Г. Тенденции развития внешней торговли России и Китая / В.Г. Иорданова, М.А. Шапор, В.А. Берцинская, М.А. Захарова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2021. – № 8. – С. 62-75.
106. Каргинова, В.В. Особенности вызовов и угроз экономической безопасности в приграничных и северных регионах / В.В. Каргинова // Сегодня и завтра Российской экономики. – 2018. – № 91-92. – С. 67-79.
107. Катровский, А.П. Сельское хозяйство российско-белорусского приграничья: тенденции развития и трансформация отраслевой и территориальной структуры / А.П. Катровский, Г.В. Ридевский // Региональные исследования. – 2017. – № 4(58). – С. 105-115.
108. Кашин, В.Б. Приграничное сотрудничество между Россией и Китаем: глубинные препятствия развития / В.Б. Кашин, А.Д. Янькова // Проблемы Дальнего Востока. – 2022. – № 4. – С. 41-55.
109. Каштякова, Э. Анализ сравнительных преимуществ и внутриотраслевой торговли между Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом на современном этапе / Э. Каштякова, А. Луптакова // Наука и искусство управления / Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. – 2020. – № 1-2. – С. 123-137.

110. Клисторин, В.И. Межуровневые финансовые потоки в бюджетной системе Российской Федерации / В.И. Клисторин // Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты / Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. – Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2020. – С. 366-376.
111. Кирута, А.Я. Эконометрический анализ зависимостей между дифференциацией и уровнем жизни населения в регионах России / А.Я. Кирута, А.Ю. Шевяков // Вопросы статистики. – 2004. – № 5. – С. 36-41.
112. Катровский, А.П. Демографическая ситуация как индикатор и фактор развития российско-белорусского приграничья / А.П. Катровский, Ю.П. Ковалев, Л.Ю. Мажар, С.А. Сергутина, М.В. Шеломенцева, Г.В. Ридевский // Региональные исследования. – 2016. – № 3(53). – С. 102-109.
113. Ковалева, И.В. Развитие приграничных сельских территорий агрориентированного трансграничного региона / И.В. Ковалева // Россия: общество, политика, история. – 2022. – № 5(5). – С. 48-57.
114. Ковальчук, Л.Б. Диагностика неравенства в социальной сфере дальневосточных субъектов РФ / Л.Б. Ковальчук // Регионалистика. – 2021. – Т. 8. – № 1. – С. 56-67.
115. Коломак, Е.А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии / Е.А. Коломак // Вопросы экономики. - 2013. - № 2. - С. 132-150.
116. Коломак, Е.А. Трансформация пространственных пропорций развития современной России: направления, темпы, факторы / Е.А. Коломак // Интерэспо Гео-Сибирь. – 2020. – Т. 3. – № 1. – С. 88-95.
117. Колосов, В.А. Типы новых российских границ / В.А. Колосов, Р.Ф. Туровский // Известия АН. Серия географическая. – 1999. – №5. – С. 39-47.

118. *Колосов, В.А.* Кризис в отношениях между Россией и Украиной и его влияние на трансграничные взаимодействия / В.А. Колосов // Актуальные проблемы мировой политики: Ежегодный альманах. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2020. – С. 444-464.
119. *Колосовский, Н.Н.* Избранные труды / Н.Н. Колосовский. – Смоленск: Ойкумена, 2006. – 336 с.
120. *Комлева, Н.А.* Войны в лимитрофах: эволюция технологий / Н.А. Комлева // Пространство и Время. – 2015. – № 1-2(19-20). – С. 32-42.
121. *Кондратьева, С.В.* Трансграничная туристская мобильность в жизни местного населения карельского приграничья: ограничения пандемии COVID-19 / С.В. Кондратьева // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 79-97.
122. *Корнеевец, В.С.* Классификация приграничных регионов России / В.С. Корнеевец // Региональные исследования. – 2010. – № 4 (30). – С. 48-53.
123. *Корниенко, О.С.* Оценка потенциалов развития регионов дальнего востока и их внутренних взаимосвязей / О.С. Корниенко, М.Т. Романов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. – 2018. – № 2. – С. 40-50.
124. *Костенников, А.И.* Территориальный маркетинг как источник активизации предпринимательской деятельности в приграничном регионе (на примере Белгородской области) / А.И. Костенников // Экономика устойчивого развития. – 2023. – № 1(53). – С. 51-56.
125. *Котилко, В.В.* Финансирование развития приграничных районов Северо-Запада РФ / В.В. Котилко // Финансы и учет. – 2015. – № 1(27). – С. 03-09.
126. *Котилко, В.В.* Конкурентоспособность и экономическая безопасность приграничных регионов: реалии и перспективы / В.В. Котилко, Г.И. Немиров, С.Ф. Пашенных // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – Т. 9. – № 46(235). – С. 2-7.

127. Крайнюкова, А.С. Тенденции развития ВЭД в приграничном регионе (на примере Белгородской области) / А.С. Крайнюкова // Матрица научного познания. – 2022. – № 12-1. – С. 147-152.
128. Кремлев, Н.Д. Оценка устойчивости развития приграничного региона в условиях формирования рыночных отношений / Н.Д. Кремлев // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2022. – Т. 2. – № 1. – С. 32-43.
129. Кругман, П. Пространство: последний рубеж / П. Кругман // Пространственная экономика. – 2005. – № 3 – С. 121–136.
130. Крюков, В.А. Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии / В.А. Крюков, Л.В. Мельникова, В.Е. Селиверстов, В.И. Суслов, Н.И. Суслов // Регион: Экономика и Социология. – 2018. – № 2. – С. 264-287.
131. Крюков, В.А. Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий / В.А. Крюков, В.Е. Селиверстов // Российский экономический журнал. – 2022. – № 5. – С. 22-40.
132. Крюков, В.А. Экономика Сибири: трудный путь к синергии природного и человеческого потенциала, связности пространства и интересов федерального центра и регионов : рабочие материалы в рамках крупного научного проекта "Социально-экономическое развитие Азиатской России на основе синергии транспортной доступности, системных знаний о природно-ресурсном потенциале, расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий" / В.А. Крюков, В.Е. Селиверстов. Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2022. – 123 с.

133. Кузавко, А.С. Приграничные регионы в условиях интеграции: теоретические оценки и практические результаты / А.С. Кузавко // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 2. – С. 108-130.
134. Кузнецов, А.В. Еврорегионы: полвека "малой" интеграции / А.В. Кузнецов // Современная Европа. – 2008. – № 2 (34). – С. 48-59.
135. Кузнецов, А.В. Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России / А.В. Кузнецов, О.В. Кузнецова // Балтийский регион. – 2019. – Т. 11, № 4. – С. 58—75.
136. Кузнецов, С. В. Границы и приграничное сотрудничество в России как результат глобализационных вызовов / С.В. Кузнецов, Н.М. Межевич, С.А. Ткачев // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 68—76.
137. Кузнецова, О.В. Проблема выбора приоритетов пространственного развития / О.В. Кузнецова // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С.146–157.
138. Кульков, В.М. Экономическое пространство: теоретические аспекты и современные процессы / В.М. Кульков // Вестник Московского университета. – 2014. – Сер 6. – Экономика. – С. 3-18.
139. Куприянов, С. В. Особенности экономического развития приграничных регионов / С.В. Куприянов, Е.А. Стрябкова, Н.А. Герасимова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. – 2018. – Т. 45, № 1. – С. 5-14.
140. Курникова, М.В. Оценка влияния глобализации на внешнеэкономическую деятельность и социально-экономическое развитие приграничных регионов Венгрии / М.В. Курникова, Г.А. Хмелева, Б.И. Тот, Э. Неделька // The Scientific Heritage. – 2022. – № 103 (103). – С. 74-80.
141. Кылгыдай, А.К.Ч. Демографический потенциал приграничного региона Сибири / А.К.Ч Кылдыгай // Природные ресурсы, среда и общество. – 2022. – № 2 (14). – С. 36-40.

142. *Кылгыдай, А.Ч.* Торгово-экономическое сотрудничество Тувы и Монголии / А.К.Ч Кылдыгай // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 2. – № 4. – С. 15-23.
143. *Кылгыдай, А.К.Ч.* О возможностях развития Тывы как приграничного региона / А.К.Ч Кылдыгай, Ш.Ч. Соян // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2022. – № 3. – С. 69-73.
144. *Лавровский, Б.Л.* Оценка и прогноз пространственной конфигурации валового продукта регионов России / Б.Л. Лавровский, Е.А. Шильцин // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, № 2. – С. 383-395.
145. *Лазарева, В.В.* Приграничное положение и устойчивое развитие региона / В.В. Лазарева, В.Н. Дьяченко, Н.Ю. Власова // Регионалистика. – 2020. – Т. 7. - № 2. – С. 24-36.
146. *Лазарева, В.В.* Особенности устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона. Дис. ... кандидата экономических наук / Уральский государственный экономический университет. Екатеринбург, 2019. – 159 с.
147. *Ламажаа, Ч.К.О.* Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация населения /Ч.К.О. Ламажаа // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 3. – С. 178-194.
148. *Лексин, В.Н.* Региональная политика России и ее "восточный вектор" / В.Н. Лексин // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2014. – Т. 7, № 4. – С. 33-48.
149. *Лексин, В.Н.* Новое отходничество и вахтовая организация труда в процессах депопуляции и заселения территорий / В.Н. Лексин // Регион: Экономика и Социология. – 2021. – № 3 (111). – С. 133-153.
150. *Лёш, А.* Пространственная организация хозяйства / А. Лёш. – М.: Наука, 2007. – 662 с.
151. *Лимонов, Л.Э.* Оценка воздействия государственных инвестиционных программ на показатели социально-экономического развития территорий / Л.Э. Лимонов, М.В. Несена // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 109-123.

152. *Литвинцева, Г.П.* Оценка социально-экономического потенциала регионов Сибирского федерального округа / Г.П. Литвинцева, А.Е. Лисицын // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2018. – № 2. – С. 114-121.
153. *Мадры Цезары, М.* Еврорегионы в Польше: социально-экономическая типология// Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации: Монография / Под редакцией Л.И. Попковой, Цезары Мадры, Л.Б. Вардомского. – Курск: Курский государственный университет, 2018. – С. 18-32.
154. *Малкина, М. Ю.* Доходы бюджетов субъектов Российской Федерации в условиях пандемии: пространственный разворот / М.Ю. Малкина // Регион: Экономика и Социология. – 2022. – № 2(114). – С. 3-32.
155. *Малов, В. Ю.* Оценка влияния "восточного вектора" развития России на экономику других регионов (на примере Южного федерального округа) / В.Ю. Малов, Б.В. Мелентьев // Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты/ Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. – Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2020. – С. 177-182.
156. *Малогусейнов, И.А.* Особенности развития малого предпринимательства в приграничном регионе (Республика Дагестан) / И.А. Малогусейнов // Журнал прикладных исследований. – 2023. – № 4. – С. 69-74.
157. *Малышев, В.А.* Особенности социально-экономического развития приграничных регионов / В.А. Малышев, Е.А. Стрябкова // Пространственное развитие территорий: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Белгород, 22 ноября 2018 года / Ответственные редакторы Е.А. Стрябкова, И.В. Чистникова. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2018. – С. 385-389.
158. *Маменов, С.Д.* Направления развития промышленности приграничных регионов Алтая (на примере Восточно-Казахстанской области, Казахстан и

- Алтайского края, Россия) / С.Д. Маменов, А.К. Волкова, А.Н. Дунец // Проблемы региональной экологии. – 2022. – № 4. – С. 68-74.
159. *Маршалова, А.С.* Основы теории регионального воспроизводства / А.С. Маршалова, А.С. Новоселов. – М: Экономика, 1998. – 192 с.
160. *Медеубаева, Ж.М.* Оценка участия Республики Казахстан в ЕАЭС казахстанскими экспертами / Ж.М. Медеубаева // Постсоветские исследования. – 2020. – Т. 3, № 8. – С. 641-650.
161. *Межевич, Н.М.* Определение категории "регион" в современном научном дискурсе / Н.М. Межевич // Псковский регионологический журнал. – 2006. – № 2. – С. 3-21.
162. *Межевич, Н.М.* Приграничное сотрудничество: теория и российская региональная практика / Н.М. Межевич // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. – 2011. – № 1 (2). – С. 24-33.
163. *Мельников, Р.М.* Влияние государственных и частных инвестиций на экономическую динамику российских регионов / Р.М. Мельников // Экономический анализ: теория и практика. – 2021. – Т. 20, № 8(515). – С. 1438-1461.
164. *Мельникова, Л.В.* Проблемы обоснования и выбора региональной политики / Л.В. Мельникова // Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты / Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. – Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2020. – С. 336-365.
165. *Минакир, П.А.* «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики / П.А. Минакир // Пространственная экономика. – 2018. – № 4. – С. 8-20.
166. *Минакир, П.А.* Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа / П.А. Минакир // Пространственная экономика. – 2019. – № 1. – С. 7–17.

167. *Минакир, П.А.* Внешнеторговый фактор экономики форс-мажора: пространственный маневр / П.А. Минакир // Пространственная экономика. – 2023. – Т. 19. – № 1. – С. 7-19.
168. *Митрофанова, И.В.* Влияние геополитического фактора на перспективы межрегионального взаимодействия приграничных субъектов Юга России и Юго-Востока Украины / И.В. Митрофанова, Л.А. Котова // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2015. – № 3. – С. 10-21.
169. *Михайлова, Е.В.* Методические подходы к созданию профилей пар городов, разделенных границей / Е.В. Михайлова // Экономика и управление. – 2014. – № 9 (107). – С. 55-58.
170. *Михеева, Н.Н.* "Новые" региональные пропорции: результаты пересчета валового регионального продукта / Н.Н. Михеева // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 3 (192). – С. 78-88.
171. *Морачевская, К.А.* Феномен приграничности: подходы к интерпретации и роль центр-периферийных градиентов / К.А. Морачевская // Региональные исследования. – 2022. – № 3(77). – С. 44-53.
172. *Морошкина, М.В.* Исследование различий развития российских регионов на основе динамики и уровня валового регионального продукта М.В. Морошкина // NB: Экономика, тренды и управление. – 2013. – 1. – С. 64 - 90.
173. *Морошкина, М.В.* Сравнительный анализ экономической и социальной дифференциации на примере приграничных регионов России и Финляндии / М.В. Морошкина // Политика и общество. – 2016. – № 3(135). – С. 345-352.
174. *Морошкина, М.В.* Социально-экономическая дифференциация приграничных регионов на примере России и Финляндии: факторный анализ / М.В. Морошкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2022. – Т. 30. – № 4. – С. 562-576.
175. *Морошкина, М.В.* Влияние фактора приграничного положения на производственные подсистемы регионов Российской Федерации /

- М.В. Морошкина, А.В. Васильева // Друкеровский вестник. – 2022. – № 4(48). – С. 154-164.
176. *Нежельченко, Е.В.* Оценка социально-экономического положения приграничных регионов РФ / Е.В. Нежельченко, Ю.И. Здоровец, С.Н. Ясенок, Д.А. Петросов // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2022. – № 2. – С. 169-177.
177. *Нежельченко, Е.В.* Характеристика приграничных регионов РФ на основе рейтингового подхода / Е.В. Нежельченко, Ю.И. Здоровец, С.Н. Ясенок, Д.А. Петросов // Финансовая жизнь. – 2022. – № 2. – С. 30-39.
178. *Немкович, Е.Г.* Методические подходы к оценке инфраструктурного каркаса северного приграничного региона России / Е.Г. Немкович, Т.П. Шмуйло, С.В. Степанова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 400. – С. 231-237.
179. *Некрасов, Н.Н.* Региональная экономика / Н.Н. Некрасов. – М.: Экономика, 1975. – 320 с.
180. *Непомнин, О.Е.* История Китая: XX век / О.Е. Непомнин. – М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2011. — 736 с.
181. *Нефедова, Т.Г.* Среднеуральский меридиан: поляризация пространства старопромышленных регионов / Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш // Известия Русского географического общества. – 2020. – Т. 152, № 5. – С. 3-25.
182. *Никульченков, К.Е.* Социально-экономическое развитие Республики Карелия: проблемы региональной конкурентоспособности / К.Е. Никульченкова // Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – № 27. – С. 43-47.
183. *Новиков, И.А.* Система финансовых мер поддержки российского несырьевого экспорта в условиях четвертой промышленной революции / И.А. Новиков // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 11(150). – С. 494-495.
184. *Новопашина, А.Н.* Оценка факторов прямых инвестиций из Китая в экономику России / А.Н. Новопашина // Молодые ученые - Хабаровскому

- краю: материалы XVII краевого конкурса молодых ученых и аспирантов, Хабаровск, 15–23 января 2015 года / Редакционная коллегия: С. М. Бурков, А. М. Сундуков, Е. В. Гузман. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2015. – С. 25-29.
185. *Новопашина, А.Н.* Оценка пространственных зависимостей эффекта переноса валютного курса в российских регионах / А.Н. Новопашина, Е.Н. Корнейченко, Ю.Н. Пыхтеев // Новая азиатская политика и развитие Дальнего Востока России: Материалы международной научной конференции, Хабаровск, 04–05 декабря 2019 года / Под редакцией П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН; Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. – Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 2020. – С. 128-132.
186. *Озем, Г.З.* Новые подходы к экономико-географическому изучению внешней торговли Республики Беларусь / Г.З. Озем, А.Н. Шавель, В.П. Сидоренко // Вестник БГУ. Серия 2: Химия. Биология. География. – 2012. – № 3. – С. 66-71.
187. *Ооржак, В.О.* Горная промышленность в приграничном регионе России: оценка потенциала развития отрасли в Республике Тыва / В.О. Ооржак // Горная промышленность. – 2022. – № 6. – С. 122-126.
188. *Ордынская, Ю.В.* Республика Алтай - перспективы развития территории приграничного региона / Ю.В. Ордынская // Урбанистика. – 2022. – № 2. – С. 46-56.
189. *Осадчая, О.П.* Приграничное положение как фактор развития внешнеэкономической деятельности региона (на примере Алтайского края / О.П. Осадчая, Д.В. Ремизов // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 2-2(70). – С. 306-309.
190. *Оスマловская, Л.Г.* Функции границы как фактор развития приграничных регионов / Л.Г. Оスマловская // Вестник Балтийского федерального

университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. – 2016. – № 1. – С. 45–54.

191. Павлов, К.В. Экономико-статистическая оценка развития приграничных регионов / К.В. Павлов // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. – 2022. – № 4. – С. 285-290.
192. *Павлов, Ю.В.* Систематизация факторов агломерационного эффекта / Ю.В. Павлов // Journal of New Economy. – 2021. – Т. 22, № 4. – С. 116-138.
193. *Паньшин, И.В.* Интеграционное развитие приграничных российских регионов в рамках таможенного союза: ресурсообеспеченность и экономический рост / И.В. Паньшин, О.Б. Яресь, М.С. Земскова // Актуальні проблеми економіки. – 2014. – № 8. – С. 204-214.
194. *Ператинская, Д.А.* Трехстороннее сотрудничество "Китай-Монголия-Россия": развитие транспортного коридора / Д.А. Ператинская, А.С. Харланов, А.А. Бобошко // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 2. – С. 34-37.
195. *Пирожник, И.И.* Экономико-географические факторы трансграничного сотрудничества Беларуси и России / И.И. Пирожник, Г.З. Озем, А.В. Шадраков // Вестник БГУ. Серия 2: Химия. Биология. География. – 2010. – № 1. – С. 55-60.
196. *Погорлецкий, А. И.* "Мягкая сила" и экспортный потенциал России в несырьевых секторах экономики / А.И. Погорлецкий // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65. – № 3. – С. 102-110.
197. Приграничное сотрудничество регионов России, Белоруссии, Украины. – Центр интеграционных исследований – Евразийский Банк Развития, 2013. – 100 с.
198. Производительность труда и российский человеческий капитал: парадоксы взаимосвязи? [Текст]: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / В.Е. Гимпельсон (рук. авт. кол.), Д.А. Авдеева, Н.В. Акиндинова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 61 с.

199. *Попкова, Л.И.* Конвергенция и дивергенция социально-экономических процессов российско-украинского приграничья: монография / Л.И. Попкова, П.А. Черномаз, А.В. Степанов / под ред. Л.И. Попковой. – Курск: Курский государственный университет, 2021. – 165 с.
200. *Прокопьев, Е.А.* Внешняя торговля региона: влияние фактора "приграничное положение" / Е.А. Прокопьев, Н.А. Рослякова, А.Е. Курило // Друкеровский вестник. – 2019. – № 5(31). – С. 252-267.
201. *Прошкина, Е.Г.* Проблемы развития экономики в приграничном регионе (на примере Оренбургской области) / Е.Г. Прошкина // Экономика и эффективность организации производства. – 2008. – № 10. – С. 106-108.
202. *Пылин, А.Г.* Потенциал приграничного сотрудничества России и Казахстана как фактор развития экономики регионов в современных условиях / А.Г. Пылин // Геоэкономика энергетики. – 2022. – Т. 18. – № 2. – С. 137-156.
203. *Раджабов, А.А.* Геоэкономические аспекты интегрирования экономики приграничных регионов в международное экономическое пространство (на примере Республики Дагестан) / А.А. Раджабов // Управленческий учет. – 2022. – № 11-3. – С. 846-852.
204. *Раджабов, А.А.* Влияние механизма договорных отношений на развитие экономики приграничных регионов / А.А. Раджабов // Управленческий учет. – 2022. – № 12-1. – С. 116-121.
205. *Ратцель, Ф.* Народоведение: в 2-х томах / Ф. Ратцель. – Т.2. – Четвертое издание. – СПб., Просвещение. – 1904 г. – 874с.
206. *Ратцель, Ф.* Человечество как жизненное явление на земле. – Серия: Академия фундаментальных исследований: этнология / Ф. Ратцель. – М.: Либроком, 2020. – 58 с.
207. *Ратьковская, Т.Г.* Новый "майский указ" Президента: региональные аспекты реализации / Т.Г. Ратьковская // ЭКО. – 2018. – № 12(534). – С. 126-142.

208. Региональная экономика и пространственное развитие. В 2-х т. Т.1. Региональная экономика. Теория, модели, методы/ Под общей ред. Л.Э. Лимонова. – М.: Юрайт, 2014. – 387 с.
209. *Рогачев, И.В.* Приграничное сотрудничество России и Норвегии в Баренцевом Евро-Арктическом регионе: современное состояние / И.В. Рогачев, Е.А. Рогачева // Современная школа России. Вопросы модернизации. – 2022. – № 1-2 (38). – С. 142-143.
210. *Рожкова, Ю.В.* Формирование таможенной инфраструктуры как фактор развития экономики приграничного региона / Ю.В. Рожкова // Взаимодействие реального и финансового секторов в трансформационной экономике: Материалы Международной научной конференции, Оренбург, 04–05 февраля 2008 года. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2008. – С. 482-485.
211. *Романов, М.Т.* Развитие сети городов в приграничных регионах России в новых условиях / М.Т. Романов, А.А. Чурзина // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2012. – № 1 (58). – С. 40-45.
212. *Рустамова, Л.Р.* Внешние связи приграничных российских регионов / Л.Р. Рустамова // Вестник МГИМО Университета. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 177-206.
213. *Рыжова, Н.П.* Развитие окраинных регионов КНР: роль "приграничного пояса открытости" / Н.П. Рыжова // Пространственная экономика. – 2008. – № 4. – С. 36-59.
214. *Рязанцев, С.В.* Демографическое развитие Ферганской долины как приграничного региона Центральной Азии / С.В. Рязанцев, Ф.М. Гарифова // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2022. – Т. 2. – № 3. – С. 49-58.
215. *Савельев, Ю.В.* Региональная экономическая политика в приграничном регионе: постановка исследовательских задач /Ю.В. Савельев // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 13. – С. 23-29.
216. *Савенкова, И.В.* Трансформация внешнеэкономических связей приграничных регионов Российской Федерации в условиях геополитической

- и геоэкономической турбулентности / И.В. Савенкова, Т.Н. Добродомова, О.П. Матвеева // Экономика. Информатика. – 2023. – Т. 50. – № 1. – С. 38-53.
217. *Садыралиев, Ж.* Оценка влияния приграничного положения на социально экономическое развитие региона и перспективы развития приграничных регионов Кыргызской Республики / Ж. Садыралиев, А.Б. Карбекова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 12-3 (75). – С. 189-197.
218. *Сарыглар, С.А.* Особенности адаптивных стратегий иностранных мигрантов в приграничных регионах России / С.А. Сарыглар // Society and Security Insights. – 2022. – Т. 5. – № 2. – С. 64-76.
219. *Себенцов, А.Б.* Институциональное сотрудничество на российских границах: подходы к типологии / А.Б. Себенцов // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации: Монография / Под редакцией Л.И. Попковой, Цезары Мадры, Л.Б. Вардомского. – Курск : Курский государственный университет, 2018. – С. 24-38.
220. *Селиверстова, А.А.* Россия, Белоруссия и Казахстан: возможна ли эффективная торговая интеграция / А.А. Селиверстова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2014. – № 17. – С. 108-110.
221. *Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. М.: изд-ва «Эксмо», 2020. 1056 с.
222. *Соян, Ш.Ч.* Анализ развития приграничных торгово-экономических отношений регионов Сибири с Монголией / Ш.Ч. Соян // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т. 15, № 4(439). – С. 632-643.
223. *Стрижакова, Е.Н.* Развитие промышленной системы региона: факторы и условия / Е.Н. Стрижакова, Д.В. Стрижаков // Региональная экономика: теория и практика. – 2022. – Т. 20. – № 10 (505). – С. 1922-1949.
224. *Суржиков, В.И.* Экономико-географические особенности приграничного положения субъектов Дальнего Востока / В.И. Суржиков // Теория и практика современной науки 3–4 октября 2012 г. – Том II. – С. 110-116.

225. Суслов, В. И. Моделирование и анализ пространственного равновесия в экономике России / В.И. Суслов, Н.М. Ибрагимов, Д.А. Доможиров // Регион: Экономика и Социология. – 2021. – № 4(112). – С. 82-96.
226. Суспицын, С.А. Методы и модели координации долгосрочных решений в системе «национальная экономика – регионы» / С.А. Суспицын / под ред. В.В. Кулешова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – 296 с.
227. Суспицын, С.А. Макроструктурные и пространственные диспропорции экономики России и ее восточных регионов и направления их снижения / С.А. Суспицын // Регион: Экономика и Социология. – 2022. – № 3(115). – С. 3-31.
228. Ткаченко, М.Ф. Факторы и потенциал приграничного сотрудничества регионов государств-членов ЕАЭС / М.Ф. Ткаченко, А.В. Журова // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Экономика. – 2017. – Т. 25 – № 3. – С. 319-332.
229. Толкунов, В.А. Организационно-экономический механизм обеспечения экономической безопасности приграничных регионов / В.А. Толкунов // Экономические системы. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 96-106.
230. Толстогузов, О.В. Дифференциация регионов России и проблемы развития приграничных регионов / О.В. Толстогузов // Проблемы стратегии и тактики регионального развития. – 2011. – Т. 2. – С. 153–162.
231. Троицкий, Е.Ф. Эволюция региональной политики Российской Федерации в конце XX — начале XXI в / Е.Ф. Троицкий, Е.А. Кирилова // Реформы конца XX — начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сборник научных статей, Владивосток, 24–25 ноября 2020 года. – Владивосток: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, 2020. – С. 57-65.
232. Тюнен, И.Г. Изолированное государство / И.Г. Тюнен. – М.: Экономическая жизнь, 1926. – 326 с.

233. Ульрих, П. Сложность "границ": постановка проблемы, терминология и классификация / П. Ульрих, С. Троицкий // Журнал фронтирных исследований. – 2019. – № 4-2 (16). – С. 234-256.
234. Федоров, Г.М. Влияние близости моря на развитие экономики и расселения Калининградской области / Г.М. Федоров, Т.Ю. Кузнецова, В.М. Разумовский // Известия Русского географического общества. – 2017. – Т. 149. – № 3. – С. 15-31.
235. Федюкова, Н.В. Туризм как фактор развития приграничного региона (на примере Псковской области) /Н.В. Федюкова // Вестник Национальной академии туризма. – 2011. – № 2 (18). – С. 85-89.
236. Федюнина, А.А. Эффекты регионального развития от торговой либерализации в теоретических и эмпирических исследованиях / А.А. Федюнина // Балтийский регион. – 2016. – Т. 8. – № 3. – С. 93 – 112.
237. Федюнина, А.А. Секторальные особенности интеграции российской экономики в глобальные цепочки добавленной стоимости и следствия для структурной политики / А.А. Федюнина, Ю.В. Симачев, М.Г. Кузык, Ю.В. Аверьянова // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2020. – № 3(47). – С. 106-127.
238. Филимонова, И.В. Влияние нефтегазовой отрасли на экономику добывающих стран / И.В. Филимонова, Л.В. Эдер, И.В. Проворная, Д.М. Черепанова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2020. – Т. 36. – № 4. – С. 693-718.
239. Хаусхофер, К. Теория жизненного пространства / К. Хаусхофер, Ф. Ратцель. – Серия: Философский поединок. – М.: изд-во «Алгоритм», 2018. – 240 с.
240. Хмелева, Г.А. Трансграничное взаимодействие приграничных регионов с позиций теории конкурентного сотрудничества / А.Г. Хмелева, М.В. Курникова, М.А. Мекин // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16. – № 8. – С. 2949-2962.

241. *Хмелева, Г.А.* Базовые принципы стратегического подхода к конвертации приграничного положения российских сопредельных регионов в конкурентные преимущества / Г.А. Хмелева, С.С. Асанова, М.В. Курникова // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12. – № 8. – С. 2161-2176.
242. *Цветкова, О.В.* Политическая лимология: концепт границы / О.В. Цветкова// Регионология. – 2015. – № 3 (92). – С. 5-12.
243. *Цымбурский, В.Л.* Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее geopolитика / В.Л. Цымбурский. – Едиториал УРСС, 2000. – 144 с.
244. *Чаплыгина, О.Г.* Экспорт и импорт российской сельскохозяйственной продукции и продовольствия: современные стороны развития / О.Г. Чаплыгина // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2018. – Т. 4 (14). – № 4. – С. 292-300.
245. *Чернов, Н.А.* Внешняя торговля России: гравитационный подход / Н.А. Чернов // Вестник университета. – 2017. – № 4. – С. 79-84.
246. *Чернова, Т.В.* Анализ территориальной дифференциации основных показателей развития малого предпринимательства / Т.В. Чернова // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2022. – № 2(78). – С. 130-135.
247. *Чулунбат, О.* Российско-монгольские экономические отношения / О. Чулунбат // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – № 1. – С. 96-101.
248. *Шамахов, В.А.* Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: экономические возможности и управлеченческие ограничения / В.А. Шамахов, Н.М. Межевич // Управленческое консультирование. – 2019. – № 4(124). – С. 19-27.
249. *Швед, А.В.* Эффективность внешней торговли: подходы к статистической оценке / А.В. Швед // Вопросы статистики. – 2020. – Т. 27. – № 4. – С. 88-96.

250. *Швец, А.Б.* Риски Крымско-украинского приграничья / А.Б. Швец // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации: Монография / Под редакцией Л.И. Попковой, Цезары Мадры, Л.Б. Вардомского. – Курск: Курский государственный университет, 2018. – С. 111-126.
251. *Швецов, А.Н.* Снова об уникальном академическом исследовании пространственного развития постсоветской России (содержание и итоги серии программ фундаментальных работ ученых РАН в 2009-2020 гг.) / А.Н. Швецов // Российский экономический журнал. – 2021. – № 4. – С. 34-51.
252. *Шлямин, В.А.* Приграничное экономическое Сотрудничество России и Финляндии: преодоление новых вызовов / В.А. Шлямин, Е.Г. Гладких // Современная Европа. – 2022. – № 1(108). – С. 139-153.
253. *Шнипер, Р.И.* Регион: диагностика и прогнозирование / Р.И. Шнипер. – Новосибирск, 1996. – 251 с.
254. *Шувалов, В.Е.* Барьерная и связующая функции административных границ и их роль в территориальной организации производства и расселения / В.Е. Шувалов // Территориальная организация производства и проблемы расселения. – Свердловск: Изд-во СГПИ. – 1981. – С. 32-40.
255. *Amos, O. M.* Unbalanced regional growth and regional income inequality in the latter stages of development / О.М. Amos // Regional Science and Urban Economics. – 1988. – Vol. 18. – P. 549–66.
256. *Anderson, M.* Frontiers: Territory and State Formation in the Modern World / М. Anderson. – Cambridge, UK: Polity Press, 1996. – 255 p.
257. *Anderson, J.* Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle / J. Anderson, E. van Wincoop // American Economic Review. – 2003. – Vol. 93. – P. 170-92.
258. *Anselin, L.* Spatial Econometrics / T.C. Mills and K. Patterson (Eds.), Palgrave Handbook of Econometrics: Volume 1, Econometric Theory, Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2006. – P. 901–969.

259. *Antonescu, D.* Identifying Regional Disparities in Romania: A Convergence Process Perspective in Relation to European Union's Territorial Structures / D. Antonescu // Procedia Economics and Finance. – 2012. – Vol. 3. – P. 1148-1155.
260. *Appadurai, A.* Theory in Anthropology: Center and Periphery / A. Appadurai // Comparative Studies in Society and History. – 1986 – Vol 28 (No 1). – P. 356-361.
261. *Atkinson, A.B.* The Economics of Inequality / A.B. Atkinson. – Oxford: Clarendon Press, 1983. – 342 p.
262. *Baklanov, P.Ya.* Transboundary regions of East Asia: Geographical and political preconditions and limitations to long-term development / P.Ya. Baklanov, M.T. Romanov // Geography, Environment, Sustainability. – 2020. – Vol. 13. – No. 1. – P. 57-63.
263. *Balance, R.H.* Consistency tests of alternative measures of comparative advantage / R.H. Balance, H. Forstner, T. Murray // Review of Economics & Statistics. – 1987. – Vol. 69. – P. 157-161.
264. *Balibar, E.* The Borders of Europe / E. Balibar // Cosmopolitics, Thinking and Feeling beyond the Nation (edited by Pheng Cheah and Bruce Robbins). – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1998. P. 216–229.
265. *Barro, R.* Economic Growth / R. Barro, X. Sala-i-Martin. 2nd ed. Cambridge, MA, London: MIT Press, 2004. – 672 pp.
266. *Bellet, M.* Et pourtant ça marche! (quelques réflexions sur l'analyse du concept de proximité) / M. Bellet, G. Colletis, B. Lecoq, Y. Lung, B. Pecqueur, A. Rallet, A. Torre // Revue d'économie industrielle. – 1992. – Vol. 61. – P. 111-128.
267. *Bemrose, R.* Going the Distance: Estimating the Effect of Provincial Borders on Trade When Geography (and Everything Else) Matters / R. Bemrose, W. Brown, J. Tweedle // Canadian Journal of Economics. – 2020. – No. 53. – P. 1098-131.
268. *Bhagwati, J.N.* Export-Promoting Trade Strategy: Issues and Evidence / J.N. Bhagwati // World Bank Research Observer. – 1988. Vol. 3.– Issue 1. – P. 27-57.

269. *Blatter, J.* Cross Border Cooperation in Europe in European Perspectives on Borderlands / J. Blatter, C. Norris // Journal of Borderlands Studies. – 2001. – Vol. 15. – No. 1. P. 13-15.
270. *Böhm, H.* Czech–Polish Cross-Border (Non) Cooperation in the Field of the Labor Market: Why Does It Seem to Be Un-De-Bordered? / H. Böhm, W. Opioła // Sustainability. – 2019. – Vol. 11. – P. 2855.
271. *Borts, G.H.* The Equalisation of Returns and Regional Economic Growth / G.H. Borts // The American Economic Review. – 1960. – # 50. – pp. 319-347.
272. *Boggs, S.W.* International Boundaries: A Study of Boundary Functions and Problems / S.W. Boggs. – New York: Columbia University Press, 1940. – 272 p.
273. *Bosker, M.* The spatial evolution of regional GDP disparities in the ‘old’ and the ‘new’ Europe / M. Bosker // Papers in Regional Science. – 2009. – Vol. 88. – No.1. – P. 3–27.
274. *Boudeville, J.R.* L'espace et les pôles de croissance / J.R. Boudeville. – Paris, 1968. – 232 p.
275. *Braudel, F.* Pour une économie historique / F. Braudel // Revue économique. – 1950. –Vol. 1. – No. 1. – P. 37-44.
276. *Boulding, KE.* Conflict and defense: a general theory / K.E. Boulding. – New York: Harper & Brothers, 1962. – 349 p.
277. *Brülhart, M.* Let There Be Light: Trade and the Development of Border Regions / M. Brülhart, O. Cadot, A. Himbert. – Fondation pour les études et recherches sur le développement international, 2019. – Working Paper No. 251. – Available at: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02071819/document> (дата обращения: 01.03.2024)
278. *Brunet-Jailly, E.* NAFTA, Economic Integration and the Canadian-American Security Regime in the postSeptember 11, 2001, Era: Multi-level Governance and Transparent Border? / E. Brunet-Jailly // Journal of Borderlands Studies. – 2004. – Vol. 19. No. 1. – P. 71-93.

279. *Buchanan, A.* States, Nations and Borders: The Ethics of Making Boundaries / A. Buchanan, M. Moore. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. – 343 p.
280. *Bufon, M.* Cross-border policies and spatial and social integration: between challenges and problems / M. Bufon // European spatial research and policy. – 2011. – Vol. 18. – No. 2. – P. 29–45.
281. *Cadot, O.* Export Diversification: What's Behind the Hump? / O. Cadot, C. Carre, V. Strauss-Kahn // The Review of Economics and Statistics. – 2011. – Vol. 93 (2). – P. 590—605.
282. *Cappellano, F.* Economic drivers in cross-border regional innovation systems / F. Cappellano, A. Rizzo // Regional Studies, Regional Science. – 2019 – Vol. 6. – P. 460–468.
283. *Capello, R.* Regional Growth and Local Development Theories: Conceptual Evolution over Fifty Years of Regional Science / R. Capello // Dans Géographie, économie, société. – 2009/1. – Vol. 11. – P. 9-21.
284. *Carluer, F.* Réseaux d'entreprises et dynamiques territoriales: une analyse stratégique / F. Carleur // Géographie, Economie, Société. – 2006. – Vol. 8. – № 2. – P. 193-214.
285. *Christaller, W.* Central Places in Southern Germany / W. Christaller / Transl. by Baskin C.W. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966. – 230 p.
286. *Ciok, S.* Implementation of the EU Community Initiative INTERREG III A at the Polish-German border an attempt at evaluation / S. Ciok, A. Raczyk, M. Leibnath, E.K. Korcelli-Olejniczak // Cross-Border Governance and Sustainable Spatial Development; Central and Eastern European Development Studies; Leibnath M., Korcelli-Olejniczak E., Knippschild R., Eds.; Springer: Berlin/Heidelberg, Germany, 2008. – P. 33-47.
287. *Coughlin, C.C.* Estimating Border Effects: The Impact of Spatial Aggregation / C.C. Coughlin, D. Novy // International Economic Review. – 2021. – 62(4). – P. 1453-1487.

288. *Coughlin, C.C.* Is the International Border Effect Larger than the Domestic Border Effect? Evidence from U.S. Trade / C.C. Coughlin, D. Novy // CESifo Economic Studies. – 2013. – Vol.53. – P. 249-76.
289. *Claval, P.* Les modèles sociaux en géographie / P. Claval // Revue de géographie de Lyon. – 1984. – Vol. 59. – № 3. – P. 157-172.
290. *Cuadrado Roura, J. R.* Structural changes in the Spanish economy: Their regional effects / J.R. Roura Cuadrado // Industrial change and regional economic transformation: The experience of Western Europe (eds. L. Rodwin and H. Sazanami). – London: Harper Collins Academic, 1991. – P. 168–201.
291. *Curzon, N.G.* Frontiers / N.G. Curzon. – Series: Romanes lecture. – Edition: 2d ed. – Clarendon Press, Oxford, 1908. – 58 P.
292. *Daumal, M.* The Impact of International Trade Flows on Economic Growth in Brazilian States / M. Daumal, S. Özyurt // Review of Economics and Institutions. – 2011. – No. 2(1). – Article 5.
293. *Dear, M.* Why Walls Won't Work: Repairing the US-Mexico Divide / M. Dear. – New York: Oxford University Press, 2013. – 286 P. (P. 71-72).
294. *Durà, A.* Euroregions, Excellence and Innovation across EU borders / A. Dura, F. Camonita, M. Berzi, A. Noferini. – A Catalogue of Good Practices; Department of Geography, UAB: Barcelona, Spain, 2018. – P. 254.
295. *Decoville, A.* Comparing Cross-border Metropolitan Integration in Europe: Towards a Functional Typology / A. Decoville, F. Durand, C. Sohn, O. Walther // Journal of Borderlands Studies. – 2013. – Vol. 28. No. 2. – P. 221–237.
296. *Decoville, A.* Challenges and obstacles in the production of cross-border territorial strategies: the example of the Greater Region / A. Decoville, F. Durand // Transactions of the Association of European Schools of Planning. – 2017. – Vol. 1. – No. 1. P. 65–78.
297. *Deardorff, A.V.* The general Validity of the law of comparative advantage / A.V. Deardorff // Journal of Political Economy. – 1980. – Vol. 88. – P. 941-957.
298. *Drevon, G.* Measuring functional integration by identifying the trip chains and the profiles of cross-border workers: empirical evidences from Luxembourg /

- G. Drevon, P. Gerber, O. Klein, C. Enaux // *Journal of Borderlands Studies*. – 2018. – Vol.33. – No. 4. – P. 549–568.
299. *Dołzbłasz, S.* Transborder co-operation and competition among firms in the Polish-German borderland / S. Dołzbłasz, A. Raczyk // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. – 2016. – Vol. 108. P. 141–156.
300. *Duchacek, I.D.* The International Dimension of Subnational Self-Government / I.D. Duchacek // *Publius*. – 1984. – Vol. 14. – No. 4. – P. 5-32.
301. *Dupuy, P.M.* Legal Aspects of Transfrontier Regional Co-operation / P.M. Dupuy // *West European Politics*. – 1982. – Vol. 5. – No. 4. – P. 50-63.
302. *Engel, Ch.* How Wide is the Border? / Ch. Engel, J. Rogers // *American Economic Review*. – 1996. – Vol. 86. – No. 5. – P.1112-1125.
303. Epifanova, N.S. Value-added interregional inequality assessment of border regions in Russia /N.S. Epifanova // E3s web of conferences : VI International Scientific Conference “Territorial Inequality: a Problem or Development Driver” (REC-2021), Ekaterinburg, 23–25 июля 2021 года. Vol. 301. – Ekaterinburg: EDP Sciences - Web of Conferences, 2021. – P. 04007.
304. *Evrard, E.* The European Grouping of Territorial Cooperation (EGTC): Towards a supraregional scale of governance in the Greater Region SaarLorLux? / E. Evrard // *Geopolitics*. – 2016. – Vol. 21. – No. 3. – P. 513–537.
305. *Fauser, M.* Migrations and border processes: politics and practices of belonging and exclusion from the 19th to the 21st century / M. Fauser, A. Friedrichs, L. Harders // *Journal of Borderlands Studies*. - 2019. - Volume 34, Issue 4. - P. 483-488.
306. *Fetter, F.A.* The Economic Law of Market Areas / F.A. Fetter // *The Quarterly Journal of Economics* Vol. 38. – No. 3 (May). – 1924. – P. 520-529.
307. *Filho, J.* Economic integration, poverty and regional inequality in Brazil / J. Filho, J. Horridge // *Revista Brasileira de Economia*. – 2006. – Vol.60 – No.4. – P. 363 - 387.

308. *Fischer, R.D.* Income Inequality and Choice of Free Trade in a Model of Intraindustry Trade / R.D. Fisher, P. Serra // The Quarterly Journal of Economics. 1996. – Vol. 111. – No. 1. – P. 41-64.
309. *Frankel, J.A.* Does trade cause growth? /J.A. Frankel, D.H. Romer // American Economic Review. – 1999. – Vol. 89. – P. 379–399.
310. *Friedmann, J.* Regional development policy / J. Friedmann. – Cambridge, 1968. – 279 P.
311. *Fujita, M.* The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade / M. Fujita, P. Krugman, A. Venables. – Cambridge, MA: MIT Press, 1999.
312. *Gadal, S.* Borders, frontiers and limits: Formal concepts beyond words / S. Gadal, R. Jeansoulin. Conference: First AGILE Conference, 1998. Conference paper. Available at: https://www.researchgate.net/publication/220049680_Borders_frontiers_and_limits_Formal_concepts_beyond_words (дата обращения: 01.03.2024)
313. *Gnidchenko, A.A.* Trade intensity, net trade, and revealed comparative advantage / A.A. Gnidchenko, V.A. Salnikov. – Basic Research Program. Wirkung Papers Series. – Series: Economics. -- National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow. – 2021. – No. WP BRP 244/EC/2021. – 17 P.
314. *González-Gómez, T.* Reporting a bottom-up political process: Local perceptions of cross-border cooperation in the southern Portugal-Spain region / T. González-Gómez, E. Gualda // European Urban Regional Studies. – 2014. – Vol. 23. – P. 1–13.
315. *Gonzales Rivas, M.* The Effect of Trade Openness on Regional Inequality in Mexico / M. Gonzalea Rivas // The Annals of Regional Science. – 2007. – No. 41(3). – P. 545-561.
316. *Grubel, H.G.* Intra-industry trade / H.G. Grubel, P.J. Lloyd. London: Macmillan, 1975. – 205 p.

317. *Gupta, A.* “Beyond “Culture”: Space, Identity, and the Politics of Difference” / A. Gupta, J. Ferguson // *Cultural Anthropology*. – 1992. – Vol. 7 (No. 1). – P. 6–23.
318. *Guz-Vetter, M.* Polsko-niemieckie pogranicze. Szanse i Zagrożenia w Perspektywie Przystąpienia Polski do Unii Europejskiej / M. Guz-Vetter. – Instytut Spraw Publicznych: Warszawa, Poland, 2002. – 171 s.
319. *Hägerstrand, T.* What about nature in regional science? / T. Hägerstrand // Lundqvist L., Persson L.O. (Eds.), *Visions and Strategies in European Integration. A North European Perspective*. Springer-Verlag, Berlin Heidelberg, 1993. P. 155–161.
320. *Hansen, N.* Border regions: A critique of spatial theory and a European case study / N. Hansen // *The Annals of Regional Science*. – 1977. – No. 11. – P. 1–14.
321. *Hartshorne, R.* Geographic and Political Boundaries in Silesia / R. Hartshorne // *Annals of the Association of American Geographers*. – 1933. – Vol. 23. No. 4. – P. 195–228.
322. *Heckscher, E.F.* The Effects of Foreign Trade on the Distribution of Income / E.F. Heckscher // In: eng. ver. in Ellis H. S. and Metzler L. S. (eds.) *Readings on the Theory of International Trade*. London: Allen&Unwin, 1950. P. 270–300.
323. *Henderson, J.* The sizes and types of cities / J. Henderson // *American Economic Review*. – 1974. – #64. – P. 640–56.
324. *Hillman, A.L.* Observations on the relation between 'revealed comparative advantage' and comparative advantage as indicated by pre-trade relative prices / A.L. Hillman // *Weltwirtschaftliches Archiv*. – 1980. – Vol. 116 – P. 315–321.
325. *Hippe, S.* Convergence and resilience in border regions / S. Hippe, D. Bertran, T. Chilla // *European Planning Studies*. 2023. – No. 1. – March. – P. 1 – 22.
326. *Hospers, G.J.* Borders, bridges and branding: The transformation of the Öresund region into an imagined space / G.J. Hospers // *European Planning Studies*. – 2006. – Vol. 14. – P. 1015–1033.
327. *Hotelling, H.* Stability in competition / H. Hotelling // *The Economic Journal*. – 1929. – Vol. 39. – No. 153 (March). – P. 41 – 57.

328. *Houtum, van H.* The Geopolitics of Borders and Boundaries / H. van Houtum // *Geopolitics*. – 2005. – Vol. 10 (No. 4). – P. 672-79.
329. *Houtum, van H.* Europe's Shame. Death at the Borders of the EU / H. van Houtum, F. Boedeltje // *Antipode*. – 2009. – Vol. 41. – No. 2. – P. 226-30.
330. *Howaniec, H.* Instrument Rozwoju Polsko-Słowackiej Współpracy Transgranicznej / H. Howaniec, J Kurpwska-Pysz, J. Klaster. Wydawnictwo Naukowe Wyższej Szkoły Biznesu w Dąbrowie Górniczej: Dąbrowa Górnicza, Poland, 2014. – 121 p.
331. *Hyson, C.D.* The Economic Law of Market Areas / C.D. Hyson, W.P. Hyson // *Quarterly Journal of Economics*. – 1950. – # 64. P. 319– 327.
332. *Imbs, J.* Stages of Diversification / J. Imbs, R. Wacziarg // *American Economic Review*. – 2003. – Vol. 93. – P. 63—86.
333. *Isard, W.* Methods of Regional Analysis: An Introduction to Regional Science / W. Isard. – Boston: Technology Press of Massachusetts Institute of Technology and New York: John Wiley & Sons, 1960. – 784 P.
334. *Kastoryano, R.* Negotiating Identities: States and Immigrants in France and Germany / R. Kastoryano. – Translated by B. Harshav. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002. – 227 P.
335. *Kim, S.* Spatial inequality and development: theories, facts and policies / S. Kim // *Urbanization and Growth* / Ed. by R. Buckley, P. Annez, M. Spence. – Washington, DC: The International Bank for Reconstruction and Development; World Bank, 2009. – P. 133–166.
336. *Klatt, M.* Half Empty or Half Full? Over 30 Years of Regional Cross-Border Cooperation within the EU: Experiences at the Dutch–German and Danish–German Border / M. Klatt. H. Nerrmann // *Journal of Borderlands Studies*. – 2011. – Vol. 26. – No. 1. – P. 65–87.
337. *Koszyk-Białobrzeska R.* Współpraca Transgraniczna Wschodnich Regionów POLSKI /R. Koszyk-Białobrzeska, R. Kisiel // Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego: Olsztyn, Poland, 2003. – P. 5-18.

338. Krugman, P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Patterns of Trade / P. Krugman // American Economic Review. – 1980. – No. 70(5). – P. 950-959.
339. Krugman, P. Increasing returns and economic geography / P. Krugman // Journal of Political Economy 99. – 1991. – P. 484–99.
340. Kuenne, R.E. Spatial Oligopoly: Price-Location Interdependence and Social Cost in a Discrete Market Space / R.E. Kuenne // Regional Science and Urban Economics. – 1977. – Vol. 7. – P. 339-58.
341. Lafay, G. The measurement of revealed comparative advantages / G. Lafay. In: Dagenais M. G., Muet P.-A. (eds.) International Trade Modelling. London: Chapman & Hall, 1992. – P. 274-305.
342. Lamont, M. The Study of Boundaries in the Social Sciences / M. Lamont, V. Molnar // Annual Review of Sociology. – 2002. – Vol. 28. – P. 167–195.
343. Launhardt, W. Mathematical principles of Economics / W. Launhardt. – Edited with a new introduction by John Creedy, Wellington School of Business and Government, Victoria University of Wellington, New Zealand. – 1992. – 208 p.
344. Le Pen Y. Convergence international des revenus par fete: Un tour d'horizon / Y. Le Pen // Revue d'Economie Politique. – 1997. – Vol. 107. – P. 715 - 756.
345. Ledyanova, S. Spatial Econometric Analysis of Foreign Direct Investment Determinants in Russian Regions /S. Ledyanova // The World Economy. – 2009. – Vol. 32, Issue 4 – P. 643-666.
346. Leea, J. Do Free Trade Agreements Affect Income Inequality?: An Empirical Investigation / J. Leea, J. Kimb // Journal of International Trade & Commerce (J. Int. Trade Commer.) – 2016. – Vol.12, No.6. – P. 53-63.
347. MacKinder, H. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction / H. MacKinder. – New York: Simon and Schuster, 1919. – 213 p.
348. Makkonen, T. Border region studies: the structure of an ‘offbeat’ field of regional studies / T. Makkonen, A.M. Williams // Regional Studies, Regional Science. – 2016. – Vol. 3. – No 1. – P. 355-367.

349. *Martinez, O.J.* Border people. Life and society in the U.S / O.J. Martinez. – Mexico borderlands, The University of Arizona Press, Tucson, 1994. – 375 p.
350. *Maucorps, A.* Chart of the month: The role of capital regions in CESEE / A. Maucorps // In Vasily Astrov (ed.), wiiw Monthly Report. – No. 06/2022. Vienna: wiiw. – P. 7-8.
351. *McCallum, J.* National Borders Matter: Canada-U.S. Regional Trade Patterns / J. McCallum // American Economic Review. – 1995. – Vol. 85. – P. 615-23.
352. *McKinsey, L.* Borderlands Reflections: The United States and Canada / L. McKinsey, V. Konrad. – Orono, ME: University of Maine Borderlands Project, 1989.
353. *Menon, R.* Buffer zones: Anachronism, power vacuum, or confidence builder? / R. Menon, J.L. Snyder // Review of International Studies. 2017. – Volume 43. – Issue 5 (December). P. 962 – 986.
354. *Minghi, J.* Review Article: Boundary Studies in Political Geography / J. Minghi // Annals of the Association of American Geographers. – 1963. – Vol. 53. No. 3. P. 407-428.
355. *Miron, J.* The Geography of Competition: Firms, Prices, and Localization / J.Miron. Springer: New York, 2010. – 456 p.
356. *Mirwaldt, K.* The Small Projects Fund and Social Capital Formation in the Polish–German Border Region: An Initial Appraisal / K. Mirwaldt // Regional Studies. – 2012. – Vol. 46. – P. 259–272.
357. *Morata, F.* The Pyrenees-Mediterranean Euroregion: Functional networks, actor perceptions and expectations / F. Morata, A. Noferini // Europe's Changing Geography: The Impact of Inter-Regional Networks; Bellini, N., Hilpert, U., Eds.; Routledge: London, UK, 2013. – P. 171–190.
358. *Myrdal, G.* Economic Theory and Under-developed Regions / G. Myrdal. – London: Duckworth, 1957. – 167 p.
359. *Nail, T.* Theory of the Border / T. Nail. Oxford University Press, 2016. – 275 p.

360. *Newman, D.* Into the Millennium: the study of international boundaries in an era of global and technological change / D. Newman // Boundary and Security Bulletin. – 1999. – Vol. 7. – No. 4. – P. 63-71.
361. *Nevins, J.* Operation Gatekeeper: The Rise of the “Illegal Alien” and the Making of the U.S / J. Nevins. – Mexico Boundary. – New York: Routledge, 2002. – 286 P.
362. *Niem, L.D.* Economic development, vertical intra-industry trade and gains from trade / L.D. Niem, T. Kim // Modern Economy. – 2014. – No. 5. – P. 1-10.
363. *Nourse, H.O.* Regional economics; a study in the economic structure, stability, and growth of regions / H.O. Nourse. – McGraw-Hill Book Company, 1968. – 248 p.
364. *O'Dowd, L.* Buffer Zone or Bridge: Local Responses to Cross-border Economic Cooperation in the Irish Border Region / L. O'Dowd, J. Corrigan // Administration. – 1995. – Vol. 42. – P. 335-351.
365. *Ohlin, B.* Interregional and International Trade / B. Ohlin. Cambridge: Harvard University Press, 1933.
366. *Ohmae, K.* The Borderless World / K. Ohmae. – London: Collins, 1990. – 276 p.
367. *Ohmae, K.* The end of the nation state: The rise of regional economies / K. Ohmae. – L.: Harper Collins, 1995. – 214 p.
368. *Ohmae, K.* Managing in a borderless world / K. Ohmae // Harvard Business Review. – 1989. – May–June issue. – P.152-161.
369. *Paasi, A.* The Political Geography of Boundaries at the End of the Millennium: Challenges of the Deterritorializing World / A. Paasi // Heikki Esklinen, Ilkka Liikanen, and Jukka Oksa (eds.), Curtain of Iron and Gold: Reconstructing Borders and Scales of Interaction. – Aldershot, UK: Ashgate, 1999. – P. 9-24.
370. *Paasi, A.* Borders and border-crossings/ A. Paasi // New Companion to Cultural Geography. London: Wiley-Blackwell, 2012. – P. 478-493.

371. *Palander, P.* Beträge zur Standortstheorie / P. Palander. – Almqvist & Wiksell's Boktryckeri-A.-B., 1935. – 419 p.
372. *Parr, J.B.* The Law of Retail Gravitation: Insights from Another Law / J.B. Parr // Environment and Planning A: Economy and Space. – 1997. – No. 29(8). – P. 1477–1492.
373. *Phaneuf, V.M.* The Vermont–Québec Border Region: Negotiations of Identity and Logic in the Northeast Kingdom / V.M. Phaneuf // Journal of Borderlands Studies. – 2013. – Volume 28. – P. 109-125.
374. *Perroux, F.* Economic space: theory and application / F. Perroux // The Quarterly Journal of Economics. – 1950. Vol. 64. Issue 1. – P. 89-104.
375. *Pisani, M.J.* Looking back twenty-three years: An analysis of contributors and contributions to the Journal of Borderlands Studies, 1986 (volume 1, number 1) to 2008 (volume 23, number 2) / M.J. Pisani, J.C. Reyes, B.G. Gr Garcia // Journal of Borderlands Studies. – 2009. – Vol. 24. – No. 1. – P. 1-17.
376. *Predöhl, A.* Das Standortsproblem In der Wirtschaftstheorie, Weltwirtschaftliches Archiv / A. Predöhl. – 1935. – t.21.
377. *Prokkola, E.K.* Cross-border regionalization, the INTERREG III A initiative, and local cooperation at the Finnish – Swedish border / E.K. Prokkola // Environment and Planning. – 2011. Vol. 43. – P. 1190–1208.
378. *Rietveld, P.B.* Effects of Borders: Implications for Border-Crossing Infrastructures / P.B. Rietveld // European Journal of Transport and Infrastructure Research. – 2012. – Vol. 12 (2). – P. 150–166.
379. *Rodil-Marzábal, Ó.* Euroregions in Perspective: Old issues and new challenges for cooperation / Ó. Rodil-Marzábal, M.C. Sánchez-Carreira, P.J. Reis Mourão, M. Gancarczyk // Galician Journal of Economics. Special Issue. – 2022. – Vol 31. No 2. – P. 1-6.
380. *Rodríguez-Pose, A.* Trade and Regional Inequality A. Rodríguez-Pose // Economic Geography. – 2012. – Vol. 88. – Issue 2. – P. 109-136.

381. *Roy, O.M.* The Role of Russian Border Regions in the Cross-Border Cooperation between Russia and Kazakhstan / O.M. Roy // R-Economy. – 2022. – Vol. 8, No. 4. – P. 369-383.
382. *Royuela, V.* The short-run relationship between inequality and growth: evidence from OECD regions during the Great Recession / V. Royuela, P. Veneri, R. Ramos // Regional Studies. – 2019. – Vol. 53. – No. 4. – P. 574–86.
383. *Sala-i-Martin, X.* The Classical Approach to Convergence Analysis / X. Sala-i-Martin // The Economic Journal. – 1996. – Vol. 106. – No. 437. – July. – P. 1019-1036.
384. *Solow, R.M.* Growth theory: an exposition / R.M. Solow. – Oxford: Clarendon Press, 1970. – 109 p.
385. *Santos, P.G.* M. Export-led growth in Europe: Where and what to export? / P.G. Santos, A.P. Ribeiro, V.M. Carvalho. – FEP Working Papers 479. – Universidade do Porto, Faculdade de Economia do Porto, 2013. – 33 P.
386. *Scott, J.W.* Transborder Cooperation, Regional Initiatives, and Sovereignty Conflicts in Western Europe: The Case of the Upper Rhine Valley / J.W. Scott // Publius: The Journal of Federalism. – 1989. – Vol 19. – Issue 1. – P. 139-156.
387. *Sen, A.* On Economic Inequality / A. Sen. – Oxford, 1973. – 118 p.
388. *Siebert, H.* Economics of the Environment: Theory and Policy / H. Siebert. – Seventh Edition. – Springer Berlin Heidelberg New York, 2008. – 333 p.
389. *Starrett, D.* Principles of optimal location in a large homogeneous area // Journal of Economic Theory / D. Starrett. 1974. – No. 9. – P. 418–48.
390. *Stryjakiewicz, T.* The changing role of border zones in the transforming economies of East-Central Europe: The case of Poland / T. Stryjakiewicz // GeoJournal. – 1998. Vol. 44. – P. 203–213.
391. *Suchacek, J.* Solid as a Rock: Media Portrayals of Cross-Border Activities / J. Suchacek // Sustainability. – 2022. – Vol. 14. – No. 15749. – P. 2-13.
392. *Svensson, S.* The building blocks of a Euroregion: novel metrics to measure cross-border integration / S. Svensson, C. Nordlund // Journal of European Integration. – 2015. – Vol. 37. No. 3. – P. 371–389.

393. *Theocharis, D.R.* The Development of Mathematical Economics: The Years of Transition / D.R. Theocharis. Palgrave Macmillan UK, 1993. – 355 p.
394. *Thompson, H.* Free trade and income redistribution in some developing and newly industrialized countries / H. Thompson // Open Economies Review. – 1995. – Vol. 6. – P. 265–280.
395. *Topaloglou, L.* border regions typology in the enlarged European Union / L. Topaloglou, D. Kallioras, P. Manetos, G.A. Petrakos // Journal of Borderlands Studies. – 2005. – Vol. 20. No. 2. – P. 67-89.
396. *Turner, F.J.* The Significance of the Frontier in American History / F.J. Turner // Annual Report of the American Historical Association for the year 1893. – Washington: Government printing office, 1894. – P. 197–227.
397. *Vaishar, A.* Contemporary development of peripheral parts of the Czech-Polish borderland: Case study of the Javorník area / A. Vaishar, P. Dvořák, V. Hubačíková, J. Zapletalová // Geographia Polonica. – 2013. – Vol. 86. P. 237–254.
398. *Velde, Van Der B.M.R.* So many regions, so many borders: a behavioural approach in the analysis of border effects / Van Der B.M.R. Velde. Paper prepared for the 37th European Congress of the Regional Science Association, Rome, Italy, August 26-29, 1997.
399. *Watson, T.* Inequality and the Measurement of Residential Segregation by Income in American Neighborhoods / T. Watson // Review of Income and Wealth. – 2009. – Vol. 55. – P. 820–44.
400. *Weber, A.* Theory of Location of Industry / A. Weber. Chicago, University of Chicago Press, 1929. – 256 p.
401. *Williamson, J.G.* Regional inequality and the process of national development: a description of the patterns / J.G. Williamson // Economic development and Cultural Change. – 1965. – Vol. 13 Fujita (4). – Pp. 1–84.
402. *Winnick, L.* Place prosperity vs people prosperity: welfare considerations in the geographic redistribution of economic activity / L. Winnick / Essays in Urban Land Economics in Honor of the Sixty-fifth Birthday of Leo Grebler, University of

California at Los Angeles. – Los Angeles, CA: Real Estate Research Programme, 1966. – P. 273–283.

403. *Xiekui, Zhang*, Open doors: The impact of border reforming and opening policies on the regional border economies of China / Xiekui Zhang, Xinfeng Zuo, Xinjian Chen // International Studies and Economics. – 2023. – December. – Volume18, Issue4. – P. 527-546.

404. *Wróblewski, Ł.D.* Polsko-niemiecko-szwedzka współpraca regionalna w latach 2007–2013 w Euroregionie Pomorania / Ł.D. Wróblewski // Przegląd Zachodni. – 2010. – Vol. 3. – P. 192–200.

405. 曾冰. 边界效应与省际边界区经济发展—基于新经济地理视角 // 财经科学. – 2015. – 9. – 87-97. [Цзэн, Бин. Эффект границы и экономическое развитие межпровинциальных приграничных территорий — с точки зрения новой экономической географии / Цзэн Бин // Финансы и экономика. – 2015. – №. 9. – с. 87-97.]

406. 曾冰. 基于 NPP/VIIRS 夜间灯光数据的湘鄂赣省际交界区县域经济空间格局及影响因素 // 地理科学. – 2020. – 40 (6). – P. 900-907. [Цзэн, Бин. Экономическая пространственная структура округа и влияющие факторы в межпровинциальной зоне Хунани, Хубэя и Цзянси на основе данных ночного освещения АЭС/VIIRS / Цзэн Бин // Географическая наука. – 2020. – № 40 (6). – с. 900-907].

407. 陈永林, 谢炳庚, 杨贤房, 等. 多引力作用下的省际边界县域经济空间格局及发展思路—以赣粤闽客家聚居区为例 // 经济地理. - 2018. - 38(1). P. 46-51. [Чэнь, Юнлинь. Экономическая пространственная структура и идеи развития межпровинциальных приграничных округов под влиянием мультигравитации на примере поселений хакка в Цзянси, Гуандуне и Фуцзянь / Чэнь Юнлинь, Се Бинген, Ян Сяньфан и др. // Экономическая география. - 2018. - №. 38(1). – с. 46-51].

408. 曾冰, 张朝, 龚征旗, 等. 从行政区和经济区关系演化探析我国省际交界地区发展 // 经济地理. – 2016. – 36 (1). – 27-52. [Цзэн, Бин. Анализ развития межпровинциальных приграничных территорий в моей стране с точки зрения эволюции взаимоотношений между административными районами и экономическими зонами / Цзэн Бин, Чжан Чао, Гун Чжэнци и др. // Экономическая география. – 2016. – № 36 (1). – с. 27-52].

409. 安树伟, 母爱英. 省级“行政区边缘经济”与统筹区域协调发 // 西部论坛. – 2005. – 6. – 52-56. [Ань, Шувэй. «Маргинальная экономика административного региона» и координация регионального развития / Ань Шувэй, Му Айин // Западный форум. – № 2005 (6). – с. 52-56].

410. 丁建军, 冷志明, 杨宗锦. 政绩考核方式与省际边界区域经济协同发展—一个基于政治晋升模型的思考 // 制度经济学研究. – 2009. – 2. – 100-111. [Дин, Цзяньцзюнь. Методы оценки политической эффективности и скоординированное развитие межпровинциальных приграничных региональных экономик — отражение на основе модели политического продвижения / Дин Цзяньцзюнь, Ленг Чжимин, Ян Цзунцзин // Исследования по институциональной экономике. – 2009. – № 2. – с. 100-111].

411. 张学波, 杨成凤, 宋金平, 等. 中国省际边缘县域经济差异空间格局演变// 经济地理. – 2015. – 35 (7). – 30-38. [Чжан, Сюэбо. Эволюция пространственной структуры экономических различий в межпровинциальных маргинальных округах Китая / Чжан Сюэбо, Ян Чэнфэн, Сун Цзиньпин и др. // Экономическая география. – 2015. – № 35 (7). – с. 30-38].

412. 张阳生, 周杜辉, 等. 基于ESDA-GIS的省际边缘区经济空间分异—以呼包鄂榆经济区为例 // 地理科学进展. – 2012. – 31(8): – 997-1004. [Чжан, Яниэн. Экономическая пространственная дифференциация межпровинциальных

окраин на основе ESDA-GIS — на примере экономической зоны Хух-Хото-Баотоу-Эю / Чжан Яншэн, Чжоу Духуэй и др. // Успехи географической науки. – 2012. – № 31 (8). – с. 997-1004].

413. 高翹, 王士君, 谭亮. 东北振兴以来吉林省区域经济差异的时空演变研究 // 地理科学. – 2017. – 37 (11). – 1712-1719. [Гао, Чжо. Исследование пространственно-временной эволюции региональных экономических различий в провинции Цзилинь с момента возрождения Северо-Восточного Китая / Гао Чжо, Ван Шицзюнь, Тан Лян // Географическая наука. – 2017. – № 37 (11). – с. 1712-1719].

414. 胡宇娜, 梅林, 魏建国. 基于GWR模型的中国区域旅行社业效率空间分异及动力机制分析 // 地理科学. – 2018. – 38 (1). – 107-113. [Ху, Юна. Анализ пространственной дифференциации и динамического механизма эффективности региональной туристической отрасли Китая на основе модели GWR / Ху Юна, Мэй Линь, Вэй Цзяньго // Географическая наука. – 2018. – № 38 (1). – с. 107-113].

415. 宋涛, 孙曼, 刘志高. 改革开放以来中国西南边境地区制度与产业协同演化研究—以云南勐腊为例 // 地理研究. – 2022. – 41 (3). – 633-646. [Сун, Тао. Исследование совместной эволюции институтов и отраслей в юго-западных приграничных районах Китая после реформы и открытости - на примере Менгла, Юньнань / Сун Тао, Сунь Ман, Лю Чжигао // Географические исследования. – 2022. – № 41 (3). – с. 633-646.]

Нормативные правовые акты

416. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. Утверждена постановлением

Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 717. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

417. О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 25.06.2022 N 1704-р. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

418. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474.

419. О специальных административных районах на территории Калининградской области и Приморского края [Электронный ресурс]: федеральный закон от 03.08.2018 N 291-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

420. О стратегическом планировании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 28 июня 2014 года, N 172- ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

421. Об изменениях, которые вносятся в Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 июня 2022 г. № 1704-р. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

422. Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28 декабря 2009 г. N 381-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

423. Об основах приграничного сотрудничества [Электронный ресурс]: федеральный закон от 26.07.2017 г. № 179-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

424. Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной

власти субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 25.04.2019 N 193. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

425. Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

426. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 31.03.2023 N 229. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

427. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. N 207-р. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

428. Федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002 – 2010 годы и до 2015 года)» [Электронный ресурс]: Утверждена постановлением Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 717. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Перечень геостратегических территорий Российской Федерации, представленный в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»¹³²

1 группа – субъект Российской Федерации, граничащий со странами, входящими в Европейский союз (эту группу образует только один регион – Ленинградская область);

2 группа – субъекты Российской Федерации, граничащие со странами, входящими в Евразийский экономический союз (Смоленская область, Алтайский край, Астраханская область, Волгоградская область, Курганская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Самарская область, Саратовская область, Тюменская область, Челябинская область);

3 группа – субъекты Российской Федерации, граничащие с другими странами (Республика Алтай, Республика Тыва, Краснодарский край, Белгородская область, Воронежская область, Курская область, Ростовская область);

4 группа – субъекты Российской Федерации, граничащие со странами, входящими в Евразийский экономический союз, а также с другими странами или странами, входящими в Европейский союз (Псковская область, Брянская область);

5 группа – субъекты Российской Федерации, характеризующиеся эксклавным положением (Республика Крым, город федерального значения Севастополь, Калининградская область);

---

¹³² Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. N 207-р.

6 группа – субъекты Российской Федерации, расположенные на Северном Кавказе (Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия - Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край);

7 группа – субъекты Российской Федерации, расположенные на Дальнем Востоке (Республика Бурятия, Республика (Саха) Якутия, Забайкальский край, Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Еврейская автономная область, Магаданская область, Сахалинская область, Чукотский автономный округ);

8 группа – субъекты и части субъектов Российской Федерации, входящие в Арктическую зону Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. N 296 "О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации".

Приложение В

Разделение российских приграничных регионов по типам на основе принципа комлимитизма

Регион	Сопредельные страны	Тип	Регион	Сопредельные страны	Тип
Белгородская обл.	Украина	II	Ростовская обл.	Украина	II
Брянская обл.	Украина	II	Оренбургская обл.	Казахстан	IV
Воронежская обл.	Украина	II	Самарская обл.	Казахстан	III
Курская обл.	Украина	II	Саратовская обл.	Казахстан	IV
Смоленская обл.	Белоруссия	IV	Курганская обл.	Казахстан	IV
Респ. Карелия	Финляндия	II	Тюменская обл.	Казахстан	IV
Архангельская обл.	Норвегия (морская граница)	I	Челябинская обл.	Казахстан	IV
Калининградская обл.	Польша, Литва	IV (II)	Респ. Алтай	Казахстан, Китай, Монголия	IV
Ленинградская обл.	Финляндия, Эстония	II	Респ. Бурятия	Монголия	IV
Мурманская обл.	Норвегия, Финляндия	II	Респ. Тыва	Монголия	IV
Псковская обл.	Белоруссия, Эстония, Литва	IV (II)	Алтайский край	Казахстан	IV
Респ. Дагестан	Грузия, Азербайджан	I	Новосибирская обл.	Казахстан	IV
Респ. Ингушетия	Грузия	I	Омская обл.	Казахстан	IV
Кабардино-Балкарская Респ.	Грузия	I	Забайкальский край	Монголия	IV
Карачаево-Черкесская Респ.	Абхазия, Грузия	I	Респ. Саха (Якутия)	Морские границы	I
Респ. Северная Осетия - Алания	Грузия, Южная Осетия	I	Камчатский край	США	I
Чеченская Респ.	Грузия	I	Приморский край	КНР, КНДР, Японское море	III
Краснодарский край	Абхазия	III	Хабаровский край	КНР, Японское море	III
Респ. Крым	Украина	II	Амурская обл.	КНР	III
Респ. Калмыкия	Казахстан	III	Сахалинская обл.	Япония	I
Астраханская обл.	Казахстан	III	Еврейская автономная обл.	КНР	I
Волгоградская обл.	Казахстан	III	Чукотский АО	США	I

Приложение С

Таблица 1

Расчетные значения индекса граничной линии

Регион	Сопредельные страны	I_{bl}^i	Регион	Сопредельные страны	I_{bl}^i
Белгородская обл.	Украина	0,47	Ростовская обл.	Украина	0,24
Брянская обл.	Украина	0,51	Оренбургская обл.	Казахстан	0,43
Воронежская обл.	Украина	0,07	Самарская обл.	Казахстан	0,05
Курская обл.	Украина	0,22	Саратовская обл.	Казахстан	0,26
Смоленская обл.	Белоруссия	0,32	Курганская обл.	Казахстан	0,28
Респ. Карелия	Финляндия	0,30	Тюменская обл.	Казахстан	0,06
Архангельская обл.	Норвегия (морская граница)	0,36	Челябинская обл.	Казахстан	0,31
Калининградская обл.	Польша, Литва	1,00	Респ. Алтай	Казахстан, Китай, Монголия	0,40
Ленинградская обл.	Финляндия, Эстония	0,41	Респ. Бурятия	Монголия	0,20
Мурманская обл.	Норвегия, Финляндия	0,56	Респ. Тыва	Монголия	0,45
Псковская обл.	Белоруссия, Эстония, Литва	0,46	Алтайский край	Казахстан	0,47
Респ. Дагестан	Грузия, Азербайджан	0,49	Новосибирская обл.	Казахстан	0,13
Респ. Ингушетия	Грузия	0,13	Омская обл.	Казахстан	0,35
Кабардино-Балкарская Респ.	Грузия	0,17	Забайкальский край	Монголия	0,36
Карачаево-Черкесская Респ.	Абхазия, Грузия	0,25	Респ. Саха (Якутия)	Морские границы	0,27
Респ. Северная Осетия - Алания	Грузия, Южная Осетия	0,25	Камчатский край	США	0,42
Чеченская Респ.	Грузия	0,11	Приморский край	КНР, КНДР, Японское море	0,69
Краснодарский край	Абхазия	0,17	Хабаровский край	КНР, Японское море	0,38
Респ. Крым	Украина	0,80	Амурская обл.	КНР	0,24
Респ. Калмыкия	Казахстан	0,09	Сахалинская обл.	Япония	0,05
Астраханская обл.	Казахстан	0,49	Еврейская автономная обл.	КНР	0,52
Волгоградская обл.	Казахстан	0,13	Чукотский АО	США	0,01

Таблица 2

Расчетные значения индекса приграничного взаимодействия

Регион	Сопредельные страны	Значение	Регион	Сопредельные страны	Значение
Белгородская обл.	Украина	0,79	Ростовская обл.	Украина	0,82
Брянская обл.	Украина	0,36	Оренбургская обл.	Казахстан	0,43
Воронежская обл.	Украина	0	Самарская обл.	Казахстан	0
Курская обл.	Украина	0,21	Саратовская обл.	Казахстан	0,07
Смоленская обл.	Белоруссия	0	Курганская обл.	Казахстан	0,21
Респ. Карелия	Финляндия	0,25	Тюменская обл.	Казахстан	0,04
Архангельская обл.	Норвегия (морская граница)	0,07	Челябинская обл.	Казахстан	0,21
Калининградская обл.	Польша, Литва	0,82	Респ. Алтай	Казахстан, Китай, Монголия	0
Ленинградская обл.	Финляндия, Эстония	0,54	Респ. Бурятия	Монголия	0,32
Мурманская обл.	Норвегия, Финляндия	0,21	Респ. Тыва	Монголия	0,36
Псковская обл.	Белоруссия, Эстония, Литва	0,50	Алтайский край	Казахстан	0,43
Респ. Дагестан	Грузия, Азербайджан	0,21	Новосибирская обл.	Казахстан	0,07
Респ. Ингушетия	Грузия	0	Омская обл.	Казахстан	0,25
Кабардино-Балкарская Респ.	Грузия	0	Забайкальский край	Монголия	0,43
Карачаево-Черкесская Респ.	Абхазия, Грузия	0	Респ. Саха (Якутия)	Морские границы	0
Респ. Северная Осетия - Алания	Грузия, Южная Осетия	0,07	Камчатский край	США	0
Чеченская Респ.	Грузия	0	Приморский край	КНР, КНДР, Японское море	1
Краснодарский край	Абхазия	0,39	Хабаровский край	КНР, Японское море	0,29
Респ. Крым	Украина	0,61	Амурская обл.	КНР	0,36
Респ. Калмыкия	Казахстан	0	Сахалинская обл.	Япония	0,46
Астраханская обл.	Казахстан	0,14	Еврейская автономная обл.	КНР	0,11
Волгоградская обл.	Казахстан	0	Чукотский АО	США	0,21

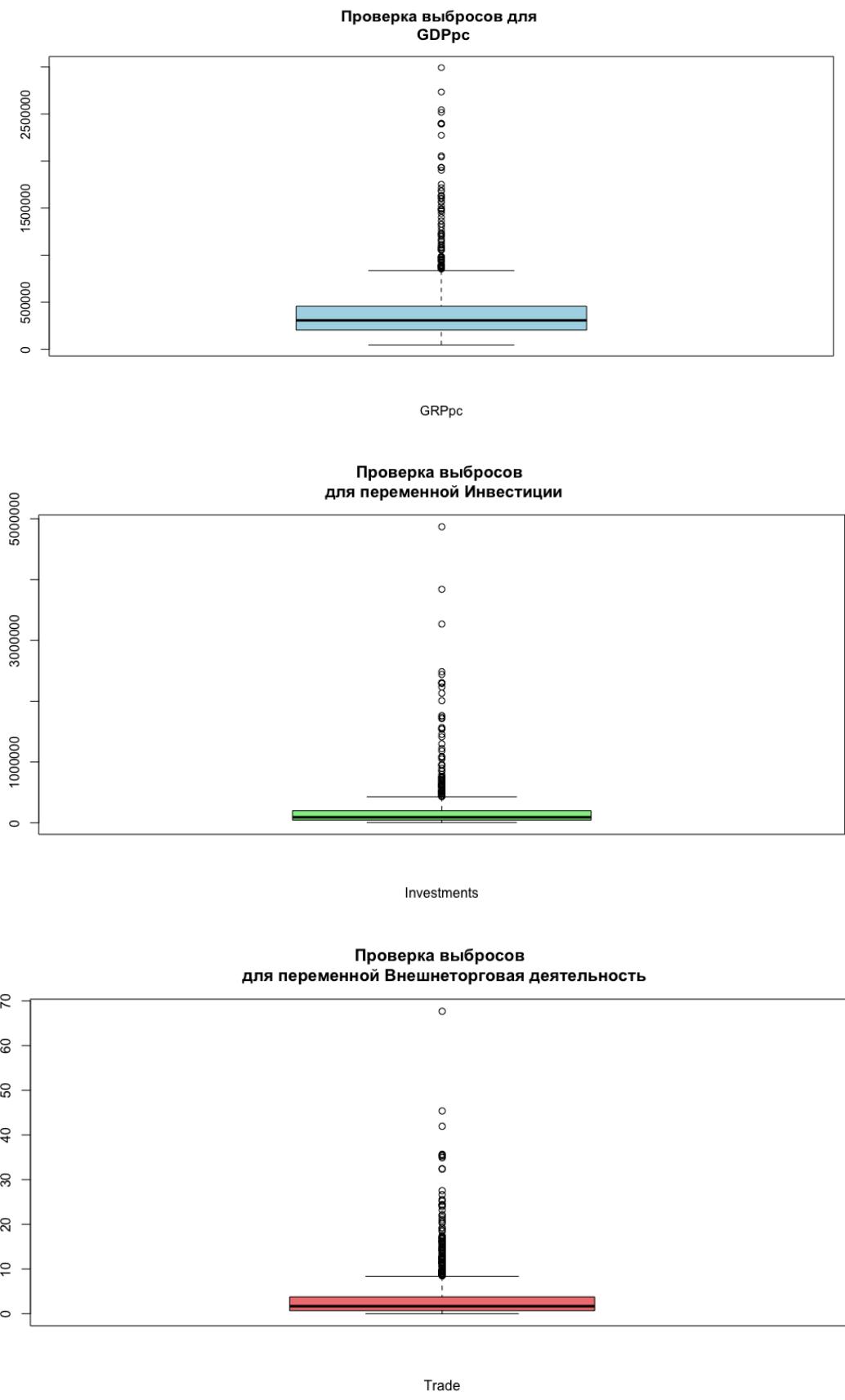
Таблица 3

Расчетные значения интегрального индекса приграничного положения

Регион	I_{bl}^i	Ранг	Регион	I_{bl}^i	Ранг
Калининградская область	0,91	1	Республика Бурятия	0,26	24
Приморский край	0,84	2	Сахалинская область	0,26	25
Республика Крым	0,70	3	Курганская область	0,25	26
Белгородская область	0,63	4	Архангельская область	0,22	27
Ростовская область	0,53	5	Курская область	0,21	28
Псковская область	0,48	6	Камчатский край	0,21	29
Ленинградская область	0,47	7	Республика Алтай	0,20	30
Алтайский край	0,45	8	Саратовская область	0,16	31
Брянская область	0,43	9	Смоленская область	0,16	32
Оренбургская область	0,43	10	Республика Северная Осетия Алания	0,16	33
Севастополь (ГФЗ)	0,43	11	Красноярский край	0,14	34
Республика Тыва	0,40	12	Респ. Саха (Якутия)	0,13	35
Забайкальский край	0,40	13	Карачаево-Черкесская Респ.	0,12	36
Мурманская область	0,39	14	Чукотский АО	0,11	37
Республика Дагестан	0,35	15	Новосибирская обл.	0,10	38
Хабаровский край	0,33	16	Кабардино-Балкарская Респ.	0,08	39
Астраханская область	0,32	17	Респ. Ингушетия	0,07	40
Еврейская автономная обл.	0,31	18	Волгоградская обл.	0,06	41
Омская область	0,30	19	Чеченская Респ.	0,05	42
Амурская область	0,30	20	Тюменская обл.	0,05	43
Краснодарский край	0,28	21	Респ.Калмыкия	0,05	44
Республика Карелия	0,28	22	Воронежская область	0,04	45
Челябинская область	0,26	23	Самарская область	0,02	46

Приложение D

Проверка выбросов для переменных ВРП на душу населения, инвестиций и внешнеторговой обеспеченности, используемых в регрессионных уравнениях

Приложение E

Корреляционная матрица для всех используемых переменных

```
> correlation_matrix <- cor(data, method = "spearman")
> correlation_matrix
      id      year     GRPpc investments      trade      index dummy_location      exp      imp
id 1.00000000 0.000000000 0.126942623 0.02180330 0.31982122 0.228688448 0.252432323 0.03341313 -0.2230620254
year 0.00000000 1.000000000 0.610801876 0.20758803 0.12588069 0.000000000 0.000000000 0.07132011 0.0002585039
GRPpc 0.12694262 0.6108018758 1.000000000 0.57697848 0.42924074 -0.003504116 -0.047955069 0.57370361 0.3512681607
investments 0.02180330 0.2075880334 0.576978476 1.000000000 0.28285983 -0.019942086 -0.056085993 0.82279684 0.7348761170
trade 0.31982122 0.1258806915 0.429240742 0.28285983 1.000000000 -0.022796578 -0.011613766 0.54948306 -0.0449671312
index 0.22868845 0.0000000000 -0.003504116 -0.01994209 -0.02279658 1.000000000 0.903991382 -0.04057959 -0.0153605973
dummy_location 0.25243232 0.0000000000 -0.047955069 -0.05608599 -0.01161377 0.903991382 1.000000000 -0.10411832 -0.1263994928
exp 0.03341313 0.0713201086 0.573703609 0.82279684 0.54948306 -0.040579590 -0.104118315 1.000000000 0.7611367953
imp -0.22306203 0.0002585039 0.351268161 0.73487612 -0.04496713 -0.015360597 -0.126399493 0.76113680 1.0000000000
nauka -0.03080595 0.1507223159 0.456771990 0.79344805 0.12944212 -0.189141736 -0.193680796 0.68351905 0.7126128434
share_of_L 0.09482619 -0.5032875827 0.002496711 0.06208439 0.04470913 -0.020390684 0.002130908 0.17517526 0.1469035034
index_border_GRP 0.23296077 0.0171077986 0.019278636 -0.00937047 -0.01051614 0.999192657 0.903849811 -0.02913850 -0.0113626345
Incpc 0.06971485 0.6763266237 0.898935744 0.52190260 0.27012911 0.028606715 -0.006012892 0.44339694 0.2963458940
                           nauka share_of_L index_border_GRP Incpc
id -0.03080595 0.054826187 0.23296077 0.069714845
year 0.15072232 -0.503287583 0.01710780 0.676326624
GRPpc 0.45677199 0.002496711 0.01927864 0.898935744
investments 0.79344805 0.062084394 -0.00937047 0.521902598
trade 0.12944212 0.044709134 -0.01051614 0.270129106
index -0.18914174 -0.020390684 0.99919266 0.028606715
dummy_location -0.19368080 0.002130908 0.90384981 -0.006012892
exp 0.68351905 0.175175263 -0.02913850 0.443396944
imp 0.71261284 0.146903503 -0.01136263 0.296345894
nauka 1.00000000 0.078933254 -0.18240507 0.424992794
share_of_L 0.07893325 1.000000000 -0.01635993 -0.030653019
index_border_GRP -0.18240507 -0.016359926 1.00000000 0.049748617
Incpc 0.42499279 -0.030653019 0.04974862 1.000000000
```